

Королева Теней

Книга 2

Клинком и сердцем

Том 1

Часть первая

«Пламя над столицей» Глава 1. Ужин у костра и завтрак под апельсинами

Последний ночлег перед столицей у отряда Аластора случился в лесу. К вечеру д'Альбрэ стало совсем нехорошо. Его рука, подранная демоном, распухла так, что пришлось разрезать рукав камзола, а по смуглому лицу катился пот, который месьор старался незаметно смахивать.

– Пустое, – упрямо и раздраженно повторил он в ответ на беспокойство Аластора. – Всего лишь небольшая лихорадка. Мэтр Винс дал мне капли.

Аластор кивнул, но, когда солнце садилось, а до постоянного двора оставалось еще часа четыре пути, решительно свернул к опушке леса, мимо которой они как раз проезжали.

– У Искры что-то с копытом, – небрежно обронил он. – Лучше я здесь посмотрю и поправлю, чем она потеряет подкову и захромает к утру. Да и перекусить не помешало бы.

Против обыкновения месьор не отпустил обычную колючку насчет дорвенантских дорог, по которым можно ехать неделю и не встретить ни одного постоянного двора, не то что в благословенной Фрагане. Послушать бывшего бретера, так на его родине даже лесные ручьи текли не водой, а превосходным вином, перепела летали уже жареными, а все трактирщицы были юны и прекрасны. Однако сейчас д'Альбрэ молча покинул седло, зябко присел к торопливо разведенному костру, и полегло ему только после капель мэтра Винса, которые фраганец щедро запил карвейном.

Дождавшись, когда щеки наставника порозовели, Аластор почтительно подсунул ему лепешку с мясом и еще кружку горячего вина.

– Благослови вас Пресветлый Воин, юноша, – вздохнул фраганец. – Мне, право, неловко, что из-за меня вы задерживаетесь в пути.

– Пустое, как вы говорите, – улыбнулся Аластор, старательно скрывая беспокойство. – Прибудем в Дорвенну на несколько часов позже, не стоит и говорить об этом. Мы и так потратим на дорогу всего сутки вместо трех дней! Я не думал, что путешествовать с каретой настолько медленно, но матушка, Мэнди и Лорри не слишком любят верховую езду... Зато посмотрите, какая ночь! Звезды можно рукой достать, а где-то рядом цветут дикие яблони.

Он потянул носом душистый ночной воздух, и месьор наконец усмехнулся.

– Романтика юности! Вот будете в моем возрасте, станете ценить мягкую постель и приличный ужин, а не ночевки в лесу.

Потом тоже вдохнул благоухание, долетавшее с опушки, и едва уловимо помягчел лицом, уронив:

– Надо же, почти как в моем родном Лузиньоне. У нас тоже, когда цвели сады...

И осекся.

Молча выпил горячее вино, завернулся в плащ и улегся на заботливо подстеленные Аластором попоны. А вот Аластору не спалось. Отойдя от костра, чтобы не шуметь, он достал скребок и почистил Искру. Дело это было безнадежное, все равно завтра успеет испачкаться, но шумное дыхание и тепло большого лошадиного тела приятно успокаивали. Вернувшись к костру, он снова сунул кружку с вином на угли, забыл про нее, рассеянно глядя в язычки пламени, пляшущего на

сучьях, и спохватился, когда вино плеснуло через край, зашипев.

Пить его, такое горячее, было невозможно, и Аластор, вздохнув, отставил кружку, мимолетно позавидовав конюхам, которые поужинали и завалились спать. Вот уж у кого голова не трещит от мыслей. Лорд сказал, что надо ехать в столицу за помощью, они и едут. Их дело – развести костер, присмотреть за лошадьми да взять в руки дубинки, если по дороге встретится какая-то опасность. А думать – это дело лорда...

– Что, юноша, не спится?

Месьор привстал, сел к костру. Пригубил вино, перегретое Аластором, поморщился и отставил кружку снова. Ну да, хмель испарился.

– Не спится, – признал Аластор. – На душе нехорошо. Прорыв этот... И вообще...

– Особенно «и вообще», – кивнул фраганец. – Она вам так и не написала за все эти годы?

Аластор покачал головой, потом нехотя отозвался:

– Ей тоже могли запретить, как и мне. И наверняка запретили. Девушка должна думать о репутации, это я... неизвестно чем думал.

– В иной ситуации я бы сказал, чем именно вы думали, – заметил месьор д'Альбрэ. – Но, кажется, это не тот случай. Сколько ей сейчас, уже семнадцать?

– Почти восемнадцать, – тихо ответил Аластор. – Я немного ошибся, можно было ехать в столицу еще в прошлом году. Но... я не знаю, стоит ли. Детская дружба... Да еще и с девочкой. Знаете, месьор, больше всего я боюсь, что увижу Айлин, а она... стала такой, как мои сестры. Легкомысленной. Пустой. Или как все эти девушки, с которыми меня знакомили. У них в голове только наряды и замужество.

– Полагаете, это так плохо? – мягко спросил д'Альбрэ. – Замужество – самое главное в женской судьбе, такими боги создали прекрасную половину человечества. Семья и дети – это продолжение рода и украшение жизни.

– Я думаю, – упрямо сказал Аластор, – должно быть что-то еще. Айлин – магесса, она сама говорила, что мечтает стать преподавательницей в Академии. Может, дело в этом, но с ней всегда было... интересно. Не как с девушкой, а само по себе. Она умная, веселая, добрая. Истинная леди, хоть и пыталась это скрывать. Вот еще странно, кстати. Я так и не узнал, почему она не любит свою семью настолько, что в двенадцать лет попыталась уйти из рода. В двенадцать! Сразу после смерти отца. И из какого рода! Вы же знаете, что такое Три Дюжины.

– О да... – негромко отозвался фраганец. – Ваш мэтр-командор и его маги переломили судьбу войны, когда дело уже казалось решенным. Впрочем, неважно. Я никогда особенно не стремился к военной карьере, просто для младшего сына это самый легкий путь устроить свою жизнь.

– Я все хотел спросить, месьор д'Альбрэ, – помолчав, сказал Аластор, пытаясь отвлечься от неприятных мыслей. – Как получилось, что вы приняли предложение моего отца? Да еще сразу после войны. Если это не тайна, конечно!

– Теперь не тайна, – усмехнулся фраганец, удобнее устроившись возле огня. – Думаю, мы оба понимаем, что моя роль при вас уже чистая формальность. Всему, что я мог вам преподать, вы научились. И даже гораздо большему, судя по недавним событиям. Это, оказывается, очень приятно – гордиться учеником. Ну-ну, юноша, не смущайтесь так. Заслуженную похвалу следует принимать с тем же достоинством, что и порицание. – Он все-таки пригубил вина из кружки и продолжил: – Что касается моего согласия, это история поучительная, но весьма неприятная. Вы ведь поняли, что я был военнопленным?

Аластор кивнул, осторожно вглядываясь в чеканный горбоносый профиль фраганца, темный на фоне золотого пламени костра.

– Обычное дело на войне, – поморщившись, бросил д'Альбрэ. – Наш полк разбили в самом конце, когда уже все было ясно. Офицеров отправили в ближайший городок, взяли слово чести не бежать, и мы спокойно ждали заключения мира и обмена пленными или выкупа. Только нам не повезло с комендантом гарнизона, при котором мы содержались. Редкостной мразью оказался... Долго

рассказывать, да и противно. Мы терпели, пока он не перешел черту, приказав выпороть одного лейтенанта из моей роты, совсем еще юнца. Тот, видите ли, небрежно поклонился при встрече.

– Выпороть? – недоверчиво вскинулся Аластор. – Дворянина?!

– Именно, – кивнул д'Альбрэ. – Мальчишка поклялся, что либо убьет его, либо покончит с собой. И он бы выполнил клятву, я хорошо его знал. Разумеется, потом его бы казнили, а он единственный сын вдовы... И наверняка мои товарищи взбунтовались бы, а с пленными в таких случаях не церемонятся. Впрочем, дело даже не в этом. Признаюсь, я просто не сдержался. Даже рапиру можно сломать, а терпение дворянина куда более хрупкая вещь.

– И что вы сделали? – спросил Аластор, уже подозревая ответ.

– Убил коменданта, – просто и спокойно ответил фраганец. – Вызов на дуэль от пленного он бы никогда не принял, так что пришлось воспользоваться обычным столовым ножом. Отвратительно получилось, но в поднявшейся суматохе про лейтенанта забыли, чего я и добивался. Думаю, меня бы повесили прямо там и немедленно, убийцам не оказывают воинские почести вроде расстрела. Но Пресветлый в милости своей отсыпал мне удачи, в этот день как раз подписали мир. Новый комендант решил свалить заботу на чужие плечи, и меня отправили в столицу, передав дело на рассмотрение в канцелярию его величества Малкольма Дорвенантского.

– Это... бесчестно, – дрогнувшим голосом сказал Аластор.

– Что именно? – с искренним интересом спросил д'Альбрэ. – То, что я сделал? Разумеется.

– Да нет же! То, что собирался сделать этот комендант! – Аластор едва не вскочил от возмущения, но все-таки удержался. – А вы просто защищали свою честь и честь этого лейтенанта!

– Убийство всегда низость, если не освящено традициями войны или дуэли, – усмехнулся д'Альбрэ. – Легко определиться между бесчестием и честью. Но дай боги, юноша, чтобы вам никогда не пришлось выбирать между разными видами подлости, зная, что без выбора не обойтись. Когда я это делал, то был совершенно уверен, что меня казнят, и до сих пор считаю это правильным. Человек чести не должен становиться убийцей. Но жизнь, увы, гораздо сложнее, чем все кодексы благородства. Меня определенно казнили бы, к тому все шло. Ну, разве что заменили бы повешение расстрелом, учитывая обстоятельства. Но тут нашему почтенному батюшке понадобился подходящий человек, и он обратился к лорду-канцлеру Аранвену. Нам устроили встречу, дальше все понятно, я полагаю?

– Нет, – мрачно сказал Аластор. – Если вас принудили взять меня в ученики, это... тоже неправильно. Вы потратили столько лет на мое обучение! А могли бы давно вернуться домой. Лорд-канцлер должен был вас просто отпустить!

– Вы удивительно похожи на своего отца, юноша, – сказал д'Альбрэ задумчиво. – Полагаю, самой большой удачей в моей жизни была именно эта встреча. Не буду лукавить, я согласился бы тренировать вас просто за отмену смертного приговора, посчитав это выгодной сделкой. Бывает судьба и похуже, чем несколько лет провести в поместье учителем фехтования. Но лорд Вальдерон был столь великодушен, что сначала взял меня на поруки, узнав обстоятельства дела, а потом, когда бумаги о помиловании были уже подписаны, отдал их мне. И сказал, что услугу, о которой он хотел бы просить, можно оказать только по доброй воле. Просить, понимаете, юный лорд? Я мог бы, пожалуй, отказать человеку, который спас мне жизнь, потому что в тот момент... не слишком хорошо думал о большинстве дорвенантцев. Но отказать человеку, который пощадил мою гордость? У вас удивительный отец, юноша, гордитесь им.

Он отпил из кружки, покачал ее в пальцах и продолжил, не глядя на затаившего дыхание Аластора:

– Мы договорились, что я встречу с вами и тогда дам ответ. Разумеется, я бы не отказался. И,

разумеется, мы оба это понимали. Но... учить можно по-разному. Как-то в одном старом итлийском трактате по фехтованию я встретил слова: «Чтобы рапира ученика пела в его руке без фальши, тон ей должно задавать сердце учителя». Итлийцы... Они склонны к излишним красотам, но толк в хорошем фехтовании знают, этого не отнять.

Фраганец улыбнулся с обычной иронией, но Аластор понимал, чего ему стоила эта откровенность. Д'Альбрэ редко и неохотно рассказывал о себе, лишь по редким обмолвкам, как из кусочков разрозненной мозаики, Аластор сложил общую картину, что его наставник – то ли третий, то ли четвертый сын небогатого дворянина, в роду которого военное дело и бретерство – главный источник дохода уже несколько поколений. Что в армию д'Альбрэ пошел не только в поисках славы и чинов, была в его прошлом вражда с каким-то могущественным врагом, то ли из-за женщины, то ли по причине менее романтической. Во всяком случае, во Фрагане, которую бывший бретер обожал, его никто не ждал, и сам д'Альбрэ пару раз грустно шутил, сравнивая родину с равнодушной и ветреной возлюбленной.

Но Аластору в голову не приходило, что его отец попросту спас фраганцу жизнь и, более того, предложил вполне достойную дворянина службу.

– Месьор д'Альбрэ, – сказал он тихо и очень осторожно. – Я могу только надеяться, что вы не слишком жалеете о времени, которое на меня потратили. И я... всегда буду вам благодарен за уроки. За все уроки, понимаете?

Фраганец молча кивнул. А потом сказал, едва размыкая губы, словно смертельно устал:

– Не сомневайтесь, юный лорд, я ни о чем не жалею. Это было хорошее время. Ваш отец принял меня не как наемника, а как друга. Я никогда этого не забуду. Знаете, за эти несколько лет я даже пару раз думал, что сам могу встретиться с лордом Бастельеро и обсудить некоторые вопросы... военной теории.

– Месьор! – вскинулся возмущенный Аластор, и д'Альбрэ ответил мягкой усмешкой без тени его привычной колкости.

– Успокойтесь, юноша. Я же понимаю, что вы не простили бы мне этого при любом исходе нашей с ним дуэли. Нельзя отнимать у человека победу, ради которой он готов не просто отдать жизнь, но еще пять лет вставать на рассвете и бегать вокруг усадьбы, а потом терпеть меня на каждой тренировке.

Он тихо рассмеялся, глядя на сконфуженного Аластора, налил себе еще вина, а потом серьезно добавил:

– К тому же я теперь гораздо меньше переживаю за результат вашей с ним встречи. Но все-таки будьте осторожны. Судя по тому, что я знаю о Бастельеро, он привык легко перешагивать через чужие жизни, и я сейчас не о военных действиях. Некоторые мои знакомые, которым случалось встречаться с вашим главнокомандующим лично, считают его человеком надменным, обидчивым, злопамятным и очень могущественным. Опасное сочетание. Чтобы скрестить с ним рапиры, вам еще нужно до этого дожить. Я спросил вас пять лет назад и спрашиваю снова: вы уверены, что вам необходимо с ним драться? Теперь, когда вы повзрослели и, надеюсь, поумнели, вы все так же убеждены, что это было оскорбление, стоящее смертельной дуэли? Потому что с такими, как Бастельеро, нужно драться насмерть, либо не драться вообще. В живых подобных врагов оставлять нельзя.

– Я... не знаю, – тихо отозвался Аластор. – Месьор, теперь я понимаю, что лорд Бастельеро во многом был прав. Собственно, я и тогда понимал это. Мои действия по отношению к репутации леди Айлин были... мальчишеской дуростью, если уж честно. Я оскорбился не тем, что он сделал, а тем, как он это сделал. Если бы тогда он отнесся ко мне как к равному, если бы увидел во мне что-то достойное, я... я бы сам просил у него прощения и был благодарен за урок, понимаете? Как... тогда с вами, в нашу первую встречу.

– Понимаю, – уронил д'Альбрэ. – Но люди меняются. Я про вас, а не про него. Аластор, вы ведь доверяете мне в вопросах чести? Нет ничего постыдного в том, чтобы признать ошибку. Напротив, для этого нужно гораздо больше храбрости, чем для упрямства. Победить свою гордость – это тоже победа, причем из величайших. И если вы найдете в себе мужество при встрече с Бастельеро

извиниться за глупость мальчишки, которым были когда-то, и ваш отец, и я оценим это по достоинству.

– Нет, месьор, – так же тихо, но ровно сказал Аластор. – Поймите правильно, я не буду искать намеренной ссоры с лордом Бастельеро. И я... я бы даже извинился. Но я уверен, что мы с ним еще столкнемся, и ничего хорошего из этого не выйдет. Поэтому я не буду бросать свою гордость под ноги человеку, который вытрет об нее сапоги, приняв за трусость.

Костер сыпал золотыми искрами, от него веяло приятным теплом, и Аластор протянул к огню руки. Д'Альбрэ вздохнул, а потом отсалютовал ему полной кружкой и сказал:

– Тогда за вашу удачу, юный лорд. И дайте Семеро, чтобы вы никогда не пожалели об исполнении своих желаний.

* * *

– Так тебя, значит, зовут Пепе, мой милый красавчик? – спросил синьор и потрепал его по коленке потной рукой.

– Да, грандсиньор, – ответил Лучано и скромно потупился.

Про себя он пожелал синьору с его липкими прикосновениями провалиться прямо к Барготу. Ждать оставалось недолго, по расчетам Лучано эта встреча должна была состояться на следующей улице, и Баргот явно заждался!

– И тебе всего шестнадцать? – продолжал допытываться синьор. – Врешь, наверное? Ну, самую капельку, а?

– Если только капельку, грандсиньор, – смущенно отозвался Лучано, на всякий случай не поднимая лица.

– Пару лет уж точно убавил, – усмехнулся синьор, страшно гордый своей проницательностью, и Лучано виновато улыбнулся.

Ну, допустим, далеко не пару. Белокурый парик стоил каждого скудо, заплаченного пожилому молчаливому артефактору, а при его светлых глазах светлые волосы еще сильнее молодят. Вдобавок, легкий, почти прозрачный грим делал кожу Лучано совсем юной, хотя ему и так никто не давал двадцати шести. Разве что по взгляду, но... кто из благородных станет заглядывать в глаза шлюхе, м? То-то и оно...

Поэтому Лучано вполне выглядел на шестнадцать, особенно в цветастой рубашке, нарочно подобранной на пару размеров больше, чтобы плечи казались худыми. Но синьор пусть порадуется своему уму, это полезно. Успокаивает.

Большая карета плавно покачивалась на рессорах. Двое охранников ехали верхом по бокам от нее, бдительно вглядываясь в темноту ночной Верокьи.

Один из них полчаса назад старательно обыскал Лучано, перед тем как пустить его внутрь по вальяжному жесту хозяина. Нашел и забрал небольшой ножик, ничуть не удивившись его наличию, совсем напротив. В портовом районе без ножа не улицу не выходит ни один мужчина старше трех лет и в своем уме, даже те из них, что стоят на Жасминовой аллее с размалеванными мордашками.

Лучано думал, что на всякий случай заберут вообще все: простенький браслет из медной проволоки, медный же сноп колосьев на шнурке – любовно начищенный символ Всеблагой Матери, болтающийся у него на шее под рубашкой, и дешевые резные шпильки из апельсинового дерева, которыми он кое-как заколол растрепанную белокурую копну. Ждал и был к этому готов, но охранник лишь скользнул по его безделушкам равнодушно презрительным взглядом.

– Ну и как же ты оказался на улице, Пепито? – спросил синьор, разглядывая его с жадным блеском в темных глазах навывкате. – Такой славный паренек... Сирота, наверное?

– Да, грандсиньор, – покорно кивнул Лучано, прислушиваясь к цокоту копыт за тонкими шелковыми занавесями. – Меня воспитал один... великодушный человек, а потом... ну, вы понимаете...

– Обычное дело, – скушаяще махнул его собеседник пухлой рукой с перстнями. – Ох уж эти великодушные господа.

И снова усмехнулся, поняв недомолвки именно так, как должен был, в меру собственного разума. Конечно, перед ним один из неисчислимого множества мальчишек и девчонок, подкидышей или сирот, взятых на воспитание, а потом развращенных и отправленных на заработки. Как же иначе? На указательном пальце синьора красовался артефактный перстень с камнем, меняющим цвет от произнесенной вслух лжи, поэтому Лучано не мог врать напрямую, но в этом и не было нужды. Его в самом деле воспитал человек величайшей души!

Синьор снова потянулся погладить его по коленке, и тут Лучано по качанию кареты понял, что они свернули на нужную улицу. Про себя досчитал до трех и мягко отвел чужую руку.

Синьор напрягся, глянул недоуменно, и тут Лучано качнулся вперед, вынимая из волос длинную шпильку. Апельсиновое дерево твердое. Шпилька вошла в темный блестящий глаз синьора с едва слышным влажным звуком, а Лучано прошептал, как хотел заказчик:

– Джузеппе передает тебе привет, старый мерзавец. И желает вечных объятий Баргота.

Не вытаскивая шпильку, он подождал еще мгновение, пока грузный синьор, любитель светловолосых мальчиков и недруг некоего Джузеппе, обмякнет на сиденье, слепо глядя оставшимся глазом в потолок кареты. Вторая шпилька не потребовалась, мгновение, когда душа покидает убитого, Лучано за столько лет научился определять безошибочно.

Дернув ручку, он распахнул дверцу, и внутрь просунулась усатая голова на широких плечах – охранник наклонился прямо с лошади.

– Синьор... – начал он и осекся.

– Он занят и просил не беспокоить, – ослепительно улыбнулся Лучано.

Дернул охранника на себя, добавив ладонью по уху, и выскользнул мимо него на улицу. Одним прыжком оказался в черном провале арки, возле которой остановилась карета. Свернул за нее, бродячим котом взлетел по узкой лестнице, ведущей на крышу, но не вылез на нее, а по карнизу перемахнул на соседнюю. Знакомые пластины черепицы уверенно ложились под ноги, высокие гребни прикрывали его тенью от лунного света. Лучано мог бы промчаться по крышам до конца квартала, а потом без труда перебраться в другой, но замер, притаившись.

Внизу орали, поминая барготово отродье, звали стражу и недоумевали, куда подевался продажный щенок. Перечисляли кары, которым подвергнут, когда поймают, обвиняли друг друга – решительно ничего нового или полезного.

Однако Лучано добросовестно дождался появления патруля, от которого немедленно потребовали поймать мальчишку лет шестнадцати со светлыми волосами, одетого как шлюха, с лицом как у шлюхи, работающего... да шлюхой, разумеется, Баргота вам под одеяло!

Усталый сонный стражник огрызнулся, резонно заметив, что в трех кварталах отсюда этих шлюх разного пола – сотни три на выбор, причем на одной только Жасминовой аллее. И не пойти ли

господам самим их половить? Там и светловолосых вдоволь найдется, а уж лет шестнадцати – половина, не меньше, даже те, кто на самом деле старше его бабушки. И всяко от этого будет больше пользы, чем стоять на месте и ждать стражу, которая без того с ног сбивается. Непонятно, за что платил покойник, если при такой бдительной охране его прирезал мальчишка и сбежал от пары всадников, не считая кучера и лакея на запятках.

Уязвленные охранники ответили про потерявших нюх сторожевых псов, которым бы только щипать торговцев, а потом коротать смену в ближайшей траттории, пока на улицах делается невесть что.

– И не на улице, а в собственной карете вашего синьора, – отозвался входящий во вкус перебранки стражник. – Может, вы хотите, чтобы мы каждую карету проверяли, не творится ли там какое непотребство? Кто его туда запустил, этого щенка? Покойник или вы сами, синьоры? Еще неизвестно, кто здесь настоящий убийца...

Дальше Лучано слушать не стал, потому что представление могло затянуться надолго, а за крышами уже показалась узкая розовая полоска – предвестник рассвета. Он по-змеиному отполз подальше, пробрался теми же тенями к дальней лестнице и спустился на другую улицу. Прошел по ней до конца квартала, свернул и прошагал еще три. Пересек по мостику узкую ленту воды – один из притоков Льяметты, шмыгнул в полуприкрытую дверь трактира, где хмурый хозяин провел его в каморку с умывальником и сундуком.

Через четверть часа трактир покинул молодой темноволосый горожанин очень пристойного облика. Слегка пахнувший вином, потому что засиделся с друзьями за игрой в карты и беседой, но кто не был юн и беспечен, синьоры?

Беззаботно улыбаясь, Лучано дошел до ближайшей стоянки портшезов, нанял носильщиков и со всеми удобствами прокатился до южной окраины Верокьи, откинувшись на сиденье и любясь восходящим солнцем. Велев носильщикам остановиться перед Мостом Поцелуев, он расплатился и прыгнул на каменную мостовую, золотящуюся в рассветных лучах, словно выпечка, которой славилось это место.

Длинный мост, кошачьей спиной выгнувшийся над Ромериньей, младшей дочерью Льяметты, по утрам был еще свободен от влюбленных парочек, что появлялись тут на вечерней заре. До обеда его заполняли торговцы, и поставить лоток на Поцелуйном мосту было настолько почетно и выгодно, что это могли себе позволить только самые лучшие мастера. И даже самого дождя вряд ли баловали такими яствами, которые можно было купить здесь прямо с пылу с жару.

– Копченые колбаски! С чесноком, с перцем, с майораном! Ах, синьор, отведайте этих колбасок, и ваша мужская гордость не будет знать поражения! – заливался один торговец, влюбленно глядя из-за прилавка на пояс Лучано с туго набитым кошельком.

– Яйца с паштетом! Печеные овощи! Спаржа нежная, как пальчики благородной девицы! Попробуйте спаржу, синьор! – вторил ему другой.

– Эта форель еще час назад плавала, клянусь добродетелью моей жены! А устрицы? Вы видели таких устриц, великолепный синьор? Купите пять дюжин и возьмите шестую бесплатно! Принесите их своей возлюбленной, и если она вам потом откажет, вернитесь к старому Паоло – я вам дам бесплатно самого колючего живого краба!

– И что я буду с ним делать, почтенный Паоло? – невольно заинтересовался Лучано, замедлив шаг у лотка с устрицами.

– Ха! – расплылся в улыбке торговец. – Сунете ей под одеяло! Девушка, не способная оценить свежие устрицы и горячего мужчину, ничего другого не заслуживает.

– Прекрасная мысль, синьор, – рассмеялся Лучано. – Даже жаль, что прямо сейчас у меня нет

девушки. Но уверяю, как только она появится, я приду к вам за устрицами.

Пройдя почти до самого конца моста, он остановился возле булочника, чей товар был спрятан в плетеные корзины, чтобы не остыть. Знакомый торговец с достоинством кивнул и, приоткрыв крышку, откинул белоснежное полотенце, уточнив:

– Как обычно, синьор Фарелли?

– Совершенно верно, – поклонился ему Лучано и принял заботливо завернутую в холщовую салфетку фокаччу, круглую, горячую, упоительно ароматную.

Посмотрел на нее и сглотнул, борясь с желанием отщипнуть румяный краешек, щедро присыпанный пряностями. Ему ведь уже не десять, пора вести себя пристойно! Булочник, понимающе улыбнувшись, взял другую фокаччу, отхватил ножом горбушку, капнул на нее оливковым маслом и посолил.

– Передавайте мастеру Ларци мои искренние пожелания здоровья, – попросил он, пока Лучано торопливо рвал зубами, жевал и глотал восхитительную хрустящую корочку и душистую мякоть. – А это к шамьету ему и вашей милости.

– М-м-м-м-м! – отозвался с набитым ртом Лучано, снова кланяясь и забирая второй сверток.

По небу уже разлилось крыльями сказочной птицы зарево рассвета. Золотые, розовые, жемчужно-серые и малиновые перья чередовались длинными слоями. Внизу, под мостом, серебрилась гладь реки, воздух был чист, прозрачен, напоен благоуханием цветов... Лучано, прижимая к себе оба свертка, спустился по широким низким ступеням и небрежно кивнул двум парням, стоящим у начала лестницы. Одетые как небогатые подмастерья, они, тем не менее, были Шипами, как и он. Правда, из рядовых.

– А, Счастливчик! – обрадовался ему Фелипе, невысокий, крепкий, с быстрыми точными движениями. – Мы сейчас шли мимо вашего дома. Мастер Ларци тебя хочет!

– М-м-м? – протянул Лучано, все еще пребывая в благодушнейшем расположении духа. – И как именно он меня хочет, мастер не говорил?

Шутка получилась так себе, на грани пристойного, но Фелипе его хорошо знал, так что и не подумал принять за чистую монету.

– Как можно быстрее, – сообщил он и слегка усмехнулся, показывая, что оценил.

А вот его спутник расплылся в скабрезной ухмылке и окинул Лучано взглядом, от которого утро сразу чуть поблекло в своей прелести, будто подернувшись грязной дымкой. «Витторио, да? – вспомнил Лучано. – Недавно работает с Фелипе...»

– Так вот как знаменитый Счастливчик вылез в младшие мастера? – насмешливо бросил долговязый и рыжеватый Витторио. – А шуму-то было. Что, по-честному никак не получалось?

– Нет, конечно, – улыбнулся Лучано, и Фелипе за спиной напарника скривился, словно у него внезапно заболел зуб.

– Фортунато, слушай... – начал он и замолчал, поймав предостерегающий взгляд, а Лучано, опершись о перила, в ответ смерил Витторио таким же взглядом с ног до головы.

Конечно, каждый в гильдии думает о них с мастером все, что хочет. Но тот, кто считает, что Ларци будет путаться с учеником – и, особенно, этому ученику облегчать экзамен, – сильно ошибается.

Ну и тот, кто считает, что Лучано Фортунато Фарелли, Лучано Счастливчику, нужно было послабление, чтобы в двадцать пять лет стать младшим мастером, ошибается тоже. Что полезно. Пусть недооценивают.

Однако спускать такие мысли о своем мастере... Пусть даже Лучано первый ляпнул глупость, но ему можно, а другим – нет.

– Фортунато... – безнадежно вздохнул Фелипе, уже все понимая. – Нам с Витто сегодня работать. Вместе.

Все-таки Фелипе – умница. Даже не пытается его отговорить, просто попросил отсрочки. Что ж, работа – это святое. Раз Витторио нужен этим вечером живым и здоровым, пусть пока гуляет.

– Удачи, – улыбнулся Лучано и прошел мимо.

От Моста Поцелуев по аллее, потом в узкий переулок. Слева в его конце – три дома, а справа – высокая стена, за которой видно лишь крышу двухэтажного маленького палаццо. В стене – зеленая дверь, не запертая, наверное, мастер выходил на улицу совсем недавно.

Лучано аккуратно закрыл дверь за собой и пошел по саду, утопающему в цветах, несмотря на раннюю весну. Летом здесь и вовсе не вдохнуть от густых ароматов, а яркие краски будут резать глаз, но даже сейчас петляющая тропинка вела через островки зелени и первоцветов, а дом едва виднелся из-под плюща, затянувшего его до самой крыши. Шурх! Из кустов метнулась черная тень, прыгнула ему в ноги, ловя их лапами.

– Мр-р-р-р?

Лучано наклонился, погладил густую блестящую шубку угольного цвета, и зеленые глаза пытливо уставились на него с круглой мордочки. Мандрагора... Значит, и Аконит где-то рядом, он от подружки далеко не отходит.

Действительно, большой серебристо-серый кот вывернул из тех же кустов, и они с Мандрагорой важно пошли вперед, словно указывая путь.

Улыбаясь, Лучано взбежал на крыльцо, толкнул дверь. Втянул ноздрями ошеломляющий запах и сразу пошел на кухню, словно по стелющемуся в воздухе следу.

Мастер готовил яичницу с овощами. На широкой плоской сковороде томились ломтики золотистого бекона, исходили соком и паром крошечные белые луковки, кусочки спаржи, молоденькой репы и тыквы, стручки зеленого горошка. Рядом в глиняной мисочке нежно желтела молочно-яичная смесь, приготовленная для заливания, высилась горка мелко нарезанной зелени, вторая – тертого сыра, стояли баночки с молотым перцем, кориандром, семенами пажитника и чем-то еще...

– Доброго утра, мальчик мой, – сказал мастер, не оборачиваясь и неторопливо священнодействуя над сковородой. – Ты как раз к завтраку.

Лучано прошел по надраенному и навощенному деревянному полу, на котором уже плясали солнечные лучи, опустился на колени и почтительно поцеловал протянутую ему узкую жилистую руку. Единственное кольцо на ней, железное, в виде свернутого стебля розы и с цветком вместо камня, мягко блеснуло на солнце.

– Доброго утра, мастер, – тихо сказал Лучано, вдохнув запах сыра и специй, душистых масел, алхимических ингредиентов, чистой одежды, шамьета...

Этот неуловимый аромат, состоящий из десятков других, изменчивый, но безошибочно им

узнаваемый – запах его дома.

Замерев, он дождался, пока мастер кивнет, и лишь тогда поднялся, ожидая распоряжений.

– Почему бы нам не позавтракать в саду? – задумчиво сказал мастер Ларци. – День прекрасный...

– Тогда я накрою? – радостно отозвался Лучано и получил еще один согласный кивок.

Пока дожаривалась яичница, источая умопомрачительный аромат, Лучано собрал и отнес на террасу, выходящую в сад, все необходимое. Расставил глазурированные сине-белые тарелки, поломал фокачу на куски – в доме мастера Ларци придерживались старых порядков и не оскорбляли хлеб прикосновением ножа. Соль, перец, оливковое масло и чистая вода – ну это как полагается. Напоследок он торопливо разжег особую жаровню для шамьета, стоящую в углу террасы, и, пока угли разгорались, нарезал принесенную из погреба сырую печенку, поставив ее на пол в большом блюде.

Первая усатая морда выглянула из зарослей вьюнка незамедлительно. Конечно, это была Мандрагора, сияющая угольно-черной шубой, как королевской мантией. Следом выбрался серебристый в солнечных лучах Акони́т. Пока Лучано забирал из дома салфетки, ложки и прочие мелочи, у блюда появилась белоснежная желтоглазая Белена. И последней из кустов робко выглянула рыжая Наперстянка, подобранная недавно, еще полудикая и худая. Озираясь и недоверчиво глядя на Лучано, она цапнула с блюда самый большой кусок печенки и, грозно урча, утащила его обратно в кусты.

Остальные кошки со снисходительным пониманием глянули ей вслед и спокойно продолжили есть, соблюдая надлежащий этикет.

– Бедная малышка, – покачал головой мастер Ларци, подходя к столу со сковородой, которую нес торжественно, словно дож – свои регалии. – Ничего, привыкнет.

Он разложил пышную дымящуюся яичницу по тарелкам, сел, кивнул Лучано. Сложив перед собой руки, прочитал молитву Семи Благим и первым взял кусок фокаччи, разломив ее над тарелкой. Лучано почтительно последовал примеру.

Потом они молча ели, так же чинно и размеренно, как кошки, за едой мастер лишних разговоров не любил. Да и отвлекаться от такого завтрака было бы святотатством! Лучано с наслаждением умял свою порцию, вытер с тарелки все до капельки кусочком фокаччи и поднялся, чтобы заняться шамьетом.

В том углу, где стояла жаровня, над террасой склонили ветви три апельсиновых дерева, сейчас они были усыпаны цветами, и нежный сладкий аромат примешивался к запаху специй.

– Как прошло дело? – спросил мастер Ларци, разворачивая сверток с выпечкой.

Достав неизменные сливочные вафли с кремовой начинкой для себя и булочки с корицей для Лучано, он выложил их на чистую тарелку.

– Как положено, – отозвался Лучано. – Все в порядке.

Скрыть что-то ему бы в голову не пришло, но ведь заказ и в самом деле выполнен чисто. Сегодня мастер откроет большую конторскую книгу, обмакнет перо в чернила и подведет итог, записав: «Четыреста скудо за флакон духов для синьоры...» Или что-нибудь еще, понятное только ему. Лучано это пока что не касается, звание младшего мастера означает лишь то, что им пожертвуют при несомненной и достаточной пользе для гильдии, а не при малейшей необходимости, как любым другим Шипом. Отчитываться перед ним все равно никто не обязан.

– Ну и славно, – кивнул Ларци. Слегка прикрыв глаза и откинувшись на спинку кресла, он

подставил лицо солнечным лучам, проходящим сквозь апельсиновые ветви. – А как твои успехи в дорвенантском языке?

– Неплохо, – без удивления, но тщательно подумав, сказал Лучано, пристально глядя на поверхность воды в глиняной толстостенной колбе-шэнье, где варился шамьет. – Понимаю почти все, говорю с акцентом, но, кажется, меня тоже хорошо понимают. С фраганским было легче. В Дорвенанте я за своего точно не сойду.

– И не надо, мальчик мой, – спокойно откликнулся Ларци. – Возможно, вскоре нас ожидает интересный заказ в этой стране. Гильдия еще не решила, кого послать, известно только, что это будет кто-то один.

– О-о-о... – тихо сказал Лучано.

Действительно, что непонятного? Если Шип, отправленный в Дорвенант, справится с делом в одиночку, вся слава достанется ему. А прибыль для гильдии ожидается огромной, если уж мастера совместно решают, кого послать. Рядовым Шипам такой заказ, конечно, не поручат. Значит, или кому-то из старших мастеров, еще не отошедших от дел, или... младшему мастеру. Кому-то чрезвычайно умелому, надежному, не боящемуся риска и честолюбивому. Потому что такой одиночный заказ может как сделать из младшего мастера – старшего, так и погубить его в случае провала. Что ж, значит, Ларци, один из легендарных великих мастеров, опора гильдии, не зря тратил время на воспитание Лучано Счастливики, своего будущего преемника. Если, конечно, Лучано до этого доживет.

Ради него мастер пренебрег большинством правил, по которым живут Шипы Претемных Садов. Спас его когда-то, забрал из ученических казарм в собственный дом, назвал своим воспитанником и растил соответственно. Как ученика, почти как сына, чтобы там ни трепали грязными языками подобные Витторио. И если мастер решил, что для выполнения этого заказа подходит именно Лучано – так тому и быть.

В ногах требовательно мяукнула Белена, и Лучано наклонился, чтобы ее погладить. Выпрямился как раз вовремя, чтобы снять шамьет, безупречно рассчитав нужное мгновение. Вернувшись к столу, разлил благоухающую темную жидкость по чашкам, почтительно подвинул покровителю блюдо с его любимыми вафлями и сказал по-дорвенантски:

– Как прекрасно цветут апельсины в нашем саду, мастер. В далеком диком Дорвенанте я бы скучал по ним, но воспоминание об их запахе грело бы мне душу почти так же, как память о вашей доброте.

– Очень хорошо, мой мальчик, – ответил Ларци на том же языке, улыбнулся и пригубил сваренный им шамьет. – Я горжусь тобой.

Глава 2. Недоброе утро

Ее первый настоящий поцелуй обжигал губы. Да, первый, не считать ведь настоящим тот, что Айлин подарила магистру Роверстану под цветущим деревом в Вишневую ночь. Тогда она была обижена, растеряна, не понимала, что происходит... Сейчас ей казалось, что с той ночи прошла дюжина лет, настолько она повзрослела и теперь совсем иначе смотрела на все.

Словно маленькая жизнь пролегла между той маленькой Айлин, для которой глупая мерзкая шутка была настоящей бедой, и Айлин сегодняшней, знающей, как больно и сладко тянет сердце, когда приходится выбирать между любовью и честью.

Она зажмурилась всего на мгновение, чувствуя тепло и мягкость чужих губ, а потом все закончилось. Горечь, которая будто пропитала ее изнутри, исчезла, растворившись в этом поцелуе. Настоящая магия без магии! Так вот как это, если тебя любят! И нет, она не будет вспоминать поцелуй с Грегором... лордом Бастельеро. В них тоже не было любви! Просто огромная ошибка с обеих сторон.

– Теперь я вынужден вас оставить, моя дорогая, – вздохнул Роверстан, отстраняясь, но не отпуская ладонь Айлин. – Вот-вот начнется Совет глав гильдий. Однако прежде я закончу ваше лечение. Посмотрите мне в глаза и потерпите немного.

Айлин кивнула, чувствуя, как загораются щеки. Она совсем забыла о том, что недавно была нездорова! Слишком много случилось всего, да и слабость давно прошла. Очень неловко, что магистр Роверстан помнит о ее болезни лучше нее и искал, чтобы помочь. Но так приятно... «Я должна радоваться, – подумала она упрямо. – Милорд магистр... Дункан... он так внимателен и заботлив! Куда внимательнее, чем... нет, никаких сравнений! Больше никогда!»

Прикосновение чужой магии показалось неприятным, как будто она вошла в черную холодную воду, но, к ее удивлению, вполне терпимым. Во всяком случае, менее неприятным, чем то, что случилось прошлой ночью. И, кажется, недолгим.

– Вы прекрасно держитесь, милая Айлин, – услышала она, вынырнув из ледяного омута. – Я боялся, что будет хуже, но вы, к счастью, совершенно здоровы. И теперь...

– Милорд магистр! – выпалила Айлин поспешно и, поймав укоризненный взгляд Роверстана, поправилась: – Простите... Дункан. Я только хотела спросить... Вы сказали, что будет Совет, но ведь вчера... Совет как-то связан с тем, что было вчера?

Ей было до дрожи неудобно звать его по имени. Конечно, потом она привыкнет, наверное? Когда они... ну, когда они поженятся. Но пока что это не ее муж, а преподаватель, почтенный магистр и глава целой гильдии. И его – по имени? Нет-нет, невозможно! Если только для того, чтобы он не обижался?

– К несчастью, да, – вздохнул разумник, отпустив наконец ее руку и вынув из кармана мантии ослепительно белый платок.

В этот платок он бережно завернул ее волосы – как показалось Айлин, нарочно медленно, словно обдумывал, что можно ей сказать, а чего говорить не следует, – и опустил сверток в карман.

– Прошлой ночью умер Великий магистр, – сказал он подчеркнуто ровно. – Орден обезглавлен. Кроме того, магистр Райнгартен сообщил, что такой же разлом, как вы видели, открылся вчера в королевском дворце. Погибли его величество Малкольм и его высочество Криспин.

Айлин невольно ахнула, прижав ладонь ко рту. Великого магистра, конечно, очень жаль – однако он, по крайней мере, был уже совсем стариком и все равно скоро умер бы. Но его величество Малкольм! И всем ведь известно, что Гре... что лорд Бастельеро его давний друг! Может быть,

вчера он был не в себе из-за известия о смерти короля? Странно, что не прогнал незваную гостью, но хотя бы понятно... Горе толкает людей на самые необычные поступки, неудивительно, что лорд Бастельеро искал облегчения в вине и...

И принц Криспин, еще совсем молодой!

Она невольно вспомнила учтивого юношу, так похожего на Аластора, так любящего своего младшего брата и пригласившего их в гости. Пусть даже лишь из учтивости!

А теперь он погиб – и это чудовищно странно и так же чудовищно несправедливо!

– Хуже всего, – продолжил магистр, мрачней с каждым словом, – что разломы продолжают открываться в других местах города, причем совершенно непредсказуемо. Конечно, стихийники и боевики пытаются что-то сделать, но... Гибнут люди, – глухо добавил он, помолчав. – В столице начались пожары и появились мародеры. И мы ничего не можем сделать. Никто не понимает, что происходит.

– Даже вы? – вырвалось у Айлин, и Роверстан качнул головой.

– Мне, конечно, глубоко льстит ваша... вера в меня, – вздохнул он. – Но, к сожалению, и я тоже. Однако нам необходимо решить, что делать. Ясно пока одно, adeptам будет запрещено покидать Академию. Здесь небезопасно, как вы сами убедились вчера, но, боюсь, совершенно безопасных мест сейчас не найти во всей столице, а возможно, и за ее пределами. Здесь, по крайней мере, есть кому прийти на помощь...

Рассказ магистра, такой краткий и ясный, никак не укладывался в голове. Убиты король, его наследник, Великий Магистр Ордена и магистр Кристоф! И разломы, что открываются по всей столице там, где их никто не ждет!

...Тетушка Элоиза! Что, если опасность грозит и ей?

– Милорд магистр! – выдохнула Айлин, изо всех сил отгоняя страшную мысль. – Я... мне нужно немедленно навестить тетушку!

– Ни в коем случае! – непривычно резко бросил Роверстан и тут же, смягчившись, добавил: – Я понимаю вашу тревогу, моя дорогая, но поверьте, ваша тетушка в состоянии о себе позаботиться. У нее крепкий дом, вокруг надежная заботливая прислуга, а положение их семьи позволяет нанять хорошую охрану. Да и я сам намерен позаботиться о ее безопасности, но вам запрещаю покидать Академию. По крайней мере, без разрешения вашего куратора. Или... – явно вспомнил он обстоятельства, связанные с этим самым куратором, – без личного позволения магистра Эддерли. Каковое он вам вряд ли даст, потому что разделяет мое мнение о безопасности в городе.

«Запрещаете?! – подумала Айлин с внезапно вспыхнувшей яростью. – Запрещаете сейчас, именно сейчас, когда тетя Элоиза может быть в опасности?! Запрещаете, стоило только принять ваше предложение?!»

– Запрещаю как ваш преподаватель, adeptка Ревенгар, – веско произнес разумник, и ярость Айлин истаяла, сменившись мучительным стыдом.

Магистр прав, совершенно прав, а она... Это она забылась до того, что чуть не начала спорить с главой гильдии, пусть и чужой! Стоило только принять его предложение!

– А как ваш жених, – добавил Роверстан, снова бережно сжав ее ладонь, – я понимаю, что удержать вас в стороне от происходящего не смогу. Потому прошу об одном – постарайтесь быть осторожнее! У вас есть накопители и защитные артефакты? Если нет, я немедленно их закажу или куплю готовые.

– Есть! – торопливо выпалила Айлин, касаясь рукава, скрывающего браслет, оставленный ей магистром Мэрли. – У меня очень хороший накопитель, другого не требуется!

Конечно, раньше ей наверняка пришлось бы ответить на неудобные вопросы, откуда такая редкость, но сейчас все будут использовать любые доступные средства защиты, так что накопитель можно носить спокойно. А в случае вопросов она придумает, что ответить!

– Тогда не снимайте его, следите, чтобы он постоянно был заряжен на максимум, и не выходите из комнаты без целебных зелий и защитных артефактов. И везде, слышите, везде берите с собой вашего Пушка. Пообещайте мне, Айлин.

– Обещаю, милорд, – тихо ответила она, и разумник еле заметно улыбнувшись, коротко поклонился.

– До скорой, надеюсь, встречи, – уронил он мягко.

И снова, совсем как в Вишневую ночь, поправил прядь ее волос, ласково коснувшись кончиками пальцев и щеки, и краешка уха, и шеи Айлин, так что горячая сладкая волна прокатилась по ее телу с головы до ног, мгновенно согрев и заставив безнадежно покраснеть.

Невыносимо неприличное чувство, но такое сладкое... Почти такое же сладкое и горячее, как осознание своей тонкой тихой власти над этим огромным мужчиной, таким сильным, умным, великодушным... И влюбленным в нее, Айлин! «Всеблагая Мать, – впервые за долгое время обратилась Айлин к другой величайшей силе, а не к своей покровительнице. – Помоги мне полюбить его, прошу. Он этого достоин, а я... буду стараться, как и обещала. Должна ведь я хоть что-то сделать правильно?»

Отцветающая вишня зашелестела над их головами, и Айлин показалось, что она услышала в этом тихом шорохе еле слышное одобрение.

* * *

– К Барготу! – бешеной кошкой прошипела Ревенгар, сверкнув глазами, и вылетела из аудитории.

Грегор в бессильной ярости сжал кольцо. Что себе позволяет эта взбалмошная девица! Вчера, ведь только вчера она явилась к нему сама, а сегодня... сегодня ее оскорбило предложение брака? Видит Претемная, как можно было так возмутительно неверно понять его предложение? Впрочем, Ревенгары всегда славилась и странными суждениями, и неумеренной гордостью – Дориан в годы учебы был таким же! Вспыхивал от малейшего намека даже не на обиду, а на тень чужого неодобрения или расхождение во мнениях. Похоже, отцовский темперамент весь достался дочери вместе с магией, минуя сына-наследника.

Грани сапфира врезались в ладонь, и боль немного охладила кипящую в Грегоре злость.

Ну что же, в конце концов, почти все женщины взбалмошны и капризны, особенно в этом возрасте. Магессы тем более привыкли к намного большей воле, чем их сестры, лишённые дара. И вдобавок большинство девиц искренне считают, что отвечать согласием сразу – дурной тон. А у Ревенгар, следует признать, есть причина для обиды.

Заснуть в такой момент, не сказав ни слова, не позаботившись об уюте и спокойствии девушки – вот за что и в самом деле стоило попросить прощения! Но, разумеется, не сейчас, когда она не желает ничего слушать. Пусть сначала успокоится, а потом... Замужество – самый важный шаг в жизни любой девицы, и семейная жизнь во многом зависит от того, как она началась. Грегор и так позволил себе недопустимое для дворянина и честного человека. Теперь это первое впечатление придется исправлять.

Если Айлин Ревенгар хочет предложения руки и сердца, какие бывают во фэганских романах, с цветами и ласковыми словами – это вполне невинный и позволительный каприз! Можно даже поухаживать за ней некоторое время, чтобы девица не чувствовала себя обделенной вниманием. Он еще не забыл, как это делается! Ни одна будущая леди Бастельеро не могла пожаловаться на манеры мужчины из этого рода. Но... пока есть более неотложные и важные дела.

Он глубоко вдохнул и выдохнул теплый, пахнущий чернилами и пылью воздух аудитории, а потом бросил взгляд в окно на цветущие вишни.

Решено! С Ревенгар он поговорит позже, а прямо сейчас отправится во дворец. Следует как можно скорее встретиться с его высочеством... нет, уже его величеством Кристианом. Проклятье, как же жаль Малкольма и Криспина, его старшего. Отдать страну совсем юнцу, на которого наверняка имеет огромное влияние мать? Притом такая мать! Впрочем, юноши взрослеют, и кровь Дорвеннов должна взять свое. Кристиан удержится на троне, лишь бы...

«Конечно, он уже нашелся, – упрямо подумал Грегор. – Не мог не найтись. И нуждается в поддержке и помощи, к тому же Аранвен говорил о Малом совете, на котором я должен присутствовать. Вот что сейчас самое важное, все прочее – подождет!»

Он вышел из аудитории и направился к выходу из крыла, истово надеясь не встретить никого по дороге, но, спустившись в малый холл, почти столкнулся с непривычно мрачным и словно постаревшим за ночь магистром Эддерли, застывшим возле увитой цветами ширмы. Грегор молча поклонился магистру, и тот рассеянно кивнул в ответ.

В глаза Грегору бросилось, что мантия магистра не просто фиолетовая, как положено, а густого, почти чернильного оттенка, наиболее близкого к черному цвету. Траурная мантия... Ну да, в Академии уже все известно. Хотя и странно, что Эддерли так осунулся и весьма бледен. С чего бы ему переживать о короле?

– Доброго утра, мой мальчик. Вижу, вы спешите? Ваше дело подождет несколько минут?

«Если только несколько минут не растянутся на несколько часов!» – раздраженно подумал Грегор и тут же одернул себя: подобное было совершенно не в привычках Эддерли!

– Разумеется, магистр, – откликнулся он, постаравшись спрятать раздражение как можно глубже. – Что вам угодно?

– Хотел спросить, не видели ли вы случайно магистра Роверстана, – вздохнул Эддерли. – Никак не могу его найти, а у лорда Аранвена имеется для него срочное поручение.

– Не видел, – процедил Грегор.

Вот только встречи с разумником ему сейчас и не хватало! Что вообще за дела с главой Белой гильдии могут быть у лорда-канцлера? Если все тот же позорно проваленный проект реформ, так сейчас явно не до него!

– Жаль, – вздохнул Эддерли и потер покрасневшие глаза, воспаленные, будто пожилой магистр не спал всю ночь. – Его высочество Кристиан бесследно исчез, – добавил он, понизив голос. – Ангус очень надеется, что магистр Роверстан сможет помочь в его поисках.

– Каким образом? – непочтительно прервал Грегор бывшего наставника. – Простите, магистр! Но если его высочество не смогли найти гвардейцы и королевские маги, чем может помочь разумник?!

«Бесследно исчез... исчез... исчез...» – назойливо стучало в висках, а скулы свело от горького

привкуса вины.

Если бы он, Грегор, не покинул вчера дворец, если бы только он остался!

– Вчера во дворец приезжал мэтр Морхальт, – вздохнул Эддерли и снова провел ладонью по глазам, словно пытаясь стереть усталость. – Он, конечно, отошел от практики после удара и болезни, но ее величество по-прежнему предпочитает, чтобы юных принцесс осматривал и лечил именно он, а не мэтр Бюэе. После осмотра мэтр, как утверждают слуги, почувствовал себя неважно и решил отправиться домой, но, уже садясь в карету, оступился. Его высочество Кристиан, оказавшийся поблизости, помог старику сесть в экипаж. Дальше слуги путаются в показаниях, но достоверно одно: после принца никто не видел, а гвардейцы, что искали его в городе, вернулись ни с чем. Все места, что он обычно посещал, проверены! Опрошены десятки, сотни людей! Никто даже не видел юношу, похожего на принца Кристиана.

– Лорд Аранвен полагает, что принца увез из дворца Морхальт? – поразился Грегор. – И никто этого не заметил? Положим, старик мог отвести глаза слугам и стражникам каким-нибудь амулетом и усыпить его высочество, но зачем ему это? Магистр, вы же сами знаете, Морхальт после удара – старая развалина! Он оставил пост главы гильдии, он не вмешивается в политику, он даже не практикует, и странно, что ему принцесс доверяют. Участвовать в похищении принца? Бред! И причем здесь магистр Роверстан?

Эддерли покачал головой и поморщился.

– Разумеется, мэтра Морхальта расспросили люди Ангуса. Мэтр даже был столь любезен, что позволил осмотреть свой дом от чердаков до подвалов. Его высочества там нет, никаких следов тоже не нашлось, и Морхальт клянется, что принц лишь помог ему сесть в карету. Но Ангус счел, что нужно расспросить старика еще раз, уже с помощью разумника. Вы же понимаете, после удара и осложнений, к которым он ведет, память выкидывает странные штуки. Вдруг Морхальт видел что-то важное, но сам это забыл? Не сочтите за труд, Грегор, если встретите Дункана, передайте ему мою просьбу, хорошо?

– Конечно, магистр, – выдавил Грегор, понимая, что спешить во дворец уже незачем, и отчаянно желая сделать хоть что-нибудь, лишь бы не бессмысленно ждать неизвестно чего!

– Благодарю, мой мальчик. – Эддерли потер теперь уже виски и несколько натужно усмехнулся. – Знаете, мне уже и самому кажется, что с мэтром Морхальтом что-то неладно. Все, кто его видит, бесследно исчезают.

– Пропал кто-то еще? – осторожно спросил Грегор, и Эддерли махнул рукой.

– Мэтр Денвер. Только представьте, Грегор! В городе творится Баргот знает что, а глава службы безопасности исчез. И перед исчезновением он как раз собирался навестить милорда Морхальта, они, знаете ли, давние друзья... Грегор? Вы что-то очень бледны...

«Все в порядке», – попытался было сказать Грегор, но не смог выдать ни звука, пораженный невозможной, чудовищной догадкой.

Райнгартен сказал, что Прорыв мог быть искусственным, как же это звучало? Ах да, «наведенный вектор»! И что-то еще очень важное о барготопоклонниках. «Они-то умели делать с порталами такое, что нам и не снилось...»

Барготопоклонники затаились, выждали, когда Орден успокоится, и нанесли сокрушительный удар по Дорвенанту!

Он вспомнил убитых в спину магов-наблюдателей с северной окраины и скрипнул зубами – они и в самом деле без опаски повернулись спинами к мэтру Денверу, своему начальнику. Денверу,

который пожертвовал своими людьми, лишь бы выставить Грегора виноватым, лишь бы заставить его отказаться от поисков убийцы! А когда и это не помогло, подсунул ему спятившего Тернера – и Грегор поверил! Поверил, как адепт-первогодок, проклятье!

А мог бы, обязан был подумать, откуда у Тернера, обычного секретаря, столько сил и умения, чтобы провести ритуал незаметно для Избранного Претемной? Должен был понять, что убийство Дортмундера, единственное, как теперь очевидно, совершенное Тернером, он почуял издали, схватил на лету, как и полагается при его силе, а вот смерть Морстена проворонил, хоть и был совсем рядом!

Ну разумеется, если все это время кукловодом был Денвер, все сходится! У старого мерзавца достаточно сил и невероятный опыт, куда больше, чем у самого Грегора! Он же столько лет был главой безопасности Ордена! Все проклятые артефакты, все страшные гримуары проходили через его руки, все расследования по делам служителей Баргота. И не с подачи ли Денвера считается, что этот культ заброшен и не имеет былой силы? Ну еще бы! Если сам Орден прикрывал их, не зная об этом, руками одного из влиятельнейших мастеров!

Но если все так, значит... Значит, принц Кристиан уже мертв. Уже был мертв, когда его искал старший брат, когда Аранвен отправлял гвардейцев на его поиски...

«Претемная, пусть я ошибся! – отчаянно взмолился Грегор, точно зная, что не ошибся ни на ломаный медяк. – Пусть окажется, что я самонадеянный болван и принц жив, а Денвер просто занят, пытаюсь понять, что творится в городе!»

– Грегор?

В голосе магистра Эддерли послышалось отчетливое беспокойство, и Грегор постарался улыбнуться.

– Если я встречу магистра Роверстана, обязательно передам ему вашу просьбу, – уронил он старательно ровным голосом. – А сейчас прошу простить...

– Да-да, конечно, – рассеянно кивнул Эддерли. – Не стану вас больше задерживать. Удачи вам, мой мальчик.

«Благодарю, – подумал Грегор, чувствуя прилив знакомого, но уже давно, казалось, позабытого азарта. – Удача мне определенно понадобится!»

Сначала он допросит Морхальта сам и узнает все, что только возможно! В конце концов, это ведь его старый мерзавец Денвер выставлял болваном, который только мешает истинным мастерам розыска!

Он невольно скрипнул зубами. О да, Денвер был прав, утверждая, будто сектанты поняли, что Грегор непременно их разыщет! Уж он-то прекрасно знал характер бывшего ученика! И позаботился, чтобы Грегор нашел только то, что ему показали.

«Ну уж нет, мэтр Денвер, Барготу вашу душу в лапы! Я дойду до конца, до самого конца! Я притащу вас на суд Ордена и докажу всем, что был прав!»

Уже на крыльце Грегор едва не столкнулся с Роверстаном, спешащим в Академию откуда-то из сада, ответил небрежным кивком на столь же небрежный поклон Белого магистра и зашагал к конюшне. Передать Роверстану приказ Аранвена? Это определенно подождет! Надо еще выяснить, не замешан ли сам разумник в этом заговоре! Он ученик Морхальта, он наверняка посвящен во многие дела бывшего магистра, да и в расследовании, помнится, не слишком помог, хотя исполняет роль историка Ордена. А главное, он разумник!

Пусть эта лицемерная белая братия и клянется, что давно отреклась от своего павшего покровителя, но суть изменить куда сложнее, чем отбелить черные мантии. Роверстан первый под подозрением! И Грегор выяснит правду.

Глава 3. Лекарь Смерть

От Академии дом Морхальта отделяли три торговые улицы. Именно здесь находились кондитерские, куда из года в год бегали адепты, лучшие мастерские артефакторов и лавки алхимиков, и, конечно, памятная «Дымная Фляга», вход в которую адептам был категорически запрещен правилами Академии. Разумеется, как раз поэтому адепты всех факультетов были в ней завсегдатаями. А за этими улицами располагались четыре жилых квартала, где строго запрещалась верховая езда резвее шага. Не хватало еще, чтобы почтенные маги попали под чью-нибудь лошадь!

Правда, сегодня кондитерские были закрыты, старинные особняки тоже казались вымершими, но Грегор все же придерживал коня. Правила есть правила, хотя потерю бесценных мгновений он чувствовал почти физически, как вытекающую из раны кровь.

«Ничего, – попытался он успокоить самого себя. – Зато есть время подумать, как выстроить разговор... Морхальт еще магистром славился скверным нравом, и кто знает, что с ним сделал удар? Однако он, во всяком случае, жив, а значит, его можно допросить. Что и говорить, старику повезло куда больше, чем прочим магам, связанным с Денвером!»

Лошадь сбилась с шага, и Грегор на мгновение отвлекся от размышлений, бросил взгляд под копыта, по сторонам, на всякий случай проверил потоки силы – нет, никакой враждебной магии.

«Может быть, я все-таки ошибся? Морхальт ведь и в самом деле жив, мог ли Денвер допустить такую вопиющую небрежность? Ведь ничто не указывает на него! Ни единого магического следа, и даже его появление на северной окраине можно списать... не на совпадение, конечно, но, к примеру, на маяк, если он почувствовал, что с его наблюдателями случилась беда?»

Грегор стиснул зубы. Да, никаких явных следов, но чутье, чутье Избранного Претемной просто кричало – виноват Денвер!

«Ничего... Морхальт расскажет все, что знает, а потом разберусь с виновником, кем бы он ни был!»

Уже свернув на нужную улицу, он задумался, стоит ли соваться к бывшему магистру в одиночку? Морхальт, конечно, целитель, а не боевик или некромант, и специализация у него, вроде бы, самая безобидная – детские и женские болезни, но все-таки сильный маг... Если же у него еще и охрана есть, визит может обернуться нештучной дракой.

Но если Грегор прав, и Денвер – поклонник Баргота, службу безопасности Ордена привлекать нельзя. Жаль, конечно. Сейчас бы очень пригодился кто-то вроде Саграсса и его людей. Кстати, вот кого стоит вдумчиво и старательно расспросить насчет случившегося на северной окраине! Это ведь Саграсс тогда появился там вместе с Денвером и еще имел наглость запустить в Грегора заклятием! И на кладбище он тоже был в клятую ночь...

Определенно, за эту нить тоже следует потянуть. Но пока что доверять никому нельзя. Разве что послать за кем-нибудь из бывших подчиненных, честных армейских магов, никак не замешанных в дела Ордена? Но время! И Грегор решил.

В конце концов, из некромантов ему не сможет противостоять никто, кроме Эддерли, которого в такой мерзости не заподозрить, и Денвера – а вот с ним Грегор бы с наслаждением встретился в поединке, если тот виновен. Другие же факультеты... на их участие в заговоре ничто до сих пор не указывало.

Слуги у бывшего магистра явно были ленивы и нерасторопны, добравшемуся до особняка Грегору пришлось долго стучать в ворота позеленевшим от времени медным молотком. Открылись они, с жутким скрипом проворачиваясь на давно не смазанных петлях, только тогда, когда Грегор уже всерьез выбирал, выбить проклятые ворота «Могильной плитой» или бросить на них «Прах веков», и пусть окончательно рассыплются к Барготовой матери?

Отворивший слуга потоптался на месте и подслеповато сощурился, разглядывая Грегора. На вид ему было лет восемьдесят, не меньше, и выглядел он, как и положено выглядеть профану такого возраста: ветхий, сморщенный, с выцветшими, почти белесыми глазами и обширной лысиной. Одежда, хоть и чистая, но изрядно поношенная, кое-где и вовсе зашита, выдавала камердинера.

«Такой старик – камердинер? И лично открывает ворота? Очевидно, дела Морхальта совсем плохи, если он не может нанять молодого привратника», – мельком подумал Грегор.

– Мне необходимо срочно поговорить с милордом Морхальтом, – уронил он, глядя в бесцветные глаза.

Старик пожевал губами, медленно кивнул – Грегору почти послышался скрип, с которым склонилась его голова – и посторонился.

Грегор вошел в ворота, ведя лошадь в поводу, и пошел за так и не проронившим ни слова камердинером, медленно бредущим по дорожке, когда-то отлично вымощенной, а теперь разбитой и поросшей травой.

Особняк прятался в густом саду, изрядно заросшем и требующем руки садовника, которого здесь, видимо, тоже не было... Зато имелся конюх – здоровенный мрачный мужик лет сорока, который выглянул из конюшни и без единого слова принял у Грегора повод. Немые они тут все, что ли?

Перед тем, как войти в дом, Грегор замедлил шаг и, не обращая внимания на слуг, потянулся к энергиям, что пронизывали особняк и сад. Все-таки соваться в подобное место без разведки точно не стоило. Светлые огоньки, обозначающие жизненную силу, замерцали перед его внутренним зрением. Три, четыре, шесть... В зеленый цвет был окрашен всего один, и Грегор логично предположил, что это хозяин дома. Остальные несомненно принадлежали профанам. Охрана или просто слуги – никакой разницы. Что ж, дело упрощается. Пятерка противников – это для некроманта его уровня и не противники вовсе.

Скорее привычка, чем необходимость, потянула его проверить энергии другого порядка – и почти мгновенно Грегор замер, скривившись от внезапно пронзившей виски боли. Досадливо отмахнулся рукой от удивленно спросившего что-то камердинера, который так и ждал на крыльце, пока гость пройдет дальше. Смерть! Густо-фиолетовые и черные потоки некроэнергии буквально пронизывали определенные области в саду, словно там было... кладбище? Именно! Только не освященное, а обычный могильник.

Простому некроманту для такого понадобился бы сложный ритуал, но Грегору всегда хватало и силы, и умения, и милости Претемнейшей. Он потянулся дальше, пытаясь хоть навскидку оценить количество темных огней, как сейчас воспринимал следы покинувших тело душ... И беззвучно выругался про себя – изумленно и зло. Их были даже не десятки, а сотни! Проклятье, что здесь устроил Морхальт?!

Возле небольшого флигеля, хорошо видного с крыльца, потоки некроэнергии буквально бесновались, вплетая в себя эти огни, и Грегор, возвращаясь в обычный мир, потер виски пальцами и спросил у камердинера:

– Любезный, а что за строение там в саду?

Слуга, несколько не удивившись, посмотрел в ту сторону, словно сам запомнил, и отозвался глухим невыразительным голосом:

– Бывшая приемная и личный лазарет его светлости. Когда милорд еще практиковал, там жили больные, были родильный зал и детская... Сейчас его светлость оставил практику, и флигель пустует.

Родильный зал и детская? По ощущениям это больше походило на бойню! Грегора замутило, он с отвращением подумал, что повышенная чувствительность имеет свои недостатки. Любой из коллег, скорее всего, прошел бы мимо, разве что почуяв общий фон. И вряд ли стоило этому удивляться. Конечно, за несколько десятилетий работы магистра у него умерла не одна роженица или младенец, это вообще опасный процесс. Но чтобы столько?!

Ему все больше хотелось развернуться и уйти, а потом прислать сюда команду дознавателей со своего факультета и целительского заодно. И чтобы выяснили, почему у одного из лучших зеленых мастеров пациентки мерли, как в чумном городе. И почему об этом никто не знал! Или знали? У каждого факультета свои скелеты в шкафу, и у некромантов, бывает, они еще не самые клыкастые.

Ясно одно – отступить поздно. Главное, ни к кому не поворачиваться спиной. Он шагнул вперед, и камердинер распахнул перед ним тяжелую, тоже скрипучую дверь. Грегор невольно поморщился от мерзкого звука. Ему случалось видеть более ухоженные логова стригоев, чем этот особняк.

В холле оказалось темновато – ни единого магического шара, ни хотя бы масляного светильника. Деревянные панели на стенах потерлись и лоснились, углы затянула такая густая паутина, что рассеянного света из ближайшей открытой двери хватало, чтобы ее рассмотреть.

«Да... – невольно подумал Грегор. – Слухи о том, что Морхальт разорен, ходили давно, однако я и не предполагал, что дела магистра гильдии – пусть и бывшего! – могут быть столь плачевны. Орден, несомненно, платит ему пенсию, а возможно, жалование платит и корона – хотя бы за лечение принцесс, но ему, похоже, едва хватает на жизнь и содержание дома... Так мог ли старик пойти на похищение принца, если бы это дало шанс вырваться из такой нищеты? Впрочем, скоро узнаю...»

Комната, в которую его провел камердинер, исполняла роль малой гостиной, в пользу этого говорили низкий фраганский столик и несколько кресел на гнутых ножках. На столике стояла высокая темная бутылка, от которой резко и неприятно пахло карвейном, лежали несколько пухлых растрепанных книг – похоже, по медицине, а сам Морхальт сидел в одном из кресел и, несмотря на

духоту в комнате, зябко кутался в стеганный домашний халат. Голова у него слегка тряслась.

«От карвейна?» – озадаченно подумал Грегор, присмотрелся к бывшему магистру и едва не присвистнул.

Энергетическая структура целителя была искажена ударом... красной силы! Следы уже почти сгладились, а значит, атаковали Морхальта не раньше вчерашнего дня, но и остаточной эманации хватало, чтобы опознать знакомую магию. Очень знакомую... Грегор совершенно точно уже сталкивался с такой, но вот когда и где? Никак не удавалось вспомнить. Некроманта он бы опознал быстро и легко, но у боевиков почерк иной, это все равно, что разбирать письмо на плохо знакомом языке. Ладно, пока можно отложить...

– Доброе утро, милорд, – произнес он со всей любезностью, на которую только оказался способен.

Морхальт с явным трудом поднял голову и уставился на него мутными, как старое болото, глазами. Хотя бы попытки встать бывший магистр не сделал.

– А, Бастельеро... – проскрипел он спустя несколько мгновений. – Чем обязан?

– Вчера вы были во дворце, – уронил Грегор, поймав себя на странном и неприятном чувстве.

Ему показалось, Морхальт отлично знает, что его подозревают, и тянет время в ожидании... чего?

– Был, – скрипнул Морхальт. – Меня уже допросили люди канцлера. Что, вам не доложили? Дом осмотрели. Никого не нашли.

И вот этот жалкий старик, развалина прежнего магистра, участник заговора? Да кто бы ему доверил такую важную, сложную и опасную роль, как похищение принца?! Ведь можно было найти иной способ. Глупость, какая глупость... Но огни в саду? Но Кристиан пропал рядом с магистром? Но Денвер?

– Меня интересует не это, – с точно рассчитанной небрежностью бросил Грегор. – Зачем его высочество потребовался мэтру Денверу? Ведь вы увезли принца по его поручению, не так ли?

Он еще успел понадеяться, что все-таки ошибся, что сейчас Морхальт рассмеется памятным по годам учебы резким каркающим смехом и скажет что-нибудь вроде: «Да вы ополоумели, Бастельеро?» И Грегор с радостью признает себя болваном.

Глаза Морхальта сверкнули такой ненавистью, что Грегор едва не отшатнулся. Если бы ненависть могла убивать – от него, пожалуй, и пепла бы не осталось, и значит, значит...

– Убирайтесь, – прорычал старик и начал подниматься, сотрясаясь всем телом, расплывшимся за пять лет, что Грегор его не видел. – Я не стану говорить с зарвавшимся щенком!

– А с кем будете? – холодно спросил Грегор. – С дознавателями Ордена? С разумниками, что вывернут вас наизнанку? Если с Кристианом что-то случилось...

– Можешь спросить у него сам, – прошипел Морхальт, и болотные омуты его глаз вспыхнули такой жуткой ядовитой зеленью силы, какой от бывшего магистра никак нельзя было ждать.

Так не пытаются выставить из дома, так убивают. И все сразу встало на свои места.

Грегор выставил щит за долю мгновения, как и привык, но голова неожиданно взорвалась такой болью, что потемнело в глазах. Словно никаких магических преград между ним и проклятым стариком вовсе не было! Пошатнувшись, он стиснул зубы, ловя потоки чужой силы, но боль мешала, не давала сосредоточиться... Проклятье! Трижды проклятье! Стоило бы подумать, что целители могут не только спасать. Что для них слишком мало тайн в человеческом теле! И что бывших магистров не бывает.

Почти ослепший Грегор, понимая, что счет идет на мгновения, отчаянно выругался и швырнул в Морхальта «могильной плитой», а сразу после – «темной сетью», удерживающей душу.

Если проклятый магистр не пожелал говорить живым – что ж, Грегор с превеликим удовольствием допросит мертвого! Тем более что после нападения вина Морхальта уже не требует доказательств!

От отдачи, которую в ином состоянии Грегор и не заметил бы, его повело, пальцы сомкнулись на спинке кстати подвернувшегося кресла, и несколько мгновений он только глубоко дышал, отгоняя гнусную слабость и заставляя себя не думать о разрывающей виски боли. Пройдет! Уже проходит...

Он наконец взглянул на Морхальта. «Плита» отшвырнула старика к самой стене, и дух, спеленутый «сетью», бился над телом, как рыба на берегу. Ничего, ничего... чем сговорчивее окажется призрак, тем быстрее Грегор его отпустит. Возможно, даже обойдется без какого-нибудь

неприятного подарка на прощание!

– Ответишь на мои вопросы и будешь свободен, – процедил он, невольно кривясь: боль и правда отступала, но как же медленно!

Дух дернулся в сети и яростно зашипел. Сеть полыхнула яростно-фиолетовым, и Грегор жестко усмехнулся. «Темная сеть» – отличное заклинание, развяжет язык любому призраку! В Академии его, правда, не преподают, а зря... Но ничего, кое-кому из Воронят он его непременно покажет. К примеру, Эддерли...

– Увезти принца тебе велел Денвер?

Призрак упрямо сжал губы, «сеть» снова полыхнула, вынудив покойного магистра забиться и завывать.

– Да!..

Грегор стиснул пальцы на спинке кресла и тяжело сглотнул.

– Прошлые жертвоприношения пять лет назад проводил он же?

– Да... – простонал призрак. – Нужно было... отработать ритуал...

– Денвер собирался принести его высочество в жертву Барготу?

– Д...дх-х-ха, – прохрипел Морхальт, и петли «сети» чуть опали, давая жертве иллюзию свободы.

– Зачем... – начал Грегор, потом спохватился, что на такой вопрос дух может и не ответить, и поспешно поправился: – Чего он хотел добиться?

– Призвать... Призвать Баргота из-за Грани! Ритуал на крови! Кровавый ключ к portalу! – взвыл Морхальт, и Грегор отшатнулся, не в силах поверить услышанному.

Призвать... Баргота? Денвер что, обезумел? Впрочем, он, конечно, обезумел, если поднял руку на королевскую кровь, но, но...

– Зачем ему это?! – все-таки не выдержал он.

Теоретически дух должен был говорить неременную правду, но только ту, что известна ему лично. Если Морхальт не знал, чем руководствовался Денвер, он бы не ответил, но подобие лица, уродливо протупающее на призраке, исказилось в злобной гримасе.

– Баргот одарил бы своих верных! – рявкнул Морхальт и задергался в «сети» так, что Грегор на какой-то миг усомнился, выдержит ли заклятие. – Мы получили бы силу! Могущество! Покарала бы каждого, кто осмелился помешать...

«Видит Претемная, какая же... какая же немыслимая, чудовищная и глупая подлость! Кристиан, Криспин... Малкольм, Малкольм, Малкольм! Ради силы, ради власти... Прямая ветвь Дорвеннов пресечена! Кто теперь взойдет на трон? Денвер, клянусь, ты будешь молить о смерти, как о высшем благе!...»

– В чем была твоя роль?

– Я разработал ритуал, – выплюнул призрак. – Я нашел его в старых трактатах! Они бы ничего, ничего не смогли без меня! Это я расшифровал записи служителей Баргота! Я, я приносил первые жертвы! Думаешь, было легко? Остальные пришли на готовое, это я все сделал так тихо, что никто не обеспокоился пропажей брюхатых бродяжек! Столько лет! Столько лет...

Грегора замутило, и он еще сильнее стиснул пальцы, услышав, что планка ветхого кресла хрустнула.

– Вы разработали ритуал? – переспросил он негромко. – Проклятье... зачем? Морхальт, старый вы негодяй, вы что, не понимали, что откройся ваш секрет – и не отмылась бы вся ваша семья?! Ваши дочери? Ваши внуки?

– Дочери? Внуки? – недоуменно переспросил призрак, словно не понимая, о чем речь, и вдруг расхохотался. – Семья? Да что мне за дело до этих пустышек, видит Баргот! Пусть бы хоть передохли, все равно от них никакого толку! Я пытался сделать из них что-то настоящее! Но не вышло. Бесплезная шваль, хоть и моя кровь! Это я нашел формулу призыва, я смог перестроить ритуал под жреца-некроманта! А теперь я стал им не нужен, будь они прокляты! Старый – сказали они! Слабый... бесполезный...

– Кто «они»? – уточнил Грегор, которого тошнило от ужаса и гадливости, но он старательно запоминал каждое слово.

– Денвер! Эта сучка Уинн! Да вся ее заслуга только в том, что она доставала деньги! И еще крутила болваном Адальредом! Она должна была заставить его открыть портал Академии в Озерный край! Кольхаун! Ривердейл! Солиньи! Мерзавцы! Твари неблагодарные! Все меня бросили, а когда понадобился – прибежали! Конечно, ни с кем другим бы мальчишка так легко не пошел...

Морхальт выплевывал имена, даже не сопротивляясь. Страшный и жалкий в своей обиде на бывших соучастников, он не пытался скрыть ничего. К огромному облегчению Грегора, ни Эддерли, ни других преподавателей, кроме Денвера, в списке мстительного духа не было. Двое-трое полужнакомых некромантов, пара целителей, один, кажется, разумник. Ну что ж, на память он не жалуется, все понесут кару! Кстати, а как же любимый ученик Морхальта?

– Роверстан? – с некоторой надеждой подсказал Грегор, и призрак скривился.

– Этот слюнтяй? Господин Белая Мантия? Чистоплюй непорочный? Да вы обезумели, Бастельеро! Скорее уж на поступок способны вы, чем он... Ему бы и магистром стать не удалось, если бы не протекция канцлера. Доверить ему что-то серьезное?!

Лицо Морхальта исказилось в презрительной усмешке, и Грегору на короткий неприятный миг вдруг показалось, что он смотрит в зеркало.

«Претемная, что за чушь!»

– Убирайтесь, – уронил он, сбрасывая сеть, и отчаянно пожелал Морхальту самой темной и холодной окраины в Садах, а еще лучше – преисподней.

Видит Претемная, старый мерзавец не заслужил ничего иного!

Последний раз отчаянно взыв, дух Морхальта исчез, а Грегор, поборов омерзение, упал в кресло и, нащупав бутылку карвейна, отхлебнул прямо из горлышка. Самое паршивое только начинается, может понадобиться все его сила, а лучшего и при этом безопасного стимулятора для восстановления энергии еще не придумали.

– Уинн... – прошептал он. – Адальред открыл портал ей, значит, он и для меня это сделает. Я был прав, Кристиан уже мертв, раз порталы были завязаны на его кровь. Но я должен забрать тело. И закрыть этот барготов лаз в Запределье. Вот именно барготов, да! К самому, значит, Проклятому решили постучать с черного хода, господи? Ну, так я вас прямо к нему и отправлю. Всех, до кого дотянусь!

Карвейн обжег желудок, ни капли не опьянив. Грегор встал, уже не чувствуя слабости, только ярость и желание немедленно действовать. Райнгартен уже должен быть в Академии, он сможет закрыть портал, если тот все еще действует.

Но прежде, чем выйти, он подошел к мертвецу и тщательно запомнил отпечаток алой силы, медленно гаснущий в энергетических сплетениях Морхальта. Кто бы ни приложил мерзавца, Грегор не собирался ставить ему в вину именно это, однако очень хотел найти неизвестного. Чем больше прояснится все, что здесь случилось, тем лучше.

«А ведь кое в чем старый мерзавец Денвер был тогда прав, – шепнула непрощенная подлая мысль. – Такое и вправду лучше скрывать от профанов. Стыдно за собратьев-магов...»

Морхальт нелепой и страшной грудой лежал на вытертом пыльном ковре, слепо глядя в потолок. Всего лишь еще один мертвец из тысяч, виденных Грегором. Что бы ему не сдохнуть несколько десятилетий назад с его гениальным, но нечеловеческим умом и талантом к медицине? Как? Ну как можно было одним и тем же мозгом совершать великие открытия в родовспоможении и исследовать ритуалы Баргота? Спасать одних женщин и безжалостно потрошить других?

Грегора давно уже мутило, не помог и карвейн, а стоило представить, что найдут рядом с флигелем-лазаретом – вовсе затошнило. «Брюхатые бродяжки»... Сила и души не рожденных еще младенцев – величайшая энергия и самая отвратительная по способу добывания. И это целитель?! Его же считали не просто гением, а бескорыстным творцом, всю жизнь и семейное состояние положившим на благо науки! За это прощали и отвратительный характер, и жесткое управление гильдией.

Отчаянно захотелось выпить еще карвейна, однако резерв быстро заполнялся, у Грегора с этим всегда было отлично, а вот опьянение сейчас только помешало бы. Денвер! Срочно отыскать эту тварь, а с уликами в особняке пусть разбираются другие!

«А ведь я только что убил деда своей будущей жены, – пришла еще одна усталая и непрошенная мысль. – Айлин лучше не знать об этом деле ничего! Слишком оно мерзкое, кровавое, отвратительное... Я бы не постыдился этого убийства в ее глазах, но ведь придется рассказать обстоятельства. Слава Претемной, что они с дедом не были близки. И неудивительно, пожалуй, что дочери его оставили. Или чувствовали что-то, или даже знали... Он и вовсе считал их, профанок, недостойными внимания. Хотя странно... Айлин же не просто магесса, она необыкновенно талантлива. Уникальна в даре! Почему Морхальт говорил обо всех своих потомках одинаково презрительно, словно забыл о ней? Но это к лучшему, определенно к лучшему! И хватит об этом ублюдке...»

* * *

Отряд Аластора добрался до столицы к полудню. Но еще за пару часов до того, как вдали показались высокие городские стены, стало понятно, что в Дорвенне неладно.

– Эй, парень! – окликнул Аластор угрюмого возчика телеги, нагруженной всяким домашним скарбом, уже третьей или четвертой, попавшейся навстречу. – Что в городе творится?

Тот глянул исподлобья, но не ответить дворянину не посмел, разумеется.

– Худо дело, ваша светлость, – бросил мрачно. – Демоны! А еще пожары и барготовы мародеры, чтоб их те же демоны и сожрали.

– Демоны? – вскинулся Аластор. – А ну-ка подробнее!

Вытащив монетку из поясного кошель, он кинул ее вознице, и тот, без всякой радости глянув на целую серебряшку, между прочим, принялся рассказывать. Спокойно, устало и от этого очень убедительно. Как сразу в нескольких частях Дорвенны открылись разломы в другой мир, откуда полезла всякая нежить и барготовы отродья. Как начали вспыхивать пожары, потому что уследить за огнем в разрушенных домах не всегда удавалось, да и лихой люд вечером вышел на улицы, пользуясь тем, что страже не до них. Как принялись громить лавки, конторы менял и трактиры, а потом утром, опьянев от хмельного питья и безнаказанности, некоторые улицы перегородили телегами и срубленными деревьями, крича, мол, если король и лорды не могут справиться с демонами, так простые люди сами возьмут в руки секиры да мечи.

Однако мечи крикуны брать не торопились, все как-то больше тянулись к бочонкам, чужому добру да бабским подолам. И ладно бы только гулящих девиц, так нет же...

Худенькая и просто одетая девчонка лет шестнадцати-семнадцати, скромно сидящая в уголке повозки, боязливо кивнула, подтверждая его слова.

– А что король и лорды? – не веря, но и не в силах отбросить рассказ, как невозможное, спросил Аластор. – А маги? В столице же полно магов!

– Лорды... Они, конечно, делают что-то... – Возница замялся, уже боязливо глянув на Аластора. – Да не в обиду вам, ваша светлость, против демонов у них кишка тонка. Кто собрался да в свои поместья скоренько ускакал, а кто в городских домах заперся да охраной их окружил. Маги, вот, стараются, это да. Только говорят, разломы эти какие-то особо зловредные, закрыть их трудно, а закроешь, так они опять открываются. Словно истлевшая рубаха, которую иголкой ткнешь – а возле заплатки новая дыра ползет. Вот и того, ваша светлость... Решили мы с женой переждать. В деревне, значит, у ее родителей.

– Ну, езжайте, – растерянно сказал Аластор, осаживая Искру и позволяя телеге проехать.

– Значит, везде? – бросил д'Альбрэ, тоже слышавший разговор, как и весь их маленький отряд.

– Баргот знает что... – отозвался Аластор. – Там родители! И мои сестры! Нужно ехать быстрее!

– Не беспокойтесь так, – уронил месьор, проводив телегу взглядом и снова повернувшись к Аластору. – Простолюдины всегда в массе своей трусливы, алчны и склонны к дурному. Если в столице тоже открылась эта дрянь, логично, что начались беспорядки. Но юные леди, насколько я помню, вышли замуж в дом из Трех дюжин. Значит, у их супругов есть возможность защитить свои семьи. Да и вашим почтенным родителям они вряд ли откажут в помощи.

Аластор кивнул, понимая, что фраганец прав. Магистр гильдии стихийных магов и главнокомандующий армии Дорвенанта – разве можно найти более надежное покровительство? Лорды Райнгартены позаботятся и о сестричках, и о батюшке с матушкой. Но все равно... Что же творится с этим миром? Демоны разгуливают по стране, как у себя в Бездне, или где там они обитают! Хоть бы в Академии все было благополучно! Ведь не может Айлин грозить опасность

среди множества умелых боевиков и некромантов?

Они продолжили путь в полном молчании: у Аластора на сердце было тяжело, месьора снова бил озноб, а слуги, шепотом обсудив жуткие новости, помалкивали, чтоб не раздражать господ. Вскоре впереди выросла Дорвенна.

У городских ворот злой на весь мир стражник принял от Аластора плату за въезд, но на просьбу поделиться новостями раздраженно мотнул головой на длинную вереницу телег, всадников и просто пешех, ожидающих выезда.

– Проезжайте, милорд, – буркнул он. – Видите, некогда нам. Если каждому объяснять, что творится, хоть бы и вашей светлости, так до вечера никого не выпустим.

«Скоро я узнаю все и так, – подумал Аластор, заставляя себя не гневаться на непочтительность. Действительно, нашел, у кого спрашивать. Отец наверняка знает положение дел и в столице, и в самой Академии из первых рук – от Райнгартенов. Я все узнаю! Айлин может о себе позаботиться, к тому же у нее могущественные друзья. Пресветлый Воин, да сам Бастельеро ее куратор! Впервые в жизни я этому так рад! Избранный Претемной не даст свою ученицу в обиду, верно? Только бы она, с ее живым характером и отвагой, сама не влезла во что-нибудь опасное!»

Дорвенна встретила их настороженной тишиной и отчетливым запахом гари в воздухе. Самих пожаров не было видно, однако пустые улицы вместо обычного столичного оживления навевали тоску и злость. Аластор крутил головой, разглядывая закрытые щитами витрины лавок, наглухо запертые двери, ворота и калитки, задернутые плотные занавеси в окнах. Город словно ожидал вражеского нашествия, и это было отвратительно. Но баррикады, о которых говорил беглец на дороге, встретились лишь однажды, когда Аластор со спутниками уже въезжали в свой квартал.

Здесь дорогу в самом деле перегораживала пара телег, возле которых дремал десяток солдат, встрепенувшихся на цокот копыт.

– Кто идет? – окликнул сержант, но, увидев пару дворян со слугами, заметно расслабился.

– Аластор, младший лорд Вальдерон. Следую в особняк своего рода, – отозвался Аластор. – В городе и правда так беспокойно, как говорят?

– Не знаю, что говорят, вашсветлость, – ответил сержант, махнув рукой, и пара солдат откатила телегу в сторону, чтобы кони могли проехать. – А только творится у нас один Баргот знает что. Демоны клятые лезут из всех щелей, как тараканы у хозяйки-замарашки. А люди еще хуже. Лорд Райнгартен расставил посты по городу, но этого мало. Не обессудьте, вашсветлость, но маловато нас для такого дела. Если лихой люд в господские кварталы повалит, снесут нас и не заметят. Больше для предупреждения стоим.

– Ясно, – уронил Аластор. – И все-таки благодарю, сержант. Вас и ваших людей.

– Рады стараться, вашсветлость, – хмуро отозвался тот.

Отряд проехал дальше, и через несколько минут Аластор, спешившись даже раньше слуг, забарабанил кулаком в ворота особняка Вальдеронов, окликая привратника. Хорошие ворота, кстати, добротные, из толстых досок, окованных железными полосами, и на укрепленных магией петлях. А ведь никогда раньше не обращал на это внимания. Вот что значит – беспокойное время.

– Юный лорд! – крикнули за воротами растерянно, но радостно. – Эй, бегом к его светлости! Милорд Аластор приехал!

Ворота распахнулись, кто-то принял коня, выбежали еще слуги, и это оказалось очень кстати, потому что Аластор вовремя, будто его толкнули, обернулся к месьору д'Альбрэ. Фраганец, посерев, качнулся в седле, ухватился за луку, но обмяк, теряя сознание.

– Лекаря! – крикнул Аластор, подхватывая наставника и с ужасом понимая, что тот горит в лихорадке. – Скорее!

... – Как же вас угораздило, Жозеф... – вздыхал примерно через час отец, сидя в кресле посреди гостиной. – Я бы себе в жизни не простил вашу смерть!

Фраганец, все еще бледный и слабый после операции, лежал на диване и прихлебывал горячий шамьет с медом, единственное, что разрешил пока целитель. Его плечо с недавно вскрытой, вычищенной и тщательно залеченной раной белело повязкой, лоб усыпали бисеринки пота, но лекарь клялся, что жизни и здоровью пациента ничего не угрожает.

– Ну-ну, Себастьян, – усмехался месьор слегка сконфуженно. – Меня даже демоны выплюнули, слегка надкусив. Признали слишком ядовитым... Но, признаюсь, могло обернуться куда хуже, если

бы не ваш наследник. Он показал себя с наилучшей стороны и в сражении, и в управлении поместьем.

– Я горжусь тобой, сын, – улыбнулся отец, тепло посмотрев на Аластора. – Ты правильно сделал, что приехал в столицу. Но вот вести, что привез, не радуют. Я-то надеялся, что дома все в порядке, даже думал просить у лорда Райнгартена сопровождение, чтобы уехать туда. А получается, что едва не отправился из одной беды в другую. Боюсь, в столице сейчас не найдется свободных магов, чтобы отправиться к нам. Они здесь-то едва справляются. Непонятно что творится. Ходят странные и страшные слухи о том, что первый разлом раскрылся прямо во дворце, но неясно, кто погиб.

– А что в Академии, отец? – не вытерпел Аластор, глотая горячий шамьет и едва не обжигаясь от нетерпения. – Адептов распустили по домам?

– Лорд Райнгартен говорит, что в этом нет необходимости, – вздохнул отец, бросив на него очень понимающий взгляд. – Уследить за таким количеством детей и молодежи проще, когда они в одном месте, да и охранять их легче. Не тревожься, мальчик мой, в Академии все должно быть в порядке!

– А если и нет, нам об этом не сообщат, – мрачно сказал Аластор. – Мне нужно... хотя бы написать ей письмо. Лорд Райнгартен ведь не откажет в таком пустяке? Она совершеннолетняя девица, в этом нет ничего зазорного. А если его светлость усомнится, пусть прочтет, я не собираюсь писать ничего постыдного. Просто хочу убедиться, что с ней все хорошо.

– Я понимаю, мальчик мой, – кивнул отец на этот раз сочувственно. – Однако это все равно потребует времени. И придется отправлять кого-то в дом Райнгартенов, а это небезопасно. Да – да, я знаю, что ты можешь съездить сам. И не сомневаюсь ни в твоей храбрости, ни в воинском искусстве. Но в городе и правда небезопасно, Аластор. Умоляю, пощади сердце своей матушки и подожди день-два. Я уверен, вскоре войска наведут порядок и усмирят обнаглевший сброд.

Аластор закусил губу, готовясь привести какой-нибудь веский довод, который вот прямо сейчас предстояло выдумать, но отец добил его своим, совершенно неотразимым.

– Подумай и о чувствах юной леди! Сейчас она полагает, что ты вдалеке от столицы в полной безопасности! А если она узнает, что ты рядом и желаешь встречи, не толкнет ли ее это на... необдуманный поступок?

Аластор чуть не задохнулся, представив себе Айлин такой, какой ее запомнил, с шальным упрямством в ярких зеленых глазах, с решительно выдвинутым подбородком. И ясно понял, что отец прав! Айлин еще как может выкинуть что-нибудь этакое! Во всяком случае, та Айлин, с которой он был знаком. Неизвестно, как она изменилась, вдруг стала милой, скромной и боязливой, как положено леди? Но что-то подсказывало ему, что скорее демоны скопом соберутся и улетят в неведомые страны, как птицы по осени, чем с Айлин произойдет подобная перемена.

– Хорошо, отец, – беспомощно склонил он голову. – Пару дней я подожду.

Глава 4. Оборвавшийся след

– Выпустите меня! Откройте, дерьмо Барготово! Да откройте же, это важно! Я не сумасшедший и не пьяный! – глухо доносилось из подвала.

– Ага, как же, – ухмыльнулся один из пары магов-боевиков, дежуривших во флигеле Службы безопасности. – Уж не знаю, с чем он карвейн мешал, но с трезвых глаз такое не привидится. Чем можем служить, милорд? – почтительно обратился он к Грегору.

– Мэтр Денвер на месте? – резко, но с тайным замиранием сердца спросил Грегор, не обращая внимания на вопли проштрафившегося адепта или младшего преподавателя.

Обычное дело. Посидеть несколько часов, а то и ночь в холодном подвале рядом с академическим моргом – самое то, что нужно для протрезвления. Хм, а голос вроде знакомый...

– Никак нет, милорд, – отрапортовал боевик. – Мэтр Денвер со вчерашнего утра не появлялся. Как пьяного Лионеля притащил и велел в холодную сунуть, так и пропал. Дурень Саграсс, это же надо было набраться до барготовых демонов, – поморщился он. – А нам теперь слушай эти вопли.

– Со вчерашнего утра? – отчаянно переспросил Грегор, понимая, что след мерзавца уже давно простыл.

А потом осознал сказанное дежурным. Саграсс! Это его удар красной силой читался в энергетической структуре Морхальта! На северной окраине, в доме с убитым адептом, Саграсс метнул в него заклятием, вот откуда Грегор помнит его почерк! Но что же это получается? Денвер выдал его за пьяного? Почему?

– Открывайте камеру! – велел он.

– Не положено, милорд, – растерянно отозвался второй дежурный, но тут же побледнел и вскочил под яростным взглядом Грегора, быстро проговорив: – Ладно, как скажете, большой беды не будет...

Грегор влетел в холодную, изнывая от бессильной злости, захлопнул за собой дверь перед носом дежурных и рывкнул:

– Где Денвер?

Саграсс, лохматый, в измятой одежде, с налившимися кровью глазами и бледный, как умертвие, при его появлении попытался вскочить, но с искаженным лицом опустился на узкую деревянную койку, застеленную одеялом, и заторопился:

– Лорд Бастельеро, умоляю! Я не пьян и не безумен! Вы должны мне поверить! Нужно остановить Денвера! Он украл принца! Я не знаю – зачем, но он на все способен...

– Молчать... – прошипел Грегор, прерывая поток бессвязных слов, и тут же гаркнул: – Саграсс! Вы боевик или нервная девица?! Успокоиться и доложить по форме!

Подручный Денвера захлебнулся очередной отчаянной фразой, смолк, а потом, как и ожидалось, выдохнул уже сосредоточенно и четко:

– Разрешите доложить, милорд. Мэтр Денвер и его сообщник, бывший магистр Морхальт, похитили его высочество Кристиана. С неизвестной мне целью. Вчера утром. Я невольно в этом участвовал, но я не знал! Пресветлым Воином клянусь, я не знал, что происходит!

Он встряхнул головой, и присмотревшийся Грегор увидел в сплетении телесных энергий боевика остатки сразу двух некромантских заклятий. Совсем недавно Саграсса очень качественно приложили параличом, а потом еще «пьяный язык» накиннули. И вот этот почерк скрипнувший зубами от злости Грегор ни с каким другим не перепутал бы. Денвер, чтоб его!

– Ближе к делу, – бросил он, и Саграсс торопливо кивнул.

– Мэтр Денвер сказал мне, что Морхальт замешан в поклонении Барготу, – так же поспешно продолжил он. – Я должен был наблюдать за ним и при появлении посторонних немедленно доложить Денверу. Напротив особняка Морхальта Денвер снял дом, отпустил хозяина и слуг. Я должен был там находиться неотлучно, даже еду приносили.

Он поморщился, а Грегор вспомнил наблюдателей, убитых на северной окраине. Как знакомо.

– Вчера утром к особняку приехала карета с королевским гербом и забрала Морхальта. На этот случай у меня был приказ ожидать на месте. Я и ждал...

Саграсс опять скривился, и Грегор сообразил, что у боевика должна жутко болеть голова. Протянув руку, он вытащил остатки темных нитей, вплетенных в энергетические потоки Саграсса. Не из жалости, а чтобы рассказ был как можно точнее. Однако Саграсс благодарно кивнул и продолжил:

– Морхальт вернулся через три часа, примерно к полудню, но уже в другой карете. Кучер помог ему выйти, а потом вытащил из кареты парня лет восемнадцати-двадцати. Профан, самый обычный, одет как дворянин. Лицо такое непримечательное... И то ли под заклятием, то ли просто оглушенный. Я не знал, кто это! Он выглядел совсем иначе, понимаете?!

– Дальше! – бросил Грегор.

– Я нарушил приказ, – обреченно сказал Саграсс. – Подумал, что парня готовят в жертву. И если за ним явится несколько человек, я могу и не успеть. Или не отбиться. Я... вошел в особняк, приложил Морхальта Молотом... Легко, чтобы этот старый пень не рассыпался! Забрал мальчишку и отвез его в Академию. К Денверу. Милорд, я Пресветлым клянусь, если бы знал, что это принц...

– Денвер, полагаю, обрадовался, – ледяным тоном подсказал Грегор, и Саграсс кивнул.

Склонил голову, будто пряча взгляд, но тут же снова поднял ее и посмотрел Грегору в глаза. Сказал с таким же холодным спокойствием, не пытаясь оправдываться и, несомненно, отлично понимая, что за этим последует:

– Мэтр Денвер обрадовался чрезвычайно. Он ударил меня заклятием, я не мог шевелиться и говорить, но понимал и видел все. Он снял с принца иллюзию и сказал, что я отлично послужил делу Баргота. И велел сказать вам... Цитирую: «Когда надменный дурень Бастельеро доберется до тебя, передай ему мои наилучшие пожелания и совет сдохнуть как можно позже. Дорвенант ожидают интересные времена, помешать этому он уже не сможет, но пусть помнит, каким болваном был».

Грегор прикрыл глаза, изо всех сил сдерживая дикое желание убить, размазать, растереть в порошок... За неимением Денвера – хотя бы этого наглеца! Тупицу, погубившего Кристиана! Мага и дворянина, виновного в пресечении королевского рода! Мгновения тянулись мучительно, и единственное, что спасло Саграсса, это то, что Денвера Грегор ненавидел несравненно больше.

– Что было потом? – выдавил он, не открывая глаз, хотя уже примерно представлял, что услышит.

– Потом Денвер снова накинул на принца артефакт с иллюзией, вызвал дежурных и велел отнести меня в холодную, – с бесстрастной обреченностью сказал Саграсс. – Говорить я не мог, а когда речь вернулась, мне никто не поверил, конечно. Посчитали мертвецки пьяным, я же кричал такие невозможные вещи. Милорд, умоляю! Я готов принять любую кару. Любую, слышите? Но скажите его величеству, что я не предатель. Я не знал! Я бы умер за королевскую кровь! Я...

– Некому говорить, – тихо уронил Грегор, вдруг перестав злиться на этого глупца, которого Денвер погубил в благодарность за честную службу.

Кто бы ни взошел на трон, Саграсса, косвенно виновного в смерти принца, не ждет ничего хорошего. Если боевик пройдет испытание у магов разума и подтвердит правдивость своего рассказа, то... опала – это самое меньшее. И ему, и всей его семье. А у него двое младших братьев, тоже маги, один учится на факультете некромантии на одном курсе с Айлин Ревенгар, второй еще ребенок... И их судьбы Денвер тоже растоптал. А скорее всего Саграсса казнят, потому что он был слишком близок к Денверу, много лет выполняя его поручения.

– Его величество и принц Криспин тоже мертвы, – беспощадно сказал он и увидел, как измученное лицо Саграсса, верно понявшего это «тоже», заливают вовсе смертельная белизна. – Вы будете ждать своей участи здесь, и решать вашу судьбу не мне.

– Да... милорд... – почти беззвучно сказал Саграсс и наконец-то уткнулся лицом в ладони,

согнувшись на кровати в безмолвном отчаянии.

Грегор вышел из камеры и бегом поднялся наверх. В висках стучала кровь, требуя немедленно сотворить хоть что-нибудь, лишь бы выплеснуть иступленную ярость, смыть унижение.

– Саграсс остается под стражей! – резко сказал он вскочившим при его возвращении дежурным. – Доступ к нему только дознавателям Ордена. Бумага и чернила есть?

– Да, милорд, – растерянно отозвался один из дежурных, взглядом указывая на стол, где стояли кувшин с шамьетом, какая-то еда, доска для «арлезийских башен» с недоигранной партией и чернильница.

Грегор присел на стул, взял перо. К Эддерли прямо сейчас идти нельзя! Магистр имеет право запретить ему самостоятельное расследование. А в подобном случае Грегор просто сойдет с ума от невозможности отомстить! Есть еще слабый шанс, что Денвер до сих пор на месте ритуала. Наверняка с ним кто-то из барготопоклонников, но плевать! Даже напротив, это хорошо!

Он почти с наслаждением подумал, что убьет всех, кого там застанет. Никакого суда для тварей! Их все равно приговорят к смерти, он просто выполнит приговор как можно раньше.

«Магистр Эддерли! – торопливо написал Грегор. – Смерть короля и принцев – дело поклонников Баргота. Морхальт признался, будучи призраком, и я заверяю это своим словом. В саду Морхальта огромный беспокойный могильник, пошлите туда людей. Глава заговора – Денвер, список остальных прилагаю, нужно взять под стражу всех, кто еще не сбежал. Я отправляюсь к месту ритуала, возьму с собой Райнгартена. Координаты портала у Адальреда, если не вернемся через два часа, пришлите кого-нибудь. Ваш Грегор».

Перо замерло над последней строчкой. А ведь если Эддерли получит послание прямо сейчас, то успеет помешать. Значит... его нужно передать, уже отправляясь. Райнгартен! К Адальреду нужно идти прямо с ним.

Сжимая в пальцах едва просохший листок, Грегор выскочил из флигеля и стремительно прошагал к основному корпусу Академии. В воздухе витало что-то странное. Что-то знакомое и очень неприятное, словно остаток сильных чар, уже рассеявшихся, но оставивших отвратительное послевкусие. «Наверное, отдача от Разлома во дворце, – подумал он. – Когда подобная дрянь открывается рядом с тобой, в личных энергиях остаются следы. Надо будет показаться целителям. Потом...»

Ему повезло, Райнгартен попался навстречу прямо в холле первого этажа.

– Этьен, вы идете со мной! – сообщил Грегор, бесцеремонно хватая стихийника за рукав мантии. – Мы немедленно отправляемся к месту основного разлома.

– Вы рехнулись! – возмутился магистр, но покорно пошел. – Я еще после вчерашнего сам не свой. Какой Разлом?! А если там демоны?!

– Мне плевать, кто там, – яростно прошипел Грегор. – Если там демоны, им же хуже!

Про барготопоклонников он умолчал, резонно рассудив, что тогда не в меру рассудительного стихийника и силой в портал не затащишь. Мелькнула мысль, что стоит прихватить с собой несколько боевиков, да и помощь других магистров не помешала бы. Кристоф! Проклятье, он ведь тоже крови Дорвеннов. И в любой момент главе Красных угрожает смертельная опасность. Задержаться и предупредить его?

– Что?! – взвыл Райнгартен, благо в коридоре, ведущем к южному крылу, никого, кроме них, не было. – Вам, может, и плевать, а мне, представьте, нет! Я кормом для этих тварей, как Великий Магистр, становиться не собираюсь!

Грегор остановился как вкопанный, отпустил стихийника и потрясенно взглянул на него.

– Как Великий Магистр? – переспросил он. – То есть... Погодите, что с ним случилось? Когда?

– Вы что, не знаете?! – выдохнул потрясенный Райнгартен. – Бастельеро! Да где вы были все это время?! Вы действительно не знаете ничего?! Про Великого Магистра? Про Кристофа? Про то, что здесь вчера творилось?!

– Я не заходил сегодня в преподавательскую, – сквозь зубы проговорил Грегор. – Приехал из дома и сразу пошел на лекцию. Потом уехал... в одно место. Райнгартен, объясните уже, Баргот вас поberi!

– Себе его возьмите, – огрызнулся стихийник. – Я сам вчера был во дворце вместе с вами! А пока там открывался разлом, убивший короля и наследника, второй случился здесь, прямо в зале Совета! Нестабильный, понимаете?! Великий Магистр погиб, а Кристоф... Он закрыл эту дрянь собой! Запечатал ритуалом ключа на крови!

– О Претемная... – прошептал Грегор, для которого картина случившегося стала еще яснее.

Портал на кровь Дорвеннов, ну конечно! В зале Совета он навелся на магистра Кристофа! И Кристоф, получается, пожертвовал собой, спасая Академию от нестабильного портала с ордами демонов по ту сторону... Но никто не понял, что сам боевик и послужил его причиной. Закрыть! Немедленно закрыть первопричину, исходный разлом!

– Это ничего не меняет, Этьен, – сказал он устало. – Напротив, именно потому мы должны прекратить происходящее. Давайте просто сделаем это! Вы вчера заштопали проклятую дыру в несколько минут!

– А если у меня их не будет? – хмуро поинтересовался Райнгартен, сам уже наверняка сообразивший, что Грегор прав, закрывать нужно исходный разлом и как можно скорее. – Если нас размажет порталом во время перемещения? Погодите, вы же тогда и про Дорвенну не знаете?! Порталы тоже нестабильны! А в городе беспорядки, потому что разломы открылись и там. Сообщают о четырех как минимум!

«А эти – то откуда? – изумился Грегор. – Неужели были еще бастарды, кроме Кристофа? И еще сто раз проклятье! Стоит всем понять причину разломов, как всем станет ясно, что в принцессах нет крови Дорвеннов! При них-то разломы не открываются! Но об этом потом...»

– Портал обеспечит Адальред, – сказал он твердо. – Уж магистр артефакторики позаботится, чтобы мы добрались до места невредимыми. А если вы все равно боитесь, я поставлю щит! На обоих!

– Сам поставлю, – фыркнул уязвленный до глубины души стихийник. – Возомнили о себе! Я, конечно, не Избранный, но уж как-нибудь...

– Вот и отлично! – рывкнул Грегор, заталкивая Райнгартена в личную мастерскую Адальреда, к которой они как раз подошли.

– Чем обязан? – удивленно поднял голову от стола магистр.

Райнгартен все еще обиженно фыркнул, сухо поклонившись артефактору и всем своим видом показывая, что не имеет никакого отношения к действиям спутника. А Грегор глянул на старшекурсника в мантии Синего факультета, который с очень несчастным видом оттирал пятно на другом столе.

– Юноша! – позвал он. – Будьте любезны сходить на факультет некромантии и передать этот листок магистру Эддерли. Только лично ему в руки!

Спохватившись, он сложил послание и запечатал его магически.

Адепт вопросительно глянул на своего магистра, но тот кивнул, а потом, проводив выскочившего за дверь парня взглядом, недовольно посмотрел на Грегора и сообщил:

– При всем уважении, мэтр Бастельеро, распоряжаться чужими адептами в присутствии их преподавателя – дурной тон.

– Дурной тон? – повторил Грегор, шагая к столу, за которым сидел артефактор, и опираясь ладонями о его крышку. – Адальред, вы не представляете, во что вляпались! В Академии заговор барготопоклонников против короны! Погибла вся королевская династия! И глава нашего Ордена – тоже! О других жертвах я уже не говорю.

– И что? – брюзгливо отозвался артефактор, явно еще ничего не понимая. – Вчера я там был, между прочим. В отличие от вас. И смею заметить...

– Не смеее, – прошипел Грегор. – Вы ничего не смеее сказать, потому что замешаны в заговоре по самые уши. Точнее, не вы, а ваша драгоценная Уинн! У меня на руках показания, что она барготопоклонница! Она участвовала в кровавом ритуале! Над членом королевской семьи! А вы, жалкий болван, были ее ручной зверушкой! Она вас использовала! Это же вы открывали ей портал вчера утром?! А знаете, что именно там принесли в жертву принца Кристиана?!

– Грегор... – осторожно напомнил о себе Райнгартен.

Но Грегор лишь отмахнулся от стихийника, яростно продолжив:

– Благодарите Всеумелого Мастера, что один из главных виновников подтвердил вашу непричастность! Вы не убийца, но кукла настоящих убийц! Их слепое орудие! Неужели вы поверили, что нужны ей...

Он осекся, видя, как артефактор молча рванул рукой воротник синей мантии, словно тот его душил, и как лицо его налилось дурной кровью.

– Она... не могла... – просипел Адальред, глядя умоляюще. – Не могла меня обмануть... Она любит меня...

– Да очнитесь вы! – крикнул Грегор. – Столица в разломах! Королевство и Орден обезглавлены! А вы думаете о своей... своей пассивности?!

– Осторожнее, Грегор, – тихо сказал позади Райнгартен, и Грегор опомнился.

Действительно, если сейчас Адальреда хватит удар, кто откроет портал?

– Перенесите нас туда, – сказал он уже спокойнее. – И я буду ходатайствовать о вашем помиловании. В конце концов... не вас первого обманывает женщина.

Собственный позор глухо и противно всплыл в памяти. О да... Грегор тоже видел смысл жизни в одной-единственной женщине, ее улыбках, взглядах... да просто в том, что она помнит о нем благодаря его победам! Пожалуй, Адальреда с его глупой и жалкой любовью к магистрессе Уинн можно понять.

– Что мне делать? – беспомощно и как-то по-детски спросил артефактор, переводя взгляд с Грегора на Этьена Райнгартена и обратно. – Я... я вам не верю. Она не могла. Но если это правда... Мне тогда незачем жить, понимаете? Если все это было ложью... все годы...

На мгновение Грегор почувствовал укол жалости. Но тут же сочувствие сменила злость, круто замешанная на собственном позоре, и он бросил Адальреду:

– Да делайте, что хотите! Отправьте нас туда и дайте координаты тем, кто за ними придет. А потом хоть вешайтесь, мне, право, дела нет!

– Да-да, конечно... – с нелепой застывшей слабой улыбкой сказал Адальред. – Я вас отправлю. Это... Озерный край. Да вы и сами знаете, наверное.

– Озерный край? – уточнил Грегор. – Где максимальное истончение слоя реальности? Ладно, разберемся!

– Это не опасно? – влез Райнгартен. – Адальред, я вам э-э-э... глубоко сочувствую... но если портал не стабилен... а они сейчас все не стабильны!

– Мои – стабильны, – на миг став прежним, холодно сказал артефактор. – Вы же не думаете, что я рисковал бы... Констанцией.

«Констанция? – поразился Грегор. – А ведь я даже не знал, как ее зовут. У этой желчной,

некрасивой, злой и жадной женщины было имя? И сама она была смыслом жизни для вот этого нелепого человека, помешанного на работе и на ней, своей любви? Претемная, как же странно и горько...»

Адальред тяжело поднялся из-за стола и скупыми движениями, как оживленный голем, подошел к стоящей у стены каменной горгулье. Сунул ей руку в открытую пасть, что-то там повернул. Глаза горгульи засветились ярко-голубым, два луча скрестились на полу, образовав круг света, и артефактор обернулся.

– Вот, – просто сказал он. – Заряда портала хватает на пять часов. Я не буду его отключать, клянусь Всеумелым Мастером. Координаты уже заданы. Я никогда не спрашивал Констанцию, зачем ей куда-то нужно. Просто делал, как она хотела. Вы сможете вернуться обратно этим же порталом.

– Стабильный портал, заряженный на такое время? – недоверчиво переспросил Райнгартен. – В точку пространства почти у границ Дорвенанта?

– Я его усовершенствовал, – ответил Адальред, и в его голосе прозвучала тень былой брюзгливой надменности. – Но воспользоваться им могу только я. Так что поторопитесь.

– Идемте, – бросил Грегор, и Райнгартен, в последний раз подозрительно оглядев круг света и проверив его магическим пассом, ступил в портал, одновременно ставя щит.

Грегор последовал его примеру. Его пробрала знакомая дрожь, в этот раз особенно сильная. В ушах зашумело, привычно потемнело в глазах, но он упрямо шагнул вперед, прикрываясь щитом, и... вышел из портала на другой стороне. Из мастерской артефактора – на густую, еще по-весеннему невысокую траву, покрывающую вершину холма.

– Всеблагая Мать! – то ли ругнулся, то ли взмолился рядом Райнгартен, и Грегор его понимал.

Всю макушку холма занимало жерло огромного разлома, повисшего над выжженным кругом земли, спекшейся от страшного жара. Вокруг валялась примерно дюжина тел в самых причудливых позах, тоже обгоревших, изуродованных страшным выбросом силы. А в середине круга, по странной причуде магии совершенно не тронутый огнем, смотрел в небо над порталом принц Кристиан. Его руки и ноги были растянуты и привязаны к колышкам, придавая жуткое сходство со звездой. Грудь юноши вскрыли так же, как у первых жертв пять лет назад, и засохшая кровавая лужа окружала тело.

Райнгартен ругался и поминал Всеблагую где-то за плечом Грегора. А Грегор прошел мимо мертвецов, не приглядываясь к остаткам лиц, шагнул в круг, с усталым равнодушием нарушая его границу, вытащил ритуальный кинжал, оставленный в груди на том месте, где должно было быть сердце. И поднял уже застывшее тело на руки, остро жалея, что не может ни плакать, ни кричать, ни молиться, ни проклинать. И даже убивать здесь уже некого. Ни людей, ни демонов.

– Он нестабилен! – нервно предупредил Райнгартен. – Грегор, он в любой момент может снова рвануть. Или открыть лаз в Запределье. Или...

– Ну, так сделайте с ним что-нибудь, – спокойно велел Грегор, бережно вынеся тело из круга.

Он снова не успел. Как нелепо и подло... Мальчишка, сын его друга и короля, не дождался помощи. Умирал в ужасе и боли, преданный тем, кому доверял, отданный твари Денверу по чудовищной ошибке Саграсса. И винить некого, наверняка старый мерзавец валяется среди тех, кого убил ритуал. Игры с Барготом хорошо не заканчиваются. И все бессмысленно. Только кровь на траве, горящая столица и смута впереди.

«Мне придется вернуть Беатрис тело ее сына, – подумал Грегор. – Ее последнего сына... Именно мне. А ведь она еще надеется, наверное. Даже сейчас. Какой бы чудовищной женой она ни была, но своих детей любила. Претемная, помоги! Я столько раз отправлял солдат на верную смерть, не считая себя преступником. Но в гибели этого юноши я неповинен, а чувствую себя так, словно сам искромсал его ножом. Первая жертва, с которой все началось. И сколько их еще будет! И... как мне

посмотреть в глаза его матери?»

* * *

Айлин еще несколько минут постояла неподвижно, глядя вслед скрывшемуся за деревьями магистру, встряхнула головой, прогоняя так некстати окутавшую ее легкую истому, и задумалась.

Значит, совет глав гильдий? Ну, это понятно, наверное, сегодня же выберут нового Архимага, не допустят же милорды магистры, чтобы Орден никто не возглавлял? И это в такой момент!

Место магистра Кристофа наверняка без всяких выборов займет его заместитель, мэтр Ладецкий. Порядки на Красном факультете просто армейские, некроманты всегда их вышучивали. А зря, в такой беде, как сейчас, это очень удобно...

А новым королем – как же жаль, до злых отчаянных слез жаль принца Криспина! – станет его высочество Кристиан? Айлин почти увидела вредного мальчишку высоко на дереве и прикусила губу. Хорошо будет король! И тут же одернула себя – ведь принцу тогда было всего двенадцать! Теперь его высочеству уже восемнадцать, он ведь немного старше, чем она, и принц наверняка не делает подобных глупостей. Кроме того, у него есть лорд-канцлер Аранвен, который, конечно, поможет новому королю принять власть...

Да и если быть совершенно честной, спрятаться на дереве от старшего брата – куда меньший проступок, чем... чем все, что она сама делала в этом возрасте! Чего только стоит свидание покойных мэтров Кирана и Мэрли! Нет, об их встрече она совсем не жалеет и устроила бы ее снова! Но вот Аластора непременно отговорила бы от посещения!

Аластор... У Айлин вырвался невольный вздох. Какое счастье, что его нет в Дорвенне! Он, по крайней мере, в совершенной безопасности.

А что же делать ей? Магистр Роверстан запретил покидать Академию, но ведь он говорил о пожарах и мародерах, с которыми не справляется городская стража. Разве могут маги в такой момент оставаться в стороне? Вот отец наверняка не стал бы отсиживаться за стенами Академии!

Впереди за кустами мелькнули черные мантии, и Айлин встрепенулась. Встречаться с другими адептами ей совсем не хотелось! Наверное, следует вернуться на уроки?

Но она не успела даже сойти с места, как из-за кустов вынырнул взлохмаченный Саймон.

– Ага! – торжествующе протянул он. – Я же говорил, что она здесь! Ревенгар! Нам сейчас такое рассказали, а ты все пропустила!

Он выбрался на поляну, за ним шагнул Дарра, очень бледный и тоже растрепанный. Немыслимо! Пусть даже в его случае растрепанность заключалась в том, что шейный платок из фиолетового шелка немного сбился набок. За Даррой показались и прочие Вороны, взволнованные и запыхавшиеся.

– Что я пропустила? – осторожно уточнила Айлин.

– Порталы в Запределье! – выдохнул Саймон, горя глазами, а Дарра едва заметно поморщился. – Лорд-канцлер прислал извещение Дарре...

– А еще появились мародеры и начались пожары, – машинально повторила Айлин слова Белого

магистра и вздрогнула, поймав обиженно-недоумевающий взгляд Саймона.

– Эй, так нечестно! Откуда ты знаешь?!

Айлин прикусила губу, скользнула взглядом по лицам названных братьев. Дарра встревожен, Галлахер и Кэдоган смотрят с любопытством, Сэвендиш хмурится, Драммонд переводит взгляд с нее на Саймона, с Саймона – на Дарру...

– Я... мне сказал милорд магистр Роверстан, – выдавила Айлин.

– Магистр Роверстан? – переспросил Саймон, глядя на нее с подозрением, и тут же бросил быстрый взгляд на Дарру. И Драммонд тоже взглянул на Дарру, нахмурился и посмотрел на Айлин с неприязнью... Что это с ними? – С какой это радости он с тобой так разоткровенничался? Ты же некромантка, а не разумница!

– Саймон, ты бестактен, – тяжело уронил Дарра и побледнел еще сильнее.

Его тонкие губы почти побелели, но серые глаза смотрели на Айлин твердо и прямо, так что под их взглядом ей стало непереносимо стыдно. Она впервые поняла, что до самого лета ей придется таиться от самых близких, чтобы не нарушить данное магистру слово. И неизвестно, простят ли ей это Вороны... а Дарра продолжил:

– У милорда Роверстана безусловно были веские причины. Если тебе неизвестно, магистр дружен с почтенной тетужкой милой Айлин, и вполне естественно, что он счел необходимым позаботиться о ее племяннице.

– А ты зануда! – возмутился Саймон. – Бестактен да бестактен, только это от тебя и слышу! Когда я умру от твоего занудства, прикажу, чтобы на моем надгробье высекали: «Это Саймон, он был бестактен»!

Дарра тяжело вздохнул, и Драммонд за его плечом бросил мрачный взгляд уже на Саймона, обидевшего его покровителя и кумира.

– Пожалуйста, не ссорьтесь! – вскрикнула Айлин. Не хватало только склоки сейчас, когда все должны держаться вместе! – Саймон вовсе не сказал ничего бестактного! Дарра прав, милорд магистр дружит с моей тетужкой и ее супругом. Поэтому он предупредил меня о разломах...

Она запнулась, с ужасом ощущая, что краснеет. Но она ведь не солгала ни словом, просто не сказала всего! И вообще, это все никак не касается Саймона, да и остальных тоже.

– Ну... ладно... – нехотя протянул Саймон, и Дарра спокойно кивнул. – Раз ты уже все знаешь... Пойдешь с нами? Мы собираемся к артефакторам за защитными амулетами!

Айлин поспешно кивнула, обрадовавшись перемене темы, и пошла рядом с Даррой, все еще пытаясь осознать происходящее. Демоны, разломы... Не отменят ли занятия в Академии? И как бы узнать, все ли благополучно в особняке Ревенгаров? Да, конечно, она больше не считает Артура и леди Гвенивер своими родными, но... Ей просто не хочется, чтобы с ними что-нибудь случилось. Артур писал ей все эти годы, пусть это и были только формальные поздравления с приглашениями. Вдруг им нужна помощь?

В самом начале южного крыла у Айлин резко и сильно закружилась голова. Она сбилась с шага, а

потом и вовсе остановилась, пытаясь понять, что произошло. Неужели новый прорыв?! Но нет, ничего похожего ни на ледяную лапу, сжимающую сердце, ни на знакомое предчувствие беды. Скорее уж это смахивало на близкий выплеск некроэнергии, ничего странного...

Некроэнергия – в крыле артефакторов?!

– Милая Айлин? – услышала она обеспокоенный голос Дарры мгновением раньше, чем почувствовала легкое прикосновение к плечу. – С вами все в порядке?

– Некроэнергия. Сильный выплеск, – пробормотала она, чувствуя себя бестолковой, но не в силах объяснить, что заставило ее остановиться. – Впереди и справа...

Саймон, шедший впереди, бросил на нее изумленный взгляд через плечо.

– Ревенгар, все мастерские слева! По правой стороне только личная лаборатория и покои магистра Адальреда, откуда бы там взяться некроэнергии?

– Действительно, откуда? – ровно согласился Дарра. – Господа, следует проверить все помещения справа. Немедленно. Если тревога окажется ложной, принесем извинения.

– Влетит нам, и никакие извинения не помогут, – мрачно предсказал Сэвендиш, но замер перед первой дверью, перед второй остановился Кэдоган.

Айлин прошла мимо них – ее словно тянуло вперед, к самой дальней двери...

– Ревенгар! Айлин, да постой же! погоди, мы с тобой! Мало ли, что там может быть?

Дверь была не заперта. Единственная из всех. Обогнавший ее Саймон с силой толкнул тяжелое дерево, заглянул внутрь и отшатнулся.

– О Претемная... Эй, сбегайте кто-нибудь за дежурным преподавателем! Айлин, отвернись!

Но Айлин хватило одного взгляда, чтобы увидеть подошвы сапог и немного стесанные каблуки. Они висели высоко в воздухе, едва виднеясь из-за дверной притолоки, и мерно раскачивались.

Глава 5. Выбор Грегора

Полторы дюжины стихийников и полдюжины боевиков вышли из портала примерно через полчаса. Мэтр Ладецки, заместитель покойного Кристофа и вероятный будущий магистр Красного факультета, огромный и хмурый, как медведь-шатун, кивнул Грегору издали, но не подошел, сразу начав командовать боевиками. Повинуясь его скупым командам и жестам, они разбежались по вершине холма и деловито приготовились поднимать щит, а стихийники во главе с Райнгартенем бросились производить замеры, чертить на земле и в воздухе начальные контуры, в общем, делать то, что обязательно сопровождает работу магов. Последним через портал прошел магистр Эддерли, и Грегор, еще не взглянув на бывшего наставника, по одной только дрожи сил вокруг почувствовал, что старый некромант в бешенстве.

Впрочем, Эддерли владел собой превосходно, как и положено магу его возраста и положения. Он окинул беглым взглядом залитую кровью звезду в горелом круге, нависшую над ней воронку разлома, тело принца, которое Грегор вынес из круга, завернув в собственный плащ, и изломанные трупы убийц. Потом обменялся парой слов с мэтром Ладецки, сдержанно кивнул Райнгартену, кажется, это должно было означать: «Занимайтесь разломом», – и подошел к Грегору.

– Не потрудитесь ли объяснить происходящее, мэтр Бастельеро? – потребовал он сухим тоном. – Но прежде давайте отойдем подальше. Не стоит мешать коллегам.

Грегор мысленно с ним согласился. Пусть некроэнергия не противодействует ни стихийной, ни боевой магии, но кто знает, что может произойти здесь, у проклятого лаза в Запределье?

– Итак, извольте доложить события сегодняшнего дня, – сказал Эддерли, глядя на Грегора с каким-то новым и определенно неприятным выражением лица.

Разумеется, разговор с Айлин Ревенгар магистра никоим образом не касался. Отойдя на два десятка шагов и глядя, как стихийники выстраиваются полукругом, а боевики отработанно растягивают общий щит на случай, если барготов разлом вдруг заработает, Грегор кратко рассказал, что случилось после лекции у Воронов. О поездке к Морхальту и поединке со старым негодяем, о том, как Адальред открывал порталы для своей драгоценной Уинн, о запертом в камере Саграссе и о Денвере, которого Грегор попытался найти среди мертвецов, но уж слишком они все были изуверены!

– Вы полагаете, что мэтр Денвер не погиб? – с тем же оскорбительным холодком уточнил Эддерли, и Грегор пожал плечами.

– Мерзавцев сожгла энергия Разлома, – сказал он как можно увереннее. – Но тело... его высочества Кристиана... не пострадало. Не пострадало сильнее, чем от жертвоприношения, – торопливо поправился он. – А это значит, что жрец выстроил мощнейший щит и, находясь рядом с жертвой, вполне мог выжить. Полной уверенности, конечно, нет – я не рискнул допрашивать мертвецов рядом с Разломом...

– Хвала Претемной хотя бы за это, – процедил Эддерли и, прежде чем Грегор успел возмутиться, яростно сверкнул глазами. – Молчать, мальчишка бестолковый! Вы и без того натворили непоправимых глупостей! Какой демон навел вас на мысль ехать к Морхальту, да еще в одиночку?! Не стану спрашивать, зачем вы его убили, в конце концов, он напал первым, но что, во имя Претемной, заставило вас его упокоить?! До духа Морхальта нам теперь не добраться, Денвер погиб или бежал, принц убит, а у нас есть только ваши слова, которые никто не может подтвердить! Кроме Саграсса, который тоже замазан во всей этой мерзости! Да-да, вы ведь не знаете, а Адальред после вашего переноса покончил с собой! Решил не дожидаться суда... Вы хоть представляете, что теперь будет с Орденом?! И вместо того, чтобы прийти ко мне и все рассказать, вы оседлали Райнгартена и помчались совершать подвиги?! Не сомневаюсь, это прекрасно действовало на войне, но то, что происходит сейчас, не война!

«Не война?! В самом деле? А что же тогда?! – с трудом сдерживаясь, подумал Грегор. – Кому, хотелось бы знать, я должен был довериться настолько, чтобы взять с собой?! Вы и слушать меня не стали бы, обвини я в барготопоклонничестве главу Орденской безопасности! И бывшего магистра Зеленых, личного лекаря королевской семьи! А прочие... вам напомнить, кто оказался главой заговора? Даже Морхальт мог не знать, куда на самом деле протянулись шупальца этого спрута! И с каких пор, хотелось бы знать, вам стало недостаточно слова Бастельеро?!»

Однако он промолчал, понимая, что магистр, по сути, прав. Победителей редко судят, но если бы

хоть что-то в его отчаянных действиях пошло не так, а подозрения не подтвердились... Что ж, тогда Грегор ответил бы по всей строгости орденских законов, даже не думая просить снисхождения.

– Вы могли погибнуть, и мы никогда не узнали бы, что произошло, – продолжил Эддерли по-прежнему раздраженно, но теперь в его голосе Грегор различил жуткую, чудовищную усталость и разом погасившее его ярость беспокойство. – Поймите же, мальчик мой, мы не можем позволить себе потерять еще и вас! И это после того, как чистым чудом отбили вчерашнее нападение! Кристоф... – Магистр тяжело вздохнул, и Грегор со стыдом вспомнил, что Эддерли и глава боевиков были очень близки. Не он один здесь потерял друга. – Впрочем, – продолжил магистр Эддерли, – если бы не юная Ревенгар, жертв могло бы оказаться и больше. Вы превосходно обучили своих Воронов, Грегор, и я прошу, занимайтесь и дальше тем, что у вас получается, а не...

– Прошу прощения, магистр, – непочтительно прервал Грегор бывшего наставника. – Причем здесь Ревенгар?

– Она убила демона, – кратко ответил Эддерли. – Очень впечатляющие навыки, действительно, очень. Хотя я считал и считаю, что девушке ее лет рано иметь подобный практический опыт.

– Демона? – растерянно переспросил Грегор, пытаясь осознать, что речь действительно идет об Айлин.

Айлин Ревенгар? Адептка неполных восемнадцати лет, сильная и перспективная, но совершенно неопытная в настоящем бою?! Его Айлин?! Проклятье...

– Да, – рассеянно подтвердил Эддерли, наблюдая за действиями стихийников. – Она случайно оказалась в зале Совета во время прорыва. Убила демона, который порвал Великого Магистра, а потом... ассистировала Кристофу, когда он... Ну, вы понимаете... – Магистр поморщился, и Грегор кивнул в молчаливом изумлении. – Бедная девочка. Она так тяжело пережила его смерть. Роверстану пришлось оказывать ей помощь, а потом отнести к целителям буквально на руках. Хотя мне сказали, что она уже вышла на занятия. Молодость легче переносит потрясения. Но вы все-таки побеседуйте с леди Айлин... как ее куратор.

«Вышла на занятия? – с трудом понял Грегор. – После... после ночи, проведенной со мной. Дюжину проклятий! Получается, ко мне в особняк она сбежала из лазарета?! После пережитого ужаса и в поисках утешения?! А я, скотина пьяная... Претемная, как теперь еще раз извиниться? Если девушка действительно ничего не хотела, но поддалась недолгой слабости после своего первого боя... После первого боя!»

– Я поговорю с ней, – пообещал он магистру, понимая, что разговор опять получится неприятным.

Айлин обижена и оскорблена, ей будет очень трудно понять, что следует забыть прошлое и начать их отношения заново. Что ей не найти более заботливого и верного мужа, а он... Он изо всех сил постарается загладить невольную вину перед ней! И когда весь этот кошмар закончится, они обязательно будут счастливы! Только бы уберечь ее сейчас!

Некстати вспомнилось бледное серьезное лицо Дарры Аранвена, собравшегося делать своей подруге детства предложение. Впрочем, почему некстати? Об этом непременно следует подумать. Но... теперь Айлин ему наверняка откажет. Она честная и чистая девушка, несмотря на свою... ошибку. Принять руку и сердце того, кому не принесет в дар свою невинность? Только не Айлин Ревенгар! Конечно, она откажет Аранвену, даже если сын канцлера успеет сделать ей предложение. Но чтобы избавить Айлин от этого неприятного момента, следует держать Аранвена от нее подальше. Как можно дальше! Возможно, даже поговорить с Ангусом... Но сегодня его ждет совсем другой, куда более печальный разговор!

– Прошу прощения, магистр, – выдавил Грегор, взглянув на бережно завернутое в плащ тело. – Я действительно был неосторожен и сожалею, что доставил вам столько хлопот. Поговорим об этом позже. Я... мне нужно подумать... И отдать последний долг его высочеству.

– Подумать? – вскинул брови Эддерли и осекся. Помолчав несколько мгновений, добавил куда

мягче: – Грегор, мальчик мой, вам необязательно лично сообщать Ее Величеству...

– Обязательно! – отрезал Грегор и тут же спохватился: – Простите, милорд.

Эддерли сочувственно, но молча кивнул, и Грегор почувствовал благодарность за то, что магистр не стал настаивать. Это только его долг!

Последний раз взглянув на принца, он перевел взгляд на стихийников. Да что же они так долго?!

– Кажется, у коллеги Райнгартена что-то не ладится, – буркнул Эддерли, и Грегор молча с ним согласился.

Стихийники творили заклинание за заклинанием, воздух дрожал от оранжевой силы, но Разлом и не думал закрываться. Хуже того, он словно еще разросся, напитавшись силой, словно насосавшийся крови стригой. Или, скажем, клещ – не менее омерзительный кровосос.

Наконец Райнгартен что-то рывкнул, и полукруг оранжевых мантий распался, пропуская магистра. Боевики сняли щит, но с места не тронулись, а Райнгартен быстро подошел к Грегору и магистру Эддерли.

– Ничего не выйдет, – буркнул он, пряча за грубостью растерянность и даже, пожалуй, испуг. – Структура исходного заклятия совершенно уникальна, я бы с радостью казнил проклятого гения, который ее сотворил, но сначала заставил бы его объяснить, как распутать барготов клубок силовых линий! Вдобавок, в эту мерзость накачали столько некротической эманации, что сила мира действует рядом с ней непредсказуемо! Все наши заклятия только ухудшают положение! Мы не сможем его закрыть, просто не пробьемся!

– Это официальное заключение Оранжевой гильдии? – спросил Эддерли, разом постарев лет на десять, и Райнгартен сокрушенно кивнул, а потом добавил, разведя руками:

– Простите, коллега. Боюсь, что ключ от этой двери там же, где замок.

– Замка больше нет, – мрачно напомнил Эддерли, но Райнгартен сделал вид, что не услышал слова некроманта, и продолжил:

– ...Мы, конечно, будем искать другие пути. Вся гильдия! Возможно, поможет сочетание фиолетовой силы с оранжевой, но структура этого разлома мне совершенно не знакома, и я даже не представляю, сколько времени займет расчет формулы ключа! Месяц? Два? Больше?

– Сколько бы ни заняло, – вздохнул Эддерли, морщась так, словно каждое слово причиняло ему боль. – Мы можем сделать что-нибудь еще?

Стихийник как-то судорожно дернул головой.

– Можем и должны! – услышал Грегор собственный голос так, словно тот звучал со стороны. – Нужно подавить беспорядки в городе и защищать столицу от имеющихся разломов. Они ведь не закроются сами по себе, я правильно понимаю?

Райнгартен молча кивнул, а потом уточнил:

– Мы сможем закрыть их не раньше, чем решим проблему исходного. Все, что я могу понять, это что исходный разлом питает и провоцирует вторичные, отсюда их нестабильность. И отсюда же угроза новых, причем не только в Дорвенне. Я бы... – Он помялся, а потом все же закончил: – Поставил на то, что разломы будут появляться и впредь, особенно там, где ткань мироздания истончена.

Грегор не стал напоминать, что предупреждал об опасности еще пять лет назад. Понятно, что Денверу было не очень сложно воспользоваться его выкладками, поэтому и жертва принесена

именно здесь, в месте наибольшего истончения ткани мироздания. Какой теперь толк от того, что Грегор оказался чудовищно прав? Это ничего не изменило, раз предатель тайлся в самом сердце Ордена.

– Тогда в каждый город необходимо отправить роту солдат, самое меньшее, – решительно сказал он. – И придать им хотя бы пару боевиков и сильного стихийника. Демоны не страшнее фраганцев, они не владеют магией, так что солдаты справятся и с тварями, и с поддержанием порядка. На деревни армии не хватит, но там и разрывы вряд ли появятся.

– Пожалуй, – задумчиво согласился Райнгартен, и Эддерли кивнул, а Грегор вдруг осознал: Дорвенант ждут огромные перемены.

Великий Магистр и Кристоф погибли, Адальред покончил с собой... Уинн – туда ей и дорога, но боевика жаль, да и артефактор... С ним, пожалуй, вышло нехорошо. Но Адальред не юный адепт, а магистр, к тому же более чем зрелого возраста. И он имел право сам рассудить, чего в его случае требует честь мага и дворянина. Плохо, что Орден остался без главы и трех магистров из семи одновременно! И это когда погибла вся прямая линия Дорвеннов!

– Уходим, милорды, – бросил он, поднимая тело принца на руки. – Не будем терять времени больше, чем уже потеряно.

* * *

До дворца Грегор сумел добраться только к полудню, встречу узкого круга, о которой предупреждал Аранвен, никто не отменял, но во дворец приехали уже все лорды Трех дюжин, и было ясно, что Малый Совет непременно перерастет в Большой. И отлично!

Неважно, что теперь речь будет идти не о коронации младшего принца, а об обороне города. Учитывая, что творилось на улицах, Эжена Райнгартена ожидал крайне неприятный разговор! Пусть он главнокомандующий, а не начальник стражи, но гвардия – в его прямом ведении, и Грегору очень хотелось знать, почему она отсиживается в казармах, когда стражники сбиваются с ног, пытаясь поддержать в столице хотя бы видимость порядка.

А ведь перед Советом ему придется встретиться с... королевой. Как бы ни хотелось оттянуть встречу, а то и вовсе переложить эту тягостную обязанность на кого-нибудь другого.

«Ничего, – попытался подбодрить самого себя Грегор. – После разговора с ее величеством споры с лордами – почему-то я даже не сомневаюсь, что они будут! – наверняка покажутся приятным развлечением. Какое счастье, что хотя бы тело ей привезу не я. И какое счастье, что сейчас над ним работают иллюзорники. Никто не должен видеть принца таким. Ни одна мать не должна видеть таким своего ребенка!»

Королева ожидала его в малой приемной. Или не ожидала? Она стояла у окна, выходящего в сад, – черный силуэт на светлом фоне, похожий на арлезийские гравюры, – и не обернулась ни на официальное: «Лорд Бастельеро к ее величеству!» – ни на стук закрывшейся двери, и Грегор, пожалуй, был благодарен ей за это.

Когда на войне гибли его офицеры, он всегда сам отправлял их родным письма с приличествующими случаю соболезнованиями, но куда проще написать письмо, чем смотреть в глаза матери, потерявшей обоих сыновей!

По этикету ему следовало преклонить колено, не приближаясь ни на шаг, попросить прощения за дурные вести и поведать о судьбе принца, но...

- Вы нашли моего сына, Грегор? - тихо и глухо спросила королева...

Нет, все же сейчас - просто Беатрис.

- Я нашел тело вашего сына, ваше величество, - ответил он так же негромко, понимая, что от него не ждут ни слов сочувствия, ни оправданий.

Да и не могло тут быть никаких оправданий!

Она наконец отвернулась от окна, в несколько быстрых шагов подошла и всмотрелась в его лицо. Грегор встретил ее взгляд, мимолетно поразившись: сейчас, бледная и осунувшаяся, без единого украшения и в самом простом черном платье, Беатрис казалась прекраснее, чем пять лет назад на празднике в его честь. Может быть, потому, что тогда ее лицо было изумительно совершенной маской? А теперь в огромных черных глазах стыло настоящее горе.

«Она образец королевы. И мать - тоже прекрасная».

«Она любящая нежная мать...»

Проклятье! Трижды, четырежды проклятье... какой бы она ни была женой! Да и имел ли право Малкольм, сам неверный брачным клятвам, требовать верности от женщины, которой даже не считал нужным выказывать должную супругу нежность?!..

Какой бы она ни была женой, она любила сыновей так, как только может мать любить своих детей, и ее немое горе тронуло бы даже камень!

- Как... - начала она, осеклась, и Грегор вдруг ясно различил в ее голосе давно, казалось, исчезнувший итлийский акцент. - Как он умер?

- Легко, - солгал Грегор, зная, что ничто не заставит его сказать правду. Аранвену придется рассказать обо всем. Но не ей! - Его высочество не мучился.

Беатрис снова всмотрелась в его лицо, побледнела еще сильнее, и в ее глазах сверкнули слезы.

- Благодарю вас, мой Грегор, - тихо сказала она. - Благодарю... за весть и за ложь. А теперь, прошу вас, оставьте меня.

Он низко поклонился, попятился к двери, хотя Беатрис снова отвернулась к окну, и, выйдя в коридор, медленно и тяжело выдохнул.

Этот короткий разговор дался ему тяжелее Фарнелльской битвы! А ведь впереди еще одна битва, на этот раз - с лордами.

* * *

После двух Советов подряд Грегор вернулся в Академию в преотвратном настроении. Нет, первый Совет прошел именно так, как и ожидалось. Аранвен, который уже пришел в себя, сохранял ледяное спокойствие и был похож на хорошо отточенный клинок, Грегор в который раз порадовался, что Дорвенанту повезло с канцлером. Выслушав его доклад и дополнения Райнгартена-стихийника, Ангус сплел перед собой длинные тонкие пальцы, точно такие, как у его сына. Грегор зло и быстро отогнал мгновенное видение таких же бледных рук, только молодых, обнимающих Ревенгар... Айлин! Потом! Сейчас Аранвен королевству необходим, как никогда ранее, и ссориться с ним не следует. Но от Айлин Дарре придется отказаться. Он молод, может выбрать себе любую девушку...

- Итак, закрыть порталы прямо сейчас невозможно, - подытожил Аранвен. - Требуется ключ, которым может послужить лишь кровь прямого наследника Дорвеннов. Это... осложняет дело, милорды. Очень осложняет. Смерть его величества и их высочеств Криспина с Кристианом грозят стать даже большей трагедией, чем казалось.

- Простите, ваша светлость, - подал голос молодой лорд Кастельмаро, до этого тихо слушавший

рассказ. – Но ведь у нас имеются наследные принцессы! Они, конечно, юны, но кровь...

– Ах да, – сказал канцлер и слегка поморщился.

Грегор, понимающий, что именно он услышит снова, а остальные – впервые, с трудом удержался от брезгливой дрожи. Конечно, иного выхода нет, ближний круг должен знать правду, но пачкать этой грязью память Малкольма!

Впрочем, Аранвен был ожидаемо сух и бесстрастен, изложив только факты. Но их более чем хватило.

– Принцессы не от крови Дорвеннов? – пораженно проговорил Эдвин Кастельмаро. – Это доказано?! Но... как же проверка крови?!

Канцлер снова поморщился, и Грегор его отлично понимал! Вот так перед всеми признаться в подлоге, пусть и на благо королевства?

Проверка крови была древним ритуалом, который проводился во всех семьях Трех Дюжин, если возникали сомнения в верности супруги и чистоте крови наследников. С помощью него доказывали и принадлежность бастардов. Одна капля крови, уроненная на особый камень, хранящий изначальный, безупречно чистый образец крови рода, либо доказывала их идентичность, либо безусловно ее отрицала. Другие дворянские семьи не обладали такой возможностью, она была как-то связана именно с кровью Трех дюжин по тому же принципу, что и наследственная внешность.

Обычно ритуал проводился по запросу главы рода, иногда несправедливо заподозренная леди требовала таким образом очистить свое имя. Но королевская семья – единственный род, где ритуал подтверждения проводился обязательно для любого рожденного ребенка. Слишком велика была цена ошибки...

– Его величество Малкольм лично велел королевским магам составить фальшивое свидетельство о чистоте крови принцесс, – проговорил Аранвен с мраморно-белым и таким же неподвижным лицом. – Однако я видел результаты настоящего обследования и могу подтвердить своим словом, что дочери ее величества Беатрис не несут в себе крови Дорвеннов. Это легко доказать в любой момент повторным обследованием.

– Шлюха! – пораженно вскинулся Кастельмаро. – Она опозорила короля и Дорвенант! Осквернила супружеское ложе! А кто их отец?! Его следует...

– Сядьте, – уронил канцлер, и слово упало тяжело, словно каменная глыба. – Мы собрались не для того, чтобы обсуждать поведение королевы. И должен напомнить, что все, сказанное здесь, никогда не покинет стен этой комнаты. Вы клялись, милорды. Лорд Кастельмаро?

Эдвин бросил вопросительный взгляд на бывшего начальника, и Грегор ответил ему коротким кивком.

– Слушаюсь, – мрачно отозвался боевик и по-военному резко поклонился, а потом снова сел.

Оба Райнгартена и Эддерли тоже склонили головы, подтверждая, что поняли и согласны.

Грегор привык считать его «молодым», потому что был еще и старый Кастельмаро, Великий Магистр, но теперь... Теперь Эдвин – глава рода и сила, с которой необходимо считаться. Пожалуй, хорошо, что он до сих пор уважает своего бывшего мэтра-командора.

– Принцессы непригодны для закрытия портала, – подтвердил Райнгартен. – Однако, милорд канцлер, стоит подумать, кто станет будущим королем. Династия прервана. Бастардов, насколько мне известно, не осталось. И если лорды узнают, что Беатрис – неверная жена, а в принцессах нет королевской крови, никто не позволит ей остаться на троне. Финансы финансами, но нельзя же бесконечно торговать честью Дорвенанта. Если нет законного претендента, следует решить, кто станет... основателем новой династии.

«Да уж не ты, – зло подумал Грегор. – Не успела кровь Малкольма и его сыновей остыть, а вы уже делите их корону? Райнгартены не первые в очереди на престол!»

Он впервые взглянул на Ангуса Аранвена, понимая, что наиболее вероятный претендент из Трех Дюжин как раз канцлер. Аранвены – ветвь королевской семьи, они происходят от младшего сына Дорве Великого и Лебединой Девы Аран. Возможно ли, чтобы в них веками дремала королевская кровь?

«Не в той концентрации, что нужна, – тут же признал Грегор. – Иначе портал открывался бы рядом с канцлером. Ну что ж, даже формальный след крови Дорвеннов – это лучше, чем ничего. У канцлера здоровый и магически одаренный сын, возможный наследник. И Аранвены только выглядят бледными тенями, на деле они кого угодно переживут. Их убивают, это случается, но в остальном у них отличное здоровье, как у любого из Трех Дюжин. А власти и привычки к ней Ангусу не занимать. Пожалуй... Малкольм, друг мой, прости, но последние годы королем в твоей стране был именно Аранвен».

– Об этом говорить рано, – тем же ледяным тоном ответил канцлер Райнгартену. – И чтобы сразу пресечь разные... предположения, прошу учесть, что ни я, ни другие члены моей семьи не можем даже помыслить о претензиях на трон. Аранвены – хранители короны, а не узурпаторы. Мы продолжим искать кровь Дорвеннов. Любой бастард, которого признает камень крови Дорвеннов, может взойти на трон. Желательно, конечно, чтобы он был... подходящим. Но будем надеяться на милость Благих.

– Любой бастард, в котором достаточно крови, уже стал мишенью демонов, – буркнул бывший заместитель Грегора, а ныне командор армии Райнгартен. – Они сожрали Родерика Кристофа! А он был магистром Алых как-никак. У остальных и вовсе не имелось шансов!

– Родерик Кристоф пожертвовал собой ради Академии, – стылым от злости голосом поправил Эддерли. – Он как раз мог бы выжить, если бы не закрыл собой нестабильный портал.

– Это, конечно, подвиг, – упрямо гнул свое Райнгартен. – Только лучше бы он остался в живых, было бы полезнее.

– Ну, знаете... – яростно начал Эддерли.

– Хватит! – сказали одновременно Грегор и Аранвен и не без удивления посмотрели друг на друга.

– Прошу прощения, – дрожащим от гнева голосом сказал Эддерли. – В любом случае, уже поздно вспоминать Родерика... Нужно искать другую кровь Дорвеннов.

– Для начала нужно спасать столицу, – сказал Грегор. – Иначе от нее останутся развалины, на которых не удержится ни трон, ни тот, кто на него сядет. Скажите, Эжен, – глянул он на бывшего подчиненного. – Какого Баргота гвардия и прочие армейские части сидят в казармах? Почему вы до сих пор не вывели их на улицы и не погнали эту шваль огнем и мечом? Они жгут город!

– Поддерживать порядок на улицах – это не дело гвардии, – чопорно заявил Райнгартен, избегая его взгляда. – При всем уважении, милорд Бастельеро, армия больше не в вашем ведении. Я предоставлю войска в распоряжение нового короля... или регента... То есть кого-то, облеченного властью мне приказывать.

– А до этих пор солдаты будут сидеть в казармах? – по-змеиному прошипел Грегор, сам удивляясь своему голосу. – Демоны – жрать горожан? А шваль с окраин – грабить и палить Дорвенну? Вы хорошо подумали о своих словах, Эжен? Уверены, что армии нужен именно такой командор?

– Вы мне угрожаете?! – вскинулся Райнгартен и тут же осел на стул под взглядом Грегора, явственно побледнев.

– Ну-ну, коллега, – торопливо обратился к Грегору его кузен-стихийник. – Не нужно так... резко. Я уверен, мой дорогой родич переживает за город не меньше вас. Вы просто друг друга не поняли!

– Разумеется, я готов обеспечить подавление мятежа, – оскорбленно заявил Райнгартен-командор, но впечатление от его обиженного тона изрядно портили бледные и подрагивающие губы. – Это мой долг! Просто я должен знать, кому отчитываться. Если его светлость Аранвен, исполняя обязанности канцлера...

– Я исполнял их в мирное время и не собираюсь отказываться, – тяжело уронил Аранвен, и сразу стало видно, что он уже немолод и очень устал. – Однако сейчас положение требует иных действий, более решительных. Вы согласны, милорды, что ее величество Беатрис не может возглавить оборону столицы? В силу... своего пола, хотя бы.

– Разумеется! – подтвердил Кастельмаро, снова вспыхнув. – Она женщина! Профанка! Еще и

итлийка! И вообще...

– Безусловно, она к этому не способна, – кивнул Райнгартен-стихийник. – И вы предлагаете...

– Милорд Райнгартен, – указал канцлер взглядом на бледного командующего, – сам признал, что нуждается в приказах высшего руководства. Но я тоже человек, далекий от ведения боевых действий, будь противником нечисть или мятежники. Да и здоровье... Посему предлагаю избрать лорда-протектора, который примет всю власть на время беспорядков с целью их подавления. Вы же понимаете, милорды, – обвел он присутствующих взглядом холодным и тяжелым, как все торосы вольфгардского моря. – Это должен быть человек безупречной честности, который никогда не воспользуется полученной властью, чтобы захватить корону. Он должен пользоваться огромным уважением дворянства и армии. И, разумеется, обладать достаточным опытом, чтобы справиться с бедой. Лично я вижу среди нас только одного такого человека. Милорд Бастельеро! – Он остановил взгляд на Грегоре, и остальные, как по негласной команде, сделали то же самое. – Как лорд-канцлер королевства я прошу вас быть нашим щитом и мечом. Призвание лорда-протектора – защита Дорвенанта, никто не справится с этим лучше вас.

Грегор встал, чувствуя холод, бегущий по спине, и жар, медленно разгорающийся внутри. Лорд-протектор! Высшая должность, предназначенная для тяжелых времен, когда король по какой-то причине не может исполнять свои обязанности, а положение требует решительных средств. Проще говоря, человек, на которого можно свалить спасение государства от войны, голода, чумы, да чего угодно! Человек, который точно не оставит спасенную корону себе, а вернет ее законному владельцу. Полное доверие! И страшная ответственность. В истории Дорвенанта было три лорда-протектора, два из Аранвенов, один из Сазерлендов. И вот теперь меч протектора впервые будет вручен Бастельеро. Ему, Грегору!

– Это высокая честь, милорд, – сказал он чужим хриплым голосом. – Но не стоит ли вынести предложение на голосование всего Совета?

– Обязательно, – кивнул Аранвен. – Как только придем к соглашению между собой. Остальному Совету полезно будет увидеть наше единство. Итак, милорды? Мой голос – лорду Бастельеро. Если у вас есть другие кандидатуры...

В уголках его губ появилось что-то, похожее на улыбку, и Грегор с восхищенной яростью понял, что старый негодяй рассчитал все безупречно! Их тут шестеро! Сам Грегор за себя, разумеется, голосовать не может, а из пяти оставшихся у него точно будет три голоса. Даже если Райнгартены заупрямятся. А потом им придется согласиться с остальными.

– Мой голос – милорду Грегору! – заявил Кастельмаро, тоже улыбаясь, но широко и искренне. – Никто не справится лучше! Он воплощение чести и отваги!

– Лорд Бастельеро... справится, – согласился Эддерли с едва уловимой заминкой, и Грегора больно ударило сомнение в голосе старого наставника.

Что ж, Эддерли наверняка до сих пор переживает его неосторожное преследование сектантов. Но он ведь должен понимать, что других кандидатур и вправду нет. Не Райнгартену же доверить столицу! При чем любому из них.

– Полагаю, мы с кузеном будем едины во мнении, – изящно склонил голову стихийник, и командующий хмуро кивнул. – Лорд Бастельеро, примите наше полное доверие и подчинение в интересах государства.

Грегор на миг прикрыл глаза, а потом глубоко поклонился. Выпрямился и сказал с обреченной торжественностью:

– Если большой Совет Трех дюжин подтвердит мои полномочия, я клянусь, что употреблю их только во благо Дорвенанта.

... Еще бы они не подтвердили! Ему почти хотелось, чтобы кто-то воспротивился! Но все, на кого

падал его взгляд, спешили заверить в своем согласии и полной, безоговорочной преданности! А Грегор все мрачнее думал, что же такое творится, если Три дюжины похожи на испуганных овец, которые услышали волчий вой и жмутся к зубастой овчарке, видя в ней единственное спасение!

– Следует немедленно отправить войска в провинцию! – заявил Сазерленд, едва из королевского тронного зала принесли знаменитый меч протекторов – ту еще неудобную тяжелую железяку! – и с почти неприличной поспешностью препоясали ею Грегора. – Наши подданные там испытывают ужасные лишения от демонов!

«У него богатейшие поместья по дороге к Озерному краю, – привычно вспомнил карту Грегор. – Обойдется!»

– Милорд Бастельеро, – с деловитой бесстрастностью сказал Райнгартен-стихийник. – Оранжевая гильдия приложит все силы, чтобы помочь вам, но я должен предупредить. Если разломы продолжатся, неминуемо возникнут погодные аномалии. Они всегда сопровождают существенные разрывы ткани мира. Он покосился на профанов, так и сидящих в зале Совета тесной группой, и пояснил для них: – Зима среди лета. Со снегопадами. Да, милорды, прямо сейчас. Ливневые дожди. Град. Или засуха. Все, что угодно! Без предупреждения. И мы сможем исправить очень немного из этого. Сами понимаете, бесполезно отправлять стихийников на север и юг страны, когда порталы не работают, а град все равно уже прошел. Мы просто не успеем добраться в нужное место верхом, даже если узнаем, что там необходима помощь.

– Но это значит... что урожай может погибнуть, – первым сообразил Логрейн. – А с чего брать налоги?

– Лучше подумайте, чем кормить людей, – с ледяной вежливостью улыбнулся ему Райнгартен. – Хотя бы для того, чтобы они не вымерли и могли платить налоги в следующем году. Если не закрыть первичный разлом достаточно быстро, – обратился он уже к Грегору, – весь юг страны может быть потерян. Аномалии будут сильнее там, неподалеку от источника. А юг – это плодородные долины, главная житница королевства.

– Я понял, – кивнул Грегор, снова чувствуя бессильную злость. – Постарайтесь делать то, что можете. Лорд Аранвен, если... когда слова лорда Райнгартена подтвердятся, – поправился он. – Сможем ли мы купить хлеб у Итлии?

– Постараемся, – уронил канцлер. – Но вы же понимаете, что многое будет зависеть от расположения ее величества.

Злость перешла в холодную слепящую ярость, но Грегор не позволил ей вырваться наружу, чувствуя на себе понимающий взгляд Аранвена. Снова деньги! Проклятые деньги, цена чести... и жизни многих людей. Но если у богов есть капля справедливости для Дорвенанта, Беатрис не сядет на его трон полновластной королевой!

Грегор уехал из дворца уже поздним вечером, добившись довольно многого. Эжен Райнгартен получил план действий, а четкие приказы этот зануда исполняет быстро и дотошно. Значит, беспорядки в столице постепенно закончатся. Потом по возможности армия будет отправлена в другие города. Главное сейчас – отстоять Дорвенну, а там и обычные люди разберутся, что демонов можно и нужно бить. Это Грегор помнил еще по фраганской кампании: те же селяне в первые годы боялись захватчиков больше чумы и голода, но после Фарнеля, убедившись, что неуязвимых врагов нет, при случае лихо поднимали месьюров на вилы.

Вот только разломы будут продолжать рвать ткань мира, и новые станут открываться уже без всякой системы, просто потому, что рвется там, где тонко. Если селяне потеряют урожай, Дорвенант ожидает голод.

А сколько времени займет у Оранжевой гильдии расчет формулы ключа – один Баргот знает! «Месяц или два – сказал Райнгартен. – Но может быть и три, и четыре...» Останется ли, кого спасать, когда формула будет выведена?!

«Видит Претемнейшая, – отчаянно подумал Грегор, склоняясь над столом в своих покоях в Академии, куда велел принести все нужные справочники из библиотеки. – Я сам шагнул бы в этот портал, как Кристоф, будь во мне хоть капля крови Дорвеннов! И даже без нее... Но мы не можем!

Сейчас мы просто не можем потерять ни единого сильного мага. Райнгартен не удержит без меня столицу, а если и удержит, есть же Фрагана. Месьоры до сих пор не забыли поражения и, стоит разлому закрыться, непременно попытаются взять реванш. За эти годы они отдохнули, накопили сил... И чем им ответит Райнгартен? Кто защитит обескровленный, измученный голодом и нашествием демонов Дорвенант?! Нет, этот путь для нас закрыт, разве что все-таки найдется бастард...»

Мысль была отчаянной, но она пришла, и Грегор сам изумился, почему так долго не думал о том, что лежит на поверхности. Да что там, просто кричит о себе! Бастард...

Кристоф погиб, но ведь есть еще один. Если только он все еще жив.

Аластор Вальдерон. Старший сын Малкольма.

«Сын Джанет Вальдерон!» – яростно подумал Грегор, но легче от этого напоминания не стало.

Старший и последний сын Малкольма. Последняя кровь Дорвеннов.

«Я должен рассказать Совету о нем, – подумал Грегор, растирая пальцами ноющие от напряжения виски. – Но Аранвен и так знает! Почему он молчит?! У канцлера на мальчишку свои планы? Он ведь не может не понимать, что если в бастарде достаточно сильна кровь Дорвеннов, демоны явятся и за ним. Или... он уже послал за фальшивым Вальдероном? Но почему, почему, Баргот его побери, Аранвен промолчал на совете, когда речь шла о бастардах? Он собрал там самых проверенных! И промолчал... Неужели не доверяет вообще никому?»

Грегор вспомнил мальчишеское лицо с упрямо выдвинутой челюстью, светлые растрепанные волосы, хмельные, полные злости голубые глаза... Как он мог быть настолько слеп?! Аластор – копия Малкольма в юности, поставь его рядом с Криспином и Кристианом – разве что слепой не увидит, что это братья. Неудивительно, что Вальдероны носа не казали в столицу и даже скрыли возраст мальчишки, получается. Или просто представили его ко двору немного не вовремя. Их право, ничего особенного.

Аластор Вальдерон. Кусачий щенок, что уже вполне мог вырасти в волкодава, как обещал. Малкольм в его возрасте... Грегор облокотился на руки, спрятал лицо в ладонях. Злость и стыд мешались в нем, выжигая изнутри. На столе лежала карта Озерного края с меткой места, где проходил ритуал. И план заклęcia ключа, восстановленный по справочнику из тайной части орденовской библиотеки. Такие знания передаются только частным порядком, от наставника к ученику, причем далеко не всякому! Но к кому он мог бы прийти за этим? Только к Эддерли. Однако... не сейчас. Магистр еще после прошлого раза ему не доверяет. Если он узнает про Аластора Вальдерона, то потребует немедленно послать за мальчишкой. Мысль верная, однако нужно... хорошо все обдумать.

Заклęcie ключа, начерченное на листочке в виде схемы энергетических потоков, эффективное, но такое простое, что выполнить его мог бы любой сильный маг, притягивало взгляд Грегора, как один из проклятых гримуаров, о которых рассказывают страшные сказки юным некромантам. Тех, что вытягивают из мага душу и заставляют его творить страшные вещи, подчиняя волю.

Чушь! Все, что маг делает, он делает по собственному желанию и разумению! Не существует артефактов, способных полностью подчинить себе того, кто этого не желает. Соблазнить они могут. Нашептать, пообещать, уговорить... Но подчинить – нет!

«Я сделаю то, что должен», – пообещал себе Грегор, глядя на листок, исчерченный алыми линиями.

Чернила под рукой оказались только красные, и схема потоков имела зловещий вид. Очень правильно, если учесть, что это инструкция для принесения в жертву. Вопрос в том – кого?

«Аластор Вальдерон должен взойти на трон, – подумал Грегор спокойно и ясно, словно решая очередную задачу по распутыванию сложного проклятия. – Он последний Дорвенн. В нем половина крови Малкольма, ритуальный камень признает его обязательно. Древней магии плевать на

брачные традиции, она не знает, что такое «бастард». Аластор станет королем... Нет, я не буду думать, что он меня раздражает... Неважно! Никто не требует от дворянина любить своего короля, достаточно верности и послушания. Мне придется принести ему присягу. Но кто тогда спасет Дорвенант?! Райнгартен сказал, что исходный разлом создан некроэнергиями. Логично, учитывая, что он на крови. Стихийники пробиться не смогли. Возможно, это способен сделать достаточно сильный некромант? Почти наверняка! Но некромантов с кровью Дорвенна не существует, значит, при ритуале маг неминуемо погибнет. А кровь нужна все равно... Две жертвы или одна? Если только представить...»

Грегор принялся лихорадочно дополнять начальную схему, вспоминая все, что знал об этом разделе магии. Восьмиконечная звезда! Ему ярко представился древний символ Баргота, начерченный сначала на покрытой ином землей кладбища, потом на грязном полу дома адепта Морстена... Когда-то эта звезда была символом полноты Вселенной, равноправных потоков, направленных во все стороны и соединяющих мироздание в единую структуру.

Но Баргот пал, одержимый преступной гордостью и жадой невозможного! И восемь лучей звезды, признающей равенство преступного бога с благами божествами, стали символом зла, мятежа, лжи... Да какая разница! Восемь лучей – идеальная структура, позволяющая распределить потоки с безупречной уравновешенной точностью!

Схема легла на бумагу такая четкая, что Грегора это почти испугало. Он снова и снова проверял полученную формулу, но все сходилось безупречно. Райнгартен прав, нужна некроэнергия. Выброс жизненной силы в момент насильственной смерти. И кровь тоже нужна! С одним лишь ритуальным приношением в жертву мага, как это сделал Кристоф, нет полной гарантии. Но он показал путь!

Грегор в ледяном ужасе смотрел на листок с конечной формулой, перерисованной с черновика. Это была все та же исходная схема с некоторыми дополнениями. Простая, как все гениальное. И диктующая такой же простой выбор. Кровь Дорвеннов в качестве ключа. И сильный некромант, который использует ее, сворачивая портал обратно. Смерть в качестве активатора отзеркалит портал к исходному состоянию. Один из участников ритуала погибнет, либо ключ, либо исполнитель. У Денвера такой выбор не стоял, он просто убил принца Кристиана, не собираясь погибать сам. Но здесь выбор определенно был! Использовать кровь последнего Дорвенна и погибнуть самому, замкнув цепь, либо использовать и кровь, и жизнь Аластора Вальдерона.

«Аластора Дорвенна, – с той же ледяной четкостью поправил себя Грегор. – Убить себя, чтобы мог жить этот... щенок. Чтобы он взойшел на трон, чтобы правил... неизвестно как! Что там вообще приличного могли воспитать провинциальные дворянчики Вальдероны?! Будущего короля?! Даже не смешно!»

Он попытался представить на месте жреца кого-нибудь другого, не себя. Эддерли? Слишком стар. Да и отправлять своего наставника на смерть? Потому что боишься шагнуть в портал сам? Кто еще может? У Денвера хватило бы сил! Но старая сволочь либо погибла в первом ритуале, либо скрылась. Кто-то из молодых Воронов? Нет! Ни в коем случае! Уж своих учеников он точно туда не пошлет! Хуже предательства не придумаешь!

«Но ты посылаешь своих солдат и офицеров на верную смерть, – вкрадчиво напомнил голос памяти. – Чем это отличается? Ты же не думал, что рота, первой поднявшаяся в атаку при Фарнеле, выживет под ураганным огнем пушек месьюров? Ты точно знал, что нет. Но их смерть была оправдана. Командор армии имеет право посылать эту армию на смерть. Как и лорд-протектор имеет право решать, что нужно для блага королевства. Ты делаешь это не для себя! Королем ты уж точно не будешь...»

«И упаси Претемнейшая, – беспомощно подумал Грегор. – Корона? Ни за что! Я присягну любому, кого изберет Совет Трех Дюжин. Хоть Райнгартену! Да хоть... Сазерленду! Хотя глупости какие, конечно же, это будет Аранвен! Отличный выбор! Древняя кровь, благородство в каждой черте... Но бастард? Почему я должен спасать его ценой собственной жизни? Чем он ценнее меня или любого другого некроманта, если на то пошло?! Мальчишка-профан, наверняка непригодный, чтобы править. Да он может погубить страну куда вернее, чем пьянство и слабость Малкольма! А я... мне нужно жить. Чтобы защитить Дорвенант, чтобы стать опорой трона. Чтобы... да разве я мало отдал блага королевства?!»

Он скорчился над столом, с трудом дыша, алые линии расплывались перед глазами и выглядели так, словно уже были прочерчены кровью.

«Десять лет, – подумал Грегор, сам не зная, кого так яростно ненавидит сейчас. – Десять лет я жил войной, отдавал себя ей без остатка! А сейчас я хочу снова служить своей стране. Хочу исполнить

долг протектора, в котором поклялся. Я могу спасти тысячи жизней, а должен принести себя в жертву ради одной-единственной?! Я... не хочу умирать. Ради Малкольма – шагнул бы в проклятый портал без раздумий, по долгу вассала и друга. Ради его сыновей – тоже. Мне ли, Избранному Претемнейшей, бояться встречи с ней? Но я обязан жить ради тысяч дорвенантцев, которых могу спасти. Ради своих учеников. Ради Айлин... – Память об упрямой рыжеволосой девчонке обожгла стыдом, сладким и мучительным одновременно. – Я должен жениться на ней. Она моя любовь, мое спасение, а я – ее защита... И я ничем, – видят боги! – не обязан бастарду, случайному порождению юношеской глупости Малкольма! Да его вообще могло бы не быть! А раз он есть, значит, родился именно для этого. Спасти Дорвенант...»

Грегор сглотнул тяжелый горький ком, вставший в горле. Снова подумал, что выбора, в сущности, и нет. Пока Аластор Вальдерон не вззошел на трон, он такой же обычный дворянин, как его отец. И должен пожертвовать собой ради Дорвенанта, если у него есть хоть капля чести. Как Кристоф! И как сделал бы это Грегор, если бы Аластора Вальдерона не существовало в природе. Но глупо посылать на смерть генерала, если выполнить задание может юный лейтенантик без всяких талантов.

«Я переиграю Аранвена, – с безумной усталостью и отвращением подумал Грегор, видя, что за окном уже занимается холодная весенняя заря. Оказывается, он сам не заметил, как просидел за столом всю ночь. – Его сын верен мне, как и все Вороны Бастельеро. Десяток лучших молодых некромантов Академии – грозная сила, которой не страшны демоны, даже если в поместье Вальдеронов разлом. Только бы мальчишка выжил! Дарра привезет его мне, а заодно будет слишком занят несколько дней, и я успею поговорить с Айлин. Да, не очень честно. Но чего он ждал столько лет?! Пока я пойму, что мне не нужна ни одна девушка, кроме нее? У Дарры Аранвена была тысяча возможностей завоевать ее сердце, значит, я имею право не упустить своей одной. И значит, мне нельзя умирать. Прости, Малкольм...»

По сердцу последний раз острой болью резанула вина. Но когда Грегор встал из-за стола, оставив карту и расчеты дожидаться своего возвращения, на душе у него было мрачное спокойствие. Он сделал свой выбор и готов был ответить за него хоть перед людьми, хоть перед тенью старого друга, хоть перед самой Претемнейшей.

Глава 6. Встреча с судьбой

Выполненный заказ положено обмывать, удача любит щедрых и умеющих ценить ее дары. Мастер Ларци, правда, на это обычно усмехался в коротенькую бородку и говорил, что удача любит умных и аккуратных. А чтобы выпить и поесть в хорошей компании, особые поводы не нужны, достаточно желания и немного денег в кармане. Впрочем, даже если карман именно сегодня пуст, какой хозяин трагтории не найдет достойному синьору, нечаянно позабывшему кошелек дома? Особенно, если синьор давно знаком и может при случае оставить в трагтории золотой скудо за бутылку лучшего арлезийского и достойную закуску.

Но именно сегодня Лучано сорить деньгами не собирался, как и пить в долг, разумеется. Напротив, кое-какой долг он этим вечером намеревался вернуть.

В трагтории «Пьяная форель» было весело. В углу, сдвинув сразу три стола, гуляла компания наемных солдат, то ли вернувшихся из какого-то соседнего города, то ли собирающихся на дело. По Лучано, одетому как приличный мастеровой, они мазнули взглядом, но этим все и ограничилось, ни на стражника, ни на гулящего мальчишку он не был похож, а глаз и ушей господина дожа наемники напоказ не боялись. Напротив, когда Лучано шел мимо, они как раз отпускали соленые шуточки про новую любовницу и городскую казну, которых дож пользовал одинаково старательно, и сами же над этими шуточками ржали так, что стены тряслись.

В остальной части трагтории сидело несколько мастеровых, завернувших поужинать после работы и пропустить по стаканчику граппо, два купца нудно торговались за партию шелка над кувшином белого вина, а в уголке у самого прилавка небогато одетый парнишка что-то рассказывал совсем юной и очень миленькой синьорине, влюбленно глядящей ему в глаза. На столе перед ними стояло блюдо с единственной жареной рыбкой, от которого парочка по очереди деликатно отламывала кусочки, явно стараясь, чтобы закуска продержалась подольше.

Лу стрельнул взглядом в купцов, которых до этого здесь не видел, потом в парочку, не замечающую ничего на свете, кроме друг друга. Облокотился на стойку, за которой почтенный Беппо протирает стаканы. Лениво уронил, надеясь, что не ошибся в расчетах, и Фелипе выбрал привычную трагторию, куда всегда ходил после дела:

– Доброго вечера, дядюшка. Меня никто не спрашивал?

– Кому ты нужен, мальчишка? – так же благодушно отозвался Беппо. – Можешь не сомневаться, если заглянет его светлость дож и спросит Лучано Счастливого, мы ему дадим твой адрес.

– Вот еще, – фыркнул Лучано, поддерживая шутку. – Нужен мне этот противный старикашка! Но если заглянет его новая девица и захочет поменять их светлость на горячего парня в три раза младше, вы уж сделайте милость, пошлите за мной. Так и быть, уделю ей время!

– Язык без костей, – ухмыльнулся Беппо. – Кстати, там, в задней комнате, дружки твои сидят. Один точно дружок, а второго я раньше здесь не видел. Гуляют. Заказали говяжьи ножки, томленные в вине с вендийскими специями, вертел жареных колбасок и кувшин сангретты для начала. А второй велел подать бутылку амарильи. Да важный, что ты-ы-ы! Случайно, не любимый сынок дожа к нам пожаловал? Нос уж так дерет...

– Гусь, вон, тоже клюв к небу тянул, – усмехнулся Лучано. – Да попал к вам, дядюшка, на вертел. Амарилью, говорите, пьют? Нет, я лучше тоже сангретту. Подайте к ним на стол еще кувшинчик и закуски какой-нибудь.

– Мне вчера свежих морских гадов привезли, – лукаво улынулся дядюшка, знающий вкусы всех постоянных посетителей. – Я их на ночь в холодном оливковом масле с уксусом замочил, а сегодня обжарил, и вон, в печи доходят. А соус... м-м-м-м! Сливки, маринованный лучок, арлезийский розовый перец и сырная корочка сверху!

– Мерзавец вы, дядюшка! – томно вздохнул Лучано, прикладывая ладонь к груди. – У меня аж сердце замерло! Такое рассказывать бедному голодному мне! Несите своих гадов, да блюдо побольше! И лимончиков! И сыра!

– Ты меня еще поучи, мальчишка! – расплылся Беппо в улыбке еще шире. – Уж накрою стол, будешь доволен. А теперь брысь, кошак наглый.

– Мя-я-яу! – весело отозвался Лучано и пошел мимо стойки в заднюю комнату, но вдруг передумал и

вернулся.

Покопавшись в кошельке, хлопнул перед Беппо на стойку монету в пять серебряных скудо и указал взглядом на парочку, оставшуюся позади. Улыбнулся и попросил:

– Подайте детишкам чего-нибудь более... подходящего к случаю. Сладкого вина, пирога, ну и колбасок, что ли... Скажите, неизвестный синьор угощает их за свою удачу!

– Да уж соображу, чем накормить, – одобрительно кивнул дядюшка, ловко сгребая тяжелый серебряный кругляш, за который та же компания наемников, к примеру, могла бы гулять весь вечер.

Впрочем, оба понимали, что Лучано платит не только за все, что ему вздумается съесть или выпить, но и за отношение хозяина. Семья Беппо держала «Пьяную форель» уже несколько поколений, и трактирщик отлично знал, кому, что и когда можно и даже нужно сказать, а когда следует прикинуться глухим, как один из его начищенных до блеска котлов. Потому и обслуживал некоторых клиентов сам, а не посылал дочерей, обычно снующих по залу с подносами.

Насвистывая недавно услышанный в театральном балагане мотивчик, Лучано прошел в заднюю комнату и с порога широко улыбнулся, провозгласив:

– А не скучно ли вам только вдвоем, почтенные синьоры? Позвольте присоединиться?

– Фортунато! – искренне обрадовался Фелипе, поднимаясь ему навстречу. – Вот это славно! Садись, ты как раз вовремя! Что будешь пить?

– Сангретту сейчас принесут, – отозвался Лучано, опускаясь на свободный стул напротив Фелипе так, что Витторио остался по левую руку.

Сесть спиной к двери ни один Шип себе не позволил бы даже смертельно пьяным, и то, что за небольшим столиком больше не было мест, пришлось очень кстати.

Он окинул накрытый стол быстрым взглядом. Рубленая говяжья голяшка, несколько часов томившаяся в печи под винным соусом, все еще исходила густым пряным запахом, ее принесли совсем недавно. На вертеле тоже было вдоволь колбасок, а из кувшина сангретты убавился всего стакан, да и тот Фелипе отпил на треть. Зато бутылка апельсиновой амарильи, выпивки дорогой и вкусной, но коварно крепкой, опустела наполовину, а на щеках Витторио уже цвел румянец.

Наверное, и Лучано он потому кивнул приветливо, но очень уж снисходительно. Это младшему мастеру-то! Видимо, решил, что с тем, кто получил эту должность в кровати, можно не церемониться.

«Идиотто, – вздохнул про себя Лучано, принимая от Фелипе чистый стакан, куда старый приятель щедро плеснул из кувшина. – Ну как есть идиотто. Кстати, следует поговорить с мастером Ларци. Нехороший признак, если рядовые Шипы в такое легко верят. Возможно, в западной части Верокьи, откуда прислали Витторио, так и бывает? Ну, или им просто надоела его глупость, вот и избавились...»

– За вашу удачу, синьоры! – поднял он стакан, и Фелипе с Витторио потянулись своими.

Тонкое стекло мелодично звякнуло, и Лучано пригубил сангретту, не глотая, а сначала определяя состав по привычке, намертво вбитой мастером Ларци.

Белое вино, не арлезийское, местное, но весьма неплохое. Апельсиновый сок, вон и в кувшине дольки. Мята. Мед... липовый. Имбирь. Мускатный орех – совсем немного, и это правильно, а то забил бы остальное. Ну, Беппо свое дело знает.

Делая вид, что смакует, он покатал сангретту на языке и, убедившись, что больше там ничего нет, проглотил. Отпил еще немного, наслаждаясь пряным свежим вкусом.

– А вот и твои гады, мальчишка! – возвестил Беппо, появляясь на пороге с большим блюдом.

Поставив его на стол, он снял крышку, и аромат запеченной в сливочно-сырном соусе смеси поплыл по комнате. Беппо бережно приподнял с одного края золотистую корочку, показывая товар лицом, и взору голодного Лучано предстала смесь крошечных осьминожек и кальмарчиков, маленьких, не больше мизинца, рыбок, тугих комочков мидий и чего-то еще, не опознаваемого, но выглядящего так, что рот мгновенно наполнился слюной.

– А нам почему не предложили? – возмутился Витторио. – Даже не сказали, что есть! Я же спрашивал самое вкусное!

– Прошу прощения, синьор, – сухо отозвался Беппо. – Вы спрашивали самое дорогое. Но это было заказано заранее.

И кивнул на Лучано, который ответил невинной примирительной улыбкой, но про себя язвительно усмехнулся. Морские гады, которых везут с побережья свежими в особых бочках, заклётых артефакторами, как ни крути, будут подороже говядины, пусть и томленной с дорогими специями. Но Витторио очень уж не пригласился старому Беппо, а у того взгляд на людей наметан.

– Ладно, – хмуро согласился Витторио. – Принесите тогда еще амарильи для моего... нового друга!

– Я только сангретту! – торопливо сказал Лучано, которому вовсе не хотелось, чтобы на столе появилась лишняя бутылка.

Очередь до нее то ли дойдет, то ли нет, а так Витторио свою точно допьет.

– Выпивка для девочек, – заухмылялся Витторио, разваливаясь на стуле. – И что вы ее так любите? Настоящие мужики пьют лишь то, что горит, если поджечь. Эй, трактирщик, у тебя амарилья горит, надеюсь?

– У меня давно все горит и полыхает, великолепный синьор, – язвительно откликнулся Беппо уже из-за двери. – А если сомневаетесь в амарилье, могу ее в печь сунуть. Только ради вас!

– Наглец, – проворчал Витторио, принимаясь кромсать свой край запеченных морских гадов, а Фелипе бросил на Лучано виноватый взгляд. – Местная прислуга забыла свое место, а вы им это позволяете.

– Ну что поделать, – невозмутимо и очень вежливо сказал Лучано. – Распустились, вы правы. Мы давно ждали кого-нибудь, кто наведет порядок.

Фелипе чуть не подавился своей легкой, да еще и разбавленной сангреттой, а идиотто снова ничего не понял. Переложил себе на тарелку увесистый кусок лакомства и щедро запил амарильей. Лучано прикинул, что при такой скорости Витто допьет бутылку меньше, чем за час. Можно заказать и вторую, не жалко, но тогда в дурне будет плескаться уже слишком много крепкой выпивки, и зелье может подействовать не сразу. А некоторые уроки должны быть наглядными.

– За ваш успех, синьоры! – снова поднял он стакан. – Даже не спрашиваю, как все прошло. Не сомневаюсь, что безупречно.

И поймал почти неуловимую, тенью мелькнувшую по некрасивому, но выразительному лицу Фелипе гримасу, а потом едва заметное напряжение в его ответной улыбке. Кажется, старый приятель был совсем не уверен насчет безупречности выполненного заказа. Плохо. Еще хуже, чем думал Лучано. Он даже заколебался, не поменять ли планы. Витторио можно просто оставить с ножом в спине по дороге домой в одном из темных переулков. Может, оказать Фелипе эту услугу?

– И правильно не сомневаешься, – самодовольно заявил Витторио, переходя с ним, младшим мастером, на ты. Не то что без разрешения, даже без намека на таковое! – Мы с Пиппо всем здесь

покажем, как работать! Да, малыш?

Он хлопнул снова напрягшегося Фелипе по плечу и еще сильнее развалился на стуле, лениво ковыряя месиво на тарелке, в которое превратились морские гады и тушеная говядина.

Лучано снова отпил сангретты, съел кусочек сыра... Спрашивать о подробностях исполненного заказа, который не имеет к тебе отношения, прямо противоречит уставу гильдии. Он, конечно, мог бы. Именно как младший мастер. Но Фелипе и так ему потом все расскажет. Наедине.

- Конечно, покажете, - уронил он мягко.

Успокаивающе.

И добавил, отрезая себе кусок морских гадов, которых не могло испортить даже присутствие этого идиотто:

- Думаю, большая удача, что вы к нам присоединились, синьор Витторио. Мы давно ждали кого-то... подобного вам.

Фелипе поймал его любезную улыбку, возвел глаза к потолку и молча вздохнул, но ничего не сказал. Похоже, напарник ему мешал сильнее, чем камушек в обуви, иначе он бы постарался намекнуть, что Лучано становится особенно учтивым, когда злится.

- На западной стороне меня не ценили по достоинству, - с пьяной уже откровенностью заявил Витторио. - Ну, ничего, теперь все изменится. Еще один-два заказа, и я попрошу об экзамене на звание младшего мастера. Думаю, это не очень сложно, а?

Он ухмыльнулся, оглядывая Лучано, аккуратно разрезающего еду на тарелке.

- Не могу ничего сказать, - безмятежно отозвался Лучано, наконец определившись с решением. - Устав гильдии не позволяет раскрывать подробности.

- Да ладно? Даже другу?

Витторио наклонился к нему, старательно улыбаясь, в его дыхании слышался запах амариллы, и Лучано снова усмехнулся про себя, представив, как исказилось бы лицо этого ничтожества, узнай он правила экзамена. Вот уж кто его точно не пережил бы. Но как можно дожить в гильдии до взрослого возраста и остаться таким идиотто? Может, все-таки играет? Если это притворство, Витто гораздо опаснее, чем представляется. Маска глупца, хвастуна и пьяницы - вполне удачное прикрытие для многих умелых мастеров своего дела...

- Боюсь, мы еще недостаточно друзья, - сказал он, не прекращая держать улыбку. - Условия экзамена узнают в его день, иначе никак.

- А правда, что его переживают не все? - допытывался Шип, глядя на него хмельными, но полными откровенного азарта и жадности глазами. - Я слышал, что не больше половины.

- Меньше, - бросил Лучано. - Примерно один из трех.

Фелипе уронил нож на тарелку, а когда Лучано глянул в его сторону, послал ему очень выразительный взгляд и быстро коснулся пальцем губ, словно стирая каплю соуса. Лучано опустил ресницы, показывая, что понял, и снова повернулся к Витторио. Да, все-таки глупец. Решил разузнать все, что может, а потом наверняка попытается вытянуть и остальное. Лестью, угрозами, подкупом... Даже забавно было бы посмотреть, до чего этот болван опустится. Впрочем, не забавно. Не дай Претемная, еще Фелипе втянет.

– А не попробовать ли мне тоже амарильи? – сказал он задумчиво. – Хочется чего-то покрепче.

Просиявший Витторио попытался плеснуть ему в стакан, но Лучано, очаровательно улыбнувшись, перехватил у него бутылку, пояснил:

– Вам далеко тянуться. Позвольте, я сам. И Фелипе выпьет вместе с нами...

Он налил себе примерно на два пальца жидкого золотого янтаря. Столько же плеснул в покорно подставленный стакан Фелипе. И быстро провел пальцем по открытому горлышку бутылки, стряхивая туда белую крупинку. Качнул бутылку, любуясь на просвет, как играет в стекле амарилья, похожая на расплавленное золото. И вернул бутылку, где оставалось совсем немного, Витторио.

– Ну, за дружбу? – улыбнулся так заманчиво и очаровательно, как только мог. – Синьор... Витто?

Мрачный Фелипе в пару глотков выпил свою порцию, даже не изображая радость. Витторио, напротив, просиял еще сильнее, высосал амарилью прямо из бутылки и согласился:

– За дружбу... Фортунато! Поверь, ты не пожалеешь! Вместе мы поднимемся... поднимемся...

– К самым вершинам, – любезно подсказал Лучано. – А упасть не боишься, Витто? Сверху падать больнее.

– Ха! – Витторио с удовольствием облизал блестящие от амарильи губы. – Другие поднимаются, чем я хуже? Ну, Фортунато! Не будь таким же надменным засранцем, как остальные мастера! Ты ведь можешь просто... намекнуть. Один ма-а-аленький намек, чего ждать на этом проклятом экзамене! Фелипе никому ничего не скажет, верно, Пиппо? – обернулся он к напарнику. – Ему ведь тоже хочется в младшие мастера. Когда-нибудь потом...

– Не хочется, – буркнул Фелипе. – И тебе не хотелось бы, будь ты поумнее.

Но Витторио не слушал его. Он снова наклонился к Лучано, который, улыбаясь, развел руками.

– Не могу, Витто, – с сожалением сказал он. – Не положено. Мне – рассказывать, а тебе – спрашивать.

– Эй, но мы же друзья! – пьяно возмутился Витторио. – Ты можешь мне как...кх...кх...

Он схватился за горло, закашлялся, торопливо хлебнул сангретты прямо из кувшина...

Фелипе дернулся, но Лучано посмотрел на него, и тот замер.

Витторио уже не кашлял, только беззвучно открывал рот, в точности, как пойманная рыба. Его глаза налились кровью от напряжения, щеки побагровели, но из горла не вылетало ни звука.

– Видишь ли, Витто, – ласково сказал Лучано, поймав дикий от смертельного ужаса взгляд Шипа. – Друзьями становятся немного иначе. А младшие мастера не рассказывают свои секреты каждому идиоту, которому захотелось наверх. А еще иногда полезнее молчать, чем говорить. В твоем случае – уж точно. Ты даже не представляешь, какой я сегодня добрый! Сам себе удивляюсь. Наверное, это от морских гадов. Но ты лучше не думай, что я буду таким добрым каждый раз, когда ты откроешь рот без позволения в моем присутствии. Или скажешь кому-нибудь непотребное про меня и моего мастера. Вообще лучше забудь, что ты умеешь говорить. Пока не поумнеешь! – едва заметно повысил он голос.

Витторио захрипел, схватился за горло, но воздуха ему как раз хватало, несмотря на испуг. А вот голосовые связки отказали полностью, растворенное в амарилье зелье подействовало безупречно.

Еще раз глянув на Лучано с безнадежным беспомощным ужасом, Витторио вскочил, сбил стул, споткнулся об него, едва не упав, но выпрямился и выбежал из комнаты. Через несколько мгновений в общем зале послышался голос Беппо, который желал «безмозглому сыну осла и портовой шлюхи сначала прозреть, а потом бегать по трактиру, полному почтенных синьоров...»

Фелипе, закрыв лицо ладонями, ржал с таким облегчением и удовольствием, что Лучано тоже хмыкнул, виновато развел руками и подтянул поближе сангретту.

– Надолго ты его? – отсмеявшись, сказал старый приятель.

– На месяц примерно, – усмехнулся Лучано. – Как раз успеет подумать, как ему повезло. Кстати, Пиппо, ты не думал сменить напарника? Этот уж совсем что-то...

– Безмозглый, – со вздохом согласился с трактирщиком Фелипе. – Но кто меня спрашивал?

– Я займусь, – уронил Лучано, и Фелипе благодарно склонил голову.

– Как здоровье мастера? – поинтересовался он почтительно. – И как у тебя дела?

– У мастера новая кошка, – улыбнулся Лучано, откидываясь на спинку стула и наконец-то начиная получать удовольствие от вечера. – Наглая такая, рыжая! Я вот все думаю, сколько он их заведет в конце концов? Дюжину? А со здоровьем у него как обычно...

– Благодарю, не дождетесь? – подсказал Фелипе, и они заржали уже вместе, впрочем, со всем уважением и любовью.

...Без Витторио и впрямь стало куда веселее. Сангретты хватило с лихвой, новую они заказывать не стали, зато еде отдали должное. Через пару часов благодушного трепа о городских новостях и делах в гильдии Лучано отодвинул опустевшую тарелку и с сожалением признал, что пора бы и честь знать. Мастер, конечно, ни слова не скажет, но все равно ведь проснется, услышав любые, пусть самые беззвучные шаги. А времени уже третий час ночи!

– Может, ко мне? – невинно предложил Фелипе. – Ну, чтобы мастера не будить.

– Извини, мне вставать рано, – помедлив пару мгновений, отозвался Лучано и понимающе улыбнулся на разочарованный вздох Фелипе.

– Эй, ну я же не мог не попытаться! – без всякой обиды рассмеялся тот. – Давай хоть провожу! А то обидит кто по дороге.

– Меня, такого красивого! – насмешливо подхватил Лучано. – А главное, маленького и беззащитного! Ладно, все равно до моста вместе идти.

Он с удовлетворением оглядел место пирушки и даже задумался, не завернуть ли, в самом деле, до утра к Фелипе.

Лет семь назад мастер решил, что ему следует узнать, как воспитывают других Шипов, и Лучано два года прожил в общих казармах. Самое отвратительное время в его жизни. Тренировки были не такими уж трудными, Ларци прекрасно его подготовил и телом, и душой, но Лучано отвык, чтобы с ним обращались, как с покорной бессловесной скотиной. Рядовым Шипам было запрещено иметь собственное имущество, выходить в город, встречаться с кем-то не из гильдии, пререкаться с наставниками, спать после рассвета, есть любую еду, кроме той, что выдают на кухне, разговаривать в казармах после отбоя...

Десятки запретов, порой жестоких и бессмысленных, направленных лишь на то, чтобы юные Шипы с вожделием мечтали об окончании учебы. Те, кто выживут, получают место в гильдии и задания. А значит, будет почти свобода. Деньги, еда и выпивка, женщины и мужчины, любые развлечения... Они шептались об этом в темной затихшей казарме, несмотря на строгие наказания, а еще истово ненавидели Лучано, у которого все это уже было и снова будет, как только мастер заберет его обратно.

Он быстро понял, что нужно проверять еду и одежду. Осматривать оружие и все, с чем соприкасается. Да, у него была отличная школа, но не только мастер Ларци понимал в ядах, любой Шип знал о них кое-что. Лучано за эти два года узнал и о многом другом. О толченом стекле в перчатках и обуви. Об иглах и лезвиях в самых неожиданных местах. О том, что подушку, измазанную дерьмом, придется отстирывать самому, а в уборную следует ходить, обязательно задержавшись в боковом коридоре и проверив, кто пойдет за тобой.

Наставники вскоре объяснили ему, понимающе усмехнувшись, что убивать не обязательно. Любой Шип гораздо больше смерти боится быть искалеченным. Если не добьют, признав непригодным, то переведут на работу в службу, будешь до конца жизни работать на конюшне или кухне за миску похлебки.

Лучано понял и следующему, кого поймал на горячем, сломал руку. Простым переломом, который может залечить любой хороший целитель, а целители у гильдии отличные. Но предупредил, что ему надоело. И если синьорам угодно развлекаться, он тоже примет участие. И что игры играми, но если его убьют или покалечат, уверены ли синьоры, что переживут неудовольствие мастера Ларци?

Это все-таки были уже не мальчишки, а почти готовые Шипы, и они задумались. Грандмастера гильдии добротой и милосердием никогда не славились, да и кому понравится, если юные идиоты сломают то, над чем работаешь много лет? А Лучано Фортунато был самым долгим и любимым экспериментом Ларци – это знали все.

Его оставили в покое. Кое-кто даже начал искать его расположения в надежде на будущее. Лучано это позволял, но с большой разборчивостью и ничего не обещая взамен. Фелипе же был одним из немногих исключений. Случалось, он предупреждал о ловушках, ничего не прося взамен и не стараясь набиться в друзья. Правда, украдкой бросал горячие взгляды, и когда воздержание стало совсем неумоготу, Лучано выбрал Фелипе, минуя всех, кто добивался его внимания. В казармах, куда не допускались женщины, наставники молчаливо позволяли юнцам время от времени успокоить кипящую кровь друг с другом, лишь бы все было тихо и никаких постоянных парочек.

Когда Лучано вернулся к мастеру Ларци, а его бывших однокашников посвятили в Шипы, они снова встретились. Фелипе ничего не просил, о старых заслугах не намекал, а главное, был совершенно не завистлив – редкое и драгоценное качество! И с ним было легко и спокойно... Настолько легко, что Лучано, которому теперь хватало развлечений, все равно соглашался иногда провести ночь со старым приятелем. Признанные красавцы, которые нравятся всем, редко щедры в любви, а Фелипе каждый раз наизнанку выворачивался, чтобы Лучано было хорошо – как же не ценить такое? Но сегодня... сегодня почему-то не хотелось.

Как обычно уловив его настроение, Фелипе замолчал. Они вышли через общий зал на улицу, темную и по-весеннему прохладную, ветерок доносил аромат близкой реки и цветущих апельсинов. Улица вела к Мосту Поцелуев, оттуда их дороги должны были разойтись. И Лучано подумал, что все-таки прав, отказавшись пойти к Фелипе. Да и вообще стоит с этим завязывать. Лучше бедняге ни на что не надеяться. Влюбленные Шипы подолгу не живут – примета такая.

Они свернули на мост, прошли по нему, освещенному аж двумя магическими фонарями – немалая роскошь для обычных кварталов, пусть и приличных. Внизу нежно журчала Ромеринья, и Лучано глянул с самой высокой точки моста на серебряную в лунном свете воду, лоящую блики фонарей. Завораживающая и почему-то печальная красота...

Ему не хотелось идти вперед. Он понял это, едва сделав следующий шаг. Отточенное чутье ныло про опасность. Но мост и улица за ним были пусты! Лучано покосился на Фелипе, у которого на поясе висел длинный нож, дозволенный ремесленнику, тронул рукоять своего.

– Что? – встрепнулся Фелипе, заметив.

– Нет, ничего, – пожал Лучано плечами.

Ладно, идти все равно придется. Если там засада, уйдут крышами или садами, квартал знаком обоим, как собственный карман.

Они дошли до конца моста, что скрывался в густой тени. Ступени словно сами стелились под ноги Лучано, обостренно лоящего все, что мог увидеть, услышать и почуять. Журчание и запах реки, колеблющиеся ночные тени, прохлада и вкус воздуха, запах вишни... Вишни?

Он сделал следующий шаг по совершенно пустым – да пустым же! – ступеням и едва не полетел вниз, обо что-то споткнувшись. Извернулся в воздухе, как кошка, мягко прыгнул, опустившись на ноги, выпрямился. Рядом и немного наверху ругнулся Фелипе, но не зло, а как-то растерянно. Опасности Шип явно не видел.

Лучано взгляделся в тень, что шевельнулась в углу ступеней, и чуть не рассмеялся. Он споткнулся о старую нищенку! Впрочем, разум тут же напомнил, что не все так просто, ему ли не знать, как

опасны бывают бедные беззащитные старушки. Примерно как юные развратные мальчишки и девицы, почтенные ремесленники, благочестивые жрецы... Безопасных людей вообще не бывает, синьоры!

– Прошу прощения, госпожа, – все-таки учтиво сказал он, вглядываясь в кучу лохмотьев, увенчанную головой, похожей на старую щетку с растрепанной паклей. – Я вас не сильно задел?

Он покопался в карманах, испытывая смесь брезгливости и жалости. Старость и бедность не виноваты в отталкивающем виде, каждого может ожидать подобное. Ну, кроме Шипов.

Денег нашлось не так чтобы много, единственная крупная монета осталась в траттории, но Лучано все-таки наскреб пару серебрушек по полскудо и три медяка. Протянул их нищенке и чуть не вздрогнул, когда из лохмотьев высунулась рука, больше похожая на птичью лапу.

– Добрый юный синьор, – сказала нищенка на удивление чистым и мелодичным голосом. – И какой щедрый... Отдает бедной Минри свои последние деньги.

– Ну, уж точно не последние, – улыбнулся Лучано, высыпая монетки в темную маленькую ладонь. – Купите себе что-нибудь, почтенная госпожа, и не поминайте лихом.

– Разве можно? – усмехнулась нищенка, судя по голосу. – Поминать лихом такого учтвого юношу! Но раз ты мне заплатил, мальчик, давай погадаю. Я не попрошайка, даром денег не беру.

– Не соглашайся, – сердито зашептал подошедший Фелипе. – Посмотри, она то ли вендийка, то ли чинка, то ли вообще джунгарка... Ведьмовское племя! Еще накличет беду!

– На меня-то? – беззаботно усмехнулся Лучано. – Да брось!

Его вдруг снова охватило ощущение беззаботного пьяного веселья, совсем как недавно в траттории. И этот запах вишни... Откуда он все-таки? До спелой вишни еще далеко. Сладкий, теплый, ласковый...

Он протянул руку и вздрогнул, когда тонкий палец с острым коготком коснулся кожи. Хотел насмешничать, что у старушки зрение куда лучше, чем у него, если может гадать в такой тени, но тут луна выползла из-за облачка, и Лучано увидел, что его ладонь исчерчена слабыми светящимися линиями...

Он хотел отнять руку, но старуха держала неожиданно цепко. Какой-то необычный страх потихоньку вползал в душу Лучано, не имеющий, однако, ничего общего с его обычными предчувствиями, часто спасавшими жизнь.

– Какая интересная рука, – так же чисто и звонко, как у девчонки, прозвучал голос гадалки. – Двойная судьба – редкость. Жаль... Очень жаль.

– Кого жаль? – насторожился Лучано, а Фелипе за его плечом недоверчиво фыркнул и вполголоса напомнил:

– Да они всегда несчастья предсказывают. А потом денег просят, чтобы отвести.

– Помолчи, мальчик, – остро глянула на него гадалка. – А то тебе бесплатно предскажу что-нибудь. Не обрадуешься.

Суеверный Фелипе смолк, а Лучано с удивляющим его самого равнодушием посмотрел на ладонь в руках гадалки. Линии и правда будто... двоились.

– Смотри, – провела старуха коготком по самой длинной. – Вот судьба, что была написана тебе на роду. Богатый дом, любящие родители... А нет, матери не вижу. Но отец в тебе души не чает, ты его главная радость и гордость. Вижу книги, лютню, сад. Породистых лошадей и собак, шелка и бархат. Вижу золотую дворянскую цепь, только герб... его не разглядеть...

«Ну еще бы, – остатками здравого рассудка фыркнул про себя Лучано. – Герб – это уже точно, по нему можно узнать... Да глупости это, Фелипе прав!»

– Глупости, говоришь? – усмехнулась старуха. – Смотри дальше. Вижу тебя высоко, по правую руку от короля. Ты бы многого добился на службе ему! Вижу женщин и мужчин, которые тебя любят. И кое-кого из них любишь ты. Вижу твоих детей, тоже радость и гордость семьи. Ты и твой отец...

– Хватит! – яростно прошептал почему-то Лучано, и в глазах у него на миг потемнело от злости. – Лгунья...

– Но я же не сказала, что все это будет, – чистым строгим голосом возразила гадалка. – Твоя судьба свернула с этой колеи, мальчик. Немного чужой трусости и подлости – будто камешек, попавший под колесо. Ты должен был родиться и расти в знатном доме, а оказался в ящике для брошенных младенцев у дверей храма. И твоя судьба свернула на иную колею, чужую. А вот, смотри, тебе было десять лет – и опять крутой поворот. Теперь к лучшему. Ведь так ты думаешь, да?

Лучано задохнулся. Она не могла этого знать! Говорят, некоторые маги могут читать разум, но это великие умельцы, и даже им нужны заклинания, волшебные перстни и много чего еще! Не могла нищая гадалка... С такими умениями она бы жила во дворце, а не сидела на ступенях моста ночью, поджидая... Поджидая?

– Твоя судьба ведет к смерти, мальчик, – услышал он тихий голос, молодой и очень печальный, будто шепнувший ему прямо в уши. – О нет, не сегодня. Но скоро, очень скоро. Возьми свои деньги обратно, малыш. Они тебе пригодятся. У вас ведь верят, что нужно рассчитаться с Перевозчиком? Ах нет, прости, с Провожатым... ну все равно, возьми.

И сухая старческая лапка сунула ему в ладонь холодную тяжесть серебра и меди, ничуть не согретую теплом чужого тела.

Лучано невольно сжал ладонь, и тут луна снова озарила их, на этот раз щедро, полным потоком. В лунном свете он увидел морщинистое лицо древней карги, но глаза у нее были полны лунного серебра, молодые, ясные и безумно красивые. И запах... снова вишня, а еще река, но не обычное веяние влажного сырого ветра от Ромерины, а что-то иное, ледяное и светлое, острое, как удар клинка. Оно вошло в его сердце, и Лучано задохнулся от неведомой ранее тоски.

Старуха откачнулась, будто собираясь встать, и Лучано рывком обернулся к Фелипе.

– Деньги есть? – бросил он отчаянно. – Давай!

– Сколько? – растерянно спросил Фелипе, шаря по кошельку.

– Все! – выдохнул Лучано. – Все, что есть!

Глупая, глупая надежда. И старая сказка, что он когда-то прочел в книге из библиотеки мастера, тоже очень старой. Даже не сказка, а легенда о той, что говорит правду, но берет за это все, что ей могут дать. Она знала, что Лучано отдал ей последние деньги! И гадать предложила после этого! Но если он дал мало...

Он сгреб монеты из руки Фелипе, опустился на колени перед нищенкой, словно перед королевой. Да что там – с королевой он вряд ли был бы так почтителен! И проговорил, дрожа, словно весенний ветерок обернулся пронизывающим ледяным вихрем:

– Прошу вас, госпожа, окажите милость. Подскажите, как мне вернуть свою судьбу? Ну, или хоть свернуть из этой... колеи!

Монетки высыпались на колени старухи, не протянувшей ему руки. Лучано не считал, сколько там, но Фелипе явно вытряхнул все.

– Умный мальчик, – ласково и снова очень грустно сказала гадалка. – Почти угадал. Я не твоя госпожа, милый. И не мне менять твою судьбу. Судьба... она не любит прежних дорог. И почти никогда не возвращается на них. Чтобы это случилось, мир должен вздрогнуть и пойти по иному пути. Ты ведь не думаешь, что твоя судьба из тех, что меняет мир, м?

Это было так похоже на его собственный голос, насмешливый и уверенный, даже словечки и тон точно такие же. Лучано словно заглянул в зеркало, и ему стало жутко. Вот теперь – действительно жутко, будто он стоит на краю Бездны, и в спину ему дует ураган, вот-вот скинет, а вокруг ничего, кроме тьмы, холода и ледяной тоски...

– Но что-то я могу сделать? – упрямо выдавил он, и гадалка кивнула.

– Ты можешь умереть, мальчик, – сказала она бесстрастно. – Но смерть бывает разной. Когда твоя найдет тебя, ты можешь выбрать и умереть либо очень счастливым, либо несчастным. Но это единственный выбор, который тебе позволен.

- Разница-то какая? - зло бросил Лучано, приходя в себя. - Если все равно умирать!

- А это решать только тебе, - усмехнулась старуха и поднялась.

Лучано все-таки ждал, что учует зловоние от лохмотьев и старого тела, но его снова окатило невозможно сладким и пьянящим ароматом вишни и ледяной воды. Показалось, он даже чувствует ее вкус! И он потянулся вперед, сам не понимая, к чему тянется...

Тревожно вскрикнул Фелипе, и Лучано очнулся. Ступени перед ним оказались пусты! Никакого следа старухи, которой просто некуда было деться!

- Ф-ф-фортунато... - заикаясь, проговорил Фелипе. - А... где... эта?

- Баргот побрал, - огрызнулся Лучано, потом потер лицо ладонями и пришел в себя. Виновато спросил: - Пиппо, сколько у тебя там было? Я верну.

- Да иди ты, - растерянно отмахнулся Фелипе, глядя на пустые ступеньки. - Знаешь, слышал я о ночных марах, но чтоб они деньги брали?! И... Фортунато! Она это всерьез? Про смерть?!

В его голосе послышался ужас, и Лучано мгновенно все понял. Сделав шаг, он взял друга, насколько один Шип может назвать так другого, за ворот рубахи, притянул Фелипе и холодно сказал:

- Молчи об этом. Если дойдет до мастера... Фелипе, я Претемной клянусь. Если мастер узнает, я с того света вернусь, чтобы глотку тебе перегрызть. Ясно?

- Да иди ты, - совсем не испуганно повторил Фелипе и вздохнул, глядя на него с каким-то новым и странным выражением лица. - Я никому. Фортунато! Надо же делать что-то!

- А что ты сделаешь? - тихо и зло спросил Лучано. - Или я. Да хоть и мастер! Пиппо, ты много знаешь наших, что дожили до тридцати хотя бы? Не из высшего Круга, а обычных Шипов?

- Ну... пару дюжин...

- А до сорока? - вкрадчиво уточнил Лучано, и Фелипе опустил голову. - Вот и молчи. Просто молчи. Нечего мастеру об этом знать. Не я первый, не я последний, все мы во власти Претемнейшей.

- Лучано... - позвал его Фелипе дрогнувшим голосом по имени, а не по прозвищу, как обычно. - Если я чем-то могу...

- Обязательно, - кивнул Лучано, точно зная, что лжет.

Если уходить в Сады Претемнейшей, то одному или с врагами, незачем звать туда друзей.

И старательно улыбнулся, словно надевая маску.

Фелипе все-таки довел его до дома, явно жалея, что не способен помочь ничем иным. Лучано зверски хотелось рявкнуть, отослав его подальше, но он сдержался, только кивнул на прощание, и Фелипе скрылся в ночных тенях, оставив его у двери в сад.

Войдя, Лучано не пошел дальше сразу, он свернул к первому же дереву и обнял его, прижавшись к шероховатой теплой коре, повиснув на стволе, словно пьяный или раненый. В голове мутилось, его снова начала бить дрожь. Умереть? Вот совсем скоро? И... не будет больше ничего?! Этого тихого сада, рук и голоса мастера Ларци, кошек, шамьета и лютни? Не будет посиделок с Фелипе? Чьих-то еще улыбок, смеха, красивых тел, которые он так любит? Не будет азарта погони, предвкушения очередной победы и удовольствия от того, что снова он сильнее, умнее, быстрее и коварнее! Ничего не будет?!

Он пьяно улыбнулся, стараясь не всхлипнуть. Ну что, разве он ждал чего-то иного? Шипы в самом деле редко доживают до старости. И уж точно не с его характером. Лучано Фортунато, признанный счастливчик... Любое везение когда-то заканчивается. Только бы мастер не узнал! Судьбу не обманешь, так зачем Ларци заранее знать, что их дни рядом сочтены? Лучано просто не вернется с очередного заказа, рано или поздно со всеми так бывает. Ларци... найдет нового ученика. Или заведет еще одного кота.

Оторвавшись от дерева, он заставил себя успокоиться, дыша медленно и в заученном ритме. Дождася, когда прекратится дрожь, а лицо и тело перестанут выдавать волнение. Не сложнее, чем на работе! И забыть, забыть об этом!

Из-под двери мастерской пробивался свет. Лучано еще раз прогнал по кругу несколько глубоких вдохов и выдохов, негромко стукнул.

– Входи, мальчик мой, – откликнулся мастер.

Он стоял у рабочего стола, разливая по стеклянным баночкам готовый крем, самый обычный, насколько мог судить Лучано. Значит, завтра нужно будет отнести заказ в лавку. Самый обычный заказ в самую обычную парфюмерную лавку. Очень дорогую, кстати. У мастера Ларци прекрасная репутация! А еще пополнить запасы свежей печенки и продуктов. И кое-какие свои дела завершить.

– У тебя неладно на сердце, мальчик, – мягко сказал Ларци, когда Лучано по неизменному обычаю встал на колени и поцеловал ему руку. – Что-то случилось? Ты ведь ходил к друзьям.

– Почти к друзьям, – скованно улыбнулся Лучано, пряча большую тревогу за малой, как сам Ларци его когда-то и научил. – У Фелипе новый напарник...

Ларци выслушал его внимательно, как и всегда. Тонко усмехнулся при рассказе о зелье, временно лишаящем голоса. Впрочем, вполне одобрительно.

– И что тебя тревожит? – уточнил он, рассеянно глядя прыгнувшего на колени Аконита, что до этого спал в корзине под столом. – Ты поступил верно.

– Я не хочу, чтобы Витторио работал с Фелипе. Он может решить, что это Фелипе его сдал мне. Попробует отомстить. А Фелипе – хороший правильный Шип. Еще лет пять, и его можно ставить старшим над дюжиной. Или даже звать в младшие мастера.

– Дело только в этом?

Мастер приподнял бровь.

– Да, – кивнул Лучано, поглубже заталкивая острый стыд за обман. – Только в этом. Фелипе мне нравится, – отмерил он еще одну дозу правды, как действенный, но опасный ингредиент в зелье. – Он умен, верен и может быть полезным. Жаль, если его погубит глупец-напарник.

– Жаль, – кивнул мастер, все так же глядя кота. – Верные люди тебе пригодятся. Хорошо. Витторио переведут. И примерно накажут с учетом того, что уже сделал ты. Наглость не следует спускать. А у меня для тебя новость, мальчик мой.

Он улыбнулся, и у Лучано тревога кольнула сердце ледяной иглой. Он принялся собирать баночки с кремом в особую коробку, но так, чтобы мастер видел его внимание и чуточку нетерпения. Немного помедлив, Ларци снова одобрительно кивнул.

– Ты едешь в Дорвенант, – сказал он с теплой гордостью, которой в другой момент Лучано обрадовался бы, как милости самой Претемнейшей. – Именно ты. Самый молодой из младших мастеров. И когда ты справишься со всеми поручениями ее величества Беатрис, уже никто не сможет сказать, что я неправильно выбрал ученика и слишком много ему позволяю.

– Ее величество Беатрис... – протянул Лучано, старательно блестя глазами и заставляя уголки губ дрогнуть якобы в сдержанной улыбке. – Она ведь итлийка, верно? Это... должна быть интересная работа. Как мне благодарить вас, мастер?

Он оставил флаконы и снова почтительно опустил на колени, целуя сухую жилистую руку, пахнущую душистыми маслами. И радуясь, что может хоть ненадолго спрятать взгляд от человека, который знает его лучше всех на свете. Пожалуй, еще и глазами изобразить сейчас восторг не получится.

– Возвращайся с победой, мальчик мой, – сказал Ларци. – Как обычно.

И погладил его по голове свободной рукой.

Глава 7. Выбор Айлин

С первого взгляда на мэтра Бастельеро Айлин поняла, что их ожидает непростая лекция. Мэтр даже в мирное время и в хорошем расположении духа иногда устраивал особому курсу каверзные уроки, а сегодня... Сегодня на его осунувшемся лице было просто-таки написано отвращение ко всему миру, под глазами залегли тени, и даже кружевной воротник рубашки казался каким-то... несвежим.

Тяжелая ночь, наверное? Интересно, почему? Глупо даже предполагать, что он переживает отказ Айлин. Ведь глупо же, да?

Но она поймала себя на тихом и недостойном, но таком ядовито приятном желании, чтобы он хоть немного помучился. Не только ей одной нужно стыдиться того, что произошло! Поймала – и тут же устыдилась. Нет-нет, она не будет желать мэтру Бастельеро ничего плохого! Потому что сама виновата. Наивная дурочка, с чего она решила, что нужна ему?! А теперь между ними все кончено. И нечего вспоминать глупые девичьи мечты, такие же легковесные и недолговечные, как лепестки вишен, облетевшие после бала... Да и вообще, какая может быть любовь, когда королевство в опасности?!

– Приветствую, господа адепты, – буркнул мэтр, еще раз осмотрел почтительно замерших Воронов и еле заметно поморщился. – С сегодняшнего дня занятия лично для вас отменены. Вместо лекций у вас начинается выездная практика в провинции... Эддерли, советую не кривиться, а слушать, поскольку дело вам предстоит крайне серьезное и очень опасное. Это настолько важное поручение, что я не могу доверить его никому другому. Вы отправитесь в родовое поместье Вальдеронов, – продолжил он так ровно, что Айлин даже не сразу осознала смысл его слов. – Пользоваться порталами запрещено, надеюсь, все это понимают?..

Он обвел аудиторию тяжелым взглядом, и Айлин увидела, как еле заметно поежился Саймон. Интересно, он что, собирался открыть портал?

– Почему нельзя, мэтр? – громко удивился с первой парты Драммонд.

Брови мэтра Бастельеро сошлись на переносице, превратившись в совершенно прямую линию, но прежде, чем он сказал хоть что-нибудь, Драммонду ответил Дарра.

– Потому что многочисленные разломы в столице создали магические возмущения такой силы, что любой портал может разорвать путника. Это азы порталной теории, и я глубоко разочарован, что приходится объяснять подобные вещи моим соученикам.

Драммонд вспыхнул так, что Айлин на миг испугалась, как бы ему не стало плохо! Получить такой выговор – и от кого? От Дарры, которого он боготворил не меньше, а может, и больше, чем наставников и самого мэтра Бастельеро. Вороны шутили, что Драммонд – паж и оруженосец Аранвена, и сам Драммонд открыто гордился этим. А сейчас его бледное лицо, усыпанное темными веснушками, выражало почти отчаяние, и Айлин стало жаль друга-Ворона. Откуда некроманту понимать такие тонкости работы порталов? Хотя... Она вспомнила магистра Кристофа, боевика, знающего, что делать с прорывами. Пожалуй, Дарра прав, маг должен быть всесторонне образован!

– Благодарю, адепт Аранвен, вы совершенно правы, – подтвердил мэтр Бастельеро. – Итак, господа, вы немедленно отправитесь в поместье Вальдеронов, ни с кем не обсуждая мое задание, никого не ставя в известность. Лошадей, включая сменных, возьмете в конюшне Академии, остальные необходимые припасы, карту и подорожные документы вам также предоставят. Адепт Аранвен, я назначаю вас командиром отряда. Вас будут сопровождать три боевика и два целителя, опытные взрослые маги, но отвечаете за все лично вы и только передо мной. – Дарра коротко поклонился, а мэтр Бастельеро продолжал: – Ваша задача – разыскать сына лорда Вальдерона, юного лорда Аластора, и доставить его в Академию живым и здоровым. Его безопасность – главное, вы понимаете меня, господа? Еще раз повторяю, о цели вашего путешествия никто не должен знать! Что-то еще? Ах да... Ревенгар, вы не едете.

– Но мэтр! – вскрикнула Айлин, забыв и о подобающем почтении, и о воспитании.

Если Воронов посылают за Аластором ради его безопасности, значит, значит... Нет, мэтр

Бастельеро не может думать, что Айлин останется в стороне, если опасность грозит ее другу! И он никак не мог забыть об их с Аластором знакомстве! Так дело в этом?!

– Вам что-то непонятно в моих словах, адептка Ревенгар? – сухо уточнил мэтр Бастельеро, и Айлин на миг захотелось провалиться сквозь землю... но только на миг.

Она медленно встала из-за парты под изумленно-неодобрительным взглядом мэтра и вскинула голову.

– Я не останусь! – бросила она как можно увереннее.

Зрачки мэтра Бастельеро остро сверкнули, и Айлин задохнулась. Как будто мягкая, но плотная незримая петля сдавила ее, мешая не то что шевельнуться – перевести дыхание! Синие глаза некроманта потемнели от гнева, вспыхнули фиолетовым. Совсем как тогда, в Вишневую ночь, когда он застал Айлин с магистром Роверстаном. Ей показалось, что еще миг – и каменный пол аудитории подернется изморозью... А потом у ее ног тихо, но очень неприятно хрипнул Пушок, Айлин запустила в мохнатую шерсть мгновенно замерзшие пальцы, и ей стало легче дышать.

– Возможно, я пропустил момент, когда перестал быть вашим куратором? – с опасной любезностью в голосе поинтересовался мэтр Бастельеро, в упор глядя на нее. – С чего вы решили, что можете со мной спорить? Вы не едете, Ревенгар, это не обсуждается. Если вы собираетесь послушаться и уехать тайком, то я советую трижды подумать, а потом все-таки не сделать этого.

Айлин с трудом вытолкнула из сведенного судорогой горла горький воздух и почти открыла рот, чтобы возразить, и плевать, что будет дальше! – но ощутила легкое, почти невесомое прикосновение к руке.

– Мэтр Бастельеро совершенно прав, милая Айлин, – ровно сказал Дарра. – Вам действительно следует оставаться в Академии. Прошу вас не спорить, мэтру, несомненно, виднее, где ваши таланты могут пригодиться наилучшим образом.

Он едва заметно, одними краями губ, улыбнулся, но Айлин и без того поняла, что Дарра хочет сказать ей что-то, не предназначенное для чужих ушей. Она медленно опустила ресницы в знак понимания и склонила голову.

– Прошу прощения, милорд мэтр. Я вела себя непозволительно.

– Надеюсь, это не повторится впредь, – сухо бросил Бастельеро, и его глаза утратили жуткий лиловый блеск, вернув прежнюю синеву. – Можете идти, адепты. У вас не больше часа на сборы.

Айлин перевела дыхание, стараясь, чтобы это выглядело незаметно, и с упрямой горечью подумала, что мэтр никогда еще так на нее не сердился. Даже за самые опасные и возмутительные проказы! А ведь она всего лишь хочет увидаться со старым другом! Почему с ней так?!

– Встречаемся через час у конюшни, господи, – добавил Дарра, за что удостоился одобрительного кивка куратора.

Айлин вышла из аудитории последней, поймав внимательный, испытующий взгляд Бастельеро, но не остановившись. А может, взгляд ей только показался? Ведь мэтр так ее и не окликнул. И к лучшему, пожалуй!

Остановившись за порогом, она погладила тенью следующего за ней везде Пушка, огляделась и увидела Дарру в десятке шагов впереди, у самого выхода в малый холл. Подошла и едва не ахнула от удивления, когда Дарра – неслыханное для него нарушение этикета! – крепко, но бережно взял

ее за руки и наклонился так, словно... словно собирался ее поцеловать!

– Милая Айлин, – проговорил он быстро и еле слышно. – Дело очень серьезное. Боюсь, оно должно остаться в тайне даже от наших друзей. Даже от Саймона! Если сейчас нас кто-нибудь увидит, то подумают, что я ухаживаю за вами. Не разубеждайте их, прошу.

– Конечно, – шепотом согласилась Айлин. – А на самом деле?..

– На самом деле я прошу вас пробраться в кабинет мэтра Бастельеро и попытаться выяснить, зачем ему понадобился юный лорд Вальдерон, – спокойно ответил Дарра. – Лорд Бастельеро назначен протектором столицы, и важные дела непременно вскоре призовут его из Академии. У вас будет достаточно времени. Айлин, не сомневайтесь, я вполне сознаю, что моя просьба выглядит дикой и возмутительной, – сказал он виновато. – Но мне кажется крайне странным, что после смерти короля и обоих его наследников мэтр посылает за последним сыном его величества Малкольма не гвардию или опытных орденских магов, а адептов. Причем адептов, полностью преданных лично ему, – добавил он с вежливой улыбкой, от которой у Айлин отчего-то пробежал по спине холодок.

– Дарра... – прошептала она. – Но ты же не думаешь, что мэтр... милорд....

Не мог же лорд Бастельеро задумать что-то... что-то плохое? Ведь не мог же?! И почти сразу она осознала, что сказал Дарра!

– Лорд Вальдерон – сын покойного короля?! – И тут же новая мысль заставила ее пошатнуться и уже самой сжать крепкие надежные руки Дарры. – Принц Кристиан тоже погиб?!

– Юный Вальдерон – сын его величества от леди Джанет Фейрфакс, в замужестве – Джанет Вальдерон, – невозмутимо подтвердил Дарра. – Это много лет было государственной тайной, но наша семья, разумеется, осведомлена об истинном положении дел. Принц Кристиан, к несчастью, убит. Об этом пока мало кому известно, и я прошу вас никому не сообщать о том, что вы сейчас услышали. Никому, понимаете? – Он дождался ее ошеломленного кивка и заговорил снова, тихо, доверительно и очень серьезно: – Что касается моих мыслей, милая Айлин, я пока не готов делать какие-либо выводы. Но меня чрезвычайно беспокоит, что мэтр Бастельеро не озаботился поставить в известность об этом поручении моего отца. И вдобавок запретил нам рассказывать, куда и зачем мы едем... Поверьте, в любом ином случае я не просил бы вас о подобном риске. Разумеется, если вдруг что-то откроется, всю вину я всецело возьму на себя, ваша репутация не пострадает.

– Я поняла, – шепнула Айлин, из-за серьезности происходящего даже не обидевшись на последнюю фразу – когда это она думала о репутации? – Я все сделаю. Удачи, Дарра!

– Благодарю, – одними губами улыбнулся он, однако темно-серые глаза остались убийственно холодными.

* * *

Айлин замерла у самой двери, огляделась по сторонам. В коридоре никого не было. Милорды магистры и простые мэтры сейчас на лекциях, а те, кто свободен от занятий, патрулируют Академию. Но о своем крыле они, конечно, и не думают – кто из адептов в здравом уме попытается проникнуть в комнату преподавателя? Дар за такое не выжгут, но могут отчислить.

Ох, а что же делать, если в кабинете мэтра ничего не укажет на его замыслы?

«Поеду к нему в особняк, – мрачно решила Айлин. – Терять мне уже все равно нечего!»

Она стиснула зубы и осторожно сняла браслет-накопитель. За одно из звеньев браслета цеплялась подвеска-ключик – универсальная отмычка из наследства милорда Мэрли. Этой отмычкой Айлин не

пользовалась ни разу за все пять лет, а теперь... теперь вот пригодилась!

Осмотревшись еще раз и снова убедившись в совершенной пустоте преподавательского крыла, она коснулась отмычкой замка и услышала тихий приглушенный щелчок. Толкнула дверь и только хотела войти, как Пушок, оставленный в соседнем коридоре на страже, вывернулся откуда-то из-под ног, огромной белой тенью проскочил в темную комнату и затаился там. Вот ведь непослушная собака! Или наоборот, слишком послушная? Словно он понял приказ магистра Роверстана не расставаться с Айлин – так везде и следует за ней! Торопливо шагнув через порог, Айлин закрыла дверь за собой – не хватало привлечь внимание открытой дверью!

Ну что ж, пути назад нет! Айлин замерла, оглядываясь и невольно изумляясь. Любые комнаты, виденные ею раньше, несли на себе отпечаток хозяина. Ну, почти любые. Особняк мэтра Бастельеро она не рассматривала – слишком тогда было темно, и вообще...

Но все остальные! К примеру, комната, в которой жили Саймон и Дарра, была поделена ровно пополам, и в одной половине царил такой идеальный порядок, что иногда Айлин было страшно туда смотреть. Зато вторая поражала воображение жизнерадостным и непобедимым хаосом! Причем Саймон утверждал, что на самом деле у него все лежит на своих местах, а Дарра с вежливой улыбкой соглашался, но добавлял, что эти места постоянно перемещаются.

В комнате Кэдогана и Галлахера пахло углем, темперой, маслом и прочим, что сразу выдавало увлеченных художников. И даже сами стены были расписаны! Жилище Драммонда, почему-то не имеющего соседа, вызывало неприятное чувство: там было очень чисто, но холодно, как на кладбище в пасмурный день. У других Воронов и соучеников Айлин комнаты тоже хоть о чем-нибудь, но говорили.

А здесь...

Кабинет показался ей совершенно безликим! Тяжелый письменный стол и кресло за ним – самые обычные, письменный прибор – казенный, адиптам такие выдают, светильник и полки – как в любой аудитории!

Пожалуй, внимание привлекал один-единственный предмет – большое, в человеческий рост, зеркало, стоящее в дальнем углу кабинета.

Но зачем мэтру Бастельеро зеркало в кабинете?

Пушок не больно, но чувствительно прихватил ее руку пастью, и Айлин спохватилась.

Действительно, не так у нее много времени, чтобы разглядывать чужой кабинет. Нужно искать... что-нибудь. Что угодно может оказаться важным!

– Пушок, – шепнула Айлин одними губами. – Сторожи! Если кто-то появится в коридоре, предупреди!

И шагнула к столу.

Три ящика оказались открытыми. И пустыми. А вот верхний был заперт.

«Претемнейшая, пусть магистру Мэрли будет уютно в твоих Садах!» – в очередной раз пожелала она, осторожно отпирая отмычкой верхний ящик и скользя взглядом по груде бумаг, исписанных какими-то странными загогулинами. И это – почерк мэтра Бастельеро?! Видит Претемная, даже у самой Айлин он лучше! Может быть, именно поэтому мэтр всегда обходится на уроках без записей?

Впрочем, не до того...

Торопливо достав бумаги, Айлин принялась изучать их. Под первым листом нашлась карта. К счастью, нарисованная не мэтром Бастельеро, а самая обычная карта озерного края. Мэтром была поставлена только жирная точка, такая злая, что перо в этом месте пробило бумагу, и отметку пришлось рисовать уже вокруг дыры. Как... любопытно. Воровато оглянувшись, Айлин тщательно свернула карту и сунула ее в поясную сумку. Отвратительный поступок! Но что, если эта точка на карте означает что-то важное? Дарра разберется, должен разобраться. И к тому же, она ведь не берет карту насовсем? Просто снимет с нее копию и вернет обратно!

Еще несколько листов Айлин со вздохом отложила в сторону: разобраться в том, что написал мэтр Бастельеро, у нее в жизни не выйдет!

И замерла.

Почерк не стал понятнее, но покрывавшую лист схему потоков Айлин узнала бы и без подписей. У нее самой в тетради Кирана Лоу осталась почти такая же! В памяти вспыхнуло сосредоточенное бледное лицо магистра Кристофа, и зазвучал его ровный голос: «Подобные разломы открываются кровью, поэтому закрывать их следует так же, кровью того самого человека либо его достаточно близкого родственника. Неприятный побочный эффект состоит в том, что жертва в этом случае, к сожалению, погибает...»

Перед глазами словно вспыхнул белый огонь, и эта вспышка высветила все детали, которые Айлин никак не могла сложить!

Пусть общую теорию порталов им начали преподавать только в этом году, ее знаний вполне хватило, чтобы понять, разлом не мог случиться в зале Совета, самом защищенном помещении Академии. Да и в самой Академии – тоже! Разве что портал действительно был открыт кровавым ключом и вел... вел к крови Дорве Великого, если вспомнить, что погибли король и его сыновья. И это во дворце, защищенном едва ли хуже Академии!

Правда, непонятно, почему живы юные принцессы... но это сейчас неважно.

И в зал Совета демонов тоже привела кровь Дорве Великого – кровь магистра Кристофа, ведь он же признанный коронный бастард... был.

Айлин онемевшими пальцами тронула лист со схемой заклęcia. Закрывать портал может любой достаточно сильный маг, как сказал магистр Кристоф. Любой сильный маг, согласный пожертвовать жизнью! Или носитель той же крови.

Бастард покойного короля.

Аластор!

Может ли мэтр Бастельеро, такой благородный и справедливый, может ли он отправить на смерть сына своего единственного друга? Нет, нет и нет!

Может ли мэтр-командор Бастельеро пожертвовать жизнью одного-единственного бастарда, чтобы спасти сотни, тысячи жизней? Чтобы спасти страну?!

И может ли лорд Бастельеро, всю жизнь боготворивший супругу своего короля... – Айлин с силой провела рукой по вдруг заболевшим глазам. – Может ли он во имя спасения страны пожертвовать жизнью человека, способного встать между тронem и его королевой?

Что, если лорды пожелают видеть на престоле незаконного, но сына покойного короля, а не мать его юных дочерей?!

Нет. Да нет же!

«Это не просто возможно. Это единственное объяснение загадке, над которой бьется Дарра, –

холодно возразила она сама себе. – Мэтр Бастельеро не сообщил лордам об Аласторе, чтобы избежать волнений и бунтов, ведь не все, совсем не все преданы ее величеству. Он послал Воронов, потому что они преданы ему! И не позволил поехать мне, потому что я... Я могла бы догадаться! И Дарра может, но Дарра не друг Аластора. И, выбирая между ним и Дорвенантом, без сомнения выберет Дорвенант, как и подобает будущему канцлеру!»

«А что выберешь ты? – с издевательской любезностью уточнил внутренний голос. – Жизнь Аластора? Или спасение страны?»

Айлин закусила губу и снова уставилась на расплывающийся перед глазами лист.

«Способ третий и последний состоит в создании универсального ключа. Он несколько сложнее первых двух, но вполне по зубам опытному... или просто сильному магу», – прозвучал в ушах голос магистра Кристофа.

А ведь она сильная магесса.

То есть, конечно, никакая она пока не магесса, но ведь это не делает ее слабее! У нее прекрасный резерв, у нее даже перстень не ученический, а взрослый, пригодный к преобразованию любых потоков магической силы. Отец был боевиком, он заказывал ей перстень с расчетом на алые заклęcia, а они требуют высокого потенциала энергии. На заклęcie ключа точно хватит.

«И ты готова умереть? В самом деле готова? Помнишь, как умирал Кристоф? Ничего красивого и героического в этом не будет!»

Не готова. Конечно, не готова!

Айлин зажмурилась, с силой укусила себя за губу, чтобы боль привела в чувство. Проклятье! Трижды проклятье! Она – Ревенгар, и к тому же – боевой маг! Ее отец воевал с Фраганой не для того, чтобы она... Чтобы она не выполнила свой долг из-за трусости!

У Аластора есть семья! Отец, мать, сестры, о которых он говорил с такой любовью! Может, даже невеста!

И неважно, станет ли он следующим королем! Потому что это ведь Аластор! Умный, добрый, честный и благородный. Ее самый лучший друг! Не считая Воронов, но они как семья, а с Аластором Айлин всегда было так... тепло. Невозможно представить, что он умрет!

А вот если погибнет она, то всем будет только легче! Леди Гвенивер и Артуру не придется бояться за честь семьи, которую она, Айлин, и в самом деле запятнала, мэтр Бастельеро перестанет мучиться из-за того, что считает позором...

Тетушка Элоиза? Тетушка поймет, что иначе было нельзя! И Саймон с Даррой поймут. Ну, когда-нибудь. Они, конечно, ужасно разозлятся и расстроятся, но поймут. И будут ею гордиться. Потому что любой адепт клянется, готовясь стать магом, «учиться прилежно, жить честно и умереть доблестно...» Отец вот точно гордился бы ею!

Магистр Роверстан... Айлин всхлипнула и решительно вытерла глаза. Что ж, магистр Роверстан, такой добрый и великодушный, заслуживает куда лучшей жены! Такой, которая полюбит его всей душой и придет к нему чистой, как того желает Всеблагая мать!

Она всхлипнула еще раз и решительно сунула бумаги обратно в ящик, оставив себе только карту и схему ритуала.

Решено! Она отправится к Аластору немедленно!

Айлин поднялась с краешка кресла, на который присела, изучая документы, и замерла.

Ей не удастся обогнать Воронов. В самом лучшем случае – получится догнать! А стоит им узнать о ее замысле, хотя бы заподозрить... Ни Дарра, ни Саймон никогда не позволят ей пожертвовать собою!

Айлин беспомощно огляделась, ища хоть что-нибудь, способное подсказать выход, – и задержала взгляд на зеркале.

Зеркало... Что все-таки здесь делает зеркало?

В виски настойчиво стучала какая-то мысль, что-то, связанное с зеркалами... Ухватив, наконец, эту мысль, Айлин едва не вскрикнула.

Конечно! Говорят, что в зеркалах Претемная является своим избранным! Таким, как мэтр Бастельеро! Значит... значит, это зеркало – путь к ней. Наверняка закрытый сейчас, но в любую дверь можно постучать. Даже если Претемнейшая разгневется, Айлин попросит ее... попросит о милости. Ей ведь не так много и нужно – всего лишь безопасный портал к Аластору! Сущий пустяк для той, которую зовут Ведающей все пути!

Айлин торопливо вытащила из сумки мел, на сей раз настоящий, заговоренный, глубоко вдохнула и, опустившись на колени, принялась вычерчивать семилучевую звезду.

Путь, граница, призыв...

Пушок отошел от двери и сел рядом со звездой, насторожив уши.

Закончив чертить, Айлин сунула мел в сумку, погладила Пушка, глубоко зарываясь пальцами в белоснежную шерсть, и выпрямилась.

Встала на луч призыва, вскинула руки и закрыла глаза.

– Госпожа моя Претемнейшая, распрямляющая пути и разрубающая узлы...

Вложенная в призыв сила канула в никуда. Айлин закусил губу и сосредоточилась снова.

– Госпожа моя Претемнейшая...

Сила уходила с каждым словом, но ни малейшего отклика Айлин не чувствовала.

Ее сердце отчаянно стучало, как стучат, наверное, копыта коней Воронов, приближающихся к Аластору.

– Госпожа моя... Матушка! – вырвалось у Айлин в полном отчаянии. – Откликнись, прошу!

Она осеклась, глядя, как поверхность зеркала заволакивает легкая дымка.

А через мгновение из потерявшей блеск зеркальной глубины проступило лицо прекрасной женщины.

Айлин замерла, не в силах ни вдохнуть, ни шевельнуться, только смотрела на сияющие глаза цвета темного янтаря и ласковую улыбку ярких алых губ.

Волосы Госпожи были украшены веточкой вереска.

В комнате повеяло прохладой, и Айлин полной грудью вдохнула пряно-травянистый аромат, сменившийся вдруг легкой дурманящей сладостью каких-то цветов, смолистой свежестью хвои, теплом сандала...

«Наверное, так будет пахнуть, когда я умру», – подумала Айлин невольно, и прекрасная госпожа в зеркале серебристо рассмеялась.

– Нет, мое дорогое дитя, это всего лишь духи. Мои любимые... Когда-то их создал для меня мой супруг... Но ты ведь призывала меня не затем, чтобы поговорить о духах?

Айлин попыталась преклонить колени, но Госпожа покачала головой.

– Нет-нет, милая, оставь это. Ведь ты назвала меня матерью, а разве дочери пристало становиться перед матерью на колени? Скажи мне, чего ты хочешь?

Она была совсем не страшной. Даже не грозной! И смотрела с такой нежностью, какой Айлин никогда, ни разу в жизни не видела в глазах ма... леди Гвенивер! Айлин подалась навстречу, впитывая эту ласку, разлитую в теплом янтаре зрачков, и заговорила с лихорадочной быстротой, сама шалея от собственной смелости:

– Матушка, прошу вас! Помогите мне! Вы ведь знаете... Знаете, что у нас случилось...

– Да, дитя мое, – отозвалась Госпожа, и по ее прекрасному тонкому лицу пробежала грустная тень. – Но это дела живых, я не имею права в них вмешиваться. Я ничем не могу тебе помочь.

– Можете! – выпалила Айлин. – Пожалуйста, отведите меня к Аластору Вальдерону! Я знаю... Мне рассказывали о Темных путях! О тех, которыми ходят ваши слуги-Провожатые! Мне очень, очень надо попасть к нему первой!

– О Темных путях? – едва заметно нахмурилась Госпожа, и у Айлин замерло сердце от сладкого томительного страха. – Девочка моя, знаешь ли ты, о чем просишь? Это опасная стезя... Впрочем... Ты действительно хочешь именно этого? Больше ничего?

– Ничего!

Айлин яростно замотала головой, так что тяжелые косы хлестнули воздух.

– Темные пути открываются тем, кто больше жизни хочет ступить на них, – торжественно и грустно сказала Госпожа. – Дай мне руку, милая. Не бойся. Думай только о том, кого хочешь увидеть, и иди вперед.

– Благодарю вас! – выдохнула Айлин, протянула руку, коснувшись пронзительно ледяного стекла, и увидела, как Претемная Госпожа печально улыбается, притронувшись к зеркалу со своей стороны. – Я не боюсь, правда!

– Бедная моя девочка, – сказала Госпожа ласково. – Ты ведь понимаешь, путь, который ты выбрала, ведет ко мне. Еще не поздно отступить. У тебя впереди долгая счастливая жизнь, дитя мое...

– Я выбрала, – так же тихо, но твердо сказала Айлин. – И очень вам благодарна, миледи... матушка!

Их пальцы встретились на стеклянной границе, твердой и холодной, но странно невесомой, словно растаявшей между ними. Айлин показалось, что мягкая рука бережно погладила ее волосы, скользнула по спине в быстром объятии. А потом Госпожа исчезла, а зеркало потемнело, превратившись в черную жуткую дыру. Айлин с трудом заставила себя не жмуриться, потому что хотела видеть, куда идет. Закрывать глаза еще страшнее!

Она стиснула зубы и прыгнула в зеркало, как в ледяной омут, полный непроглядной тьмы. Быстро, чтобы и правда не передумать, испугавшись!

Что-то толкнуло ее сзади, Айлин едва не упала, но падать здесь было некуда. И в тот же миг в клубящемся мраке, стиснувшем ее невидимыми щупальцами, рядом с нею возникло белесое пятно. Пушок! Он прыгнул за нею!

– Пушок, ищи! – крикнула Айлин, охваченная внезапной надеждой. – Пожалуйста, милый, ищи Аластора!

Тьма плыла и колебалась вокруг, лезла в глаза и уши, леденила насквозь... Айлин не могла ни дышать, ни говорить, но упрямо шла вперед. Точнее, двигалась, потому что нельзя идти там, где нет никакой поверхности. Она скорее почувствовала, чем увидела, как Пушок тоже движется, и потянулась за ним с отчаянным упрямством обреченности. Она все равно погибнет! Если не здесь, так потом, в портале. Чего бояться, если и так идешь за собственной смертью?! Только нужно, чтобы смерть эта не была напрасной!

– Аластор... – проговорила она, не слыша свой голос, но чувствуя его.

Вспомнила растрепанные светлые волосы и ясные глаза. Сильные руки, всегда готовые поймать или поддержать ее. Открытую улыбку и искренний смех. Дружбу, которая грела ее даже издалека одним лишь воспоминанием...

Что-то изменилось вокруг, тьма стала гуще, но Айлин увидела тонкую серебряную нить, появившуюся там, где должна была быть земля. Нить расплывалась, пока не превратилась в тропу, слабо светящуюся во мраке.

Весело хрипнув, Пушок ступил на нее первым, и Айлин последовала за ним, замирая от ужаса и дикого шального восторга. Темные тропы вовсе не Темные!

– Поторопись, дитя мое... – донесся до нее мягкий тихий шепот, и Айлин кинулась по уходящей вдаль серебристой дороге, держа в уме только одно – образ Аластора Вальдерона.

* * *

– Имя, звание, откуда и зачем?

– Лучано Фарелли, вольный горожанин славного города Верокья, – с должным почтением, но и подобающей гордостью за свою родину отозвался Лучано. – Приказчик торгового дома «Скрабацца и сыновья», галантная торговля. По коммерческим делам с поручением от синьора Скраба...

– Итлиец, – перебил его чиновник, обращаясь к писарю, сидящему за длинным приземистым столом. – Простолудин, торговец. – Окинул Лучано пронизывающим взглядом, от которого по спине пробежал холодок, и равнодушно добавил: – Профан. Пиши разрешение на имя Лучи... Лучо... Люциана Фарелла. Три скудо!

А вот это уже адресовалось ему.

Лучано, имя которого только что варварски исковеркали, любезно улыбнулся и потянулся за кошельком. Только сейчас он сообразил, что перстень с дорогим белым агатом на руке чиновника не простое украшение, а знак мага. Маг на таможне! Куда катится этот мир?

– Мои искренние извинения, синьор! – Он выложил на стол шесть монет по полскудо. – Разрешение? На пребывание в вашей прекрасной столице?

Дорвенантская речь по-прежнему казалась грубой, но Лучано понимал, что нужно как можно больше практиковаться.

Он окинул быстрым взглядом просторное и совершенно пустое помещение, куда его перенес портал. Кроме выложенного на деревянном полу отшлифованными каменными плитками круга, здесь стоял стол, два стула для таможенников – и больше ничего. И никого, кроме этих двоих, глядящих на него с утомленным раздражением.

– Сейчас, – буркнул чиновник, подхватил листок с еще не высохшими чернилами, развернул его перед Лучано и монотонно заговорил:

– По приказанию лорда-протектора Дорвенанта, его светлости Грегора Бастельеро, в столице введено особое положение. Все прибывающие в Дорвенну обязаны иметь при себе разрешение, полученное на таможне. Срок действия – неделя. На седьмой день, считая с нынешнего, надлежит

явиться в магистрат и продлить. Показываться на улице без разрешения или с просроченным карается штрафом и высылкой. По указу лорда-протектора также запрещается выходить на улицу после полуночного колокола без особой нужды и собираться больше, чем по пять взрослых мужчин. Исключение – семья или мастерские почтенного хозяина, известного городской страже. За грабеж и мародерство – казнь на месте преступления. За злонамеренное повышение цен... Чем торгуете, синьор? – снова остро глянул он на Лучано.

– Духами, помадой, ароматными маслами...

– Ну, это к вам не относится, – махнул рукой с магическим перстнем чиновник. – Не вздумайте покупать что-то с рук. Сообщников грабителей и мародеров велено отправлять на каторжные работы. Продаст вам кто-нибудь колечко или там подсвечник, а они краденые...

– Я понял, синьор, – приложил Лучано руку к сердцу. – Буду исключительно законопослушен. Простите, а что вообще происходит в городе? Меня ни о чем таком не предупреждали! Я всего лишь приказчик, должен доставить образцы наших товаров...

– Ну так доставляй и вали из Дорвенны, пока цел, – посоветовал ему чиновник. – Демоны у нас тут. И вообще Баргот знает, что творится. Да назад не вздумай порталом! Видишь, никого нет?

Он обвел рукой пустой зал и пояснил:

– Порталы больше не работают. Войдет в него человек, задница остается здесь, а голова улетает во Фрагану. Ну или к вам в Итлию. Мы уже куда только могли предупреждения разослали, отсюда порталами запрещено ходить. Ну а от вас дырку не заткнешь, так и лезете, дурни...

Писарь оторвался от какой-то бумаги, где лениво черкал пером, и добавил, подняв на Лучано ехидные глаза:

– Ты, парень, везучий, раз прошел из самой Итлии целеньким. А до тебя кого-то размазало в лепешку, хоть лопатой собирай!

И указал взглядом на темное пятно, хорошо заметное на простых струганых досках пола. Как раз такое, как должно было появиться, если бы много крови стекло с каменного круга, впитываясь в дерево.

– Благодарю за предупреждение, синьоры... – пролепетал Лучано, подхватил свой кожаный сундучок и почти бегом выскочил на улицу.

Изображать потрясение ему даже не понадобилось. Демоны?! Неработающие порталы, которые убивают людей? Особое положение, как во время войны? Еще и лорд-протектор какой-то? А как же король и королева?!

Легкая двуколка подъехала к зданию таможни, у которого он стоял, и правящий ею детина предложил:

– В гостиницу, вашмилсть?

– Давай, – с облегчением согласился Лучано, закидывая сундучок и прыгая следом на сиденье. – Поближе к дворцу, и чтобы приличная была!

Ну и бред! Однако город вокруг очень явственно доказывал, что ему это все не снится. Таможня располагалась в приличном квартале, судя по домам вокруг, но большинство лавок в нижних этажах были закрыты, а окна плотно завешены деревянными ставнями с железной оковкой. Горожане почти не встречались, двуколка ехала по пустым улицам, и пару раз Лучано, втянув носом воздух, чувял запах дыма. Что-то в городе горело, причем на славу.

Извозчик на его осторожный вопрос о новостях отмолчался, и Лучано решил, что уж в гостинице точно узнает обо всем поподробнее. А то как работать, не понимая, что происходит?!

– Вот, вашмилсть, «Алый Лев», извольте!

Двуколка остановилась перед каменным домом, который в Итлии потянул бы разве что на средней руки постоялый двор, а никак не на приличную гостиницу. Где мраморные ступени, вазоны с цветами перед входом, лакей, готовый принять вещи нового постояльца? Лучано вздохнул, наугад расплатившись с извозчиком несколькими медяками, потому что местных цен еще не знал. Судя по довольной роже того, дал правильно и даже сверх нужного. Ну и ладно!

Сундучок в гостиницу пришлось вносить самому, но внутри к нему все-таки подбежали и почтительно осведомились, что угодно его милости.

– Комнату, – сообщил Лучано. – С ванной. Обед... Впрочем, не надо, пообедаю я внизу. У вас ведь имеется трактир?

– Его милость из Итлии! – заулыбался лакей. – Конечно-конечно! Останетесь довольны, у нас отменный трактир! И даже купальня есть! – произнес он с такой гордостью, словно сообщал о наличии золотой ванны в каждом номере.

«Даже»? То есть у них тут еще не во всякой гостинице помыться можно?! Или лоханями обходятся?

Он позволил провести себя в номер, а потом и в купальню, небольшую и лишенную самых необходимых вещей, вроде масла для тела, но чистую, следовало отдать должное. Вода тоже была хороша, свежая и ничем не пахнущая, как это порой случалось в Верокье. Лучано быстро вымылся, но одежду решил пока не менять, за одну поездку по городу шерстяная рубашка и штаны, надетые по совету мудрого мастера Ларци, еще не успели пропитаться местными запахами. Он поморщился, вспомнив гарь и какую-то особенную ледяную сырость, словно весна еще не наступила в этом городе мрачного серого камня, закрытых окон и пустых улиц.

Ну что же, теперь обед? Лучано спустился из номера на втором этаже в трактир на первом, снова с любопытством огляделся и принялся. Пахло недурно. Скатерти на столах из простого полотна с тонкой вышитой каймой, но чистые, как и занавеси. Подавальщицы миленькие... Еще и блондинки! Он с интересом проводил взглядом светлокосую девчонку в белой блузе, плотном черном корсаже и слишком длинной юбке из полосатой красно-коричневой шерсти. Одни только башмачки видны! Это у них так все приличные девицы ходят? Жалость какая! Или все дело в том, что на улице холодина и ветер?

Народу в трактире почти не было, да и гостиница показалась Лучано пустой. У окна обедали два мрачных синьора со шпагами, к этим точно не подсядешь. Еще один пожилой дворянин... почтенная матрона с двумя некрасивыми девицами лет двадцати... Девушки загляделись на Лучано, и он уже хотел осчастливить их парой комплиментов, но вовремя вспомнил, что в Дорвенанте строгие нравы, и его любезный порыв могут оценить неверно. Что ж, придется обедать в одиночку, а потом платить лакею за разговор...

– Присаживайтесь, сударь! – вдруг окликнули его от столика, полускрытого занавесями в нише между окон, и Лучано просиял.

– Благодарю, синьор!

Он поклонился немолодому темноволосому мужчине, плотному, осанистому и одетому добротно и неброско, как положено приличному купцу. Тот сидел за столиком на двоих, перед ним стояла тарелка с жареной курятиной, рядом дымился шамьет.

– Лучано Фарелли к вашим услугам. Торговый дом «Скрабацца и сыновья». Душистые товары.

– Эмерик Донован, – слегка склонил голову дорвенантец. – Сукно, шелк и тонкая кожа.

Они посмотрели друг на друга с приязнью людей, которым нет нужды соперничать, а вот общие темы для разговора точно найдутся.

– Недавно из Итлии, сударь Фарелли? – безошибочно определил Донован, окинув Лучано взглядом. – Одеты, я смотрю, легкомерно.

– Кто же мог подумать, что у вас так свежо? – вздохнул Лучано. – Если задержусь, придется менять гардероб. Скажите, синьор, долго еще будет стоять такая погода?

– Для весны сейчас тепло, – буднично отозвался купец. – Вполне может похолодать сильнее.

– Еще сильнее? – ужаснулся Лучано. – Лето же скоро!

– Только не у нас, – усмехнулся купец. – До самого Дня Солнцестояния рекомендую теплый камзол далеко не убирать. У меня лавка на площади Первоцветов, загляните и скажите, что от меня, обслужат по высшему разряду и со скидкой.

– Буду премного благодарен за любезность, – прижал Лучано ладонь к сердцу. – И если вдруг окажетесь у нас в Верокье...

Блондиночка-подавальщица возникла у столика, поставила перед Донованом тарелку с горячими пирожками, явно только из печи, улыбнулась Лучано и старательно поздоровалась по-итлийски нежным голосом.

– Я понимаю ваш язык, прекрасная синьорина, – улыбнулся в ответ Лучано. – Мне, пожалуй, то же самое. – Он указал на тарелку с курицей. – Но к шамьету что-нибудь сладкое.

– Сливочные пирожные по-фрагански и ягодный рулет, – посоветовал Донован и обратился к подавальщице: – А мне еще порцию шамьета и посчитайте за обоих, милочка. Сударь же позволит угостить его за знакомство?

– Сочту за честь, – склонил голову Лучано, уже начиная удивляться, с чего это столько любезностей.

Приглашение за стол, обещание скидки в лавке, теперь обед...

– Позволено ли мне будет спросить, – слегка понизил он на всякий случай голос, когда девица отошла, – а что происходит в вашем славном городе? Мне на таможне наговорили всяких ужасов и выдали разрешение с печатью! И предупредили ни в коем случае не пользоваться порталами!

Его вполне искренне передернуло, стоило вспомнить кровавое пятно на полу пустой таможни. Смерть прошла рядом – и какая! Бессмысленная, поэтому особенно мерзкая.

– Вы шли порталом? – нахмурился Донован. – Больше этого не делайте. Не знаю, что там произошло в магических сферах, я, увы, не маг... Порталы стали смертельно опасны, а в городе полно запредельных тварей. Отсюда и беспорядки.

Он наклонился к Лучано и сказал негромко:

– Говорят, что порталы теперь ведут не туда, куда положено, а к демонам, прислужникам самого Баргота. И временами открываются сами по себе, а потом не закрываются, так что демоны лезут в наш мир. Видел я вчера на улице такую тварь... Хорошо, стража вовремя подросла!

Купец поморщился и отпил шамьета, словно смывая неприятный вкус.

– Ужас! – отозвался Лучано. – А кто такой лорд-протектор?

– Его светлость Бастельеро – маг-некромант, – сказал Донован, на этот раз не понижая голос, из чего Лучано заключил, что личность протектора – тема вполне обсуждаемая. – Бывший главнокомандующий, что пять лет назад выиграл войну с Фраганой. Избранный самой Претемнейшей Госпожи! – добавил он почтительно. – Сегодня утром объявили, что он возглавляет оборону столицы от демонов. И вообще принимает всю полноту власти на время... достаточное время, в общем.

– Понимаю, – кивнул Лучано. – Какая достойная и великолепная личность этот грандсиньор. Это ведь он издал указ о мародерах?

– Дорвенна третий день горит, сударь мой, – вздохнул Донован. – Началось все на окраинах, чернь повалила грабить лавки... Хвала Семи Благим, у меня и дом, и магазины в приличных кварталах, до нас не дошло. А теперь уже и дойдет вряд ли, потому что лорд-протектор вывел на улицы гвардию. Но самое страшное, что первый пролом к Барготу открылся... – Он опять понизил голос и почти шепнул, поймав взгляд Лучано: – В королевском дворце. Его величество и оба принца...

Ухоженная рука Донована выразительно коснулась горла, чиркнув по нему ногтем большого пальца, и Лучано ахнул:

– Неужели!

Купец кивнул и снова вздохнул.

На столе перед Лучано появилась тарелка с курятиной, два блюдецка со сладостями и кувшин горячего шамьета для них с Донованом. Пустая чашка, взбитые сливки в стеклянной розетке... Но он едва заметил еду, лихорадочно соображая, что означают новости.

Король и оба принца мертвы! Власть в стране то ли принял, то ли захватил какой-то протектор, причем горожане это приветствуют. Ну еще бы, если его светлость взялся спасать их и от демонов, и от грабителей из бедных кварталов! А что же королева?!

– А ее величество? – поинтересовался он вслух с должным трепетом и жалостью. – Как она перенесла столь ужасную утрату?

– В глубоком трауре, – снова вздохнул Донован. – Бедная женщина. Муж и двое сыновей... Говорят, их смерть была страшной. Лорд-канцлер и лорд-протектор взяли все заботы о королевстве на себя, чтобы не утруждать королеву в ее горе.

Лучано с пониманием покивал. А потом вспомнил, что переговоры с гильдией происходили задолго до всех этих событий. То есть Шипа ее изнемогающее от горя величество заказывала, когда еще не была вдовой. Очень интересно... В одном можно не сомневаться. Страдающей женщине, которую два грандсиньора благородно освободили от забот по управлению государством, просто необходимы услуги приказчика парфюмерной лавки! Особенно такого, как Лучано.

– Вы чем-то обеспокоены, сударь? – участливо и довольно проницательно поинтересовался Донован, глядя, как Лучано ковыряет курицу.

– Еще бы, – развел Лучано руками, оставляя вилку и нож. – Такие новости! Я ведь послан как раз к ее величеству лично! Месяц назад ее фрейлина, тоже моя соотечественница, порекомендовала прекрасной королеве Беатрис нашу... продукцию. У нас лучшие духи в Итлии, синьор! И крем, который любую даму сделает совершенством. И вы же понимаете, такая возможность! Представить товары самой королеве Дорвенанта!

Донован понимал. И снова окинул его очень внимательным взглядом, который Лучано уже заметил на себе пару раз.

– Такая ответственность! – добавил Лучано с должным унынием человека, прекрасно понимающего, что духи и крем женщине в трауре не нужны, однако хозяева не похвалят все равно именно его.

– Ну-ну, не расстраивайтесь так, – снова наклонился к нему купец и очень участливо погладил по тыльной стороне ладони, лежащей возле блюда с ягодным рулетом. – Я понимаю, вы возлагали на этот визит... определенные надежды. Но не все еще потеряно! Двор, конечно, в трауре, но ведь можно предложить ваши товары дамам... частным порядком. У меня есть нужные связи, и я с удовольствием вам помогу.

Он поймал взгляд Лучано и снова осторожно погладил его по руке. Улыбнулся ободряюще. Задержал теплые пальцы... И Лучано изумленно обозвал себя идиотом!

«Ничего себе, скромные дорвенантские нравы, – растерянно подумал он. – Вот так вот сходу, едва познакомившись? А главное, с чего? Нет, я прекрасен, в этом и сомнения быть не может. Да и репутация у нас, южан... хм... соответствующая... Но с чего почтенному синьору при деньгах кидаться на первого попавшегося итлийского приказчика?! Неужели здесь так плохо с борделями?

М-м-м... У синьора такие особые вкусы, что в борделях его не обслуживают? Редкость, но бывает. Например, если он из тех, кому нравится причинять боль или даже убивать. Тогда, конечно, ему прямой резон искать знакомства с приезжими, которых долго никто не хватится. Да нет, не похоже... Или все проще, синьор просто брезглив?»

Донован, не встречая его сопротивления, поглаживал запястье и пальцы Лучано уже гораздо настойчивее, в его глазах появился масляный блеск, показывающий, что так просто купец не отступится. Лучано про себя вздохнул. Вот ведь нехоти. Сменить гостиницу? А вдруг другая окажется хуже, да и найти его, приезжего, местному купцу несложно. Пригласить в номер и напоить шамьетом, от которого надолго станет не до усад? Жестоко, пожалуй... Купец ведет себя учтиво, не стоит травить человека лишь за то, что у него хороший вкус! Но как отделаться, чтобы Донован не обиделся? Они могут больше никогда не встретиться, но ведь не угадаешь, на каком повороте судьбы тебя догонит и ударит в спину случайная чужая неприязнь.

– Я могу очень много сделать для вас в Дорвенанте, сударь Лучано, – мягко подсказал Донован, принимая его размышления за колебания иного рода и переходя уже на имя вместо фамилии.

– Не сомневаюсь, синьор, – улыбнулся Лучано, а потом, не отнимая у купца руки, которую тот продолжал наглаживать, негромко сказал: – Контракт на год – это минимум. Небольшой палаццо в хорошем районе и с прислугой. Собственный выезд. Оплата всех счетов, ну вы же понимаете! И к праздникам я предпочитаю подарки из ювелирных лавок, а не из кондитерских.

– Серьезные запросы!

Брови купца взлетели высоко, а взгляд из ласкающего стал оценивающим.

– Я знаю, – безмятежно подтвердил Лучано. – Но на меньшее размениваться смысла не вижу. У меня очень хорошая карьера дома, в Итлии. И я не гостиничный мальчик, синьор Донован...

Он снова улыбнулся, на этот раз с явным сожалением, чтобы купец видел, как Лучано хочется принять его предложение. Такой привлекательный мужчина, да-да-да, но принципы! Увы, эти принципы!

– Как у нас в Дорвенанте говорят: «Девушка я честная, поэтому и дорогая», – понимающе и совсем не обидно хмыкнул купец.

Убрал руку с таким же видимым сожалением, как у Лучано, только настоящим, вздохнул и признался:

– Не потяну. Через пару лет смог бы, но вам, сударь, как я понимаю, смысла ждать ни малейшего. Мои поздравления синьору Скрабацце, ваш хозяин знает, кого и куда посылать.

Лучано молча склонил голову.

Ну, вот и славно. Никакого отказа, на который можно обидеться! Язык денег – это то, что любой купец понимает лучше всего. И сам решает, готов ли платить назначенную цену.

– Если все-таки передумаете, – сказал Донован, поднимаясь, – оставьте мне весточку в лавке на площади Первоцветов. Жизнь, она полосатая, вдруг и договоримся как-то иначе.

– Непременно, синьор, – очень серьезно пообещал Лучано, действительно не собираясь разбрасываться полезным знакомством. – Благодарю за понимание.

Донован взмахом руки подозвал подавальщицу и рассчитался за оба обеда, хотя Лучано честно пытался внести свою долю.

– Да ладно вам, – хмыкнул купец добродушно. – Я же приглашал.

Лучано молча добавил к несомненным достоинствам нового знакомого еще одно. Мужчина, который после отказа все равно не жадничает и не уходит обиженным, стоит уважения. Ну и того, чтобы запомнить адрес его лавки. Жизнь, она ведь и правда полосатая!

О том, что лично у него она еще и очень короткая, Лучано запретил себе думать. Вот жареная курица, терпимо сваренный шамьет и ягодный пирог со сливками. Миленькая блондинка так и поглядывает на него каждый раз, пробегая мимо. Интересно, чулочки у нее тоже полосатые, как и юбка? Надо бы проверить! Интересный город, хоть и серый, холодный, да еще с непонятными демонами. И заказ, который придется выполнять, потому что этого ждет мастер. Вполне достаточно для размышлений, м?

Глава 8. Дорвенантский шиповник и итлийская гадюка

Семейные ужины – прекрасная вещь! Когда семья встречается после долгой разлуки, нужно быть пеньком бесчувственным, чтобы не ценить этого!

Аластор изо всех сил уговаривал себя, что чрезвычайно рад видеть сестер, что соскучился за те полгода, что прошли с их последнего визита в поместье, что сейчас, в пору тяжелого испытания для всего королевства, Вальдероны должны держаться вместе, пусть даже Мэнди и Лоррейн уже принадлежат к другому роду...

Но сестрицы так трещали, пересказывая последние придворные сплетни за эти полгода, что у него почти разболелась голова. Стала тяжелой и одновременно пустой, только пролетали время от времени полужнакомые имена людей, о которых наперебой рассказывали сестры. Зачем только ее величество взяла их фрейлинами? Это, конечно, высокая честь, но теперь приходится слушать ерунду про наряды и придворные игры, про чьи-то помолвки и супружеские измены, милости и неудовольствие королевы...

Сначала Аластор напряженно вслушивался, ожидая, не мелькнут ли в рассказах Мэнди и Лоррейн те два имени, что его интересовали, но про Айлин Ревенгар ничего не услышал. Это и понятно, она учится в Академии, не бывая при дворе. А Грегор Бастельеро назначен лордом-протектором – и Мэнди с Лоррейн одинаково поджимали губки, говоря об этом, и сдержанно удивлялись, что Совет Трех Дюжин оказал эту честь ему, а не одному из лордов Райнгартенов, их почтенных и таких замечательных супругов!

Больше Аластор не услышал ровно ничего любопытного и стал просто кивать, когда на него смотрели. Кажется, отец и матушка тоже прикрывали скуку благожелательными улыбками, а меcсьор д'Альбрэ, единственный человек за столом, не принадлежащий к семье формально, уделял все внимание печеной утке, а не щебету леди Райнгартен, и Аластор его полностью понимал!

– Завтра я дежурю в гостиной ее величества! – томно заявила Мэнди, отложив вилку с ножом и промокнув губы белым кружевным платочком. – Это такая честь и удовольствие! Ее величество очень ценит мои услуги! Я лучше всех умею поливать ее цветы, а еще подбираю нитки для вышивки. Ее величество так добра! Даже сейчас, когда ее сердце полно горя, она находит минутку, чтобы поговорить со мной и выслушать придворные новости. Бедняжка, она так страдает!

– Бедная женщина, – согласился отец. – Потерять мужа и сыновей! Мэнди, ты должна быть очень внимательна к ней и стараться услужить, чем только можешь.

– Увы, – вздохнула Мэнди, и Аластор прикрыл глаза, чувствуя, как высокий голос милой сестрицы ввинчивается в голову, словно буравчик. – Двор в трауре! Не будет весенних балов и гуляний, дамам запрещено носить драгоценности! Слава Благим, нам хотя бы черное и лиловое носить не обязательно. Мне совершенно не идет лиловое! Но ее величество так добра! Она говорит, что мы можем одеваться, как нам угодно!

– Очень великодушно с ее стороны, – подтвердила матушка странно прохладным тоном. – Надеюсь, вы все-таки соблюдаете приличия и проявляете должное уважение к несчастью в королевской семье. Значит, лорд Бастельеро теперь протектор? И надолго?

– Неизвестно! – дуэтом пропели Мэнди и Лоррейн и снова скривили носики. – Он такой нелюбезный! Совсем не бывает при дворе! Никому не уделяет внимания! А теперь еще вмешивается во все!

– Указывает моему дорогому Эжену, как ему командовать войсками! – с возмущением выпалила Лоррейн.

– И в Академии ведет себя вызывающе! – добавила Мэнди. – Что и ожидать от человека, который даже на свадьбу к нам не явился? Помните? А мы ведь его приглашали! Этьен так обиделся!

Аластор про себя подумал, что очень удивился бы, явись лорд Бастельеро на свадьбу, где невесты –

девицы из рода Вальдеронов. После всего, что случилось пять лет назад... А вот то, что лорд-протектор командует лордом Райнгартеном, отвечающим за войска, выглядит как раз логично и закономерно. Что еще делать протектору, как не спасать столицу?

На улицах до сих пор беспорядки. Оба лорда Райнгартена почти не бывают дома, поэтому с радостью отправили жен к приехавшим в Дорвенну родителям, выделив охрану, которая осталась в особняке Вальдеронов. А в Академию теперь доступ закрыт, Мэнди сказала, что посещения адептов строго запрещены ради безопасности обеих сторон. Кого-то уже забрали родители, но те, кто остался, даже носа не высовывают из-за высоких безопасных стен.

– У лорда Бастельеро наверняка были неотложные дела, – сухо сказал отец и посмотрел на стену столовой, где висело большое зеркало, в котором отражался накрытый стол и все, сидящие за ним. – Джанет, милая, тебе не кажется, что следует заменить это зеркало? Оно какое-то мутное.

Аластор тоже глянул туда, потому что готов был смотреть на что угодно, кроме самодовольных мордашек сестриц, и удивился. Зеркало вело себя странно! Оно на глазах помутнело, пошло волнами, а столовая перестала в нем отражаться, зато возникла черная пустота, в которой мелькали неприятные на вид силуэты...

– Отец... – сказал Аластор негромко и быстро поднялся из-за стола, прикидывая, что можно использовать в качестве оружия прямо сейчас. – Осторожно!

– Ты полагаешь... – нахмурившись, отозвался лорд Вальдерон и принялся вставать, распорядившись: – Джанет, милая, уведи девочек. И позови охра...

Договорить он не успел. Зеркало вдруг выгнулось вперед огромным стеклянным пузырем! Аластор помнил, что в прошлый раз портал открывался совсем иначе, но какая разница? Сейчас тоже творилось что-то неправильное и опасное! Он подхватил за ножку стул, остро сожалея, что оставил обе секиры в комнате. И чем теперь отбиваться от запредельных тварей, столовыми ножами?

Мэнди и Лоррейн пронзительно завизжали в один голос, их вопль резанул уши. Отец подхватил матушку за талию, переставил себе за спину, оказавшись между нею и зеркалом. Д'Альбрэ схватил увесистый настольный канделябр, и тут из зеркала, которое брызнуло осколками, метнулась темная тень! То ли выпав, то ли выпрыгнув, она оказалась по другую сторону стола, за ней последовала еще одна, здоровенная и белесая. Аластор размахнулся стулом, но в последний миг сдержал удар, сам не понимая почему.

Может, потому что демоны не кричат звонким девичьим голосом?

– Не надо! Ой...

Только сейчас осколки, будто застывшие в воздухе, осыпались на пол стеклянным звенящим дождем. И в столовой стало ужасно тихо. Аластор, держа стул наготове, посмотрел на стену, где зияла пустая рама, перевел взгляд на то, что выскочило из зеркала... Огненно-рыжая девица в темной одежде глядела на него огромными ярко-зелеными глазищами, сияющими с бледного лица, как магические фонари. Между ней и Аластором оказался стол, а рядом с рукой девицы, которой та уперлась в столешницу, чтобы не упасть, торчала огромная мохнатая голова. Белая, пушистая и до жути знакомая.

Аластор открыл рот, не зная, что сказать. Закрыв его. Снова открыл, беспомощно посмотрев на почти незнакомую девушку. Рыжие волосы, заплетенные в две тугие толстые косы. Зеленые глаза. Веснушчатое лицо сердечком. Все это было знакомо! А сама девушка – нет! Она была... взрослая... Именно девушка, а не девочка, которой все это должно было принадлежать!

Аластор даже головой помотал, пытаясь совместить все, что видит. Рыжую зеленоглазую девчонку из прошлого и вот эту девицу ростом ему по плечо. Стройную, с тонкой талией, подчеркнутой красно-фиолетовым поясом, округлой грудью, которую короткая темная туника обрисовывала весьма выразительно, длинными ногами в замшевых штанах и в сапожках для верховой езды...

– Хрррпшшшш, – послышалось из – за стола.

Пушок потянулся к Аластору мордой, свалив подвернувшееся блюдо с уткой и вывалив красный

кожаный язык. Это точно был Пушок, уж его Аластор узнал бы где и когда угодно, значит, девица...

– Айлин? – сказал Аластор, глядя на нее, такую непонятную, изменившуюся, совершенно новую!

– Ал! – выдохнула она и улыбнулась совсем как прежняя Айлин. – Я тебя нашла! Ой...

Она с ужасом оглядела разгромленный стол, усыпанный осколками, замерших людей, безошибочно нашла взглядом его отца и матушку и виновато сказала:

– Милорд, миледи, я прошу прощения! Мое имя – Айлин. Я адептка Академии, и мне очень нужно поговорить с Аластором. И с вами... Это дело жизни и... смерти.

Онемевший Аластор увидел, как отец медленно окинул взглядом фигуру Айлин. Как перевел взгляд на Мэнди и Лоррейн, что с двух сторон вцепились в бледную матушку и всхлипывали в унисон. Как снова вернулся взглядом к его подруге.

– Джанет, милая, – ровно сказал он, не глядя в сторону матушки и смотря только на Айлин. – Уведи девочек. И проследи, чтобы нас не беспокоили.

– Себастьян... – шепнула матушка, подавшись вперед.

– Все будет хорошо, дорогая, – тем же невыносимо спокойным голосом пообещал отец. – Жозеф... – повернулся он к фраганцу, уже поставившему канделябр на край стола.

– С вашего разрешения я вас тоже покину, – поклонился тот, но отец качнул головой.

В полном молчании матушка, обняв Мэнди и Лоррейн за плечи, вывела их из столовой, и только тогда отец опять заговорил.

– Жозеф, друг мой, – уронил он. – Я не знаю, имею ли право просить вас остаться. Мне бы очень пригодился ваш совет. Но, боюсь, дела, о которых пойдет речь, такого свойства, что в них легко лишиться головы.

– Ни слова больше, – по-военному четко кивнул фраганец и выпрямился, высоко вскинув подбородок. – Если вам нужны моя помощь и моя шпага, они в вашем распоряжении. Слово дворянина, что сохраню любую тайну, которую вы мне доверите.

– Благослови вас Благие, – кивнул в ответ отец и снова посмотрел на Айлин. – Итак, я вижу перед собой юную леди Ревенгар?

– Нет, милорд. – Айлин присела в церемонном реверансе с идеально прямой спиной и ухитрившись даже в штанах проделать это с грациозностью, которой Мэнди и Лоррейн могли бы только позавидовать. А потом сдержанно сообщила, выпрямившись и тоже задрав голову, словно проглотила рапиру: – Я просто Айлин, адептка Академии. У меня есть причины не называться родовым именем, которые касаются только меня.

– Как скажете, леди Айлин, – отозвался отец и подал ей руку, выводя из-за стола.

Пушок потрусил следом, не обращая никакого внимания на усеявшие пол осколки, подбежал к Аластору и сунул ему в руку кожаный нос, как обычная собака. Потом сел рядом и с удовлетворением посмотрел на хозяйку светящимися синими глазами.

– Простите за вашу столовую, – еще раз извинилась Айлин, виновато оглянувшись. – Мне нужно было как можно быстрее найти Аластора! И вас...

– Дело жизни и смерти, я помню, – кивнул отец, подводя ее к стулу, на который Айлин села, сложив руки на колени и сразу оказавшись очень маленькой и юной. – Я вас внимательно слушаю, леди.

Айлин посмотрела на Аластора с тем же непонятным виноватым выражением, от которого у него мурашки пробежали по спине. Да что же это творится?! Это же Айлин! Его милая подружка, такая добрая, славная, умная... Что это за жуткие тайны, которых отец так боится, что отослал матушку и сестер, а месьора торжественно предупредил? Что вообще может связывать его и Айлин?! Он, Аластор?!

– Вы же знаете о его величестве и обоих принцах? – начала она сдавленным напряженным голосом, и отец молча кивнул. – А еще... еще погиб магистр Кристоф, глава Алого факультета и коронный бастард. И я не должна этого говорить, это очень большая тайна...

– Я понимаю, леди, – таким же ровным напряженным голосом сказал отец, и у Аластора снова появилось мерзкое чувство, подозрительно похожее на страх. – Его величество. Оба принца. Лорд Кристоф. И?

– Это не просто прорывы ткани мироздания! – выпалила Айлин, старательно не глядя на Аластора. – Их устроили особым способом с помощью королевской крови. Они открываются рядом с теми, в ком течет кровь Дорвеннов! И я... я должна спросить вас, милорд... Пожалуйста, простите меня за неучтивость, но...

– Если вы имеете в виду происхождение Аластора, – медленно сказал отец, и его слова упали тяжело, как удары молота, – то мне известно, чей он сын. И всегда было известно.

Айлин кивнула с явным облегчением. Аластор замер, не понимая, что слышит. Потом ему показалось, что он понял, и это оказалось... жутко. Страшнее, чем снова оказаться рядом с демоном!

– Отец? – выдавил он непослушными губами. – Что это значит?

– Прости, мой мальчик, – тихо сказал отец, глядя на него с такой смесью вины, боли и жалости, что сердце Аластора укатилось куда-то вниз ледяным комом. – Я всегда считал тебя сыном и буду считать им до конца моих дней. Но, кажется, пришло время истины. Когда я женился на твоей матери, она носила ребенка. Тебя. Твой отец – его величество Малкольм, ты кровь от крови Дорвеннов.

– Бастард... – прошептал Аластор. – Ублюдок... Моя мать...

– Не смей! – лязгнул отцовский голос, и лорд Вальдерон нахмурился, посмотрев на него с искренним гневом. – Не вздумай оскорбить свою почтенную матушку ни словом, ни помыслом! Ты бастард, это правда. Но был зачат в любви. Моя дорогая Джанет была возлюбленной короля прежде, чем он женился. Она любила твоего настоящего отца! И никогда не обманывала меня, я взял ее в жены добровольно и с радостью. Все эти годы она была мне верной женой, моим счастьем и гордостью. Как и ты. Не тебе судить ее, раз уж я не сужу.

– Отец... – с тихим безнадежным ужасом проговорил Аластор, чувствуя, как мир, такой твердый и незыблемый, рассыпается на глазах. – То есть ты знал? И принял ее? И меня? Растил... А он? Что – он?!

– Его величество не вмешивался в дела нашей семьи, – сухо сказал лорд Вальдерон, которого Аластор все равно даже в мыслях не мог звать иначе, чем отцом. – Это было моим условием, с которым он согласился. Раз в год он получал мои письма о твоём воспитании и поведении. Как и канцлер Аранвен, который устроил наш с твоей матушкой брак. Больше никто не знал. И я, право, не понимаю, почему сейчас... Впрочем, нет, понимаю. И это очень плохая новость. Не так ли, леди Айлин? – повернулся он к бледной девушке, вцепившейся руками в подлокотники высокого стула.

– Очень плохая, – отчаянно сказала Айлин и обвела их, всех троих, испуганным взглядом. – Чтобы закрыть порталы, нужна человеческая жертва. Той же крови, что и при открытии. Аластор... он последний, понимаете? То есть имеются еще принцессы...

– Но они – законные дочери и будущие наследницы трона, – тем же напряженным голосом подхватил отец. – Почему же за Аластором явились вы, а не королевские гвардейцы?

– Я не знаю! – зазвенел голос Айлин. – То есть не знаю про гвардейцев! Но за ним послали Воронов!

Это... отряд адептов-некромантов...

Она с ужасом посмотрела на Аластора, и он вспомнил то ли детскую игру, то ли академическую традицию, о которой Айлин часто рассказывала. Дюжина лучших учеников, из которых его подруга была самой младшей. Ее друзья Саймон и Дарра, благородные юные лорды из Трех Дюжин. И остальные... Что ж, за пять лет они наверняка стали грозной силой...

Мысли то сбивались и путались, то снова текли холодно и бесстрастно. Закрыть портал нужно жертвой. Королевской крови. А король и оба принца мертвы, Мэнди рассказывала, что сам лорд Бастельеро принес во дворец тело Кристиана. Снова Бастельеро... Но неважно. Никто не станет жертвовать законными дочерьми короля, верно?

Остается он, Аластор. Королевский ублюдок, выброшенный настоящим отцом за ненадобностью, потому что Малкольм женился и зачал двух сыновей в браке. Истинных законных принцев. Наследников. Не бастардов от юной беззащитной фрейлины, которую он сплавил подальше от столицы, выдав замуж... Но теперь их нет! А закрыть портал нужно.

– Они отправились в ваше поместье, милорд Вальдерон, – тихо сказала Айлин, глядя прямо перед собой. – А я узнала обо всем и... сюда, к вам.

– Я вам очень благодарен, милая леди, – с той же спокойной жуткой учтивостью сказал отец. – Но полагаю, вы лишь отсрочили встречу Аластора с лордом Бастельеро. Это ведь он будет руководить ритуалом?

– Да, – кивнула Айлин и облизала губы, а потом продолжила с торопливой лихорадочной решимостью. – Но лорд Бастельеро не прав! Есть другой способ закрыть портал! Это возможно, я точно знаю! Нужна кровь Дорвеннов, то есть кровь Аластора, но не вся! Не как в ритуале жертвы, понимаете?! Можно обойтись небольшим количеством! И еще нужен сильный маг-некромант! Я вполне подойду, милорд! Только мне бы никто не позволил! И нужно... нужно добраться туда первыми, – сказала она упавшим голосом. – Раньше, чем нас остановят. А когда мы закроем портал, Аластора никто не посмеет тронуть. Он же наследник, получается...

– Он бастард, – с тихой безжалостной искренностью сказал отец и посмотрел на Аластора. – Никто не допустит его на трон, пока есть законные наследницы. Но это неважно... Я вас понял, милое дитя. Лорд Бастельеро считает, что жертва оправдана, так? Он знает, что есть способ закрыть портал, не убивая Аластора?

– Наверное, – тихо сказала Айлин, опуская взгляд, и Аластор увидел, как ее пальцы на подлокотниках стула совсем побелели. – Но это риск. Большой риск. А лорд Бастельеро должен закрыть порталы как можно быстрее!

– Очень убедительно, – согласился отец столь спокойным голосом, что сразу стало понятно, как дорого ему далось это спокойствие. – В самом деле, что такое жизнь одного юноши в сравнении с судьбой целого королевства? Но в таком случае почему вы, юная леди, идете против воли лорда-протектора?

Аластор едва не вскрикнул от возмущения, но месьюр д'Альбрэ, поймав его взгляд, прижал палец к губам, призывая молчать, и тоже впился в лицо Айлин изучающим взглядом.

– Потому что я – дочь Дориана Ревенгара, алого мага и офицера! Аластор – мой принц, даже если его никогда не коронуют, – неожиданно резко бросила Айлин, и у Аластора упало сердце. – И мой друг, если... если он этого захочет, – добавила она намного тише и посмотрела на него так неуверенно, что Аластор невольно вспыхнул и подался вперед, сам не зная, чего хочет больше, заверить Айлин в своей дружбе или возмутиться, что она усомнилась в нем?

Отец же всмотрелся в ее лицо и впервые за весь разговор улыбнулся, словно понял что-то важное.

– Последний вопрос, леди. Чем закрытие этого... разлома грозит лично вам?

«А в самом деле, – спохватился Аластор. – И почему я об этом не подумал? Конечно, то, что убьет профана, маг наверняка переживет! И все же...»

Айлин вздрогнула и зарылась пальцами в шерсть Пушка, незаметно снова подлезшего к ней под руку.

– Почти ничем, – откликнулась она так фальшиво, что у Аластора защемило сердце, месьор вскинул брови, а отец снова нахмурился.

– Юная леди, вы должны понимать, что столь важное дело требует взаимного доверия, не так ли?

Айлин кивнула, заливаясь краской.

– Я... конечно, милорд. Простите. Скорее всего, меня отчислят из Академии. То есть совершенно точно отчислят. Понимаете, я же сбежала втайне, вопреки прямому запрету... И еще... – Она на мгновение замаялась, а потом выдохнула: – Еще я, наверное, перестану быть магессой. Для того чтобы закрыть разлом, потребуется много энергии, а я ведь только учусь! Но ведь жить можно и без магии...

Она улыбнулась с отчаянной старательной храбростью, и Аластор понял, что если выживет, ему понадобится вся дальнейшая жизнь, чтобы вернуть хотя бы часть такого долга.

– И вы готовы пойти на это, чтобы спасти моего... Аластора? – уточнил лорд Вальдерон. – Только ради детской дружбы? Дорогое дитя, вы должны понимать, что он вряд ли взойдет на трон. Ваш поступок может остаться без награды, а риск безумно велик. Говорят, что порталы стали смертельно опасны. Куда вам нужно добаться?

– В Озерный край, – сказала Айлин ясно и наконец-то посмотрела на Аластора. – Поэтому нам очень нужна ваша помощь, милорд. Порталами действительно ни в коем случае нельзя пользоваться, а верхом туда не одна неделя. Я отличная наездница, не думайте. В Академии очень хорошо учат. Но...

– Припасы, – кивнул отец. – Охрана, не поедете же вы вдвоем через все королевство. Лошади, считая сменных, и фураж. Ехать придется очень быстро, потому что вскоре посланники лорда Бастельеро вернутся из нашего поместья... И ваше отсутствие тоже будет обнаружено, верно? Первым делом в столице вас и Аластора кинутся искать здесь. Мальчик мой... – повернулся он к Аластору. – Ты понимаешь, какая ответственность ложится на тебя и эту юную леди?

– Да, – уронил Аластор, едва разжимая губы. – Я понимаю.

Спасти королевство и остаться при этом в живых? Звучит, конечно, лучше, чем спасти королевство и умереть. Но Аластор не хотел сейчас думать о демонах, порталах, Бастельеро и пути в Озерный край. Он хотел поговорить наедине с отцом и матушкой! Своим настоящим отцом, потому что неважно, чья там кровь течет в его жилах! Его воспитал Себастьян Вальдерон! Никогда за все эти годы у Аластора не возникало даже тени сомнения в неизменной и огромной отцовской любви! И если лорд Вальдерон смог растить его как собственного сына, тем больше благодарности и преданности должен ему Аластор! Вот что сейчас важно, а не какие-то там демоны. Ему и матушке. И Айлин, которая рискнула всем ради его спасения и собирается рисковать дальше. И... он обязан спасти их, чтобы это все было не напрасно!

– Себастьян, друг мой, – подал вдруг голос месьор д'Альбрэ. – Вы позволите на несколько минут забрать у вас этого юного лорда?

И, едва дождавшись удивленного кивка отца, подошел к Аластору, крепко взяв его за плечо здоровой рукой. Вывел из столовой, закрыл за ними обоими дверь и мягко сказал:

– Позвольте им поговорить наедине, юноша. Вашему отцу нужно многое сказать этой отважной девушке, не смущайте его своим присутствием. Кстати, надеюсь, у вас нет в голове каких-нибудь глупых и недостойных намерений? Например, перестать считать его своим отцом...

– Мне казалось, вы меня знаете лучше, месьор, – мрачно сказал Аластор, невольно оглянувшись на плотно закрытую дверь столовой. – Мне плевать, кто я по крови. У меня один отец, и его зовут Себастьян Вальдерон. А я – Аластор Вальдерон, никакой не Дорвенн. Если моя кровь нужна, чтобы

закрыть эти барготовы дыры, ладно, ничего не поделать. Съезжу, куда надо, закрою. Но зваться бастардом я не буду! Я законный сын своих родителей, и чужой трон мне не нужен.

– Весьма достойно и разумно, – одобрительно кивнул фраганец. – Кстати, вот теперь я вас прекрасно понимаю. Эта девушка стоит, чтобы пять лет писать ей письма. – Он улыбнулся с мечтательной нежностью, совершенно неожиданной на обыкновенно либо мрачном, либо насмешливом лице. – Она похожа на дикую розу... Шиповник, так вы ее называете? Истинный дорвенантский шиповник!

– Месьор! – воскликнул Аластор, не зная, что еще сказать, но д'Альбрэ лишь махнул здоровой рукой и усмехнулся:

– Ах, оставьте! Ко мне вам точно ревновать не стоит. Это всего лишь восхищение, мой юный лорд. Преданность и отвага прекрасной Айлин трогают сердце. Как жаль...

– Что жаль? – насторожился Аластор, но фраганец, бросив на него задумчивый и несколько странный взгляд, обезоруживающе улыбнулся, уронив:

– Нет-нет, ничего. Жаль, что я слишком стар, чтобы ухаживать за такой юной девицей. Поэтому надеюсь, что вы не посрамите звания моего ученика. Идемте, у нас множество дел. Насколько я понимаю, выехать нужно будет рано утром. Исчезновение леди Айлин уже могли заметить, но у нас еще имеются вечер и ночь на сборы.

* * *

Ночь показалась Грегору бесконечной и почти бессонной, хоть он и был уверен, что заснет, стоит лишь добраться до постели. Достаточно вспомнить, что накануне он не спал вовсе, а потом весь день провел на ногах – но, может быть, сон не шел именно поэтому? Тело, прищипоренное, как норовистая лошадь, никак не могло поверить, что ему наконец-то дали отдохнуть. В мучительной полудреме Грегору чудился то стук в дверь, то ровное дыхание спящей девушки совсем рядом, то дрожь энергетических потоков, какая бывает при открытии портала, то скрип висельной веревки – и рассвет он встретил даже более измученным, чем если бы не ложился вовсе.

«Придется просить зелье у целителей», – мрачно подумал Грегор и поморщился: принимать сонные зелья как больной или старец! Но это лучше, чем маяться бессонницей, да и насколько его хватит без отдыха?

А сделать нужно еще столько, что страшно даже подумать...

И первое дело ждало в Академии: следовало как можно скорее обсудить с магистром Эддерли и мэтром Ладецки, сколько некромантов и боевиков дадут гильдии для отправки в провинцию и кем именно почтенные маги предлагают усилить гвардию в самой Дорвенне.

«А магистр Эддерли наверняка пожелает узнать, куда пропал его сын. И едва ли ему будет достаточно объяснения насчет выездной практики. Что ж, тогда придется рассказать все, как есть, что один из бастардов мог выжить, и я велел срочно доставить его в столицу... Об остальном Эддерли знать пока не обязательно».

Грегор поморщился, надевая свежее белье и камзол, поданные камердинером. Ему в любом случае придется держать ответ перед канцлером и Тремя Дюжинами, когда станет известен способ закрытия портала. И очень вероятно, что это закончится обвинением в государственной измене. Возможно, даже казнью, когда перестанет действовать его неприкосновенность как лорда-протектора.

Но это не имеет ни малейшего значения. Он привык отвечать за свои поступки и решения. Видит Претемная, на войне Грегор сожалел о каждом солдате и офицере, посланном на смерть, но готов был делать это, сколько понадобится. И победил. Значит, жертвы были не напрасны. Да, сына Малкольма жаль... И если вдруг появится иной способ закрыть портал, Грегор будет счастлив! Но он не переложит тяжесть решения на чужие плечи только потому, что побоится за это отвечать!

На улицах было тихо и совершенно пустынно, если не считать стражников, патрулирующих улицы.

Дорвенна по-прежнему пахла гарью и страхом, но всего за один день гвардия оттеснила самые крупные шайки на окраины, где их и должны были перебить, словно крыс. Главной бедой оставались порталы с их нескончаемым потоком чудовищ, но об этом следует поговорить сегодня на Совете магистров.

Грегор снова невольно поморщился, вспомнив, что Совет будет проходить в неполном составе. Адальред, Уинн и Кристоф мертвы, место Главного Магистра тоже пустует. По сути, магистров осталось всего пятеро, да и то от Волански вряд ли будет прок. На Эддерли, Райнгартена и Бреннана можно положиться, а вот Роверстан... Разумник – темная лошадка, и хотя показания Морхальта его вроде бы обеляют, но... Глупо безоговорочно доверять Белой гильдии там, где дело касается поклонения Барготу, их бывшему покровителю.

Академия тоже показалась Грегору непривычно тихой и пустой, словно вымершей, только у самых дверей его приветствовал коротким поклоном дежурный маг в алой мантии. Коротко кивнув, Грегор поспешил в преподавательское крыло, чтобы хоть немного привести в порядок собственные заметки перед разговором с Эддерли, и, отперев дверь своего кабинета, замер на пороге.

Зеркало – высокое, в человеческий рост зеркало, которое он лично поставил в кабинете еще пять лет назад, когда только пришел преподавать, почернело, потеряло прозрачность, а безупречно гладкая поверхность драгоценного итлийского стекла пошла волнами, словно кто-то шулки ради попытался его расплавить... Что за чушь!

Бросив взгляд в коридор – пусто! – Грегор торопливо вошел в кабинет, запер дверь и внимательно осмотрелся.

Стол был пустым и чистым, как он его и оставил. А вот на полу, в нескольких шагах от испорченного зеркала, резко белела наполовину затертая, но до этого тщательно вычерченная мелом семилучевая звезда.

«Какого Баргота тут происходит?! – ошеломленно подумал Грегор. – Конечно, Академия всегда была странным местом, но тайком пробраться в комнату преподавателя, чтобы провести некромантский... да какой угодно, пусть хоть стихийный или боевой ритуал.... Что за немыслимая чушь и наглость? И что это был за ритуал?!»

Он опустился на одно колено, коснулся пальцами полустертых линий, прикрыл глаза, считывая следы заклятия, – уже почти развеявшиеся и едва уловимые – и едва не выругался.

Здесь зывали к Претемной. Зывали, насколько мог судить Грегор, довольно странно, судя по следам, но куда хуже было то, что эту силу он узнал бы хоть с завязанными глазами, хоть ослепшим!

От этой силы тянуло прохладой грозы, и сладостью спелых яблок, и ледяной свежестью...

Он открыл глаза, снова оглядел звезду и заметил на испачканном мелом полу едва заметные следы огромных собачьих лап – именно они и стерли вычерченные знаки.

Никакой ошибки быть не могло – здесь была Айлин Ревенгар!

Грегор поднялся на ноги, с силой потер лоб. Какого проклятого Баргота?! Конечно, Ревенгар никогда не отличалась примерным поведением, но тайком пробраться в комнату преподавателя, к тому же запертую, только для того, чтобы воззвать к Претемнейшей Госпоже? Бред! Впрочем, останься в Академии Дарра Аранвен и Саймон Эддерли... втроем они могли бы, пожалуй, учинить нечто еще более странное и вызывающее. Причем, как обычно, из самых лучших побуждений и учебного рвения.

Но Вороны покинули Академию еще вчера утром!

«И Ревенгар пыталась оспорить мое решение, – припомнил Грегор. – Но быстро, слишком быстро сдалась!»

Проклятье, почему вчера он не обратил внимания на то, как это подозрительно? Решил, что упрямство Ревенгаров отступило перед волей Бастельеро? Болван самонадеянный! Девчонка

провела его, как последнего глупца! Сделала вид, что покорилась, дождалась, пока он уедет из Академии, открыла кабинет... Трижды проклятье, куда смотрели дежурные?! Неужели любой адепт может вломиться в преподавательские комнаты и хозяйничать там?!

Грегор усилием воли погасил закипающую ледяную ярость. Нет-нет, это – потом, дежурные получают причитающееся чуть позже... Сначала – Ревенгар.

Итак, она вломилась в его комнату после того, как речь зашла о мальчишке Вальдеронов, и...

И увидела его записи! Проклятье!

Грегор метнулся к столу, открыл ящик. Тот оказался не заперт! Хотя Грегор совершенно точно помнил, что щелкнул магическим замком, настроенным на его родовой перстень! Так... Он лихорадочно перебрал бумаги. Черновик, еще один, выписки из запрещенного тома «Ритуалистики»... карта?

Карта исчезла. Как и переписанная набело схема ритуала.

Мир зазвенел, закружился все быстрее и быстрее, перед глазами поплыло, рот обожгло кислой горечью, будто Грегор пропустил удар Молотом Пресветлого, а то и Могильной плитой, но мысли были кристально ясны и холодны.

Айлин Ревенгар каким-то образом смогла попасть в его запертый кабинет и вскрыть стол! Как?! Да неважно! Она нашла его записи и разобралась в схеме ритуала. Не стоит и надеяться, что она в них ничего не поняла, раз уж ассистировала Кристофу и видела заклятие ключа в действии!

Затем она попыталась вызвать Претемную. Возможно, безуспешно, если взглянуть на зеркало! Но вот сейчас это совершенно неважно.

После... Грегор был готов поставить на это родовой перстень вместе с дворянской цепью против фальшивого медяка – Айлин покинула Академию и бросилась в поместье Вальдеронов!

«Что ж, – подумал Грегор яростно, – Воронов она в любом случае не обгонит! У них фора, свежие заводные лошади и азарт юнцов, получивших первое в их жизни важное задание. Впрочем, верховой езде на Алом факультете даже девиц учат на совесть, а Ревенгар занималась боевыми дисциплинами именно там. Она способна их догнать – вот это вполне возможно! – и несомненно попытается переговорить с Аранвеном... И прекрасно! Дарра присмотрит за ней, не позволит сотворить ничего непоправимого и привезет мне Аластора Вальдерона в любом случае. А Ревенгар... видит Претемнейшая, я хотел оградить ее от всего этого – хотя бы в память о том, что мальчишка Вальдерон спас ей жизнь! А она...»

Взгляд Грегора снова остановился на искореженном темном стекле зеркала, и он передернул плечами.

«Какое счастье, – подумал он с мрачной обреченностью, – что она хотя бы не Избранная. Иначе я, пожалуй, подумал бы, что безумная девчонка ушла Темными Тропами. Уж ей-то хватило бы на это и отваги, и... глупости. Хвала Претемнейшей, что Ревенгар при всех ее талантах – все-таки обычная некромантка, не способная ступить на Грань и заблудиться между жизнью и смертью! Она вернется вместе с другими Воронами! Вернется – и получит все, что ей причитается, м-м-мать ее.... В невесты Барготу и всем его демонам тридцать три раза!»

Зеркало пересекла трещина, и черное стекло вдруг осыпалось осколками с тихим злым звоном, если только звон бывает злым. Грегор вздрогнул от волны некроэнергии, прокатившейся по комнате. Что-то мелькнуло в памяти и на краю сознания. Что-то, связавшее его ругательство в адрес матери Ревенгар, зеркало и Айлин... Он почти поймал эту очень важную мысль, однако тут в дверь постучали.

- Милорд Бастельеро? – послышался голос дежурного.

И прежде, чем Грегор открыл дверь и высказал все, что думает о порядке в преподавательском крыле, молодой боевик торопливо продолжил:

- К вам курьер из дворца! Милорд, ее величество просит вас незамедлительно прибыть на аудиенцию!

* * *

Попасть на прием к ее величеству оказалось до приятного просто. Лучано приехал на извозчике к воротам дворца, почтительно отдал бравому гуардо в красно-золотом мундире рекомендательное письмо с гербовой печатью, привезенное из Итлии, и всего через полчаса ожидания другой бравый гуардо с роскошными усищами пришел за «сударем Фареллом». Дался им этот Фарелл! Неужели трудно запомнить его простую и мелодичную фамилию, принадлежащую самому мастеру Ларци? Еще и ударение ставят неправильно, на первый слог вместо второго!

Спорить с гвардейцем Лучано, разумеется, не стал. Хотя немало удивился, что у него даже не проверили сундучок. Там, конечно, не было ничего, кроме безобиднейших средств для красоты, но все равно, что за вопиющая небрежность? В Итлии торговца перед встречей с королевской особой обыскали бы с ног до головы, ощупали, а то и раздеться велели бы, вдруг на теле скрыто что-то крошечное. Хм, а может, у них здесь магические проверки?

Размышляя над этим, Лучано прошел по роскошным дорожкам к боковому входу в огромное здание, а потом длинными коридорами и анфиладами комнат проследовал к покоям королевы, не забывая на всякий случай запоминать дорогу. Вдруг придется наведаться сюда без сопровождения?

Наконец гвардеец постучал в очередные двухстворчатые двери из мореного резного дуба и сообщил открывшему их синьору в темном камзоле:

- Итлийский торговец по приказу ее величества.

Синьор молча окинул поклонившегося Лучано взглядом и кивком позвал его за собой в просторную и богато обставленную приемную с большим столом. «Почти как в Итлии, – отметил Лучано высокие арочные окна, собранные из кусочков стекла в свинцовом переплете. – А этот синьор, похоже, секретарь или доверенный лакей».

- Вести себя учтиво, без разрешения не заговаривать, к ее величеству не подходить, – сухо сказал секретарь, нимало не заботясь, понимает ли его Лучано. – Пройдешь от двери пять шагов, опустишься на колени и будешь ожидать распоряжений.

И открыл перед ним последнюю дверь, за которой оказалась небольшая гостиная, полная солнца, живых цветов, тонкого благоухания женских духов и прочих косметических средств. Лучано не без некоторого трепета переступил порог – настоящую живую королеву ему пока видеть не приходилось. «Запомни, мальчик мой, – неслышно прозвучал в его ушах спокойный голос мастера Ларци. – Грандсиньоры, маги и короли – точно такие же люди, как и мы. Они так же едят, спят, болеют, занимаются любовью, смеются и гnevаются. А главное, они точно так же умирают. Никакой разницы между аристократом и чистильщиком сапог. Перед смертью все равны, а ты ее голос и рука».

И Лучано сразу же успокоился. Прошел предписанные пять шагов, беззвучно ступая по роскошно блестящему паркету, опустился на колени, вдохнул запах гиацинтов, горшочки с которыми стояли на подоконниках высоких окон. Склонил голову, успев заметить, что в комнате две женщины, на первый взгляд одинаково роскошно одетые. Первая, стройная черноволосая красавица, сидела в кресле, и лиловый струящийся шелк наряда делал ее похожей на изысканный цветок. Вторая – молоденькая пухленькая блондинка, кудрявая и свеженькая, скорее милая, чем действительно красивая. Она была одета в ярко-оранжевое пышное платье со множеством оборочек и стояла у окна с лейкой в руках. Значит, фрейлина или просто доверенная служанка.

- Итак, юноша, вы и есть тот синьор Фарелли, – тихо сказала женщина в кресле низким грудным голосом, и Лучано показалось, что по его коже провели бархатом. – Мне вас рекомендовали...

- Счастлив служить прекрасной королеве, – отозвался Лучано, не поднимая головы, хотя ему

ужасно хотелось это сделать.

Но он хорошо знал, что грандсиньоры не терпят, когда их рассматривают. Аристократам кажется, что взгляд почти равен прикосновению, опасен и оскорбителен. Невероятная глупость. Множество людей умерло, не успев разглядеть свою смерть в чужих глазах.

– Полагаю, вы знаете, что я в трауре, – так же тихо и мягко промурлыкала Беатрис. – Когда я просила свою дорогую подругу прислать вас из Итлии, обстоятельства были... другими.

– Скорблю о страшной утрате, ваше величество, – очень ровно сказал Лучано, ожидая в ответ чего угодно.

Вспышки гнева? Отчаяния? Ненависти? Ну хоть чего-нибудь, только не этого безмятежного тона, словно женщина, которая говорила с ним, не потеряла несколько дней назад мужа и сыновей. Ладно – мужа... Но сыновья? Или это тщательно скрытое горе?

– Те товары, что вы должны были привезти, сейчас не нужны ни мне, ни нашему двору, – продолжила Беатрис, и Лучано задался вопросом, понимает ли синьора у окна по-итлийски. Судя по осторожности королевы, кто-то их разговор вполне может слышать. – Однако я все равно найду вам дело.

Она замолчала, то ли выбирая слова, то ли ожидая ответа, но Лучано стоял на коленях, безмолвный и внешне покорный, как положено правильному Шипу. Мысли у него гудели, как рой рассерженных пчел. Другие обстоятельства? Для кого она заказывала убийцу? Для мужа, который тогда еще был жив? Или, может быть, для мужа и сыновей?! Звучит жутко, но взрослые принцы стояли между тронem и этой прекрасной, но опасной, как ядовитый цветок, женщиной. Если ее материнская любовь была не очень велика, то... Получается, демоны оказали ей немалую услугу!

Однако она не сказала, что Лучано ей больше не нужен! Совсем напротив! Значит, обстоятельства изменились, но не настолько!

– Сколько вам лет? – вдруг спросила королева с едва заметным удивлением, словно только что рассмотрела его. – Мне обещали мастера своего дела.

– Достаточно, ваше величество, – спокойно откликнулся Лучано. – Для всего, что вам будет угодно приказать.

– Смелое обещание. Подойди.

Не забывая о предупреждении секретаря, но рассудив, что приказ королевы имеет больший вес, Лучано одним движением поднялся на ноги, скользнул вперед еще на три шага и снова плавно опустился на колени. При этом успел заметить, что светловолосая пышечка у окна смотрит на него с любопытством, приоткрыв очаровательный ротик с пухлыми розовыми губками, а на щеках у нее ямочки. Ну просто сдобная булочка! И глазки наивные, как у котенка! То ли безопасная глупышка, то ли, напротив, очень хорошо притворяется таковой.

– Примерно... двадцать пять лет... – негромко сказала королева, и Лучано едва удержался, чтобы не вздрогнуть. Редко кто с одного взгляда определял его возраст настолько точно. Обычно давали меньше. – И уже мастер?

– Младший, – сдержанно подтвердил Лучано, уповая, что если их кто-то и слышит, то вряд ли разбирается в цеховых тонкостях итлийских ремесленников.

Не поднимая взгляда, он видел траурный лиловый шелк, ниспадающий до пола, и сложенные на коленях руки, золотисто-смуглые, невероятно изящные, с тонкими длинными пальцами, полированными ноготками и одним-единственным перстнем на правой руке – золотым и с крупным рубином. А где же обручальное кольцо? Королева его уже сняла? Или перстень – это оно и есть?

– Если я останусь довольна твоей работой, – снова бархатом скользнул по его телу звук ее голоса, – тебе не будет нужды возвращаться в Итлию. Ты можешь высоко подняться при моем дворе. Я ценю верных людей. Умных, отважных, старательных. Но особенно – верных.

– Счастлив служить вашему величеству, – повторил Лучано и рискнул очень почтительно заметить: – Но сколько продлится моя служба – это не мне решать.

«И не вам, – сказал бы он, будь глупцом, но промолчал, конечно. – Исключительно моему мастеру и гильдии...»

– Не тебе, – согласилась королева, и в ее мягком сладком голосе послышалась издевательская нотка. – Но я могу сделать твою службу долгой и приятной. Я знаю, как живут ваши старшие мастера. И как – все остальные. А здесь у тебя будет палаццо в хорошем районе, выезд, приличное жалованье...

«Если сейчас она скажет про подарки из ювелирных лавок вместо кондитерских, – с веселым изумленным ужасом подумал Лучано, – я подумаю, что вчера утром в гостинице меня услышал сам Баргот и решил пошутить!»

– Дай мне руку, – уронила королева, и Лучано покорно протянул правую, развернув ее ладонью вбок и недоумевая.

Теплые тонкие пальцы коснулись его запястья, погладили быстрым многозначительным движением – Лучано напрягся! – а потом вложили в ладонь что-то твердое и холодное, заставив сжать пальцы.

– Это на будущее, – опять приласкала его голосом королева. – Я щедра к тем, кто мне верен. Посмотри на меня.

Лучано как замороженный поднял голову. Осторожность, этикет – все рухнуло куда-то к демонам в заповедье. Беатрис оказалась поистине прекрасна. Теплое ровное золото кожи, тонкие черты, словно у чеканной камеи, кроваво-алые лепестки губ, а глаза... Два осколка мрака, горящих на смуглом лице скрытым внутри пламенем. Сколько ей лет? Четверо детей, из них двое совсем взрослых? Муж – покойник... Протектор и канцлер, которые... как там говорил купец... великодушно спасли ее от королевских забот... Женщина перед ним выглядела так, что за нее хотелось убивать и можно было весело взойти на плаху. Даже ему, Шипу Претемных Садов, знающему толк в смерти и предательстве.

– Не сейчас, – едва заметно улыбнулась Беатрис, что-то прочитав на его лице. – Я в трауре. И я... любила своих сыновей.

«Не мужа», – отметил Лучано.

– Но когда ты спасешь меня от моих врагов... – ядовитым дурманом поплыл ее голос, а черные глаза многообещающе блеснули.

Стук в дверь раздался так некстати, что Лучано вздрогнул. Успел сообразить, что любое резкое движение будет выглядеть еще подозрительнее, и замер на коленях, только снова опустил голову. Спиной почувствовал дуновение воздуха от открывшейся двери, а парой мгновений спустя раздался голос секретаря:

– Его светлость лорд-протектор ожидает аудиенции вашего величества.

– Зовите, – велела королева и, не смущаясь чужих глаз, тронула щеку Лучано кончиком пальца с острым ноготком.

Ему же показалось, что его коснулась раздвоенным языком итлийская болотная гадюка. Лучано часто собирал их яд для мастера Ларци. Неуловимо быстрая и беззвучная, эта тварь любила пробовать жертву на вкус. А потом следовал удар острейших загнутых клычков – и порция смертельной отравы.

– Погуляй пока, – велела ему королева. – Но далеко не уходи. Мы не договорили.

Поднявшись, Лучано низко поклонился и попятился. На то, что было зажато в руке, он даже не смотрел, незачем. Палец, притронувшийся к нему, лишился перстня с рубином, холодную приятную тяжесть которого Лучано сейчас ощущал ладонью. М-м-м-м... Раздавать такие авансы Шипу, который и так обязан выполнить любой приказ? Очень щедро! И очень предусмотрительно. Это сейчас ее величество в трауре, но скоро она снова сможет пользоваться духами торгового дома «Скрабацца и сыновья». А прочими его услугами наверняка намерена воспользоваться еще раньше.

«Лучше бы я принял предложение синьора Донована, – так же насмешливо подумал Лучано, пятясь к выходу. – Приличный человек, пусть и не может раздаривать рубины. Зато с ним себя не чувствуешь самой вкусной лягушкой в болоте. Но что поделать, придется работать...»

Выйдя из гостиной ее величества и тщательно прикрыв за собой дверь, Лучано снова поклонился. Сначала этой двери, как положено благовоспитанному простолюдину в покоях столь блистательной особы. Потом – секретарю, ответившему равнодушным взглядом. Попятился по ковровой дорожке до следующей двери, последний раз поклонился на прощанье, выскользнул в длинный коридор, уже спокойно прошел три-четыре шага и... едва успел отскочить, прижавшись к стенке.

Какой-то невысокий синьор в темном камзоле с фиолетовой отделкой, черноволосый, но не смуглый, а мраморно-бледный, с осанкой человека, который никому не кланяется, а, напротив, принимает чужие поклоны, стремительно промчался мимо, задев Лучано плечом. Очень выразительно задев! Так, словно в широком коридоре, где проехала бы кавалькада всадников, никак не нашлось места им двоим.

Словно этого синьору показалось мало, он замер на следующем шаге, одним хищным гибким движением повернулся к Лучано и глянул на него острым, как рапира, взглядом. Глаза у синьора были красивые, ярко-синие, как небо над морем в ясный день. А вот взгляд оказался таким, что Лучано, подчиняясь мгновенно взывшему чутью, замер в почтительнейшей позе, прижав шляпу к груди и уставившись вниз. На ковер перед собой, на собственные начищенные полусапожки и на чужие верховые сапоги из мягчайшей кожи, слегка припорошенные дорожной пылью, только не выше, ни в коем случае не выше! Нет-нет, он скромный приказчик приличного торгового дома! Он знает свое место и не смотрит в лицо разгневанному синьору, которым имел наглость случайно помешать своим присутствием. Даже грандсиньорам, пожалуй.

Потому что за сапфир, сверкнувший на холеной бледной руке, можно купить парфюмерную лавку в одном из богатых кварталов Верокки. Точно такую, в какой счастлив трудиться приказчик Лучано Фарелли. А если добавить золотую дворянскую цепь, сияющую с темного камзола россыпью сапфиров и бриллиантов, то на другую чашу весов придется положить еще дюжину лавок вместе с обслугой.

Больше на грандсиньоре драгоценностей не было, напротив, одет он был чрезвычайно дорого, но с изысканной скромностью. Зато смотрел так, словно прямо сейчас хотел кого-нибудь убить. С наслаждением размазать по стене, а потом пнуть окровавленное тело узким носком сапога, сшитого по последней моде. Лучано такие взгляды хорошо знал и отлично определял в них тонкий, но важный оттенок, предупреждавший, что сдерживает обладателя взгляда что угодно, кроме осторожности. Потому что за смерть случайно подвернувшегося простолюдина грандсиньору ровно ничего не будет. И даже сапоги, испачканные кровью наглеца, ему потом ототрут с извинениями.

Так что Лучано стоял, вжавшись спиной в стену и покорно опустив голову, пока грандсиньор, раздраженно фыркнув, не убедился, что простолюдин все осознал, сожалеет, раскаивается и не молит о прощении лишь потому, что горло перехватило от страха. Сапоги с каблуками чуть более высокими, чем здесь носят мужчины, удалились по коридору, яростно впечатываясь в ковер, и лишь когда грандсиньор уже входил в дверь приемной, Лучано позволил себе один быстрый взгляд ему вслед. Запомнил надменную осанку, точеное бледное лицо и синие глаза под тяжелыми веками. Каблуки, добавляющие грандсиньору роста, тоже запомнил – полезная деталь, многое говорит.

А потом отложил собранный образ в укромный уголок памяти, где уже хранилось несколько таких лиц, и мысленно подписал красивым почерком старательного приказчика: «На дороге не попадаться, заказ при случае брать с превеликой осторожностью, убивать издалека и лучше ядом. Очень дорого». Подумал и дописал: «Если заказа не дадут, но подвернется абсолютно надежная возможность, то отравить просто из принципа и никогда этим не хвалиться. Про себя гордиться можно, ибо редкостная и опаснейшая тварь».

И от всей души, с искренним страданием пожалел, что никак не стать свидетелем разговора синеглазого грандсиньора, того самого знаменитого лорда-протектора, как понял Лучано, с великолепной итлийской гадюкой в не менее великолепном женском обличье. Чутье просто рыдало, что представление должно быть исключительное.

Глава 9. Честь и верность

Небольшой отряд, собранный для пути в Озерный край, состоял из полудюжины солдат-ветеранов. Все они служили Вальдеронам еще со времен фраганской кампании, и лорд Себастьян ручался за каждого. Возглавил отряд месьор д'Альбрэ, решительно заявивший, что чувствует себя прекрасно и ни за что не намерен пропустить такую интересную поездку. Айлин ожидала, что старшим будет Аластор, он все-таки лорд и наследник, но ее друг лишь кивнул и с беспокойством, как ей показалось, посмотрел на плечо фраганца, когда тот отвернулся. Ну что ж, мужчинам виднее. Притом оказалось, что месьор лучше всех знает Озерный край, все-таки именно там он провел десять лет, сражаясь с теми, чью землю теперь отправлялся спасать от нашествия демонов.

Весной рассвет запаздывает, поэтому выехать решили за два часа до него, еще затемно. Конюшни Вальдеронов остались без верховых лошадей, да и то их едва хватило на всех. Но Айлин ахнула от восхищения, увидев белоснежную арлезийскую кобылу с вьющейся кольцами гривой, которую, слегка смущаясь, подвел ей Аластор.

– Ее зовут Луна, – сказал он, ласково похлопывая атласный круп лошади. – Я готовил тебе подарок на день рождения, но вот... Она хорошо объезжена!

И едва заметно порозовел скулами, так что Айлин преисполнилась благодарности, поняв, что выезжали арлезийскую красотку, хитро косящую на нее большим карим глазом, явно не конюхи.

– Она чудесна, Аластор! – сказала Айлин, тоже вспыхнув, и принялась ворковать с лошадью, чтобы скрыть собственное смущение. – А кто у нас красивая девочка... кто самая быстрая... самая белая... самая милая...

Луна важно приняла у нее сухарь, аккуратно взяв его с ладони бархатными губами, захрупала им и посмотрела на Айлин уже гораздо благосклоннее. Как же хорошо, что в Академии дают уроки верховой езды, причем с боевиками занимаются безо всяких скидок на пол и возраст! Айлин хотя бы в этом никому не будет обузой! И вообще, отец рассказывал, что в каждом армейском отряде старались иметь собственного мага. А она все-таки и боевик, и некромант разом. И ничего, что все остальные спутники – мужчины...

Конечно, леди Гвенивер сочла бы это невозможным неприличием, но Айлин давно уже не думает, что о ней скажут в доме Ревенгаров. Она – почти взрослая магесса! До выпуска из Академии, конечно, еще долго, зато семнадцать лет, светское совершеннолетие, ей уже исполнились. Да и какая разница, что будет с ее репутацией, раз из этого похода все равно не вернуться?

Пряча взгляд и лицо за лошадиной шеей, такой теплой и приятной на ощупь, она невольно вспомнила вчерашний вечер. Аластор вышел из столовой со своим спутником, и лорд Вальдерон посмотрел ему вслед с такой грустной виноватой нежностью, что у Айлин сжалось сердце. Отчетливо вспомнилось, что именно так смотрел на нее отец перед своей последней охотой...

Как же он любит сына, пусть и не родного по крови!

Но зачем месьор Жозеф... Кстати, вот странность, лорд Вальдерон – истинный дорвенантский дворянин, а месьор Жозеф, разумеется, фраганец, однако они так искренне зовут друг друга друзьями! И, наверное, в самом деле очень близки, если месьор Жозеф присутствовал на семейном ужине, так возмутительно прерванном ею. А как почтителен к нему Аластор! Пожалуй, не меньше, чем к самому лорду Вальдерону. Мысли скакали всполошенными белками, и Айлин закусил губу, пытаясь сосредоточиться. Так вот, зачем же фраганский месьор увел Аластора? Ведь им нужно обсудить столько всего...

Лорд Вальдерон наконец перевел взгляд на ее лицо и с немыслимой для такого огромного и внешне сурового мужчины мягкостью попросил:

– Теперь, когда Аластор нас не слышит, скажите правду, дитя мое. Ради чего вы идете на смерть?

– Но, милорд! – протестующе вскрикнула Айлин вне себя от обиды – почему лорд Вальдерон ей не

верит?

Ведь поверил же Аластор!

Вальдерон вздохнул и погладил ее по голове совсем по-отцовски! У него даже руки пахли так же, как у отца: трубочным табаком, душистым мылом, чистой кожей и, совсем чуть-чуть, лошадыми...

– Милое дитя, вы наверняка не знаете, но я, как и ваш почтенный родитель, боевой офицер, хотя, в отличие от него, не снискал славы на поле боя. Я узнаю самопожертвование, когда его вижу. Аластор, несомненно, поверил вам, но обмануть меня и Жозефа куда труднее. Итак?

Айлин невольно вскинула руки к запылавшим щекам. Ох, как же стыдно! Теперь лорд Вальдерон будет считать ее лгуньей! Но ведь она хотела как лучше! Разве Аластор согласился бы на ее план, зная он правду? И каково будет лорду Вальдерону, такому благородному, зная, что жизнь его сына выкуплена другой жизнью, пусть даже Айлин ему совсем чужая?!

– Простите, милорд, – выдавила она, сгорая от стыда. – Я не хотела лгать, клянусь! Но Аластор...

– Аластор не принял бы такой жертвы? – мягко подсказал Вальдерон, и Айлин кивнула. – Вы правы, дитя мое. Скажу больше, и я не должен принимать ее. И как дворянин, и как мужчина я должен вернуть вас в Академию, а мой сын... Мой сын выполнил бы свой долг. Но как отец...

– Не рвите себе сердце, милорд, – твердо сказала Айлин. – Только мне решать, как распорядиться собой, а я уже все решила! Аластор подарил мне свою дружбу, не зная обо мне ничего, кроме имени! Он понятия не имел о моем происхождении, но всегда относился ко мне с уважением и заботой. Он спас мне жизнь! И плох тот друг, кто не посчитает нужным вернуть такой долг!

Она осеклась и задохнулась, не в силах высказать все, что переполняло ее, и вскинула голову, прямо встречая взгляд лорда Вальдерона.

– Я имел честь служить со многими боевыми магами, – уронил он после молчания, растянувшегося на две-три вечности. – И должен сказать, что ваш отец, леди Айлин, вызвал бы меня на дуэль... Но гордился бы вами. Поверьте, я сам гордился бы такой дочерью!

– Благодарю, милорд, – шепнула Айлин и тут же спохватилась. – Но есть еще одна вещь! Очень важная! Когда я проведу ритуал... Со стороны он выглядит очень страшно! Я знаю, я... видела. И Аластор может его увидеть! Если охрана не сможет удержать его в стороне... Тогда ему понадобится помощь белых магов! Пообещайте, милорд. Пригласите к Аластору хорошего разумника. Только не магистра гильдии, хорошо? Ни в коем случае не магистра!

– Я понял вас, – очень серьезно кивнул Вальдерон. – Но разве магистр гильдии – не самый сильный и умелый маг? Наша семья может позволить себе оплатить его услуги.

– Нет! – Айлин даже задохнулась. – Дело совсем не в этом! Милорд магистр Роверстан – самый добрый и великодушный человек из всех, кого я знаю, он вылечил бы Аластора без всякой платы, если бы это понадобилось! Но он... он... я его невеста, милорд! – сказала она, опуская взгляд, и тихо добавила: – Он никогда не сделает Аластору ничего плохого, но я боюсь... Боюсь, что ему будет больно, когда он узнает...

На этот раз молчание затянулось гораздо дольше, но потом Айлин услышала тихий и словно разом постаревший голос Вальдерона.

– Я даже не знаю, что должно было вызвать во мне больший стыд. Если бы вы любили моего сына настолько, чтобы отдать за него жизнь... Это было бы страшной трагедией, но... хотя бы понятной. Все мы забываем о себе ради любви. Но идти на смерть, будучи невестой другого, ради одной только дружбы? Признаюсь, я никогда не думал, что девушка, да еще ваших лет, способна на такое... такое...

– Я же магесса, – так же тихо и просто ответила Айлин. – Не знаю, милорд, известно ли вам, но девиз Ордена гласит: «Учись прилежно, живи честно, умри доблестно». Я... всегда старалась соблюдать первые два правила. Ну, как уж могла... – Она смущенно улыбнулась, вспомнив многочисленные проказы в Академии. – А теперь, значит, настал мой черед выполнить и третье. Все

маги клянутся в верности Дорвенанту, королю и Ордену. И если нужно, все мы готовы отдать жизнь за то, во что верим. Я бы все равно принесла эту присягу несколько лет спустя. И... выполнила ее при необходимости. Как мой отец. Как другие. Не вините себя ни в чем, пожалуйста! Я... могу только гордиться такой судьбой!

В полном молчании лорд Вальдерон низко склонился и почтительно поцеловал руку Айлин. Она вспыхнула, в щеки бросилась кровь, лицо, шея и уши загорелись от смущения.

– Я буду гордиться знакомством с вами, – торжественно и очень печально сказал отец Аластора. – Но простить себя, боюсь, никогда не смогу. Идемте, милое дитя. Вам нужно отдохнуть, пока есть такая возможность. Моя жена поможет подобрать вам одежду для путешествия. Это все-таки не конная прогулка и даже не выезд на охоту. А потом мы с Жозефом ждем вас и Аластора в библиотеке, чтобы посмотреть карты.

Айлин кивнула, вовремя вспомнив, что карта у нее тоже есть. Причем самая нужная, с точным указанием того места, где находится главный Разлом. Только она не очень подробная.

Остаток вечера пролетел, как во сне. Леди Вальдерон, не очень молодая, но красивая и невозможно милая, смотрела на нее с ласковым удивлением и все спрашивала, чем может помочь. Она представила Айлин своих дочерей, уже замужних леди, прекрасно воспитанных и похожих, как две капли воды. Айлин с изумлением узнала, что одна из них замужем за самим магистром Райнгартеном! Правда, тут же забыла – которая!

Впрочем, обе леди Райнгартен интересовали ее не слишком. Куда важнее было, что мать Аластора велела служанкам принести старую одежду Ала, которую он носил лет в тринадцать-четырнадцать.

– Мой дорогой муж сказал, – серьезно сообщила она, – что в этом путешествии безопасность и удобство важнее приличий. Иначе мы, конечно, отыскали бы что-нибудь более подходящее знатной девице.

– Вы наденете мужскую одежду, миледи?! – ахнули сестры Аластора в один голос, глядя на нее с жадным любопытством, а его матушка нахмурилась, но явно не на Айлин. – Как можно?!

– Я магесса, – сдержанно напомнила Айлин, в который раз от души радуясь этикету Ордена, который позволял просто несравнимо больше, чем светский. – Мы и так носим ее на тренировках, а женщины-боевики, которые служат в армии, надевают мундир.

– Ужас! – искренне отозвалась одна из миленьких пухленьких блондинок, так не похожих ни на Аластора, ни на лорда и леди Вальдерон. – Как мне вас жаль! Это так неудобно!

– И неприлично! – поддержала ее вторая.

– Неприлично указывать другим, как им следует одеваться, – одернула ее леди Вальдерон. – Леди Айлин – взрослая девушка и сама способна распорядиться собой. А вам, дорогие мои, неплохо бы лечь пораньше. Вас ведь завтра ждут во дворце? Кстати, извольте придержать язычки и ни с кем не делиться новостями. Ни с кем, слышите? Забудьте и о появлении леди Айлин, и о том, что Аластор куда-то уехал.

– Матушка, неужели вы считаете нас сплетницами? – отозвалась одна из сестер Аластора. – Конечно, мы никому не расскажем. Но почему?

– Потому что это не ваш секрет, – спокойно и очень веско сказала леди Вальдерон.

Ее нежное лицо, такое же округлое и милое, как у дочерей, но более благородное, неуловимо посуровело. Голубые глаза холодно блеснули. И Айлин вдруг поняла, почему много лет назад на эту женщину, тогда еще совсем юную, обратил внимание сам король. В леди Вальдерон, внешне мягкой и женственной, чувствовался характер. Тетушка Элоиза называла подобных женщин «бархатной перчаткой на сильной руке». Айлин снова отогнала от себя пронзительный укол тоски при мысли о тетушке, которая так ее любит... Нельзя об этом думать!

Надув розовые губки, леди Райнгартен выпорхнули из комнаты, как две огромные бабочки, шурша прелестными бирюзовыми платьями, тоже одинаковыми и на вкус Айлин слишком нарядными для семейного ужина. Хотя, может быть, она просто забыла, как должны одеваться истинные леди?

А перед ней лежала чистая, но совсем простая мальчишеская одежда: штаны, рубашки, теплая куртка. Все, что случайно оказалось и сохранилось в городском особняке Вальдеронов. Похоже, Аластор очень быстро рос, не успевая сносить вещи по-настоящему, только на коленях и локтях кое-где виднелись следы починки.

– Примерьте, дорогая, – сказала ей леди Вальдерон гораздо ласковее, чем обращалась к своим дочерям. – И за ночь мы с прислугой подгоним все по вашей фигуре. Я очень рада познакомиться, наконец, с девушкой, о которой мой сын вздыхал пять лет...

Айлин вынырнула из воспоминаний и поняла, что вот уже несколько минут бездумно поглаживает теплую морду разомлевшей от ласки кобылы, пока спутники ждут. Виногато улыбнулась, оперлась кончиками пальцев о протянутую ей ладонь Аластора в перчатке для верховой езды и взлетела в седло под одобрительным взглядом месьора д'Альбрэ.

Аластор вздыхал о ней пять лет?! Быть этого не может. Леди Вальдерон просто старалась быть любезной... Вот этот огромный белокурый красавец на голову выше нее и чуть ли не в три раза шире в плечах? Такой взрослый! Совсем не похожий на высокого, но изящного юношу из ее детства, простодушного и улыбчивого... Хотя улыбка осталась прежней. Аластор, правда, все чаще хмурится, и его голубые, словно летнее небо, глаза становятся серыми и пасмурно холодными, но вчера он ей улыбнулся. И сегодня, когда дарил кобылу, тоже. И сразу из него словно проглянул тот веселый и верный друг, о котором Айлин было легко и приятно помнить эти пять лет, разве что немного грустно.

Но как он мог так вырасти и стать совсем другим?! С этим Аластором и не знаешь, как заговорить! Что он вообще думает о ней и ее поступке? Вдруг считает безрассудной и невоспитанной девицей, что влезла не в свое дело? У них вчера почти не было времени друг на друга, а он еще и смотрит на нее как-то странно, словно... не узнает! Но она-то совсем не изменилась! Ну, подросла немного, но как была ему по плечу, так и осталась! Будто и не прошло пять лет!

– Пусть Благие боги сохраняют вас в дороге и помогут во всем! – торжественно сказал лорд Себастьян Вальдерон, и его голос дрогнул.

Айлин показалось, что в серо-голубых глазах лорда, почти таких же, как у Аластора, блеснула слеза. Но, наверное, ей просто показалось.

Аластор почтительно склонил голову, фраганец коротко кивнул, солдаты осенили себя знаком Пресветлого Воина. Айлин про себя тоже обратилась к нему, но коротко, всего лишь положенными словами общей молитвы. А потом беззвучно и искренне взмолилась Претемной Госпоже:

– Дорогая матушка, да будет с нами твоя милость! И если кого-то из нас этот путь приведет в твои владения, пусть это случится не раньше, чем мы исполним задуманное! Очень тебя прошу! И благодарю за помощь!

Она с замиранием сердца ждала отклика, какого-нибудь знака... Но Претемная, наверное, решила, что с Айлин хватит ее милостей. И только ветер пошевелил ее волосы удивительно теплым для такого раннего времени касанием. А потом цокнули подковы чьей-то лошади, Айлин крепче сжала поводья Луны... и мир стал иным. Просто все, что было у нее до этого, оказалось позади, разом став далеким и безвозвратным. А впереди легла под копыта белой арлезийской лошади последняя в жизни Айлин дорога, ведущая к самому главному делу ее жизни. И смерти, конечно, но это уже неважно! Лишь бы только все получилось!

* * *

В малой розовой гостиной дворца Грегору не доводилось бывать прежде, и теперь он быстро осмотрелся, как делал всегда, попав куда-то впервые.

Солнечный свет заливал комнату, и в его лучах мягко сияло и светлое полированное дерево низкого столика и кресел, и пепельно-розовый шелк обивки стен, и белые и розовые гиацинты на подоконниках. Это сияние ослепительно обрамляло Беатрис, нежно-золотую, прекрасную, строго-скорбную Беатрис. Траурно-лиловый шелк платья, ни капли краски на лице, ни единого украшения – ничего, хоть мимолетно могущего намекнуть на легкомыслие или распутство, и Грегора затопила неуместная и странная мучительная неловкость.

Он вспомнил смазливую мальчишку, выходящего из ее покоев, на котором едва не сорвал дурное настроение. Что бы ни говорил Малкольм о жене, но заподозрить королеву в связи с каким-то итлийским простолюдином!

Грегор отвел глаза, не решаясь встретиться с ней взглядом, и только теперь заметил, что в гостиной они оказались наедине. Светловолосая фрейлина в ярко-оранжевом платье, пошлом и неуместном в дни общего траура, незаметно убралась из комнаты.

– Я ждала вас, Грегор, – тихо сказала Беатрис, и ее изящная рука указала на кресло напротив.

– Присядьте, прошу вас. Я позвала вас, чтобы поговорить о важных вещах. Возможно, – добавила она, помедлив, – мои слова покажутся вам дикими и немыслимыми, но... с кем я могу быть откровеннее, чем с вами?

– Я к вашим услугам, ваше величество, – уронил Грегор и опустился в кресло.

Что бы ни хотела обсудить Беатрис, ему следует это знать! И чем более откровенной она будет, тем лучше.

– Благодарю, – улыбнулась она одними губами, опустив глаза, помолчала и наконец тихо спросила: – Я позвала вас, мой Грегор, желая узнать, чьи притязания на корону вы поддержите? Прошу вас, не думайте обо мне дурно, но ведь от этого зависит и мое будущее, и, что намного важнее, будущее моих дочерей. О, будь я магессой, я позаботилась бы о себе и моих малышах... Но я профанка и к тому же чужачка, так и не ставшая здесь своей...

Ее голос чуть заметно дрогнул, и Грегора кольнула острая жалость. Кто бы ни взошел на трон, участь Беатрис едва ли окажется завидной. А ведь это итлийские деньги позволили Дорвенанту выиграть войну и удерживали страну от разорения столько лет! Пока еще удерживали... Видит Претемная, за одно это Беатрис заслужила хотя бы его искренность!

– Я поддержу того, кого выберет королем Совет Трех Дюжин, ваше величество, – ответил он так мягко, как только мог. И, колебавшись, добавил: – Вероятнее всего, это будет лорд Аранвен. Он благороден и мудр, а его опыт в управлении страной огромен.

Тонкие брови Беатрис еле заметно изогнулись.

– Опыт лорда Аранвена велик, а его достоинства неоспоримы, – согласилась она. – Но я удивлена, что вы не назвали другое имя. Разве младший лорд Вальдерон имеет не большие права на трон?

«Королева знает?!» – мелькнула изумленная мысль. Но Грегор тут же вспомнил искаженный тяжелой злобой голос Малкольма: «Она сказала, что не тронет его, если он всю жизнь проживет Вальдероном». Конечно, знает!

«Малкольм ненавидел ее, – подумал он вдруг с холодной ясностью. – Ненавидел за то, что она не позволила ему признать бастарда. Первенца! От фрейлинки из захудалого рода... За то, что она, принцесса, не позволила ему унижить ее гордость... Он так ненавидел ее, что даже не понял, что Беатрис первая предложила ему мир – а сколько королей пожелали бы умертвить соперницу вместе с ребенком? Она же проявила великодушие, пусть и по-своему, и этого-то Малкольм не смог ей простить до самого конца... ох, Малкольм...»

– Если лорд Вальдерон еще жив, – уронил он вслух. – И если его признает родовой камень, то никто не оспорит его прав. Если на Совете Трех Дюжин назовут его имя, то я присягну ему первым.

– Но станет ли хорошим королем юный провинциал? – тихо спросила Беатрис. – Что может знать этот мальчик об управлении государством? Что же до лорда Аранвена, я искренне уважаю его заслуги, но он слишком стар, чтобы быть королем. Его сын, напротив, слишком молод, а нам нужен король, Грегор. Нужен немедленно. Сильный король, способный спасти Дорвенант, а не почтенный старец или отчаянный, но неопытный юноша. Однажды вы уже спасли всех нас как командор, а теперь спасаете снова как лорд-протектор... и почему бы совету Трех Дюжин не назвать ваше имя?

– Нет! – с ужасом выдохнул Грегор. – Сохрани меня Претемнейшая! Я никогда не желал корону!

– А королеву? – прозвучал легчайший выдох, и тонкие золотые пальцы невесомо и обжигающе коснулись его руки. Грегор, не веря себе, взгляделся в лицо Беатрис... Ее глаза, два пылающих черных алмаза, приковали его внимание, а голос звучал так тихо и сладко, что он едва понимал смысл ее слов. – Грегор, мой Грегор... вы ведь не думаете, что я забыла вашу верность? Вашу любовь, на которую я наконец имею право ответить?..

Глаза заволокло пеленой бледного золота, и неодолимая, вечная, как мир, властная сила бросила Грегора на колени перед этой невысказанно прекрасной женщиной. От нее не пахло духами – только ее собственным запахом, горячо, томно и тревожно, до головокружения и темноты в глазах...

– Женитесь на мне, – шептала Беатрис, лаская его голосом. – Женитесь на мне, мой Грегор. Кто заслужил корону больше, чем вы? Кто сможет больше сделать для Дорвенанта?..

Нежная теплая рука коснулась его руки, и Грегор, склонившись, поцеловал смуглые тонкие пальцы, дыша неуловимым ароматом, таким тонким, пленительным... Его губы обожгло, кровь бросилась в виски, он уже раскрыл рот, еще не зная, что скажет, но чувствуя, что падает в гибельную бездну и сам желает этого...

И вдруг его обоняния коснулся совсем иной запах, мгновенно разрушив очарование. Свежий и сладкий запах зеленых яблок, ваза с которыми стояла на столике немного в стороне. И Грегора словно ударило волной магии! Перед его внутренним взором вспыхнули зеленые глаза, темнее, чем эти яблоки, но такие же яркие и живые. Рыжее пламя волос, туго стянутых в толстые косы, но так и норовящих рассыпаться по плечам крупными кольцами. И веснушки! Озорные, золотистые, ужасно неприличные. Разом затмившие холеную дурманную красоту Беатрис!

Грегор едва удержался, чтобы не потрясти головой, сбрасывая наваждение. Да что вообще с ним случилось?! Как можно было забыть все, что он узнал об этой женщине? Снова поддаться ее гибельной власти! Почти упасть к ее ногам и молить о любви, как о милости!

«Она итлийка, – подумал Грегор со странным равнодушием. – Она будет цепляться за трон до последнего. И, видит Претемная, у нее могло бы получиться... Еще миг – и я согласился бы на все, что она желает, в попытке удержать счастье, о котором столько лет грезил. Благодарение моей памяти... и Айлин!»

– Простите, моя королева. Но его величество Малкольм, ваш супруг, погиб слишком недавно, чтобы я мог хотя бы задуматься над вашим предложением, – произнес он старательно ровно и не позволяя себе выпустить наружу даже тень охватившего его гнева.

Лицемерка! Не успело остыть изуверенное тело Малкольма и ее сыновей, как она думает о троне! Ради дочерей? Возможно! Но это не тот случай, когда цель оправдывает средство! Улыбка Беатрис дрогнула, на мгновение превращаясь в оскал, но женщина тут же совладала с собой.

– Мой супруг умер, Грегор, – проговорила она со смесью высокомерия и отчаяния на лице. – Нам нужен король. Не лорд-протектор, не канцлер и не глава регентского совета – а король, способный спасти Дорвенант. Или вы полагаете, мой супруг в Претемных Садах порадовался бы гибели страны?

– В случае пресечения династии, – с трудом вытолкнул Грегор, – новый король будет выбран Советом Трех Дюжин из семей, наиболее близких к королевской. Женитьба на вдове короля не даст никому из лордов права на корону. Вы напрасно тратите на меня свои чары, ваше величество.

Тонкие крылья носа Беатрис гневно затрепетали, но голос... голос по-прежнему зазвучал нежной музыкой.

– Если бы династия пресеклась. Но мои дочери...

– Ваши дочери, ваше величество! – бросил Грегор, мимолетно поразившись, неужели эта женщина утратила не только стыд, но и разум? – Не дочери его величества. Вы, должно быть, обезумели, если решили, что я прикрою ваш позор своим именем. Малкольм смирился, но я – не он. Я не допущу, чтобы трон Дорвеннов получила чужая кровь!

– Мой позор... – протянула Беатрис без малейшего гнева, но со странной, почти оскорбительной смесью жалости и брезгливости. – Как же вы горделивы, мой Грегор. Как же скоро вы забыли, что клялись любить меня до самой смерти.

Грегор стиснул зубы. Нет, коронованная шлюха его из себя не выведет! И какое счастье, что он

больше не видит в ней свою единственную любовь! Хватит, он двадцать лет был немислимым болваном!

– Я клялся любить девушку, достойную любви, ваше величество. Прекрасную, чистую и добродетельную. И клятву сдержал. Именно такую девушку я избрал себе в будущие супруги.

Королева взглянула на него странно и вдруг расхохоталась с таким искренним весельем, что оно само по себе показалось оскорбительным.

– О Грегор! – выдохнула она сквозь смех. – Если бы вы любили хоть раз, то знали бы – предрассудки умолкают там, где говорит страсть. Поверьте, красота, чистота и добродетель – все это способно увлечь, вскружить голову, но какое они имеют значение для истинно любящего?!

Грегор окаменел от неприкрытого бесстыдства ее слов. Как она смеет... Нет, ее слова – всего лишь злобная чушь отвергнутой женщины! Сказать, что добродетель не важна? А за что же тогда любить и уважать свою избранницу?

– Впрочем, если вы и в самом деле нашли свою истинную любовь, – протянула Беатрис, улыбаясь совсем уж по-змеиному. – То я искренне рада за вас, дорогой Грегор. Полагаю, ваша нынешняя избранница прекрасна. И наверняка целомудренна? Видит Всеблагая Мать, вам необычайно повезло, теперь так трудно встретить истинно достойную вас девушку. Даже самые невинные с виду порой оказываются такими затейницами! Возьмем, к примеру, юную леди Ревенгар – вам, думаю, знакомо это имя? Представьте себе, незамужняя девица провела сегодняшнюю ночь в особняке Вальдеронов. И несколько часов была наедине с тремя мужчинами! А сегодня и вовсе исчезла в неизвестном направлении вместе с наследником рода. Мне рассказали об этом юные леди Райнгартен, они были глубоко шокированы подобной... вольностью нрава. О, мой Грегор, как вы поблбднели! Неужели девица Ревенгар и есть ваша избранница?

Беатрис торжествующе улыбнулась, наверняка заметив воздействие своих слов, а Грегору показалось, что он пропустил удар на магической дуэли. У него даже дыхание перехватило. Айлин Ревенгар нашла мальчишку Вальдерона! Она сбежала не в его поместье, а в городской особняк Вальдеронов, где и встретила с ним. Возможно, они уже давно встречаются или переписываются, если Ревенгар точно знала, где искать юнца? И она... она сбежала с ним! Куда? Проклятье... Тысячу раз проклятье... Как она могла?! Грегор поверил бы в падение любой другой женщины, но Айлин, такая чистая и гордая, отдавшая ему невинность, но оскорбленная... Все это была ложь? Может быть, она и отказала Грегору ради юного Вальдерона-Дорвенна?! О проклятье...

«Я убью его, – с холодной смертельной ясностью и без тени сомнения подумал Грегор, поднимая глаза и спокойно встречая горящий злорадным удовлетворением взгляд Беатрис. – Теперь – точно убью. Как он посмел встать между мной и Айлин? Чем увлек бедную девочку, такую неопытную в любовных делах? Якобы старой детской дружбой? Жаждой приключений? Да неважно! Куда они сбежали и зачем?! Айлин поняла смысл и цель ритуала! Значит, она хочет сохранить бастарду жизнь?!»

Беатрис глядела на него, как противник, что нанес смертельный удар и теперь ждет, пока Грегор истечет кровью. О, какое оскорбленное самолюбие горело в черных углях ее глаз! Но Грегору вдруг стало легче, потому что вся эта грязь, о которой говорила королева, никак не могла коснуться Айлин. Он сам видел старшего лорда Вальдерона. Да, деревенский тюфяк, но с понятиями о чести. Если Айлин провела ночь в их особняке, Себастьян Вальдерон должен был позаботиться о ее чести и репутации. Но он наверняка тоже узнал правду и решил спасти приемного сына! Спрятать его где-нибудь, например. Понятное желание, только не стоило впутывать Айлин Ревенгар! Теперь все только осложнится...

– А знаете, мой Грегор, – промурлыкала Беатрис, чуть наклонив голову к плечу и глядя с жестоким расчетливым удовлетворением. – Пожалуй, вы совершенно правы. О, я достойно оценила вашу хваленую верность и не премину должным образом ценить ее впредь. Спасайте Дорвенант, женитесь на вашей добродетельной невесте. Судя по всему, она так же невинна, как вы – верны. Трон и корона не для вас, ваш удел – служить, а не править. А я постараюсь найти защитника, который сможет оценить мою любовь и благодарность. Того, кто станет мне достойным супругом и соправителем. Вы сказали, что поклянетесь в верности бастарду Малкольма, если Три Дюжины назовут его имя? Ну так не отрекитесь хотя бы от собственных слов, когда придет время. А этот юноша, надеюсь, окажется смелее и великодушнее вас.

Она улыбнулась и быстрым, едва заметным движением провела кончиком языка по влажным спелым губам. Грегора замутило. И вот эту женщину он стыдился даже вожелеть? Ее он возвел на пьедестал в своих мыслях и почитал как идеал?!

- Бастарду Малкольма еще нужно дожить до восхождения на трон, - холодно бросил он, не удержавшись, и поднялся с колен одним стремительным движением, вдруг осознав свою смиренную позу. - Прошу прощения, ваше величество, меня призывают неотложные дела.

- Не смею задерживать, ваша светлость, - с явной насмешкой отозвалась Беатрис. - Конечно, лорд-протектор - самый занятой человек в столице. Удачи вам... милорд.

Вот так, он больше не Грегор. Тем более не «мой Грегор». Показалось, что ему по-живому вскрыли нарыв, удалив часть души. Ослепленный гневом, болью и странным ледяным опустошением, Грегор поклонился, вышел из гостиной, прошел в галерею, не глядя ни на кого. Замер у ближайшего окна, пытаясь вдохнуть ставший тяжелым и тягучим воздух. Нужно немедленно найти Айлин и бастарда, пока не случилось ничего непоправимого. Он лично проведет ритуал и отправит мальчишку в портал. Да он бы даже дал щенку честную дуэль перед этим, но нельзя рисковать драгоценной кровью Дорвеннов, необходимой для спасения страны. А Айлин - умная девочка, она обязательно поймет его и простит... когда-нибудь. Только нужно действовать очень быстро.

О, как он ошибся, посылая Воронов в поместье! Они вернутся с пустыми руками и уже не успеют разыскать беглецов. Но ничего, у него все еще есть верные люди. Тот же Кастельмаро будет рад оказать услугу бывшему главнокомандующему и не станет задавать лишних вопросов. Особенно если объяснить ему, что речь идет о чести дочери Дориана Ревенгара, его погибшего друга. Эдвин за шиворот приволочет Аластора Вальдерона и уж точно не причинит Айлин ни малейшего вреда. А Беатрис... Пусть ее судьбу решают Аранвен и Совет Трех дюжин. И пусть гадюка хоть подавится собственным ядом, Грегор больше не скажет ни слова в ее защиту, о чем бы ни шла речь.

Глава 10. Коты и змеи

«Гулять» Лучано пришлось недолго, пожалуй, не более часа. Да и назвать это гулянием было бы сложно. Где здесь сад, он понятия не имел, а столкнуться еще с кем-то из придворных совершенно не желал. Одной встречи хватило с лихвой. Но торчать возле приемной королевы, как фонтан на площади, не стоило тем более, и он пошел по широкому пустому коридору, где только иногда попадались посты охраны. Гвардейцы, одетые в алое и золотое, – ну и бьют же по глазам эти местные гербовые цвета! – провожали его пристальными взглядами.

Дойдя почти до самого конца королевского крыла, Лучано вдруг услышал едва слышное хриплое мяуканье.

«Кошка? В королевском дворце? – слегка удивился он и тут же спохватился: – Почему бы и нет, в самом деле? Мыши не отличаются почтением к монархам, должен же кто-то их ловить, и едва ли это делают господа придворные маги!»

Мяуканье стало еще надсаднее, как будто несчастное животное совершенно выбилось из сил, и Лучано торопливо осмотрелся. Где же она прячется? Почти сразу он увидел серый хвост, торчащий из-за стоящих у стены декоративных доспехов, торопливо шагнул ближе, наклонился и подхватил кошку на руки. Тихо зашипел, когда перепуганное животное вцепилось в него всеми когтями. Кажется, это все-таки был кот. Когда-то роскошный, серо-белый и наверняка ухоженный, а сейчас изрядно свалывшийся, с тусклой шерстью, худой и трясущийся, он смотрел на Лучано так безнадежно и горестно!

– Я не обижу вас, синьор, – пообещал Лучано и осторожно почесал кота за ухом.

Кот всхлипнул, разжал когти и прижался к его груди. Гвардейцы дружно сделали вид, что ничего не замечают, и Лучано всерьез задумался – что же делать? Отнести кота к слугам? Прекрасная мысль, если знать, где в этом палаццо расположено крыло слуг!

– Флориморд! – услышал он откуда-то справа и невольно обернулся на голос.

Пожилой господин в добротной темной одежде вынырнул из-за узкой двери и смотрел на кота.

– Это ваш кот, почтенный синьор? – со всей возможной учтивостью осведомился Лучано, и господин наконец взглянул на него.

Дворянской цепи и шпаги на нем не было, но одежда указывала на немалый достаток. Явно не лакей, а служащий рангом повыше!

– Спасибо, что поймали его, юноша, – сказал незнакомец с тяжелым вздохом. – Вас не затруднит отнести его на кухню? Боюсь, если выпустить его из рук, опять куда-нибудь сбежит!

– Нисколько не затруднит! – заверил Лучано, застенчиво улыбнулся и добавил: – Если почтенный синьор хотя бы подскажет, в каком направлении кухня.

– А, понимаю, – вздохнул тот. – Идемте, я вас провожу.

И жестом пригласил Лучано в дверь, из которой вышел. Разумеется, как и в любом палаццо, здесь имелись особые пути для слуг, чтобы как можно меньше попадаться на глаза хозяевам. Очень удобная штука! Но нужно быть своим или хотя бы знать план.

Лучано прошел за синьором пару узких коридоров со множеством поворотов и вышел к широким дверям, откуда тянуло жаром и вкусными запахами. Однако синьор в очередной раз свернул и повел его к другой двери, плотно закрытой. За ней оказалась небольшая кухня, вылизанная так, что даже мастер Ларци остался бы доволен. У плиты хлопотала невысокая матрона приятного облика и скорее роскошных, чем изящных очертаний. Чтобы обнять стан в белоснежном переднике, понадобилась бы парочка гвардейцев, пожалуй...

– Катрина, дорогая, – церемонно сказал синьор и взглядом указал на Лучано. – Флориморд нашелся. Не будешь ли ты столь любезна...

– Бедняжка! – всплеснула пухлыми белыми руками повелительница кухни. – Отощал-то как! Сейчас я ему сливочек и паштета! Давайте сюда, юноша!

Она попыталась забрать кота, но тот снова истошно мяукнул и вцепился в Лучано, как приговоренный – в надежду на помилование. Лучано вздохнул, с тоской посмотрел на темно-синий камзол, уже покрытый белесой шерстью, и предложил:

– Может быть, прекрасная синьора, я покормлю его на руках? Он поест и успокоится...

– Ой, так уж и прекрасная! – мигом зарозовела щеками кухарка. – Ну, тогда садитесь туточки, возле стола. Сударь Джастин, не желаете ли и вы перекусить?

Синьор, поименованный Джастин, с достоинством покачал головой, но сел на второй стул напротив Лучано и сочувственно посмотрел на кота. Тот, не слезая с коленей, упоенно лакал из подсунутой миски.

– У вас талант обращаться с животными, юноша, – одобрительно сказал Джастин, глядя, как Лучано поглаживает кота по спине. – Я ведь его лет семь уже знаю, а он ко мне не идет. И так его пытался прикормить, и этак. Вот говорят, собаки по хозяину тоскуют. Но это же кот! А сколько дней голодает, в руки никому не дается. Прямо не знаю, что с ним делать.

– А его хозяин... – осторожно уточнил Лучано.

– Его величество ныне в Претемных Садах, – вздохнул синьор Джастин и быстрым смущенным движением смахнул слезинки с уголков глаз. – Я имел честь быть его камердинером. Да-да, юноша... А это – его любимый кот!

– О-о-о...

Лучано попытался поклониться, но с котом на коленях удалось только почтительно склонить голову, и Джастин поспешно махнул ему рукой.

– Сидите-сидите! Пусть поест. Катрина, налейте молодому человеку шамьета. Право, сударь, – безошибочно опознал он в Лучано простолюдина, – мне жаль, что мы принимаем вас так неучтиво, но во дворце очень многое изменилось. Очень... многое... Вот и Флориморд, бедняга, утратил королевскую милость. Мой дорогой хозяин, да будет ему хорошо в Претемных Садах, любил этого кота, как... Я вам даже объяснить не могу! Сам его котенком подобрал в саду, велел держать в своих покоях, спал с ним в одной постели, даже еду разрешал брать из своей тарелки, представьте себе! Бывало, сядет вечером, велит подать карвейна, а Флориморду – сливок, и сидят, беседуют. То есть рассказывал, конечно, его величество, но утверждал, что Флориморд все-все понимает! Так и говорил: «Одно, мол, существо меня понимает, да и то – кот...»

И бывший королевский камердинер снова смахнул слезу, виновато растянув губы в подобии улыбки. Похоже, сильно у него накипело, если так искренен с незнакомцем.

– Соболезную вашей потере, синьор Джастин, – снова кивнул Лучано и взял свободной рукой чашку с горячим шамьетом. – Простите мое любопытство, но если этот кот был так дорог его величеству... Что же ее величество?

– Ах...

Помрачневший камердинер махнул рукой и покосился куда-то вбок.

– У него, извольте ли видеть, шерсть, – сказал он сдержанно, однако неодобрение так и сочилось в тоне и взгляде. – И когти. А у ее величества и фрейлин – роскошные туалеты. Флориморд был котом короля, но... не королевы, вы же понимаете?

– Понимаю, – кивнул Лучано, пригубив шамьет.

Про себя он подумал, что у здешнего короля была на редкость паршивая жизнь, если спать он предпочитал с котом, а не с женой или хотя бы фавориткой. Да и пить карвейн в одиночестве, изливая душу молчаливому хвостатому собеседнику, это о чем-то говорит.

Кот, напившись, заурчал и принялся когтить Лучано колени. Да уж, ни один дамский туалет не выдержит подобного отношения. А именно этой королеве можно доверить разве что ядовитую змею, с такой любимицей прекрасная Беатрис нашла бы общий язык. Жалко Флориморда. Верность похвальна в любом существе.

– Сударь Фаррел! – раздалось из-за двери, и Лучано встрепенулся, поставив обратно на стол чашку.

Соус, который кухарка помешивала на плите, очень правильно пах тимьяном, перцем и, самую малость, шафраном. А вот шамьет синьоре Катрине не удался, зерна перед помолом сильно пережарены. Для бодрости пить можно, однако удовольствия никакого!

– Кажется, меня ищут, – виновато сказал он и на прощание погладил Флориморда.

Кот замурчал еще громче, и Лучано вздохнул. Ну что тут поделать? Не забирать же его в Верокью! Мастер Ларци не отказал бы, но коты почему-то плохо переносят порталы. Ему вспомнилось кровавое пятно на полу таможни. Мда, их сейчас и люди не всегда... переносят.

– Сударь Фаррел! – заглянул в кухню молоденький, богато одетый паж. – Ее величество ждет вас!

Лучано прямо почувствовал, как напрягся Джастин, а от Катрины, молча поджавшей губы, повеяло холодом. Да уж, в этой маленькой крепости, хранящей верность умершему королю, не любят его супругу. Знали бы, чей Лучано гость, никто бы с ним не откровенничал.

– Не извольте беспокоиться, синьор Джастин, – тихо сказал Лучано, бережно ссаживая Флориморда на пол и подвигая к нему миску с паштетом. – Я не из болтливых. Ее величеству не обязательно знать о таких... пустяках, – добавил он выразительно, взглядом указав на кота. – Кстати, мой батюшка хорошо разбирается в медицине. Он и животных лечит. Попробуйте взять у лекаря настойку корня... Как же она по-вашему? Скажите «ледореа» – он поймет. Одну каплю в молоко, и синьор Флориморд будет поспокойнее. Только больше двух недель не давайте, иначе привыкнет, а это не полезно.

– Ледореа, – повторил Джастин, глядя на него все еще с подозрением. – Я запомню. Благодарю, сударь.

Лучано последний раз кивнул, почтительно поклонился Катрине и вышел, пытаясь отряхнуть камзол. Следы доверия королевского кота оказались очень стойкими! Ну и ладно, обниматься с ее величеством все равно не придется, а остальное – пустяки!

* * *

Грегор покидал дворец, онемев от ярости. Гнев бушевал внутри, мешая мыслить, грозил толкнуть на что-нибудь непредсказуемое и смертельное опасно. Поэтому на парадной лестнице в холл нижнего этажа ему пришлось остановиться, вцепиться пальцами в перила и замереть, переводя дыхание.

– Мэтр Бастельеро? – удивленно окликнули его сзади, и Грегор невероятным усилием воли вернул на лицо спокойное выражение вместо стянувшей его ледяной маски.

– Магистр Райнгартен? Что вы здесь... О, простите, Этьен, – тут же поправился он. – Я не хотел быть неучтивым.

– Устали? – понимающе поглядел на него стихийник.

На нем была не академическая мантия должного оранжевого цвета, а траурный камзол, впрочем, не черный, а серебристый, очень идущий рыжевато-русому сероглазому лорду. Вполне дозволенный во время королевского траура оттенок, однако изящество отделки и модный покрой неприятно кольнули Грегора. Глупо, конечно, измерять скорбь такими вещами, она не в скромности одежды и не в показных сожалениях. Райнгартен по-своему проявляет уважение... И все-таки в таком изысканном и нарядном трауре невольно виделось что-то фальшивое.

– У вас утомленный вид, Бастельеро, – дружески продолжил магистр, легко подлаживаясь под шаг снова начавшего спускаться по лестнице Грегора. – Нельзя так себя загонять, вы нужны королевству и нам всем. Виделись с ее величеством?

– Да, – выдавил Грегор и спросил исключительно из вежливости: – А вы?

– Имел сегодня счастье выразить ей почтение, – легко отозвался стихийник. – Вы редко бываете при дворе, а мне приходится. С тех пор, как моя милая супруга стала фрейлиной ее величества, я стараюсь не оставлять ее здесь одну. Вы же понимаете, эти юные нахалы повсюду, а Мэнди так скромна, что не всегда может им дать должный отпор.

– Неужели для вас это такая сложность? – буркнул Грегор, заставляя себя отвлечься от тяжелых мыслей на легкомысленную болтовню идущего рядом Райнгартена. – Вызовите одного на дуэль, и остальные поостерегутся проявлять лишнее внимание.

– Ну, не у всех такая грозная слава, как у вас, – улыбнулся магистр. – А убивать какого-нибудь мальчишку за жаркий взгляд на красивую женщину, это, право, не по мне. К тому же мне нравится навещать жену. Она всегда так искренне рада! Щебечет, словно птичка... Ах, Бастельеро, женитьба, оказывается, очень украшает жизнь. Рекомендую и вам попробовать.

– Непременно, – процедил Грегор сквозь зубы, про себя желая магистру провалиться подальше с его восторгами по поводу молодой жены.

Кстати, а ведь эта пухлая блондинка в оранжевом, что была у королевы, и есть жена Райнгартена? Или это ее сестра? Какая, впрочем, разница, она ведь тоже леди Райнгартен по мужу. Снова это проклятое семейство Вальдеронов лезет изо всех углов, как плесень в сыром склепе!

Однако Райнгартен продолжал светский разговор, и прервать его не было никакой возможности, не обидев при этом искренне проявляющего дружелюбие коллегу по Академии. К тому же Грегор помнил, как Райнгартен помог ему в деле с Морхальтом и порталами. Да и сейчас Оранжевая гильдия бьется над загадкой Разлома вместе с некромантами... Ах, будь у них достаточно времени! Возможно, удалось бы найти бескровное решение!

Мысли сами прыгнули к бастарду и Айлин Ревенгар. Если щенок посмеет ее обидеть... Словом, взглядом, да хоть помыслом! Ему смерть в портале милостью покажется! Скорее отправить за ними Эдвина, прямо из Академии за ним и послать. Лучше бы заехать самому, но куда? Кастельмаро не ушел с военной службы, сейчас он может быть и в казармах, и дома, и в городе с рейдом!

– Я все думаю о сегодняшнем Совете... – врезался в его размышления голос стихийника. – Кстати, вы о нем не забыли?

– О Совете? – уточнил Грегор. – Этьен, вы запомнили, что я не магистр гильдии?

– Ах, оставьте! – махнул тот рукой. – Вы лорд-протектор, да и авторитетом в Ордене пользуетесь огромным. Наверное, вы просто не успели получить приглашение. В любом случае, считайте, что я передал его сейчас. Так вот, впервые за многие годы Совет собирается в таком... скромном составе.

Они вышли за ворота, и Райнгартен уверенно повел Грегора к собственному экипажу, тоже щегольскому, сверкающему свежей зеленой краской и с ярко начищенным серебряным леопардом на дверце. Возле экипажа маялись от скуки четыре конных гвардейца, которые при их появлении встрепенулись.

– Заберите лошадь милорда, – велел им Райнгартен и жестом пригласил Грегора в экипаж.

«Зачем магистру Оранжевых солдаты в сопровождении? – раздраженно подумал Грегор, все-таки садясь, будто замороженный. – Да он любого демона пришибет чистой силой не хуже боевика. Бойтся грабителей? Смешно... Лучше бы эта четверка улицы патрулировала!»

– Так вот о Совете, – невозмутимо продолжил Райнгартен, с удобством разместившись напротив Грегора на мягком бархатном сиденье. – Великий Магистр, Кристоф, Адальред и недоброй памяти Уинн. Четверо из девяти! А для кворума, прошу заметить, нужно две трети членов Совета. То есть хотя бы шестеро...

– Ладецки заменит Кристофа, – предположил Грегор, в самом деле задумавшись, а кто же теперь сядет в кресло Архимага. – И неужели среди Синих и Голубых не найдется кандидатур на пост?

– Пока не нашлось, – уверенно заявил Райнгартен, и в этом ему можно было поверить: в хитросплетениях гильдейских интриг Оранжевый магистр был как рыба в воде. – Ну, хорошо, допустим. Но вы же понимаете... Наш общий друг Эддерли заранее и категорически отказался от сана Архимага. Ка-те-го-ри-чески! А жаль! Как было бы удобно и логично...

Он посмотрел на Грегора блеснувшими в сумраке кареты холодными серыми глазами, и Грегор только сейчас понял, зачем его вызвали на этот разговор. Ну конечно! Старый Эддерли был самым вероятным претендентом на пост Великого Магистра, который устроил бы решительно всех! За ним и талант, и происхождение, и огромный авторитет... А главой Фиолетовой гильдии, разумеется, в таком случае стал бы Грегор – кому же еще? Разве что Денвер мог бы с ним в этом потягаться, но нельзя одновременно быть главой гильдии и службы безопасности Ордена, а это место мерзавец бы ни за что не бросил! С такими-то возможностями по службе! Да и что теперь об этом говорить...

Так, и кто у нас остается? Бреннан? Его и магистром-то остаться еле уговорили. Ладецки? Отличный боевик, но не политик, а Магистр должен держать весь Орден в узде. Роверстан? Более невозможной кандидатурой может быть разве что Волански! Простолудин-высочка и откровенный безумец, неизвестно как держащийся на посту магистра много лет. Возможно, он просто чья-то ширма, но это дело Желтых... И кто у нас остается? Да понятно же! Некто с серебряным леопардом в зеленом гербовом поле. Достаточно молод, умен, много лет был секретарем старого Кастельмаро – ему даже в дела входить не придется. Наверняка он их последние годы и вел.

– Я не магистр и не имею права голоса в Совете, – напомнил он Райнгартену, глядящему на него с хищным блеском в глазах.

– Но вы могли бы занять пост Денвера, – возразил ему стихийник. – Собственно говоря, кто еще? Орден отчаянно нуждается в отважном и честном человеке на этой должности...

«А глава службы безопасности имеет право голосовать в Совете...» – вспомнил Грегор соответствующий пункт Устава.

– Нет-нет! – решительно отказался он. – Разбирать грязное белье? Увольте! Я готов оказать любую помощь в расследовании дела сектантов – но и только! Этьен, я вполне вас понимаю. И решительно ничего не имею против. Но голос Фиолетовой гильдии у вас и так наверняка есть. Да в конце концов, кто, если не вы?! Вам и беспокоиться об исходе голосования не стоит!

– Да, возможно, – слегка смущенно улыбнулся Райнгартен. – Полагаю, вы правы. Но если кто-то спросит вашего мнения... частным порядком?

– Скажу, что вы будете прекрасным Архимагом, – твердо пообещал Грегор. – Не поймите меня неправильно, Этьен. Если лорд Эддерли изменит свое решение, я поддержу его. Но только его!

– Ах, конечно-конечно! – махнул холеной рукой в перстнях стихийник. – Об этом и речи не может быть. Да я бы сам голосовал за нашего почтенного Эддерли, ум и честь Ордена. Увы, он слишком

ценит покой. Но лорду Эддерли можно только позавидовать, он вырастил достойную смену. Если бы я мог сказать то же самое!

И он пустился в описания каких-то нелепых и глупых интриг за место магистра Оранжевой гильдии, так что остаток пути до Академии Грегор перенес, как пытку, из любезности делая вид, что слушает, но размышляя о своем. Время уже за полдень. С каждым часом беглецы все сильнее удаляются от столицы. А он тратит время на болтовню. Получится ли увидеться с Кастельмаро перед Советом?

Не получилось.

Как только экипаж въехал в ворота Академии, к нему бросился дежурный преподаватель, чтобы сообщить, милордов Бастельеро и Райнгартена ожидают в Зале Совета. Да-да, обоих!

– Вот видите, – снова легко улыбнулся Райнгартен, покидая экипаж первым, хотя по этикету это следовало сделать более молодому Грегору. – Вас ждут!

– Нас, милорд, – учтиво, но хмуро поправил его Грегор и все-таки успел отправить по дороге сразу трех курьеров с приказом разыскать лорда Кастельмаро.

Совет и вправду собрался в неполном составе, но выглядело это менее печально, чем предполагал Райнгартен. Кресло Кристофа занял огромный, как медведь, Ладецкий. Родом откуда-то с Северо-Востока, из какой-то полуварварской страны, он был смуглым и черноволосым, лишь виски тронула проседь. Алая мантия магистра туго облегла мощную грудь, и было непривычно, почти больно видеть вместо благородного лица Кристофа эту насуспенную физиономию с карими медвежьими глазками под густыми бровями. Ах, Кристоф, истинная дорвенантская кровь... Но дело есть дело, и боевикам виднее, кого избирать магистром. Кресло Архимага, разумеется, осталось пустым, как и место артефактора, но магистрессу Уинн сменил остроносый седой мэтр, похожий на потрепанную крысу. Грегор его лично не знал, но встречал, разумеется, как и всех преподавателей. Что ж, этот Райнгартену точно не соперник! Ну вот, и без артефактора кворум собрался.

Для него, как и все прошлые разы, поставили стул у стены, и Грегор сел, хмурясь и жалея о потерянном времени. Вот зачем его вызвали? Хотят запихнуть в темный грязный чулан, именуемый службой безопасности Ордена? Как бы не так! Хорошо, что он может отказаться, сославшись на обязанности протектора.

– Милорды!

Райнгартен, успевший занять свое место, снова поднялся и торжественно заявил:

– По праву секретаря отсутствующего Великого Магистра... – Он поклонился пустому креслу, и все разом смолкли, а потом тоже склонили головы. – ...Позвольте считать сегодняшнее заседание открытым. Сегодня с нами два новых собрата, поприветствуем магистра Ладецкого и магистра Валлендорфа!

Человек-медведь и человек-крыса разом встали и поклонились, остальные ответили им кивком. Грегор, который терпеть не мог долгие церемонии, про себя искренне одобрил такое простое вступление в должность.

– Сегодня заседание посвящено вопросу, который предложила в моем лице Оранжевая гильдия, – продолжил Райнгартен, и глаза его вдруг лихорадочно блеснули.

Оранжевая? Грегор искренне удивился. Разве первым пунктом идет не выбор Архимага? Тогда какого Баргота Райнгартен вообще затевал разговор? С прицелом на будущее? А стихийник продолжал, четко и ясно роняя каждую фразу:

– Считаю долгом довести до вашего сведения, милорды, что Дорвенна стоит на пороге катастрофы. Благодаря умелым действиям лорда-протектора опасность бунта почти устранена. Или будет устранена в самом скором времени. Однако силовые линии в столице, формирующие общее магическое поле, возмущены далеко за пределом нормы. Всем вам известно, что происходит с порталами, они стали смертельной ловушкой. В городе постоянно происходят прорывы в Запределье! Теперь они появляются просто от общего истончения магического поля и распространяются, как дыры на ветхой ткани. Латать магическое поле в таких условиях бесполезно, нужно устранить причину. Мы работаем над этим, но победа над Разломом – дело времени. А в течение одного-двух дней в Дорвенне откроются, по нашим расчетам, десятки точечных прорывов. Думаю, не нужно вам объяснять, что будет со столицей.

Он выдохнул и обвел взглядом всех магистров и Грегора. Сел, нервным движением взял карандаш и

принялся чертить на листке бумаги какие-то закорючки.

Но... какого Баргота? Почему этот павлин оранжевый вел с Грегором беседу о выборах Архимага? И ни словом не обмолвился, мерзавец, о том, что приберег для Совета?!

«Потому и приберег, – постарался успокоить себя Грегор. – Потому тебя и пригласили... Потому и вопрос о выборе Архимага пока не стоит. Ну, Райнгартен, зараза хитрая! Да кто же захочет стать Архимагом и сесть в кресло, над которым занесен меч такой угрозы?!»

– Что предлагает Оранжевая гильдия для спасения столицы? – в напряженной тишине уронил Эддерли.

А Грегор подумал, что ему еще предстоит разговор со старым некромантом насчет Воронов.

– Прямо сейчас мы ничего не можем сделать, – с удивительной честностью и прямоотой отозвался Райнгартен. – Предотвратить прорывы невозможно. Энергетическая ткань столицы истощена, чтобы прорывов не случилось, нужны огромные вливания силы. Потоки такой мощности питают поле Академии, но мы не можем их перенаправить. Сами понимаете, это означает оголить территорию Ордена ровно с такими же последствиями. А у нас библиотека, лаборатории, веками собираемые коллекции... Адепты, в конце концов!

«Адептов он поставил на последнее место», – усмехнулся Грегор, чувствуя, как по спине ползет холодок ужаса.

Десятки новых прорывов! Цепная реакция! Дорвенну сожрут полчища демонов!

– Нужно выводить людей из города, – тихо сказал Ладецки густым низким голосом. – Дома можно построить заново, если люди останутся живы. Всем дворянам – уехать в поместья. Чернь... Да пусть хоть в лесу и поле ночуют, им не повредит. А вот демоны...

В глазах боевика был не страх, но четкое понимание, что случится, если Дорвенну захлестнет волна тварей.

– Милорд протектор? – подал голос Бреннан, и все взгляды обратились на Грегора.

– Я слушаю, – ровно сказал Грегор. – Прежде, чем решать, нужно понять. Милорд Райнгартен, вы говорите о вливаниях силы. Чисто... теоретически... магическое поле в Дорвенне можно залатать, как вы изволите говорить?

– Теоретически – можно, – раздраженно отозвался стихийник. – Но откуда взять потоки? Поле нужно заполнить силой, как пустой пруд – водой. Тогда раны затянутся сами. Не все, конечно, прежние прорывы уже давно стабильны... Но это меньшее зло. В любом случае, потоки взять просто негде.

– Разве? – уронил Грегор. – Вы же сами сказали – в Академии.

Во взглядах, обращенных на него, вспыхнуло недоверие, возмущение, ужас! Только Волански, как обычно, хранил полное спокойствие. Предметом внимания иллюзорника был большой жук, ползающий перед ним на столе странными извилистыми кругами. Волански не отрывал от него глаз, будто во всем мире не было ничего интереснее.

– В Академии, – повторил он, уже понимая, что бой придется выдержать нелегкий. – Мы перенаправим потоки, напитаем защиту Дорвенны, а потом вернем их на место. Сколько времени понадобится?

– Безумие... – слабым голосом сказал Райнгартен, глядя на него со страхом. – Бастельеро, вы с ума сошли! Никто никогда такого не делал!

– Значит, это случится первый раз, – добавил Грегор металла в голос. – Как ваш собрат я прошу о содействии, но как лорд-протектор, облеченный высочайшей властью, приказываю. Столицу нужно спасти, это долг Ордена.

– А как же Академия?! – взвизгнул новый магистр алхимии. – Вы понимаете, что тут?...

– Лучше вас понимаю, – прошипел Грегор, и алхимик смолк, побледнев. – А что предлагаете вы? Отсидеться в надежном месте, пока профанов будут рвать на куски? У адептов семьи в городе! Дорвенна – сердце страны! Вы сможете потом смотреть в лицо людям, которых бросили умирать?

– Но мы можем выставить заслоны... – побелевшими губами продолжил алхимик.

– Не можем, – отрубил Ладецки. – Дорвенна слишком велика! Прорывы открываются стремительно, мы просто не успеем везде. И я поддерживаю лорда-протектора. Столицу нужно спасти. Мы все присягали королю и королевству.

– Столицу следует спасти уже потому, что прорывы – вина магов, – уронил Роверстан, сидящий на своем месте с совершенно застывшим лицом. – Кажется, господа, вы забыли, кто устроил первый разлом. Смотрите, как бы профаны нам об этом не напомнили.

Грегор ощутил злость и облегчение разом. Пусть в словах разумника звучал недостойный мага страх, Роверстан бросил увесистую гирю осторожности на чашу долга – и весы качнулись.

– Бред... – вздохнул тоскливо Райнгартен. – Вы просто не понимаете! Ну, хорошо, допустим, потоки будут направлены в Дорвенну. Не пройдет и дня, как прорывы начнутся по всей Академии. У нас! Вы это понимаете?! – сорвался он на визг.

– Успокойтесь, Этьен, – тихо сказал Эддерли. – Мы все уже это поняли. Послушаем лорда-протектора. Грегор?

– Спасение Дорвенны – главная задача, – сказал Грегор. – Кто-нибудь может предложить иной способ? Не затрагивающий Академию? – Он оглядел магистров. Кто-то выдерживал его взгляд, кто-то опускал или отводил глаза, но все молчали. – Значит, делаем, как я предложил. В отсутствие Архимага всю ответственность за это решение беру на себя как протектор. Что бы ни случилось, вас в этом не обвинят.

Послышалась пара вздохов облегчения, тихих, но в сгустившемся безмолвии зала все-таки различимых. Райнгартен. И алхимик Валлендорф. Бреннан и Эддерли туда глянули, промолчали, но Грегор отстраненно подумал, что стихийник сейчас утратил немалую часть надежды на пост Великого Магистра в будущем. Что бы он ни сделал для спасения Дорвенны, Орден трусости не прощает.

– Адептов младше семнадцати лет следует распустить по домам, – бесстрастно сказал он. – То есть с первого курса по пятый включительно. Алхимики, артефакторы, иллюзорники и разумники тоже должны уйти. Они не смогут себя защитить при нападении демонов. Преподавателям Синей и Голубой гильдии придется остаться, артефакты Академии нужно постоянно заряжать. Таким образом, в Академии останутся только наставники, служители и старшие курсы некромантов, боевиков и стихийников. Ах да, еще целители. Без них никак. Все мэтры этих факультетов, кроме совсем старых и слабых, остаются. Десятки прорывов на огромной территории Дорвенны невозможно отследить. Но те же десятки прорывов в Академии – дело другое. С помощью адептов мы продержимся, пока потоки не будут перенаправлены обратно. Магистр Райнгартен, я надеюсь, речь действительно идет о паре дней?

– Не больше... – побелевшими губами прошептал Райнгартен, и Грегор ему поверил.

В Академии – каждый адепт это знает! – сплетаются потоки мощнейшей силы, колдовать здесь намного легче, каменные химеры и горгульи оживают, кладбище приходится постоянно упокаивать... разгул дармовой энергии, что поделаться! Маги Дорве Великого знали, где выбрать место, а потом Академия росла, и потоки росли вместе с ней, как кровеносные жилы в теле человека. Райнгартен знает цену своим словам, но если он говорит, что пары дней хватит, чтобы напитать иссохшую Дорвенну силой Академии, значит, этого хватит.

– Да вы и правда с ума сошли! – рявкнул Бреннан. – Это же дети! Мы за них отвечаем! Это... будущее Ордена!

– Дети уедут по домам! – развернулся к нему Грегор стремительной пружиной. – Сироты и те, у кого семья далеко... Придумаем что-нибудь. Снимем гостиницы, поселим с ними преподавателей. Останутся те, кому больше семнадцати. Совершеннолетние!

– Совершеннолетие мага позже! – продолжал упрямяться Бреннан. – Адепты получают перстень в двадцать четыре. Грегор, вы отправите детей на смерть?!

– А куда, по-вашему, я отправлял своих солдат и офицеров? – тихо сказал Грегор немеющими от ярости губами. – Вы знаете, сколько жизней стоила нам война? Думаете, в двадцать пять умирать не так обидно, как годом раньше? Профаны идут в армию с семнадцати. А то и раньше, если удастся добавить себе возраст. Они тоже умирали, Бреннан! Шли в бой и умирали по моему приказу! Маги – да, были постарше! А остальные – как уж повезет! Наши адепты хотя бы могут защитить себя! А в

Дорвенне тысячи таких же мальчиков и девочек без магического дара. Их вам не жалко, магистр Бреннан?! Чего стоят наши клятвы, если им придется умереть вместо нас?!

Он все-таки сорвался на крик, но целитель замолчал намного раньше. Он низко опустил голову, по морщинистой коже текли слезы, скрываясь в короткой седой бороде. Грегор снова обвел взглядом Совет.

Роверстан смотрел печально, но твердо, хотя ему как раз можно за своих не переживать. Да и за себя тоже – разумнику здесь делать нечего. В глазах Эддерли стыла боль – старый некромант хорошо знал, что такое смерть. Райнгартен ежился и взгляд прятал. Пусть, лишь бы все сделал как надо. И сделает, иначе Грегор его сам убьет, без всякого орденского суда. Волански играл с жуком... Ладецки глянул хмуро, а потом прогудел:

– Учись прилежно, живи честно, умри доблестно, милорды. Вам напомнить, чья эта клятва? Мне все это тоже не по душе, но если другого выхода нет... Лорд Бастельеро, Алый факультет останется в полном составе. Я знаю своих. Если отправим домой малышей, они полезут обратно через стены. Не представляю боевика, который уйдет в безопасность, когда остальные сражаются. Лучше пусть будут под присмотром. И если что, за это решение отвечу я.

– Благодарю, – кивнул Грегор, а потом попросил: – Мэтр Ладецки, после Совета обсудим план обороны.

– Некроманты тогда тоже не уйдут, – бесстрастно сказал Эддерли. – Не за ворота же их силой выбрасывать. Грегор, ну вы-то их знаете!

Райнгартен про своих промолчал, как и Бреннан, однако этих двоих Грегор не осуждал. Юные стихийники долго набирают мощь, от младшекурсников и правда не будет никакого толка. А Бреннан и его адепты не бойцы.

– Первые курсы боевиков и некромантов надо прикрепить к тем, кого поселим в городе, – прозвучал уверенный голос Роверстана. – Скажем детям, что они – охрана слабых факультетов. Почти не ложь. Старшие адепты присмотрят за младшими, а пара десятков юных боевиков, если что, отобьется и от демона.

Грегор против воли почувствовал восхищение изворотливостью разумника. Мрачное лицо Ладецки тоже просветлело.

– А вот это может сработать! – кивнул он. – Приказ охранять других мои выполнят. Скулить будут, что в настоящий бой не попали, но выполнят.

– Значит, так и сделаем, – устало подытожил Эддерли. – Этьен, сколько у нас времени? Сегодня еще протянем?

– Сегодня – да, – уверенно кивнул стихийник. – Потоки начнем перенаправлять прямо сейчас, но Академия пока продержится за счет запасов. А вот завтра к обеду здесь будет преисподняя. В самом прямом смысле.

«И каждая смерть на моей совести, – с полной и беспощадной ясностью подумал Грегор. – Не солдаты, не офицеры, а юнцы, только возомнившие себя магами и магессами. Ревенгар! И Вороны... Ну, Вороны вернутся как раз к бою, а вот Айлин... Претемнейшая, пусть она останется в стороне от всего этого. Да, она боевик и некромант разом. Сильная для своего возраста, умелая. Но кровь, смерти, ужас! Убереги ее от этого, такую чистую и нежную...»

– Ладно, милорды, времени мало, – первым поднялся Роверстан. – Пойду отдам заместителям распоряжения, пусть собирают малышей и отправляют в город. Магистр Бреннан, встретимся в лазарете.

Целитель кивнул, выходя из ступора, а Грегор удивленно воззрился на разумника.

– Вы что, собираетесь остаться? Зачем? – поинтересовался он.

– А у вас так много опытных лекарей, мэтр Бастельеро? – с полнейшей невозмутимостью ответил

вопросом на вопрос Роверстан. – Вы, может быть, не слышали, но я весьма полно изучил курс медицины под руководством магистра Морхальта. Не кривитесь. Даже вы не станете отрицать, что учить этот мерзавец умел. И я, к вашему сведению, имею неплохой опыт операций. Без всякой силы, дорогой Грегор, просто скальпелем и вот этими руками, – поднял он перед лицом две крупные смуглые кисти. – У целителей все зависит от резерва, а он имеет печальное свойство заканчиваться. Спросите у Бреннана, пригодится ли ему человек, умеющий делать такие швы, как я.

– Только из лазарета не выходите, – буркнул Грегор, почти устыдившись за недавние мысли.

Отправить своих преподавателей и адептов и остаться самому! Этого он от разумника не ожидал. У Белых ведь нет ни каналов, ни резерва, они и не маги в полном смысле слова, хотя обладают силой. Перед любым демоном уж точно беззащитны! Да, Роверстан повел себя... достойно.

«Помоги нам всем, Претемная, – взмолился он коротко, как перед боем. – И убереги от своей милости тех, кому еще рано в твои Сады».

* * *

Примерно три четверти часа назад Лучано оставил в изящно убранной гостиной всего лишь опасную женщину, а вернулся к разъяренной гадюке. Тем более страшной, что внешне королева хранила ледяное спокойствие.

Она все так же сидела в кресле у низкого столика, а когда Лучано, войдя, почтительно встал на одно колено, милостиво протянула ему руку для поцелуя, словно увидела в первый раз. Пришлось преодолеть пять шагов, их разделяющие, и коснуться губами гладкой нежной кожи, смугло-золотистой, почти как у него. Лучано сделал это так осторожно, словно пробовал незнакомый яд. Чутье просто кричало убираться подальше, потому что в глазах королевы, единственно живых на непроницаемом лице, бушевала чья-то смерть. Однако почти сразу она чуть прикрыла веки, скрывая взгляд.

Шипу, которого позвали для заказа, глупо бояться дурного настроения клиента, м? Но Лучано сейчас боялся. До глубинной дрожи! А не доверять чутью – еще глупее.

– Ты знаешь человека, который сейчас был здесь?

Королева, конечно, поняла, что они должны были встретиться в коридоре – там никак не разойтись.

– Грандсиньор Бастельеро, – очень ровно и старательно выговорил Лучано, вовремя вспомнив сложную, но слегка похожую на итлийскую фамилию. – Лорд-протектор, герой, любимец города.

– Уже знаешь, – милостиво улыбнулись ему очень умело накрашенные губы.

Высшее искусство – сделать так, словно краски и нет вовсе. Королева или ее горничные им обладали, но Лучано-то видел... На миг мелькнуло сладкое и острое предвкушение, что ему закажут надменного синеглазого аристократа. О, если бы! Но Лучано промолчал, ничего не предполагая вслух, и к лучшему, а то выставил бы себя идиотом.

– Держись от него подальше, – уронила королева, рассеянно посмотрев в сторону окна, на которое с той стороны села щебечущая птица. – Не вздумай попасться на глаза. Этот и мертвого разговорит. Впрочем, неважно. – Она снова обратила к Лучано прекрасное лицо, больше похожее на маску. – У моего мужа, кроме законных детей от меня, имеется сын-бастард. Живой и здоровый... – Ее лицо на миг исказилось, но королева сразу скрыла волнение, продолжив: – По местным законам он имеет право на трон. Если его поддержит знать, конечно. А его многие поддержат.

Лучано подумал, что всего один бастард – это весьма скромно со стороны покойного короля. Может, их было больше? Сидящая перед ним женщина вполне могла проредить поголовье, как опытный садовник – рассаду. Но один остался... И снова Лучано не стал делать поспешных предположений – и оказался прав.

– Этот юноша оказался в очень сложном положении, – прошелестел голос королевы, словно змея,

наконец, тронулась с места.

Золотисто-смуглая рука протянулась к столику, королева взяла с него маленькую шкатулку с драгоценностями и поставила себе на колени, обтянутые густо-лиловым траурным шелком. Луч солнца упал туда, и содержимое шкатулки вспыхнуло кроваво-красными огнями, притягивая взгляд Лучано. Рубины. Крупнее, чем на подаренном перстне, роскошные, чистейшие, насколько можно судить, не взяв в руки. Кажется, гарнитур, но из чего состоит – не разобрать.

– Я весь внимание, моя прекрасная королева, – подал голос Лучано.

– Его ждет корона, – уронила, помолчав, королева. – И я вовсе не намерена препятствовать этому. Я слабая женщина, мои дочери еще малы, а на троне должен сидеть сильный мужчина. И местной королевской крови – это важно. Другого грандсеньора Дорвенанта не примут. Поэтому я весьма заинтересована, чтобы наследник трона был жив и здоров. Уверена, мы с ним... договоримся. Ты ведь понимаешь меня, мальчик?

– Разумеется, – почтительно откликнулся Лучано.

Что же тут можно не понять? Разве что пожалеть юного грандсеньора, который попадет в кольца этой золотой змеи!

По губам королевы скользнула благосклонная улыбка. Тонкие смуглые пальцы безошибочно нащупали в шкатулке нужную вещь – ожерелье с крупными рубинами. Лучано вспомнил подаренный перстень, предусмотрительно спрятанный в потайной кармашек. На фоне этих камней он казался весьма скромным. Такие авансом не дарят! Но Лучано и не хотел бы получить ожерелье в уплату по окончании дела. Оно манило, притягивало взгляд, но одновременно вызывало отвращение, словно среди камней и золота притаилась ядовитая гадина. А пальцы королевы погладили ожерелье с такой нежностью!

– Как приятно побеседовать с соотечественником, особенно после...

Она едва заметно нахмурилась.

О, похоже, беседа с лордом-протектором оказалась далеко не такой приятной? Как любопытно!

– Впрочем, это тоже неважно. Итак, поговорим о наследнике. К сожалению, юноша доверился человеку, которому не следовало доверять. Ты ведь уже знаешь о демонах? – требовательно спросила она, и Лучано низко склонил голову. – Прекрасно. По утверждению почтенных магов, чтобы закрыть разломы, нужна человеческая жертва, причем королевской крови. Благородный лорд-протектор предназначил для этой жертвы юного принца.

Она умолкла, задумчиво хмурясь, а Лучано едва не присвистнул. Какой, однако, змеинный клубок! Право, не хуже, чем в родной Итлии! Стало быть, лорд-протектор метит на трон? Зачем еще устранять законного наследника? А прекрасной Беатрис наверняка безразлично, какой именно супруг будет прилагаться к трону? Но, судя по ее настроению, договориться не удалось. Что ж, весьма неосмотрительно со стороны лорда-протектора! Может быть, заказ на него еще последует?

– Принц покинул столицу сегодня утром, – снова заговорила королева. – В сопровождении одной

весьма предприимчивой юной особы, ученицы лорда-протектора. Весьма многообещающей девицы, должна признать. Эта девица решила опередить своего наставника... – Королева качнула головой и добавила с искренним восхищением: – Какая великолепная комбинация – и в столь юном возрасте! Не знаю, что она сказала юноше, но это не имеет никакого значения. Важно лишь одно: убив наследника, девица потеснит своего наставника и станет героиней Дорвенанта, едва дожив до восемнадцати лет! Но юноша должен выжить. Это и будет твоим заданием. Ты разыщешь их и проследишь, чтобы наследник вернулся в столицу живым и здоровым.

Лучано взглянул на королеву с искренним удивлением.

– Охрана? Моя прекрасная королева, вы нанимаете Шипа для охраны?!

– На это есть причины. – В мягком голосе прорезались стальные нотки. – Я не могу доверять никому из местных, а окружать юношу отрядом гвардии нельзя – дело быстрое и тайное. Я сама узнала почти случайно и слишком поздно. О, еще бы несколько часов... Слушай внимательно, Шип. – Тонкие пальцы гладили ожерелье, перебирая камни, будто полные густой алой крови. – Сегодня на рассвете через южные ворота выехал отряд. Шесть человек охраны – обычные наемники. Два дворянина – юный принц и его личный телохранитель, фраганский бретер. И девица-магесса. Ты догонишь этот отряд и напросишься к ним кем угодно – не мне тебя учить. Войдешь к принцу в доверие, станешь его преданной тенью, будешь беречь от яда и стали, как только можешь. Он должен вернуться в столицу, слышишь?

– Да, моя королева, – склонил голову Лучано. – А что же девица?

– Девица... – Королева заколебалась, снова приласкала пальцами ожерелье, и Лучано слегка замутило. Сцеживать яд со змей – сколько угодно, но гладить их? А ожерелье все больше напоминало ядовитую гадину. – Девице придется умереть, – наконец произнесла Беатрис. Как показалось Лучано – с искренним сожалением. – Жаль, но она слишком опасна.

– В семнадцать лет? – позволил себе Лучано тень удивления в голосе. – Неужели ваше величество, с вашей мудростью и очарованием, – добавил он шепотку лести в это зелье, – не может ее привлечь на свою сторону? Если девица имеет влияние на принца и не глупа, она может быть полезна.

– Она чересчур не глупа, – усмехнулась Беатрис. – Тебе полезно будет узнать, с кем предстоит иметь дело. Мне кое-что рассказал... человек умный, достойный доверия и знающий девицу лично, хоть и не близко. Она потеряла отца в двенадцать лет. Несчастный случай на охоте, свидетели подтвердили. И над его телом публично отреклась от рода, потому что мать с братом повели себя... слабо и глупо. Есть свидетели, что ее мать обвинила в смерти мужа как раз прелестное дитя. После этого девочка нашла покровителя – самого сильного мага в Академии и, вдобавок, могущественного вельможу. Да-да, ты его видел.

Лицо королевы снова исказила улыбка, больше похожая на гримасу, словно маска треснула, на миг открывая ее настоящую. О, сколько бушующих демонов ярости было под этой маской. Хм... Так они с лордом-протектором поссорились как раз из-за этой ученицы? Нет, рано делать выводы!

– Потом, – продолжила королева почти с удовольствием, – ей показалось мало. Она сделала своими поклонниками лучших адептов, а самыми близкими оказались двое сильнейших из них. Конечно, это чистое совпадение, – с иронией добавила королева, – что один – сын лорда-канцлера, второго человека в государстве после короля, а второй – сын магистра гильдии, к которой девочка принадлежит. Оба – единственные наследники своих семей! Сильные талантливые маги, умные... И оба старше нее, а ей тогда было всего двенадцать! Они лучшие друзья, представляешь? Друзья, которые до сих пор не поссорились из-за девицы, а вместе пылинки с нее сдувают. Вир-ту-озно!

– Очень... впечатляет, – согласился Лучано и почувствовал жгучее любопытство.

Неужели эта девица так хороша собой?! Нет, чтобы проверить такое, одной красоты мало, нужен еще и незаурядный ум. Отточенный, как стилет, и ядовитый, как зелье. Если она в двенадцать крутила такие интриги, что из нее к семнадцати выросло? О Претемная, благодарю за милость. Это не слабая невинная жертва, которую было бы жаль. Это... достойный противник?! Прелесть какая!

– Она не должна вернуться в Дорвенну, – чуть наклонившись к нему, тихо проговорила королева, блеснув расширенными зрачками. – Пусть это будет несчастным случаем. Юный принц должен

тосковать о своей спутнице, а не искать ее убийц.

– Да, моя королева, – кивнул Лучано. – Что-нибудь еще?

– На всякий случай получишь бумаги на имя дорвенантского дворянина, лейтенанта королевской гвардии. Сам думай, использовать ли их. За местного тебя никто не примет, но всем будет понятно, под чьим ты покровительством. Это может и помочь, и помешать. Деньги? Оружие? Лошади? Говори, что нужно.

– Это все – моя забота, прекрасная королева, – улыбнулся Лучано. – Но за бумаги благодарю. Приятно для разнообразия побыть благородным синьором, – позволил он себе шутку, чтобы хоть немного сбросить напряжение.

Гнетущее предчувствие опасности не проходило. Наоборот – становилось сильнее. Будь Лучано свободен, постарался бы уже смыться подальше. Ну что королева тянет? Заказ дан!

– Сделаешь дело – титул станет настоящим. – В угольно-черных зрачках женщины напротив зажглись кроваво-алые огоньки. Наверное, рубины отразились. – Мне нужны умные верные люди, мой мальчик. Я уже многое тебе обещала. И добавлю еще. Но предательства не потерплю.

– Шипы не предают своих клиентов, моя прекрасная короле...

– Помолчи!

Ее рука стремительным змеиным движением метнулась к его плечу и вцепилась в него.

– Я больше не верю в истинную верность, – прошептала Беатрис, глядя ему в глаза. – Предают все. Даже те, кто двадцать лет боготворил, клялся в любви, обожал и ничего не требовал... Даже он... И все из-за... Неважно! – с глухим, тщательно скрываемым отчаянием снова повторила она. – Ты сделаешь дело, мой дорогой мастер Шип. И не поддашься ни на посулы, ни на прелесть этой девки. Не знаю, чем она чарует мужчин, но рисковать не будем.

Губы королевы раздвинулись в уродливой змеиной улыбке, между ними показался кончик алого языка. У Лучано потемнело в глазах, навалилась жуткая слабость. Он не мог пошевелиться, крикнуть, отстраниться... Стилет на запястье? Не достать... Надо было бежать сразу. Нельзя было приближаться... Идиотто... Но сознание не гасло совсем. И Лучано с ужасающей четкостью увидел, как из огромного рубина в середине ожерелья, прямо из-под пальцев королевы, пряталась тонкая ало-черная змея с фиолетовым траурным отливом. Взлетев, ужалила Лучано в сердце, и он задохнулся от боли. Смерть? Зачем? Он еще не выполнил работу...

Вспышка – и мир в его глазах на мгновение заволокло черно-ало-фиолетовым, а потом зрение медленно прояснилось. Лучано судорожно вздохнул – это оказалось легко. И тело снова повиновалось ему. Ничего не изменилось. Ничего? Под сердцем шевельнулось что-то ледяное, мучительно чуждое и невыносимо мерзкое.

Он молча посмотрел на королеву. На губах Беатрис играла холодная улыбка. Но губы снова выглядели вполне человеческими. Красивые губы красивой женщины.

– Я больше не верю ничьей верности, мальчик, – мурлыкнула королева, словно сытая кошка. – Это заклятие, ты ведь уже догадался? Единственное, что оказалось настоящим в его любви. О, грандсиньор когда-то умел делать подарки! Сделаешь дело, вернешься ко мне – и я его сниму. Но если предашь... Где бы ты ни был, смерть покажется тебе милостью. Снять его без моего разрешения невозможно, даже не думай об этом, – улыбнулась она самодовольно. – Скорее оно тебя убьет, чем отпустит. Ну-ну, не сверкай так своими красивыми глазками. Ты ведь и не собирался меня предать, правда? Значит, бояться тебе нечего.

– Это было лишним, – процедил Лучано, борясь с диким желанием как угодно влезть себе под ребра – сталью или голыми пальцами – и выдрать оттуда мерзкую гадину. – Я бы и так вас не предал. И гильдия об этом узнает.

– О, да сколько угодно, – рассмеялась женщина в кресле, разом расслабившись, словно с выпущенным заклятием из нее самой выдернули напряженную струну. – Ты и правда думаешь, что гильдия поссорится с королевой Дорвенанта из-за младшего мастера? Не глупи, мальчик. Если ты не справишься, я просто куплю еще одного. На любого найдется свой поводок. А теперь иди, бумаги тебе пришлют через час. И возвращайся с моим принцем, но без девицы, мастер Шип. Если дорожишь своей жизнью...

Лучано встал и молча поклонился. Не из учтивости – она слезла с него сухой змеиной чешуей. Он

поклонился своему проигрышу и своей смерти. Его отпустят после задания? Снимут проклятие? Ложь! Наглая спокойная ложь в глаза! Когда на кону целое королевство, свидетелей после игры не оставляют. И гильдия действительно не поссорится с Беатрис.

А мастер просто не узнает правду. Да, можно передать ему весточку. И что? Глупо думать, что мастер отомстит за неудачника, настолько бездарного, что дал себя подловить. Лучано сам виноват, предупреждала ведь его гадалка, что судьбы не избежать. Осталось только выполнить последний в его жизни заказ. А потом уйти красиво, если получится. Хорошо бы прихватить с собой прекрасную золотую гадюку. О да, непременно стоит об этом подумать. Но сначала – дело.

Он повернулся и вышел из королевской гостиной, чувствуя себя прекрасно. Живым, здоровым, полным сил. словно и не свернулась под сердцем ледяная ядовитая гадина. Всего лишь еще один заказ. А потом титул, деньги, счастливая свободная жизнь вдали от гильдии под покровительством прекрасной королевы...

Пробегающий мимо паж с испугом покосился на истерично расхохотавшегося куда – то в пустоту Лучано.

А вот это уже глупо. Нельзя привлекать к себе внимание. И умирать раньше смерти определенно не стоит. Умереть придется неизвестной девице, откусившей кусок больше, чем может проглотить. Очень интересно будет напоследок с ней познакомиться!

Глава 11. Свеча для Баргота

– Идиотто!

Первый метательный нож глубоко воткнулся в едва заметную трещинку на деревянной панели стены. И сразу же выше него и чуть наискосок лег второй – с другой руки.

– Безмозглый кусок требухи!

Лучано плотно зажмурился, потянул еще пару из лежащего перед ним набора и швырнул по памяти. С обеих рук одновременно. Услышал глухой стук. И еще. И еще... Когда две дюжины ножей, прихваченных из Итлии, закончились, он открыл глаза и мрачно глянул на стену, где распустился черный цветок из рукоятей, обмотанных узкой кожаной лентой. Треугольное основание венчика составили четыре ножа, а остальные очертили кокетливо изогнутые лепестки. Учитель по ножевому бою остался бы доволен...

А мастер Ларци неодобрительно покачал бы головой и сказал, что Лучано испортил хорошую стенку. Только полный беспросветный идиотто хвалится своим искусством. Довольный собою Шип – мертвый Шип.

– Какой же я идиотто... – уже спокойно и устало повторил Лучано, садясь на кровать и глядя на изувеченную ножами панель. – Так подставиться!

Всю обратную дорогу от дворца до гостиницы он был хладнокровен, будто внутри все замерзло. Расплатился с извозчиком, улыбнулся встреченной на лестнице служанке... И лишь когда поднялся к себе и остался один, маска спокойствия слетела, начисто смытая такой же ледяной яростью. Тварь! Гадюка! Мразь высокородная!

Лучано обнял себя за плечи ладонями, прислушиваясь к собственному телу, предательски приютившему что-то чуждое. Проклятие молчало, словно в гостинной королевы Лучано все показалось, и глупая робкая надежда подняла голову. Может быть, Беатрис ему соврала? Вдруг это была лишь иллюзия, чтобы напугать и обеспечить верность? Ах, как бы узнать?! Но то же самое чутье, что успело предупредить об опасности, но не помогло от нее уклониться, сейчас ныло, что проклятие настоящее. Слишком осязаемо и явно призрачная змея ужалила его в сердце.

«Может, поискать мага, способного снять эту дрянь? – заставляя себя успокоиться, подумал Лучано. – Не один же здесь умелый некромант, в этой проклятой стране? Даже на смертельный яд может найтись противоядие. Ладно, не на всякий, уж это я точно знаю. Но почему не попытаться?»

«Потому что времени нет, – мрачно возразил он себе. – Чтобы догнать спешащий отряд, нужно выехать сегодня же. А чтобы втереться к ним в доверие, нужно сначала подумать. Хорошо подумать! И уж точно некогда искать мага, способного снять проклятие. Если только не плюнуть на поручение королевы...»

Он снова беспомощно посмотрел на цветок из ножей. Показалось, что очертания лепестков расплываются, и из-под них проступает смуглое тонкое лицо с насмешливо изогнутыми бровями и гордым изгибом губ. Тень королевы Беатрис глядела издевательски, словно отлично понимала все, о чем Лучано сейчас думает.

За сколько времени можно найти знающего мага в чужом городе? Такого, что точно польстится на деньги и не будет связан ни с королевой, ни с надменным грандсеньором, подарившим ей проклятие. Такого мага, который удержится от искушения заработать, продав информацию. Такого, что действительно сможет помочь... Стоит немного оступиться – и все окажется еще хуже, чем сейчас!

Лучано моргнул, и образ Беатрис исчез, опять превратившись в нарисованный ножами цветок. Нет, нельзя! Если он останется в столице и начнет искать спасение, догнать отряд уже не получится. Заказ будет сорван, а значит, мастер Ларци утратит часть влияния в Гильдии. Единственная причина, по которой Шип имеет право не выполнить заказ – это смерть. Если Лучано погибнет, мастеру Ларци фальшиво посочувствуют, словно за проигранную партию в арлезийские башни. Но если станет известно, что он потерпел неудачу, пытаясь спасти собственную шкуру...

Нет, Ларци он так подводить не станет! И цена не имеет значения.

Лучано встал, подошел к стене и вытащил из нее ножи. Аккуратно убрал их в сумку и глубоко вздохнул, принимая главное: из города придется уехать прямо сейчас. В конце концов, он же везунчик, он Фортунато! Вдруг все еще обернется к лучшему? В дороге у него будет время порасспросить эту самую девицу, а она магесса...

Хм, а не сумеет ли ученица грандсиньора Бастельеро снять наложенное им проклятие? Тут как посмотреть... Да, Лучано до сих пор может сварить противоядие далеко не ко всякому яду работы мастера Ларци, но практиковался именно на них! Любой наставник преподает ученику именно то, что знает и умеет сам. А если девица не сможет или не захочет ему помочь, вдруг расщедрится на совет? Это в том случае, конечно, если ей можно довериться. Очень не хочется оказаться в положении игрушки, которую две сиятельные суки перетягивают одна у другой, в точности как их хвостатые подопытные на псарне. Нет уж, обойдется юная магесса без Шипа в коллекции своих марионеток!

Он оглядел номер, прикидывая, что взять в дорогу. Сундучок с образцами косметики точно не понадобится, но пусть хозяин за плату подержит его у себя. Приказчик, что съезжает, бросая товар, вызывает слишком много пересудов.

В дверь постучали, и почти сразу она открылась. Лучано придержал руку, дернувшуюся к ножам, и обернулся, снова нацепив любезную улыбку скромного торговца. Хорошо, что ножи успел вытащить из стены. Прав мастер! Всегда и во всем прав. Шипа губит самонадеянность и неосторожность!

Невысокий человек с неприметным лицом, что могло бы принадлежать и жителю Дорвенанта, и итлийцу, жестом отпустил слугу и шагнул в комнату. Молча окинул Лучано быстрым острым взглядом, положил на стол конверт из плотной бумаги и туго набитый кожаный кошелек с каким-то гербом. Уронил, едва разжав тонкие губы:

– Документы на имя Люциана Фарелла, лейтенанта гвардии. Свидетельство об отпуске из полка. Подорожная. Вы едете в Керуа, последний город на границе с Фраганой. Этого достаточно, чтобы проехать всю страну. В нужном направлении, конечно.

Тонкие бледные губы чуть изогнулись в подобии улыбки.

Лучано тоже молча поклонился. На его взгляд маска не выдерживала не то что никакой проверки, даже пристального взгляда. Изображать лейтенанта гвардии, как здесь говорят, не зная даже имени командира полка? С чужим гербом на кошельке? И может ли дворянин пуститься в путь один, без слуги? Проклятые чужие обычаи... Слишком легко допустить промах!

– За лошадьё зайдите на дворцовую конюшню, разрешение имеется, – и снова быстрый кивок в сторону конверта.

Лучано опять молча поклонился. Человек нахмурился, будто хотел что-то сказать, но вернул ему сухой короткий поклон и вышел.

Взяв конверт, Лучано просмотрел оставленные ему бумаги. Все, как и было сказано. Герб на кошельке оказался сложным вензелем и выглядел внушительно, однако неразборчиво. А лошади наверняка будут клейменными особым знаком королевских конюшен. Что ж, если бы он и правда собирался изображать лейтенанта, то нацепил бы подаренный перстень, взял бумаги и непременно сел на дворцовую лошадь.

Но вот вопрос, а с чего юному бастардо проникаться доверием к благородному синьору, который служит королеве, м? Не говоря уж о том, что изображать дворянина Лучано при необходимости смог бы в Итлии, но как это делать здесь? У него даже не получится поддержать учтивую беседу о всем известных вещах и людях.

Он поморщился и решительно сунул конверт поглубже за подкладку дорожной сумки. Это на самый крайний случай! А ехать придется в личине обычного наемника, тоже не слишком любимой, но попроще в исполнении. Мало ли детей удачи скитаются по дорогам, продавая шпагу? Самое сложное – чтобы его приняли в отряд. Случайные люди им явно ни к чему... Но это нужно решать на месте, посмотрев на грандсиньора и его телохранителя, сообразив, кто из них на самом деле командует и с какой стороны подобраться.

Для таких случаев у него имелся один прием, который обычно срабатывал. Конечно, все зависело от

того, есть ли в отряде слуги. Королева об этом не упомянула, но благородные синьоры вообще о таких вещах не задумываются. Разве может быть так, что рядом не окажется людей, способных разжечь огонь, принести воды, сготовить еду и всячески позаботиться о прочих удобствах? А если еще благородная девица пускается в путь без горничной... Кстати, неужели она и правда едет одна с восемью мужчинами? Вот это выдержка!

Прихватив деньги королевы, Лучано вышел из комнаты и спустился в трактир, но не пошел в общий зал, а свернул на кухню. Лучезарно улыбнулся недоуменно глянувшему повару, оценил количество баночек, шкатулок, бутылок и кувшинов на полках. И напоказ тряхнул зазвеневшим кошельком, задумчиво спросив:

– Не согласятся ли почтенные синьоры помочь путнику, что собирается в дорогу? К общей выгоде, разумеется!

Синьоры обменялись выразительными взглядами, а потом один из них отряхнул руки от муки и подошел к Лучано...

После этого визита кошелек несколько полегчал, но все еще был круглым, как физиономия купца, для которого трудные времена только-только начались. Оглядевшись по сторонам, Лучано поймал коридорного, пробегающего мимо с таким занятым видом, что сразу стало ясно – отъявленный бездельник.

– А скажи-ка мне, милейший? – спросил Лучано. – Где у вас тут можно купить пару приличных верховых лошадей?

– Да сейчас, пожалуй, и нигде... – протянул слуга. – Изволите видеть, ваша милость, все бегут из города. Лошади сейчас в большой цене, но их уже и за деньги не купишь! Барышники таких кляч задорого продают, что глянуть стыдно, не то что сесть. Ну совсем не для такого щедрого и великодушного сударя...

Лучано усмехнулся, перехватив страстный взгляд на кошелёк, и уточнил:

– Сударь будет очень щедр, но клячи не нужны. Сможешь за пару часов найти лошадей, заплачу вдвое и еще за седло накину.

И опять позвенел кошельком.

– Сделаю! – поклялся пройдоха и улетучился, только что не облизываясь.

Лучано хмыкнул ему вслед, поднялся к себе и начал паковать все, что уже принесли с кухни. Мешочек сушеных грибов, изрядный запас специй, мед и уже растертый в порошок шампет. Зерна были бы вернее, но жарить и молоть их в походном лагере – лишний труд. Головка копченого сыра, чищенные и сушеные орехи, изюм, кое-какие травы... Увы, ни розмарина, ни майорана, ни даже лука-шалота на приличной с виду кухне не нашлось. Что там шалот! Они и про порей, кажется, ничего не слышали! Дикая страна...

Но даже тем, что Лучано отыскал и придирчиво отобрал, пару недель можно сдабривать обычную походную еду. Если ему хоть раз позволят приготовить итлийский грибной суп с базиликом или тушеное мясо с орехами, пристроиться в отряде будет проще простого. Эх, обидно, что лютня осталась в Верокье! Благородные синьоры, едущие на подвиг, обычно не возражают против присутствия менестреля, который этот подвиг опишет во всех подробностях. Особенно, если рядом прекрасная дама.

Туго набив одну сумку кухонными припасами, Лучано взялся за вторую. Белье подойдет привезенное из Итлии, но дорожную одежду и одеяло придется покупать самому, заехав на рынок. Жаль, что нельзя воспользоваться щедростью синьора Донована, однако приказчик, меняющий шкурку на обличье наемника, это слишком подозрительно.

Еще нужна шпага, а для второй руки, пожалуй, короткая дага. У фраганского бретера взгляд наверняка наметан, однако такой набор подозрений вызвать не может. И арбалет! Хорошие арбалетки – редкость, для любого отряда это находка. Ну и хватит, иначе резонно возникнет вопрос, чего это такую ценность, как Лучано, до сих пор никто с руками не оторвал в родной Итлии.

Другие таланты лучше проявлять постепенно и хорошо осмотревшись.

Именно поэтому аптечку Лучано тоже засунул поглубже. Человеку, разбирающемуся в медицине, она могла бы рассказать слишком много интересного.

Он уже закончил со сборами, когда вернулся лакей с таинственным и неприлично сияющим лицом. Едва не лопаясь от гордости, провел Лучано на конюшню и показал двух прекрасных гнедых кобыл с белыми чулками, подобранных явно парой. Лошади нервно косились на незнакомых людей, жались друг к другу и вообще выглядели, как благородные синьорины, что случайно заблудились на прогулке и попали в трущобный район. У одной на спине красовалось немного потертое, но отличной работы седло, на второй была попона с пристегнутыми поверх нее дорожными сумками. Плотно набитыми, между прочим.

- А... это? - поинтересовался Лучано, и пройдоха-лакей равнодушно пожал плечами.

- Да там всякое дорожное! Если сударю что-то не нужно, мы с радостью примем от вашей милости. Только вы это... как из города поедете, у храмов Пресветлого Воина не останавливайтесь. - Потупился, лукаво ухмыльнулся и добавил: - Там колокола громкие, лошадки того... пугаются.

- Пугаются, значит? - понимающе протянул Лучано и, обойдя кобыл, глянул на гладкие золотистые крупы. В одном и том же месте слева от хвоста на них выделялись лысые пятна наскоро сведенного алхимическим зельем клейма. - Меня хоть на выезде из города с ними не остановят?

- Не извольте беспокоиться, сударь! - бодро отозвался лакей. - Нынче выезжающих не проверяют, на воротах такие очереди, что всех выпускать велено. Только насчет храмов, значит...

- Обойду стороной, - кивнул Лучано и отсчитал обещанную плату с лихвой. - Овса еще добудь. А я через пару часов вернусь.

Шпага, одежда... Это все были нужные вещи, даже необходимые. Но стоило выйти в притихший город, по-прежнему пахнувший гарью и страхом, Лучано словно потянуло в сторону высокого храмового шпиля. Предупреждение лакея он помнил, но это оказался храм не Пресветлого Воина, возле которого двух красавиц кобыл явно лишился какой-то офицер, а Семи Благих. Стройное здание, облицованное белым итлийским мрамором, окружали люди, и Лучано порадовался, что не поехал сюда верхом.

Он ужом проскользнул через угрюмую толпу, стараясь не смотреть в лица, полные отчаяния и надежды. В трудные времена люди всегда идут за помощью к богам, но редко получают ответ. Впрочем, у собрания на площади перед храмом была и другая причина. Уродливо черная рядом с нарядным, словно юная невеста, зданием, прямо перед ним возвышалась виселица, на которой раскачивалось пять тел.

Здесь было свободнее, и толпа невольно вытолкнула Лучано почти к самой виселице. Он не без интереса вгляделся в искаженные темные лица, обтрепанную одежду. На массивной опоре светлым пятном выделялся листок бумаги. Лучано подошел ближе и прочитал. Точнее, попытался прочитать. Буквы были знакомые, но в дорвенантские слова упорно не желали складываться.

- Простите, синьор! - окликнул Лучано хмурого солдата с алебардой, стоящего у виселицы на посту. - За что их?

- Неграмотный, небось? - покосился солдат с явным превосходством. - Вон, написано. По приказу его светлости лорда-протектора за грабежи и мародерство!

- Премного благодарен, сударь, - кивнул Лучано и перечитал надпись.

Теперь она стала понятнее и гласила: «Павесить за гробижы и мородерстфо па преказу лордапротектора...» Действительно, нужно быть очень грамотным, чтобы прочитать такое. Куда уж ему, бедному итлийскому неучу.

Тела мерно раскачивались и выглядели совсем свежими. Лучано прикинул наметанным взглядом, что и нескольких часов еще не прошло. Ну что ж, нельзя сказать, что лорд-протектор потакает преступникам. Но кого бы ни ограбили эти бедолаги, попользоваться добычей они не успели.

Измощенные лица, лохмотья вместо одежды. Те, кто постоянно стрижет богатых овец в темных переулках, выглядят иначе. Куда более сытыми. А это явно беднота с окраин.

У самого ближнего – руки красильщика, с намертво въевшейся в кожу краской и почти слезшими от нее ногтями. Второй... Ему лет восемнадцать-двадцать, но до возраста Лучано парень точно не дожил бы. Не с такой чахоткой, уже отпечатавшейся на лице. И тоже руки рабочего, без краски, зато суставы чудовищно распухли. Лучано не стал думать, кем был этот парень. Какая разница?

Если ты родился в бедняцком квартале, то никогда не заработаешь честно на хорошую жизнь. Век ремесленника бывает долгим только у того, кто хоть на одну ступеньку стоит выше остальных и не делает самую грязную и тяжелую работу. От едких испарений в красильнях легкие вылетают кусками. Механизмы и жернова способны перемолоть руку или человека целиком – как повезет.

В рыбацких поселках нет ни одного дома, где хоть кого-то не забрало море, а опытные бандиты, если их поймали, предпочитают отправиться на плаху, но не в штольни, где добывают мрамор. Такой красивый белоснежный мрамор, от которого вот этот Храм Семи Благих похож на облако, спустившееся на землю. Но лучше не знать, что с человеческим нутром делает мраморная пыль.

«Благодарение Претемной, – подумал Лучано, отходя от виселицы и пробираясь к парадному входу с широкими низкими ступенями. – Я мог стать одним из них. Или нет. Если бы меня не выкупил из приюта мастер Алессандро, что отбирал детей для Гильдии, я бы непременно попал в бордель или к какому-нибудь извращенцу. С моей-то смазливой мордашкой... Но тем, кто поуродливее и не способен к ремеслу Шипа, одна дорога – лет с пяти в мастерские, зарабатывать себе на кусок хлеба. Даже пятилетнего ребенка можно приставить к делу. Мешать краску в банках или собирать льняные и хлопковые очески в прядильнях. Что там, что там кашлять кровью начинаешь лет через пять-семь. И если не выбьешься хотя бы в подмастерья, считай – обречен.

Ну так что, почтенные синьоры, давайте, расскажите мне, как отвратительно и грешно быть Шипом. Как ужасно быть каждый день сытым и чистым, ложиться спать в постель, а не на голые нары в рабочем бараке, ходить к лекарю, когда тебе сломают руку на тренировке, и знать, что если выдержишь обучение – будешь жить как благородный синьор! Ну, может, и похуже, но уж точно лучше бедолаг, погибающих во мраке угольной шахты.

Шипы долго не живут? Бедняки тоже. Но мы хотя бы живем как люди, а не как рабочий скот, слишком дешевый, чтобы его беречь. Нас ждет наказание в следующей жизни? А что, интересно, совершили все они, чтобы получить такую нынешнюю жизнь? Вряд ли были Шипами, слишком уж много бедняков на свете. Даже если собрать всех наемных убийц и добавить к ним благородных синьоров, живущих чужим трудом, крестьян и мастеровых несравнимо больше.

Так что не надо мне рассказывать про грехи, м? Лучше в одночасье сдохнуть от заклатья или ножа, чем годами умирать в мастерской, а потом от безнадежности выйти на улицу с кистенем и окончить жизнь на королевской виселице по милости лорда-протектора. Тут и выбирать нечего, синьоры...»

Почувствовав, что лицо исказила злая усмешка, Лучано остановился. Вдохнул прохладный воздух, который здесь, на ступенях храма, был уже пропитан запахом благовоний, немного постоял, успокаиваясь. На всякого мастера Алессандро найдет свой мастер Ларци. Или хотя бы свой Лучано Фортунато, в конце концов. Глупо спорить с богами, создавшими мир именно таким. Нужно просто радоваться тому, что есть, и постараться покинуть его как можно позже. А справедливость... Ее не бывает. Иначе у Лучано в потайном кармашке не лежал бы сейчас перстень, за который семьи тех пяти висельников могли бы много лет не знать нужды. По-бедняцки, но все-таки. В мире не было бы грандсиньоров и королей, магов и жрецов, воров и убийц.

«Разницы между львами и овцами тоже не было бы, наверное, – жестко усмехнулся Лучано, входя в

широкие двери храма. – Но пока лисы кушают зайцев, кошки – мышей, а пауки – мух, лично я предпочту быть хищником, а не жертвой».

Он прошел через длинный притвор, где торговали всякой храмовой всячиной: лампадами для домашних алтарей, статуэтками Семи Благих и нательными знаками на любой вкус и достаток, от грошовых медных и деревянных до золотых. Остановился перед лотком со свечами и только сейчас вспомнил, что забыл собственный кошелек в гостинице, а на поясе у него тот, что дала королева. Плохо. Дурная примета – ставить свечи за успех будущего дела из аванса, который еще не отработал. С богами следует рассчитывать только из тех денег, что можешь по праву назвать своими.

Лучано пошарил по карманам, точно зная, что найдет там хоть что-то. Это дворяне держат все в кошельке, которого можно лишиться в один миг. Срежут в толпе или сорвут – и прощай, денежки. Разумный человек не складывает яйца в одну корзину. Он вытащил горсточку медной мелочи и полновесный серебряный скудо, новенький, блестящий, словно только что отчеканенный на монетном дворе Верокьи. Шлепнул его на прилавок перед невозмутимым торговцем и отобрал из разложенного товара шесть разноцветных свечей от красной до синей. Седьмую, фиолетовую, взял подлиннее и потолще, понюхал и остался доволен: ровно окрашенный воск благоухал медом, вереском и можжевельником. Необычный запах, в Итлии свечи для Претемной Госпожи льют с другими ароматами, но вышло хорошо.

Торговец кивнул, забрал монету и потянулся под прилавок, чтобы отсчитать сдачу.

– Оставьте, синьор! – махнул рукой Лучано. – Возьмите для бедных, пусть помолятся за мою удачу.

Неловко повернувшись, он толкнул чуть качнувшийся прилавок, сконфуженно извинился, выслушал заверения, что все в порядке, собрал купленное, еще раз раскланялся и, наконец, отошел от прилавка, сжимая в кулаке пучок из семи свечей. Восьмая, тоже фиолетовая, – ну не торгуют в храме свечами нужного цвета, а самому лить некогда! – лежала у него в рукаве. Конечно, сдачи с целого скудо хватило бы на пару дюжин таких свечек, так что дело совсем не в жадности, м?

Пройдя в высокую дверь, отделяющую притвор от самого храма, Лучано, как всегда, на миг затаил дыхание, а потом благоговейно вдохнул теплый воздух, напоенный ароматами ладана, горячего воска, благовоний и чего-то еще, трудноуловимого, но сразу берущего душу в сладкий плен тоски по несбыточному.

Он шел по гладким мраморным плитам, уже не думая, сколько человеческих жизней стоила эта роскошь. Потоки солнечного света лились сквозь разноцветные витражи, сказочно яркие, будто драгоценные камни или леденцы. Да, вот именно такие дивные конфеты однажды раздала сиротам богатая дама, приехавшая выбрать себе малышка на воспитание. Алые, словно кровь, солнечно-желтые, зеленые, как трава... Лучано был слышком мал, и ни одного леденца ему не досталось, оттеснили старшие ребята. Но он видел эти осколки счастья у них в руках и горько завидовал, даже ночами потом видел, как перебирает полные пригоршни леденцов и щедро раздает их всем – возьмите, не жалко, у него есть еще!

Дама уехала, забрав двухгодовалую девочку, золотоволосую и синеглазую, а воспитанники потом еще много лет рассказывали об этом новичкам, бешено завидуя и надеясь, что однажды... вдруг... Но их забирали совсем в другие места. А леденцы Лучано потом попробовал. Ничего в них не было особенного. Впрочем, как и в драгоценных камнях. Но витражи... Сколько раз их видел, а сердце почему-то замирает, как в первый.

Он скользнул взглядом по людям вокруг. Утренняя служба закончилась, дневная еще не началась, и народу в храме было совсем немного, человек десять-двенадцать. В просторном зале под высокими расписными сводами они терялись, казались маленькими и неприметными, как и сам Лучано. Храм – дом богов, а люди приходят сюда просить или благодарить, но они всего лишь гости величественных сил, правящих миром. Со стен за Лучано следили то мрачные, то насмешливые, то

задумчивые глаза великих магов, королей и жрецов, героев легенд и сказаний. Он не присматривался, не искал знакомые сюжеты, просто шел к середине храма, его сердцу – семи мраморным статуям в два человеческих роста каждая.

Подойдя, остановился, преклонил колени, встав прямо на пестрые холодные плиты пола. Белый мрамор тек плавными складками длинных одежд, а сверху на Лучано взирали бесстрастные каменные лица. Длинный постамент, на котором стояли статуи, был усеян целыми свечами и их огарками. Сотни огоньков трепетали в тишине храма, словно звезды, вдруг ставшие близкими – только руку протяни.

Сосредоточившись, Лучано потянул первую свечу, красную, и зажег ее, коснувшись фитилем ближайшего язычка пламени.

– Пресветлый Воин, – тихо проговорил он, укрепляя размягченный теплом его руки воск на мраморе. – Пошли мне достойных противников и не слишком много. Я не совсем твой, но мои руки знают оружие, так пусть держат его крепко.

Вторая свеча, оранжевая, встала рядом, и Лучано перевел взгляд с мощной фигуры вечного воителя на стоящую рядом с ним женщину, уже немолодую, но прекрасную в зрелой женственности и с лицом одновременно строгим и благосклонным.

– Всеблагая Мать... Мне бы ясной теплой погоды в пути, да и прочих твоих милостей не лишай.

Быстрой вспышкой сожаления мелькнул образ той светленькой девчонки из гостиницы. Эх, так и не удалось проверить, какого цвета на ней чулочки. Вот умрешь – а действительно важных вещей и не знаешь!

Лучано показалось, что по мраморным губам мелькнула тень улыбки, но это, конечно, просто луч света упал.

Он по одной поджигал и ставил свечи, прося у Благих самого необходимого, без наглости. У Милосердной Сестры – ран полегче и без лихорадки, у Творца Превращений – чтобы яды и зелья действовали, как положено... Великому Безликому напомнил, что всякий Шип – немного скоморох и плут, а значит, хорошо бы ему, Лучано, толику удачи во вранье и побольше чутья на опасность...

Благие молчали, как и положено богам, но Лучано казалось, что они смотрят ему в душу слепыми, но все видящими мраморными зеницами. Он продвигался все дальше, пока в руке не осталась последняя свеча, самая толстая. Ничего, остальные Шестеро не обидятся, им хватает уважения от их собственных почитателей.

Перед последней статуей Лучано снова опустился на колени. Он видел много изображений Претемной Госпожи в разных храмах. Она представала перед ним юной прекрасной девой и уродливой старухой, скорбящей и безжалостной, холодно-равнодушной и нежно-участливой. Каждый скульптор и художник видел ее по-разному, а уж те, кто приходил за милостью, и подавно. Всем известно, у Претемнейшей тысячи ликов. А проще говоря, для каждого она – своя, иная. И настоящий лик ее можно увидеть только на пороге Претемных Садов, но оттуда не возвращаются, чтобы рассказать, какова Госпожа.

– Ну вот, я пришел, – помолчав, по-итлийски сказал Лучано, не торопясь зажигать свечу. – Что тут еще сказать... Просить отсрочки? Вы и без того дарили мне множество милостей, прекрасная грандсиньора. Уж кто-кто, а я всегда ходил у вас в любимчиках, грех пожаловаться. Но если будет на это ваше благоволение, то... мне бы недолго мучиться, когда настанет мой час. Можно это устроить? Если нет, ну что же, я понимаю... Наверное, у Вас в Садах очередь из желающих со мной покататься? Жрецы, правда, говорят, что там примиряются даже заклятые враги, а убитый прощает убийцу, но мне что-то не верится. Я вот кое-кого раз десять убил бы, если б мог. Так с чего им прощать меня? Ладно, попаду – узнаю. Только жаль, что так быстро уйду отсюда. Жить мне нравится...

Нежный тонкий лик Претемной словно плыл над ним в разноцветном сумраке, и Лучано вздохнул, поджигая свечу. Дождался, когда пламя чуть оплавит воск, накапал его на мрамор, чтобы толстый столбик не упал. Вдохнул душистый сладко-смоляной аромат.

– Хорошие свечи здесь делают, – сказал задумчиво. – И как мне такое сочетание запахов ни разу в голову не пришло? Обидно даже. А еще жрецы говорят, что в Претемных Садах каждый может заниматься тем, что больше всего любил в этой жизни. Любил и умел – это ведь разные вещи, м? Я,

к примеру, люблю варить шамьет, играть на лютне, составлять духи. Хорошо, если можно будет именно это. Потому что убивать я умею, но мне и здесь такого хватило. Да и странно как-то – убивать в Претемных Садах! Что-то я совсем глупости несу, да, прекрасная грандсиньора?

Лучано улыбнулся, чувствуя странную тоскливую легкость, горькую и сладкую одновременно. Он прикрыл глаза, но чеканный лик Претемной Госпожи плыл перед его внутренним взором светлым пятном на темном фоне. Показалось, что в аромат свечи вплетается какой-то иной запах, тонкий, незнакомый.

– Значит, пусть будет как будет, – прошептал он, открыв глаза и ставя свечу к подножью статуи. – Не прошу Вас ни о чем, госпожа моя, потому что я и так всю жизнь в Вашей воле.

Поднявшись, Лучано обошел статуи и зашагал дальше, к выходу из храма, расположенному, как и следует, напротив парадного входа. Спину жгло, как от пристального взгляда, но он заставил себя не оборачиваться. Еще одна глупая примета, но пусть уж. Зал остался позади, Лучано прошел в копию притвора, только здесь не было торговцев с прилавками. Выход из храма Семи Благих всегда посвящен тому, кто утратил право быть внутри с остальными Семью.

Шаг – и перед ним на стене вспыхнул закат! Мрачный, кровавый, захочешь – никак не перепутаешь с благодным нежным рассветом, как его рисуют в общем храмовом зале. Лучано вгляделся в настенную фреску, будто замороженный. На фоне раскаленного, пышущего жаром солнца вставал на дыбы вороной жеребец, и нездешний ветер трепал смоляные волосы застывшего в седле всадника, раздувал черный плащ, бьющийся за могучими плечами то ли крыльями, то ли дымом от пожара.

Баргота, как и Благих, изображают по-разному. Гордый, Павший, Искуситель и Гневный... Хоть и нехотя, но жрецы сходились на том, что даже низвергнутый с небес, Мятежник остался прекрасен ликом. Но красота тоже может вызывать ужас. В этом храме Баргота изобразили скорее Искусителем, чем воплощенным кошмаром.

Раздувались крылья крупного носа с арлезийской горбинкой, чувственные губы кривила усмешка – и тут же пряталась в черной бородке, жгучие черные глаза под насмешливо изломанными бровями яростно взирали на мир вокруг, но спрятаться от их взора не хотелось. Напротив, сердце Лучано замерло на миг в сладкой истоме, а потом застучало быстрее. Искуситель! Как есть Искуситель! Вот совсем не удивительно, что всегда и везде находились те, кто шел за ним – таким! За богом тех, кому мало положенного и данного добровольно. За богом убийц и воров, мятежников и мстителей, предателей и честолобцев...

– Мое почтение, грандсиньор, – негромко сказал Лучано, поклонившись. – Говорят, к вам попадает самая отъявленная мразь, которую Претемная Госпожа не хочет видеть у себя в Садах. Те, для кого больше нет надежды вернуться в этот мир. Жратва для демонов, топливо для котлов преисподней. Ну, я, конечно, надеюсь еще как-то проскочить, но... вы же понимаете, м? Только не думайте, что это из страха! Сами помните, я всегда...

Слова не находились, и Лучано сконфуженно замолчал. Глупо, как же это было глупо... Не сама свеча Барготу, конечно! Это как раз делали многие... И Шипы, и просто те, кто ждал помощи в каких-то темных делах. Известно, что хочешь поклониться Павшему, поставь ему свечу в притворе, причем либо сделанную собственноручно, либо краденую, но не купленную честно. Жрецы за такое выгоняли из храма, а честные прихожане, если ловили на горячем, лупили барготопоклонника беспощадно. До смерти, правда, забивали редко, но случалось и это.

А главное, сам Баргот никому ничего и никогда не обещал. Он не даровал магию, как другие Семеро, не посылал блага, его даже об удаче, как Странника, просить было бесполезно. И все равно находились те, кто кланялся Павшему из страха или смутной надежды на милость.

Лучано и тех, и других всегда презирал. Если заслужил кару – получишь ее, а вымаливать пощаду – унижительно. Но... Баргот его завораживал. Как пожар, как ураган или огромная волна, что вот-вот обрушится на тебя – и спастись невозможно. Его нельзя было считать своим покровителем, но он смотрел в душу Лучано с расписанных стен храмовых притворов, и солгать самому себе под этим взглядом оказывалось невозможно. Претемнейшая Госпожа обещала хотя бы последнее милосердие, Баргот не обещал ничего. Он просто смотрел...

Поджечь эту последнюю свечу было нечем, не возвращаться же в храм. Жрецы сразу все поймут... Но для таких случаев у Лучано кое-что имелось. Он вытащил из волос длинную шпильку. Не ту, с которой изображал продажного красавчика Пепе, другую. Сжал круглую темную горошину

навершая, и та вспыхнула. Лучано поджег от нее свечу, задул шпильку и воткнул обратно в волосы, а свечу поставил прямо на пол перед настенной росписью с Барготом. Снова поклонился. И вышел из храма, пронзительно ясно понимая, что больше никогда сюда не вернется. Его дорога началась, и в конце была только смерть.

«Справедливости не бывает, – подумал Лучано, сбегая по ступеням и обходя храм, чтобы вернуться в гостиницу. – Но если все эти свечи, которые я много лет воровал или сам делал для Искусителя, чего-то стоят, я прошу у него только одного. Прихватить с собой на тот свет ее величество Беатрис – и другой справедливости мне не надо».

* * *

К обеду отряд оказался от столицы уже довольно далеко. Постоялых дворов поблизости не было, так что остановились у небольшого ручья, умылись, и, пока лошади переводили дух, наскоро поели. Аластор поглядывал на Айлин с тревогой, но она держалась бодро, щеки разругались, глаза блестели, и ему стало немного спокойнее. Но лишь немного!

Скоро из поместья вернутся Вороны, как зовет их Айлин, лорд Бастельеро узнает о своем просчете и вышлет погоню. Хвала Пресветлому, хотя бы порталами он не сможет воспользоваться! Впрочем, не смогут ими воспользоваться и беглецы. А как было бы славно вмиг оказаться в Озерном крае! Пусть даже в ближайшем городе, где есть постоянный портал. Оттуда спокойно доехать до нужного места, сделать все необходимое и вернуться в Дорвенну. Лорд Бастельеро просто не успел бы их перехватить!

О том, что неминуемо последует за этим, Аластор и хотел бы не думать, но мысли снова и снова возвращались к тому, что он узнал. Теперь тайну происхождения никак не получится сохранить, все узнают, что Аластор Вальдерон – королевский бастард. Король... Аластор помнил рослого и грузного человека в голубом бархатном костюме, которого увидел на балу, но не мог найти в себе не то что сыновней любви, но даже малой толики должного почтения. За что ему уважать его величество Малкольма?! За то, что король избавился от его матушки и от самого Аластора? Выбросил из дворца и своей жизни, как ненужную вещь?!

А если бы Себастьян Вальдерон оказался не настолько великодушен? Редкий мужчина согласился бы принять опозоренную, пусть и самим королем, девицу, воспитать ее ребенка как родного, дать ему свое имя и столько любви, что не всем родным детям достается. Мог ли рассчитывать на это король, когда устраивал их брак? Нет! Все эти годы он довольствовался редкими письмами самого лорда Вальдерона, что с Аластором все хорошо – вот уж достойный образец родительской любви!

Сердце жгла упрямая злая обида. Аластор снова и снова вспоминал тот бал, их единственную встречу. Королю хватило нескольких слов, которые он бросил Аластору, как бросают подаяние нищему! Разумеется, у него ведь были другие сыновья, настоящие, законные. Зачем ему бастард? И матушка... Она даже не хотела с ним встречаться, значит, чего-то боялась? Бывшего возлюбленного или его супруги? До чего же мерзко, до чего больно и отвратительно понимать, что матушку когда-то так унизили, и только благородство мужа подарило ей счастливую семейную жизнь в любви и уважении. Но не благородство бывшего возлюбленного!

«Никогда я не стану зваться его сыном, – поклялся про себя Аластор. – Никогда не назову его величество Малкольм иначе, как королем. Впрочем... У меня и поводов для этого не будет. У трона, к счастью, имеются законные наследницы, их высочества Алиенора и Береника. Они еще малы, но есть королева-мать! Я всего лишь бастард, которого теперь некому признать. И, по правде, рад этому. Лучше быть настоящим Аластором Вальдероном, чем фальшивым Аластором Дорвенном. Да мне и Дорвенном-то быть не положено! Бастарды получают родовое имя по имени отца! Вот как лорд Кристоф, дядя короля. Аластор Малкольм? Даже звучит отвратительно...»

Он передернулся и мрачно подумал, что встречи с лордом Бастельеро в любом случае не избежать. Интересно, а знал ли мэтр-командор, когда выкидывал Аластора из комнаты Айлин, словно щенка – за шиворот? Лорд Бастельеро был близким другом короля! Самым ближайшим... Но отец сказал, что в тайну был посвящен только канцлер. Почему король не доверился лучшему другу? Ладно, какая теперь разница? Все равно с лордом Бастельеро встретится не бастард короля, а младший лорд Вальдерон. И никак иначе!

Лошади пофыркивали, наслаждаясь отдыхом, поглядывали на ручей, но поить их было рано, следовало подождать еще немного. Жаль, что нету заводных, с ними получилось бы двигаться

гораздо быстрее. Увы, придется беречь этих и надеяться, что за время пути ни одна не захромает. Ну и что в каком-нибудь городке по дороге все-таки получится купить заводных.

Он покосился на Айлин, которая всю дорогу ехала рядом с ним и отлично держалась в седле, как и говорила. В мужском! Конечно, магов-боевиков отменно учат, однако обнаружить, что это относится и к девицам, было... странно. Хотя это же Айлин. Она необыкновенная, Аластор всегда это знал, с самой первой их встречи!

Айлин посмотрела на него в ответ, и Аластор поспешно сделал вид, что разглядывает ее кобылу. Луна отлично шла под седлом, как и положено чистокровной арлезийке, но Айлин еще в начале их пути обронила, что никогда не ездила на иноходцах. И еще так забавно наклонилась в седле и с веселым недоумением поглядела вниз, будто стараясь рассмотреть, как там у лошади движутся ноги. До чего же она все-таки милая! Настоящая, живая и теплая, как солнечный луч, который скользит по щеке ранним утром...

Аластор почувствовал, что мысли уходят куда-то не туда, и поспешно оборвал их. Разумеется, они с Айлин просто друзья! И он обязан оберегать ее как друг, а вместо этого невольно подвергает опасности. Хуже всего – она еще и магию потеряет, помогая ему! Как после этого смотреть ей в глаза?!

«Две недели, – с тоской подумал он. – Всего две недели ей осталось быть магессой, а ведь Айлин так любит свой дар! Она талантливая, умная, она могла бы стать величайшим магом... Ну почему нет какого-нибудь другого выхода? Чтобы никому не пришлось умирать или жертвовать собой. Неужели весь Орден с их могуществом и знаниями ничего не может сделать? Это несправедливо, чтобы такую жертву пришлось принести именно Айлин! А еще эта дорога...»

Аластор вспомнил, как они спешивались у ручья. Месьор д'Альбрэ придержал Айлин стремя раньше, чем Аластор успел подумать об этом! Позор... А фраганец улыбнулся и с безупречной учтивостью похвалил посадку Айлин. Аластор только губу закусил, мысленно обозвав себя провинциальным олухом!

– Вы очень добры, месьор, – склонила Айлин голову, и ее глаза блеснули удовольствием. – Но похвалы заслуживаю не я, а наставники Ордена. Всех боевиков учат верховой езде, гимнастике, фехтованию и плаванию.

– О, в прекрасной подготовке ваших боевых магов я не сомневаюсь, – усмехнулся д'Альбрэ. – Имел удовольствие оценить ее... раньше. Возможно, прекрасная юная леди как-нибудь даст мне урок фехтования? – мурлыкнул он и чуть заметно наклонился к Айлин, которая заливисто рассмеялась.

– Я – вам? – лукаво уточнила она. – Благодарю покорно, месьор, но фехтовальщица из меня так себе. Да и дорвенантская школа уступает фраганской, это даже мой отец признавал. Он... – Айлин вдруг вздохнула, и на ее лицо набежала тень, будто погас тот огонь, что освещал его изнутри. – Он мечтал встретиться с кем-то из бывших противников не в бою, а на тренировочной площадке...

– Не сомневаюсь, это был бы достойный соперник, – с церемонной учтивостью склонил голову д'Альбрэ и уронил руку на эфес рапиры. – Отвага и благородство его дочери – лучшее тому подтверждение.

Айлин смутилась и покраснела, но ответила изящным поклоном, а Аластор только вздохнул с восхищением и тенью зависти, понимая, что никогда ему не достигнуть такого мастерства. Ни с рапирой, ни в обращении с девицами. Вот как у фраганца так получается, что любая фраза ведет к очередному комплименту?

– Ой! – распахнула вдруг Айлин шире глаза, с непонятым восторгом глядя на руку д'Альбрэ. – Простите, месьор... Это ведь фраганский хват? Отец говорил, так держат рапиру ваши бретеры!

– Хм... – Во взгляде д'Альбрэ мелькнуло удивление. – Ваш почтенный батюшка был совершенно прав. Это бретерский хват. Если хотите его освоить, сочту за честь показать. Или с этим не хуже меня справится юный лорд Вальдерон.

Он бросил на Аластора укоризненный и очень выразительный взгляд, в котором ясно читалось: «Стыдитесь, юноша, вот все приходится делать за вас!»

– Я знаю этот хват, – почему-то грустно ответила Айлин. – Мне его показал... очень достойный человек. Прекрасный фехтовальщик, хоть и дорвенантец. Он преподавал мне всего один урок, но важный. – Она вздохнула и с очень старательной улыбкой продолжила: – Он говорил, что рукоять рапиры следует держать, как птицу, чтобы она не вырвалась, но и не погибла, задохнувшись. И что поединок сродни любовному свиданию.

– Какое тонкое и верное понимание! – одобрил фраганец.

Аластор едва не фыркнул, припомнив их собственный первый урок и кочергу вместо утонченных метафор. С другой стороны, он ведь и не девица, так что подобные сравнения точно были бы лишними. Особенно насчет свидания.

– О да... – вздохнула Айлин. – Кстати, забавно, он тоже носит серьгу, как и вы.

– Вот как? – остро блеснул глазами д'Альбрэ. – Очень интересно. Никогда не слышал, чтобы в Дорвенанте жил кто-то из нашего братства. Серьгу, говорите? Именно в правом ухе?

И тронул свою собственную, к виду которой Аластор так привык за эти годы, что уже забыл, что именно она означает.

– Ну, он точно не бретер, – как-то бледно улыбнулась Айлин. – Хотя да, в правом. Но я думаю, это совпадение.

– Не знаю... – задумчиво протянул д'Альбрэ. – Видите ли, юная леди, подобная серьга – очень важная вещь. Любой, кто ее надевает, не имея на то права, может получить вызов на поединок от настоящего бретера. Более того, мы просто обязаны бросить подобный вызов ради чести нашего братства. Впрочем, если ваш знакомый – действительно достойный человек, я не сомневаюсь, что он не имел в виду ничего дурного и не собирался никого обманывать. Вы, случайно, не знаете, у кого он учился фехтованию?

– Нет, – растерянно ответила Айлин. – Понятия не имею. А это важно?

– Весьма, – кивнул д'Альбрэ. – Единственный законный способ носить нашу серьгу – это учиться у бретера и победить своего наставника в поединке. Если такой ученик после победы не вступает в наше братство, что ж, его дело. Но серьгу носить он вправе.

– Какой интересный обычай, – вежливо отозвалась Айлин, и Аластору показалось, что ее мысли далеко.

Д'Альбрэ тоже это понял, потому что извинился и отошел, зато Аластор остался, мучаясь от непонятного стеснения, которое никогда не испытывал раньше. Нет, Айлин не стала похожа на его миленьких, но глупеньких сестер, как он боялся. Она осталась такой же умной и славной... Только стала совсем взрослой!

Он, дурак, все эти годы представлял себе ту девочку, которую мог любить как старший брат. Ребенка, хоть и развитого не по годам. А теперь в трех шагах от него гладила Луну по морде едва знакомая девушка. И он совсем ничего не знал о ней! Ну, кроме того, что эта девушка пошла против лорда Бастельеро и решила отдать свою магию, чтобы спасти ему, Аластору, жизнь. А она ведь даже не знает, что он писал ей все эти годы... И не узнает! Потому что это такая мелочь по сравнению с тем, на что она решилась!

Айлин поглядывала на него задумчиво и, как показалось Аластору, робко. С месьюром она держалась любезно и свободно, как истинная леди. А ему и нескольких слов за это время не сказала. Впрочем, и правильно не сказала, по этикету начинать разговор полагалось ему. А он сам двух слов не мог связать, глядя на эту новую Айлин. О чем с ней можно говорить вообще? Не о

погоде же, как рекомендовали учебники по этикету! Да и нашествие демонов темой для светской беседы не назовешь...

А самое странное, что Аластор обычно не чувствовал ни малейшего стеснения в обществе других девиц. Они могли быть милыми или раздражающими, но ему все равно было с ними легко. А сейчас...

Месьор д'Альбрэ вернулся от ручья и подал Айлин влажное полотенце, которое она приняла с благодарностью, а Аластор снова молча, но яростно выругал себя. Ну почему он сам не догадался?

– Мои глубочайшие извинения, дорогая леди, – снова мурлыкнул совсем рядом д'Альбрэ. – Мы с лордом Аластором готовы неустанно заботиться о вашем удобстве. Но девице вашего положения и воспитания путешествовать верхом и без горничной... Умоляю простить нас за это!

Айлин снова ясно улыбнулась и с видимым удовольствием стерла с лица дорожную пыль. Вернула фраганцу полотенце... За эти несколько мгновений Аластор понял совершенно ужасную вещь! Его подруга действительно пустилась в путь одна, без приличного сопровождения, не считая же таковым его или д'Альбрэ! Да, они дворяне, но оба холосты, и с ними нет ни одной женщины, что могла бы прислуживать Айлин и хранить ее репутацию! А леди нуждается в услугах! Может быть, ей и не нужно затягивать корсет... Определенно не нужно, она ведь одета в мужское, в собственные детские вещи Аластора. Но все равно... И что делать?

Он окинул взглядом солдат. Эти точно услужить благородной девице не сумеют. Люди надежные, отличные бойцы, но физиономии такие, что в потемках увидишь – испугаешься больше, чем демона. Остаются они с д'Альбрэ. Фраганец наверняка разбирается в том, что может понадобится леди, но... Нет-нет, ничего такого Аластор не думает! Понятно же, в дражайшем наставнике просто кипит истинная фраганская галантность. Но вот именно поэтому! Айлин так мила и невинна, она просто не поймет, что все эти комплименты д'Альбрэ рассыпает искренне, однако лишь из учтивости. Фу, какие глупости лезут в голову! Но что делать-то?

– Горничная? – рассмеялась вдруг Айлин, и ее смех зазвенел серебряным колокольчиком. – Месьор д'Альбрэ, я с двенадцати лет живу в Академии. Думаете, у нас там есть прислуга? То есть да, есть, но не личная! Признаюсь честно, я многого не умею, что положено уметь леди.

Она принялась загибать пальцы, а Аластор как замороженный смотрел на ее тонкий чеканный профиль, и как солнце просвечивает через огненно-рыжий завиток, выбившийся из косы и упавший на щеку.

– Я не умею завивать волосы и делать прическу, вышивать, плести из шелковых лент... Я даже готовить не умею! Зато одеться сама я точно могу! И постирать себе вещи! И даже котелок могу почистить, если кто-нибудь его сожжет при готовке.

– В самом деле? – изумленно восхитился месьор. – Позвольте узнать, где благородная девица могла научиться чистить котелок?

– На отработках, – озорно фыркнула Айлин, и у Аластора что-то сладко потянуло внутри, потому что сейчас она была почти такой, как ему помнилось. – После одного случая... с летающим умертвием... нас всегда разделяли, если наказывали. Ну, чтобы мы и на отработках не натворили что-нибудь. Саймона отправляли в библиотеку, Дарру – на конюшни, а меня – на кухню.

Она потупилась и с той же лукавой искренностью добавила:

– Говорили, что там я меньше всего принесу вреда! Так что котелки я умею чистить очень хорошо! За эти пять лет я их столько отскребла!

Аластор отвернулся, погладил Искру по морде, похлопал по шее, и лошадь, тихо вздохнув, толкнула

его головой в плечо, попыталась прихватить губами руку...

– Даже не думай, – строго напомнил ей Аластор. – Вот ведь попрошайка!

– Ал? – услышал он тихий голос.

Недоуменно вскинул голову и тяжело выдохнул: с другой стороны лошадиной морды на него испытующе смотрела Айлин.

Аластор почувствовал себя отвратительно лишним. Нет, он не ревновал к месьёру! Глупо завидовать тому, кто старше, умнее, опытнее... Но на душе все равно было паршиво. Почему Айлин не смотрит на него так же легко и ясно, как на д'Альбрэ? Вот и сейчас в ее взгляде читалась такая же растерянность и скованность, как у него самого. Айлин, словно услышав его мысли, перевела взгляд на кобылу, погладила ее по морде в точности, как он сам. Искра с тихим радостным фырканием потянулась к ее руке.

– Это Искра, да? – спросила девушка тихим ломким голосом, словно тоже не знала, о чем с ним говорить. – Она меня помнит...

Айлин ласково коснулась рыжей гривы, Искра умиротворенно всхрапнула и вдруг с коротким пронзительным визгом рванулась вперед, Аластор только успел отшатнуться в сторону с изумленным проклятьем. Что нашло на Искру?

– Луна! – возмущенно вскрикнула Айлин. – Ты ее укусила?!

И в самом деле! Из-за ее спины потянулась Луна, топнула копытом и торжествующе заржала вслед Искре. Гордо изогнула шею и с радостным фырканием ткнулась в руки Айлин, снова заржала – уже тихо и нежно, и Аластор готов был поклясться, что арлезийка хвастается тем, как защитила хозяйку от наглой дорвенантки! Нахалка!

– Ну и что ты тут устроила? – хмуро бросил он и едва не вскрикнул от возмущения.

Луна скосила на него круглый темный глаз, сердито фыркнула и развернулась крупом. А потом еще и хвостом махнула, словно овода отгоняла!

– Она... она обиделась! – прыснула вдруг Айлин. – Ты же мне ее отдал! Вот! И теперь она тебя знать не хочет!

Аластор изумленно глянул на Луну. Ему говорили, что арлезийцы – лошади одного хозяина и ужасно ревнивы, но чтобы настолько? Кобыла возмущенно сопела, и вид у нее был... да в точности, как у него самого пару минут назад! Обиженный...

Айлин рассмеялась в то же мгновение, что сам Аластор. Заливисто, звонко, как раньше! И он с облегчением расхохотался над собой и своей глупостью. Ну как он мог подумать, что она изменилась? Это по-прежнему его Айлин!

Откуда-то из кустов вынырнул Пушок, ткнулся ему в руку кожаным носом, не мокрым, как у живой собаки, но прохладным. Уставился Аластору в лицо светящимися синими глазами. Аластор продолжал смеяться, и Луна с подозрением потянулась мордой ему за спину. Наверное, искала жеребца, которого он там подло спрятал! От нее! Не может ведь человек так заливисто ржать!

Аластор протянул руку, положил ее на спину Луне там, где уже лежала узкая девичья ладонь, и наконец посмотрел Айлин прямо в лицо так спокойно и искренне, словно и не было никаких пяти лет, якобы разделивших их.

Глава 12. Игра в «Кукушку»

После привала лошади пошли еще резвее, чем раньше, и Айлин снова молча – беседовать на скаку все-таки слишком неудобно! – но от этого не менее горячо поблагодарила Аластора. У Луны оказалась такая ровная и плавная поступь! Совсем не чувствовалось ни скорости, ни тряски, только легкое покачивание из стороны в сторону – как в саду Академии, на качелях, которые самую малость колыхает ветер... Королевский подарок!

А как забавно арлезийская красotka обижалась на Аластора! Кажется, он даже поверил, но Айлин-то видела, какая хитрая морда при этом была у Луны... Зато теперь Аластор не отводил глаза, если им с Айлин случалось встретиться взглядами, и улыбался совсем как раньше!

И все-таки беспечно радоваться наконец вернувшейся прежней легкости никак не выходило. Вспоминался отец, так и не встретившийся на тренировочной площадке с фраганским бретером. А месьор д'Альбрэ ему наверняка понравился бы! Так же, как нравится ей самой... «Да они ведь похожи! – вдруг поняла Айлин. – Не внешне, совсем нет! Но выправка, доброжелательная и одновременно лукавая усмешка, привычка смотреть, прищурившись, словно пытаясь разглядеть собеседника во всех деталях... И на Аластора месьор смотрит с той же тайной гордостью и одновременно строгостью, что отец – на Артура. Даже на лошадь они взлетают одинаково, словно не опираясь о стремя!»

И, кстати, о магистре Роверстане месьор расспрашивал с тем же азартным любопытством, что и отец – о том, не преподает ли в Академии фраганец!

Магистр Роверстан... У Айлин невольно вырвался тяжелый вздох. Она никогда не задумывалась, почему он носит серьгу, попросту не придавала этому значения. Да что там! Она вообще никогда не думала о магистре! Еще и гордилась этим, дура... Будто это делало ее лучше других девиц! Хотя она точно так же вздыхала по преподавателю, как и все остальные! Просто по другому преподавателю. И это оказалось куда глупее!

И если бы не месьор, она бы так и не поняла, что ничего не знает о... женихе. А теперь уже и не узнает – никогда. Какое безнадежное слово.

И ведь она даже не написала ему записки, хотя бы самой краткой! Ну, просто о том, что срочные дела вынуждают ее оставить Академию на неопределенное время. И, конечно, просьбу передать поклон тетушке. А может, стоило добавить, что Айлин будет молиться за него, где бы ни была, и желает магистру счастья и долгих лет? Конечно, это слишком смело, почти непристойно для девушки... но когда и становится смелой, если не перед смертью? Ведь они никогда больше не встретятся!

Но она просто не подумала. А ведь у нее было много времени, целая ночь, пока милая леди Джанет собирала ее в дорогу! Нет, все-таки все к лучшему. Магистру и в самом деле нужна жена, которая не забыла бы о такой простой, но важной вещи! Почему-то от этой мысли, еще совсем недавно такой успокаивающей, стало вдруг обидно и горько, Айлин сердито встряхнула головой, отгоняя странную глупость, и заметила, что отряд едет намного медленнее.

Интересно, почему? Ал решил устроить новый привал? Конечно, лошадям стоило бы дать отдохнуть, но – Айлин снова огляделась по сторонам и заметила, как удлинились тени, – уже совсем скоро начнет темнеть, и придется останавливаться уже на ночлег. А сейчас важен каждый лишний час, да что там – каждая минута! Чем дальше они будут от столицы к возвращению Воронов – тем лучше! Ох, как же она виновата еще и перед Даррой и Саймоном! Наверное, друзья по Академии никогда не простят ее. Но пусть не прощают, лишь бы им было не слишком больно, когда...

Аластор, вырвавшийся было вперед, остановился совсем, а за ним и месьор д'Альбрэ придержал коня. Дорога здесь петляла между холмами, небольшими, но скрывающими каждый новый поворот. Вдобавок обочины заросли густыми высокими кустами, так что в наступающих сумерках вид у местности был зловещий. Айлин поежилась и напомнила себе, что она боевик и некромант, а значит, в этих местах просто не может встретиться ничего опаснее, чем она сама. Тем временем Ал поднял руку, останавливая солдат, Пушок, до того бежавший рядом с Луной, уселся на дорогу и поднял морду, нюхая воздух, а месьор как-то совершенно по-птичьи склонил голову набок и прислушался.

– Конный отряд, – уверенно бросил он через мгновение.

Аластор, помедлив, кивнул и добавил:

– Десятка четыре лошадей, ну или около того. Половина под всадниками.

Отряд в два десятка?! Чутье взвыло так, что Айлин от страха едва не стошнило прямо под копыта Луны, а пальцы на поводьях свело судорогой.

– Погоня! – выдохнула она дрожащими губами. – Уже?

Месьор бросил на нее понимающий взгляд и улыбнулся совершенно отцовской мягкой улыбкой.

– Не волнуйтесь, прекрасная леди. Если порталы под запретом, то сейчас ваши друзья в лучшем случае только добрались до поместья и едва ли сразу поедут обратно. У нас не менее двух дней в запасе. Полагаю, это один из тех отрядов, которые лорд-протектор выслал для защиты провинций, и его появление весьма нам на руку. Доехать до ближайшего города вместе с отрядом солдат – большая удача, поверьте!

Айлин кивнула, стараясь не показать, что в высшей степени разумные слова месьора ничуть ее не успокоили. Глубинное, нутряное, не рассуждающее чутье боевого мага вопило, что их догнали и убегать поздно!

Ну что ж, если это действительно так... Она сосредоточилась и тихонько, одними губами, пробормотала себе под нос формулу. Прикрыть щитами весь отряд, конечно, не выйдет – не стоит и пытаться! Но хотя бы Ала и месьора... и себя, конечно! А если месьор все-таки прав, то она просто снимет щит, и все!

Мучительная тревога не исчезла совсем, но словно притихла, и теперь Айлин тоже отчетливо услышала близкий топот множества копыт – а потом из-за поворота вылетел рослый рыжий конь, ужасно похожий на Искру! А всадник...

Айлин сдавленно охнула, вскидывая ладонь ко рту. Она узнала всадника! Узнала без малейших сомнений, хоть и видела его всего дважды, причем целых пять лет назад! Смуглый, как итлиец, с растрепанными от скачки черными волосами, в ярком голубом плаще, лорд Кастельмаро совсем не изменился за эти годы! Даже привычка нетерпеливо привставать на стременах, в точности как в тот проклятый день, когда отец отправился на свою последнюю охоту, осталась прежней!

Следом за Кастельмаро показались другие всадники, едущие попарно. Все с армейской выправкой, вооруженные, одетые в мундиры. Как и сказал Аластор, их было около двух десятков. Небольшой, но грозный отряд! И, должно быть, месьор тоже прав? Лорд Кастельмаро в самом деле спешит в провинцию – вот и заводные лошади у каждого...

Кастельмаро осадил коня в нескольких шагах, поднял руку, и его люди тоже остановились, демонстрируя отменную выучку. Снова чуть приподнявшись на стременах, он скользнул взглядом по Аластору, по месьору, остановился на Айлин и любезно склонил голову.

– Приветствую юную леди Ревенгар и ее спутников.

– Доброго дня, милорд Кастельмаро, – вежливо откликнулась Айлин и едва сумела подавить неуместное, почти истерическое хихиканье – так странно звучали сейчас самые обычные выражения учтивости!

Кастельмаро явно так не считал. Он чуть заметно потянул поводья, успокаивая затанцевавшую лошадь, и тепло улыбнулся Айлин.

– Милая леди, меня отправил за вами лорд-протектор. Вашим спутникам... – Он снова взглянул на Аластора и д'Альбрэ и закончил куда холоднее: – Им также придется отправиться с нами. Лорд-протектор желает с ними побеседовать.

Кажется, он говорил что-то еще, но Айлин уже не слышала, что именно: ее переполнило странное облегчение. И это сейчас, когда их догнали и почти поймали!

«Это все потому, что можно больше не ждать погони, – поняла она. – Нужно только отбиться, а потом... потом у нас будет еще несколько суток форы!» Она тут же одернула себя – отбиться? От настолько превосходящего противника? Правда, других магов, кроме Кастельмаро, у противника вроде бы... да нет, точно нет! Но Кастельмаро – полный орденский маг с настоящим опытом боевых действий, а она.... Она всего лишь адептка-недоучка!

«Значит, совершать ритуал – взрослая? – злобно подумала Айлин. – А сразиться с другим магом – сразу недоучка, с которой взять нечего?! Или демоны будут снисходительнее?! Ну уж нет, память отца я не опозорю!»

По спине побежал холодок, и Айлин сама не знала, чего в этом чувстве больше, страха или предвкушения. Поединок? Ее первый настоящий поединок?! Не тренировочный бой и даже не игра в «Кукушку», обожаемая всеми боевиками, полная азарта и почти настоящей опасности. Но... Это же Кастельмаро! Он был другом отца! Может быть, удастся решить дело миром?! Объяснить ему, что лорд Бастельеро неправ, что Айлин хочет как лучше...

Она обманывала себя ровно три мгновения, а потом увидела, как мягко, но снисходительно глядит на нее боевик. Кастельмаро не видел в ней достойного соперника. Да он даже взрослой девицей, уже совершеннолетней по меркам профанов, ее не считал. Для него она явно ребенок, наивная адептка. И он просто не поверит, что бы она ни рассказала! Отвезет их с Аластором к лорду Бастельеро... И тогда все пропало!

Месьор, до этого задумчиво рассматривающий лорда Кастельмаро и его отряд, вдруг сделал какой-то странный жест – словно нарисовал в воздухе змею... или восьмерку...

Повинуясь его руке, солдаты лорда Вальдерона тронули коней и рассыпали собственный строй, словно невзначай отгородив их троих от людей Кастельмаро. Боевик нахмурился.

– Не советую совершать неосмотрительных действий, – бросил он напряженно, глядя уже не на Айлин, а только на Аластора и фраганца. – Именем лорда-протектора, господи, следуйте за нами, и вам не причинят вреда, слово дворянина! В противном случае мне придется применить силу!

Глаза д'Альбрэ насмешливо блеснули. Он бросил взгляд на Аластора и тихо, так что Айлин едва слышала, бросил ему по-фрагански:

– Через окно и в оружейную!

«Что за глупость? – растерянно подумала Айлин. – Какое окно? Наверное, я что-то не так поняла?»

В то же мгновение Пушок рванулся вперед из-под лошадиных копыт. Аластор вырвал у Айлин поводья и ударил Искру каблуками. Яростно взвизгнув, та рванулась вперед, потащив Луну за собой. Кастельмаро помянул Баргота, но драгоценное мгновение было потеряно, путь боевику преградили фраганец и пара солдат Вальдерона. Айлин пригнулась к спине Луны, которая вытянулась в струнку и словно взлетела над дорогой.

В лицо ударил ветер, все звуки пропали, только копыта стучали, отбивая четкую резкую дробь. Поводья по-прежнему были в руке Аластора, но это нисколько не мешало, арлезийка слушалась будто мыслей, а не движений...

Дико и отчаянно закричала чья-то лошадь, и Айлин содрогнулась от муки, звучавшей в этом крике. Аластор обернулся, его лицо исказилось.

– По лошадям бьет! Мерзавец! – выдохнул он с такой отчаянной ненавистью, что Айлин тоже невольно бросила взгляд назад.

Там, уже в сотне шагов от них, упала лошадь месьора д'Альбрэ, странно и страшно вытянув перебитые передние ноги. Пытаясь приподняться, она билась на дороге, но, к счастью, фраганца уже не было в седле. Через упавшую кобылу длинным прыжком перелетел рыжий конь Кастельмаро.

– Да стойте же вы, Баргот вас поберет! – заорал еще недавно вежливый лорд, привставая в седле и вскидывая руку для нового удара.

«Как вовремя я поставила щиты!» – подумала Айлин и все-таки истерически хихикнула.

Осталось выяснить, выдержат ли они заклятие взрослого боевика!

Отчаянный галоп Искры и Луны вдруг замедлился, словно лошади вбежали в озеро и побрели по груди в воде, увязая в песке дна...

Айлин прищурилась и едва не вскрикнула. Кастельмаро и не собирался бросать в них боевыми заклятиями! Ну конечно, его же послали привезти беглецов живыми и невредимыми! Он просто поставил впереди Янтарный Щит! Самая простая ловушка, которой учат еще на третьем курсе, и в которую она попала, как... как обычная профанка! Еще немного – и они увязнут окончательно, как мухи в настоящем янтаре, и лорду Кастельмаро останется только достать их из ловушки!

Ну уж нет! Она ему не муха!

Вне себя от отчаяния, Айлин снова обернулась к боевику. Нечего и думать, что он забыл поставить щиты, если уж об этом вспомнила адептка! Но все равно, она, по крайней мере, попытается! Свистнув Пушку, чтобы не попытался кинуться назад, Айлин согнула пальцы «упыриной лапой» и швырнула в медленно – куда ему теперь спешить! – подъезжающего Кастельмаро «Могильной плитой». Любимым заклятием лорда Бастельеро, формулу которого тайком рассчитал Дарра, а тренировались они вместе.

Влепила от души, вложив вместе с магической силой всю обиду за пережитый страх, за месьора д'Альбрэ и солдат, оставшихся на дороге прикрывать их бегство, за окаменевшее лицо Аластора... И на миг пожалела, что кидает заклятие в боевика, который всего лишь выполняет приказ, а не в того, кто этот приказ отдал!

«Ох, лучше не надо! – тут же спохватилась Айлин. – От Бастельеро мы точно не ушли бы!»

«Плита» полыхнула черно-зеленым, жутко осветив дорогу, нестерпимо вспыхнули алым щиты Кастельмаро и... исчезли? Или просто побледнели? Да неважно! Главное, что лошади, кажется, прибавили шаг... Да, точно прибавили! Значит, еще немного, еще совсем чуть-чуть, чтобы боевик отвлекся от ловушки! Но если она и правда сбила ему щиты, если...

«Не время жалеть противника! – одернула она себя, глядя, как Кастельмаро поднимает уже обе руки. – А если уж не можешь не жалеть, представь, что это всего-навсего «Кукушка»!»

– Скажите «ку-ку», милорд! – яростно выкрикнула Айлин и разжала руки, метнув один за другим два Молота.

Четко, чисто и резко, как на тренировочной площадке! Лишь в последний миг она чуть снизила прицел, и Молоты ушли не в голову Кастельмаро, а ниже, в грудь, полуприкрытую конской мордой. Гнедой боевика жалобно заржал, но устоял, зато всадник вылетел из седла, едва успев вытащить ноги из стремян. Айлин испуганно замерла, осознавая, что едва не натворила...

Но Кастельмаро, кошкой извернувшись в воздухе, упал на дорогу, опираясь на руки и ноги, несколько томительно долгих мгновений не шевелился, а потом поднялся, покачиваясь.

– Живой... – выдохнул рядом Аластор, и Айлин почувствовала в его тоне сожаление. А потом, будто опомнившись, добавил: – Ходу!

Окончательно вырвавшись из Янтарного щита, лошади снова сорвались в галоп. Аластор крепко держал оба повода, и Айлин скакала, вцепившись в луку седла и отчаянно радуясь, что оно не дамское. Пресветлый, благослови мэтра Леруазена, берейтора Алого факультета, что учил их курс езде!

Позади все еще слышалось конское ржание, крики... Точно что-то орал вслед Кастельмаро, но Айлин не слушала. Янтарный Щит теперь обернулся против преследователей, перегородив им дорогу, Кастельмаро придется его снимать, а боевику досталось от души. Пожалуй, куда сильнее, чем Саймону в свое время. Ребра точно придется лечить. Но встал он сам, значит, Айлин его не убила. Слава Претемной и Пресветлому, она не убила друга отца!

Мысли путались, кровь била в виски, Айлин едва понимала, что происходит. Почему Аластор свернул с дороги? Там же овраг! И... откуда Бастельеро узнал об их бегстве?

Последний вопрос она задала вслух и с ужасом увидела, как Аластор побледнел, а потом стиснул зубы.

– Мэнди, – процедил он через полминуты. – С-с-сестренка!

Потер лицо ладонями, взглянул на Айлин едва ли не виновато... Ну да, ведь леди Джанет просила дочерей никому ничего не говорить, и обе леди Райнгартен пообещали! Как же так?.. И как ужасно, должно быть, сейчас Аластору – ведь это же его сестры! Нет, надо срочно, немедленно его отвлечь!

– Мы подождем здесь месьора д’Альбрэ и остальных? – тихо спросила она, и Аластор, все так же каменея лицом, качнул головой, а потом бросил:

– Нельзя. Они задержат погоню. Месьор сам велел...

Айлин вспомнила непонятные слова, сказанные фраганцем, но Аластор-то их отлично понял. Неужели... неужели дальше они поедут только вдвоем?! Она молчала, понимая, что сейчас не время, а лошади тем временем спускались по пологому и все-таки очень опасному в темноте склону оврага. Зачем?!

– Оторвемся, – сказал Аластор, словно услышав ее мысли. – Хорошо, что у них армейские кони.

Повернулся к ней и объяснил уже мягче, сообразив, что она ничего не понимает:

– Строевых лошадей учат не бояться огня и заклинаний. Но скачут они обычно по ровному. А Искра – охотничья лошадь, она умеет ходить по тропам. И Луну я сам учил. – И повторил угрюмо, наверняка тоже вспомнив оставшихся спутников: – Мы-то оторвемся наверняка.

Айлин закусила губу, отчаянно стараясь не выглядеть трусихой. Только не теперь! Она же победила в магическом поединке, остановила Кастельмаро. Но с остальными ей не справиться! Если бы начался настоящий бой, солдат пришлось бы убивать! А это не враги, это дорвенантцы. И Кастельмаро – такой же офицер, как ее отец, он просто выполнял приказ. Но как же теперь? Как они без охраны и месьора д’Альбрэ?! Вдвоем?!

– Ничего, – сказала она, старательно изображая уверенность. – Лорд Бастельеро – благородный человек, он поймет, что месьор д’Альбрэ ни в чем не виноват. Его обязательно отпустят...

Аластор молча кивнул, и Айлин с неожиданной горечью поняла, что он ей не очень-то верит. А следом пришло осознание, что не верит Аластор не ее словам, а благородству лорда Бастельеро. И снова по спине пробежал холодок. Она-то наивно думала, что самым сложным будет шагнуть в портал, как магистр Кристоф. А до этого портала еще нужно добраться. Вдвоем, если не считать Пушка, через всю страну, без фуража для лошадей, без палаток и припасов – это все осталось на лошадях охраны! У Айлин к седлу Луны была приторочена только ее некромантская сумка и вторая, с самыми необходимыми вещами вроде пары смен белья. А у Аластора и вовсе остались только его секиры да плащ.

В овраге, по которому осторожно шагали Луна и Искра, уже совсем стемнело. Пушок белым пятном плыл впереди, показывая дорогу, и Айлин целиком положила на Аластора, который вел обеих лошадей. На душе у нее было так же холодно и темно, как вокруг, и впервые подумалось, что она была слишком самоуверенна, когда разом отрезала всю прошлую жизнь ради поступка, который не могла не совершить. Что, если у них не получится?! Если они с Аластором просто погибнут по дороге или ритуал окажется бесполезным?!

«Как же легко было драться на дороге! – подумала она. – Увидел цель – бей! Как в «Кукушке». Но сейчас ставки гораздо выше нашей собственной жизни. И проиграть нельзя».

* * *

Только выбравшись за южные ворота столицы, Лучано понял, что он все-таки исключительный идиот! Дорвенну в спешке покидало столько народу, что отряд из двух дворян с девицей и сопровождением вполне мог затеряться среди остальных беженцев, а он – Шип, называется! – не выяснил о своей цели почти ничего. Как их зовут? Как они выглядят? Есть ли у них заводные лошади? Впрочем, кое-что можно было предположить. Когда он еще дома изучал дорвенантский, его учитель рассказывал, что в этой стране самые знатные грандсиньоры всегда похожи на своих предков. Три дюжины, так их называют. Ну а самый знатный из них король, м?

Лучано достал из кошелька серебряный флорин и вгляделся в отчеканенную на нем горделивую физиономию с упрямой челюстью. Дорвенантский король весьма напоминал вольфгардца, только холеного и никогда не бравшего в руки оружия. Если принц-бастардо похож на папеньку, он должен быть светловолос, плечист и светлоглаз. Уже что-то! В Итлии найти парня с такими приметами было бы проще, чем апельсин сорвать, но в этом их Дорвенанте блондины через одного! Здесь куда приметнее сам Лучано, вот ведь незадача. Ладно, значит, приглядываемся и ищем пару дворян, одного – светловолосого, второго – фраганца. И девицу! Она просто обязана быть редкостной красавицей!

Но у беглецов была изрядная форя, так что на скорую встречу Лучано не надеялся. За первые три часа погони он получил восемь предложений продать лошадей, а потом гневных подружек у него попытались попросту отобрать. Лучано как раз догнал и обогнал очередную вереницу телег, свернул за поворот петляющей между холмами дороги и едва не стоптал лошадью рослого мужика, повисшего у него на поводу.

Почти сразу из кустов вывернули еще двое, наверняка решив, что одинокий путник – легкая добыча, даже если он вооружен. От них пахло кровью и жадностью, а из Дорвенны бежали не только купцы и дворяне, хватало обычных горожан, у которых даже ослика с тележкой не имелось, и бедняги тащили на себе скудные пожитки... Не то чтобы это как-то касалось Лучано, просто он никогда не любил падальщиков. Могут ведь у человека быть мелкие простительные слабости, даже если он – Шип, м? Лучано вздохнул и спешился, решив, что все равно пора отлить.

Будь у них хотя бы один лук или арбалет, ему пришлось бы побегать, но мерзавцы так обнаглели, что даже приличной засадой не озаботились. Или это он по местным меркам выглядел так беззащитно?

Прирезав одного из троицы, Лучано связал пару оставшихся их же поясами, вытряхнул карманы неудачников, поморщившись от скудости добычи, и поинтересовался, давно ли синьоры сидят в этих кустах. Выслушал пожелание совокупиться с Барготом и спросил у того, что выглядел потупее:

– У тебя дети есть?

Бандитто слегка опешил и от неожиданности помотал головой.

– Значит, сироток не останется, – заключил Лучано и ткнул ему в горло дагой.

Повернулся ко второму и терпеливо уточнил:

– А у тебя?

– Есть, сударь! – заорал побледневший урод, пытаясь отодвинуться от него и извиваясь на земле. – Есть у меня детки, помилуйте, не оставляйте их сиротами! Только ради них и пошел на такое, Благими клянусь!

– Ну, раз дети имеются, значит, яйца тебе уже не нужны, – улыбнулся Лучано. – Будешь петь или сначала сделаем из тебя кастратто?

Последний бандитто заглянул ему в глаза, покосился на тела поделньников и запел, как лучший тенорьеze Верокьи. Оказалось, что эти кусты – уже третьи, в которых они караулят путников. Из первых двух мест пришлось уйти, потому что на спрятанные там трупы слеталось много мух, да и

вдруг по дороге проедет какой некромант – сразу ведь издалека все поймет. Вы же, сударь, понимаете, эти маги – они такие!

Он лепетал, заглядывая в глаза и истово стараясь выслужиться. Про всех, проехавших по дороге сегодня за день, про магов, про отряд гвардии, недавно промчавшийся по тракту так, словно или за ними сам Баргот гнался, или они – за кем-то. Лучано кивал и спрашивал, перемежая нужные вопросы почти бессмысленными, чтобы многодетный папаша не врал, пытаясь угодить. Про отряд – это было интересно. Но про нужных путников бандитов ничего не знал. Слишком поздно он и его друзья вышли на дорогу, к тому времени уже давно рассвело.

– Жаль, – вздохнул Лучано и перерезал ему горло.

Вытер лезвие от крови, сходил в кусты отлить, как и собирался, а потом вскочил в седло смирно ожидавшей его все это время гневой и одобрительно подумал, что лошади ему достались отличные, не боятся ни шума, ни запаха крови. Только надо все-таки на привале осмотреть седельные сумки, мало ли что там найдется. За иную поклажу и повесить могут, вот уж получится глупая смерть.

Когда солнце спустилось к самому горизонту, дорога опустела. К этому времени Лучано проехал три постоянных двора, и все они были переполнены. Пришлось завернуть в каждый и заплатить слугам ради призрачной возможности, что его цель где-то здесь. В конце концов, неужели благородная девица не пожелает отдохнуть и пообедать? Но, видимо, не пожелала,

Лучано только потерял время, и дальше пришлось скакать галопом, меняя лошадей каждые полчаса. Время утекало, как песок сквозь пальцы, но он не терял надежды. Карта, которую удалось купить вместе с дорожными припасами, утверждала, что на юг ведет большой тракт. Разветвится он после первого города, но и тогда к Озерному краю только одна дорога. Рано или поздно, отряд получится нагнать.

Когда стемнело, он в очередной раз поменял лошадь, с неизменной благодарностью вспомнив неизвестного благодетеля-офицера, и решил ехать хотя бы до полуночи, а потом остановиться поспать и продолжить путь с рассветом. Но вышло иначе. Не успел Лучано свернуть за очередной поворот, как сначала кобылы чутко запрядали ушами, а потом и он сам услышал вдали крики и конское ржание. Впереди явно шла драка. Кричали по-дорвенантски, и слов было не разобрать, но среди невнятных выкриков слышалось что-то, очень похожее по тону на военные команды. Гуардо всегда так резко рывкают – ни с чем не перепутать.

Немного поколебавшись, Лучано съехал с дороги в кусты, выбрав самые густые. Кто бы ни устроил бой на дороге, ему не хотелось встречаться ни с победителями, ни с проигравшими. Во всяком случае, пока он не поймет, что и кому можно соврать. Спешившись, он потянул повод кобылы, собираясь привязать его к ветке, но лошадь вдруг послушно подогнула колени и легла на землю, даже шею вытянула, спрятав ее в кустах.

– Моя же ты красавица! – восхищенно умилился Лучано и уложил таким же образом вторую гневую. – Вот это выучка!

Убедившись, что кобылы лежат спокойно, он чуть выглянул из кустов, зная, что в сумерках его различить почти невозможно. И едва не охнул, когда из-за поворота показался отряд, едущий к Дорвенне. Два десятка всадников, одетых в мундиры и на одинаковых лошадях, рослых, разных оттенков гневой масти, плотным квадратом сомкнулись вокруг шестерых – по виду то ли наемников, то ли очень обедневших дворян. Примечательно, что физиономии были одинаково мрачные и у конвоя, и у тех, кого они стерегли.

А впереди отряда ехало двое. Один – изящный черноволосый красавец, похожий на итлийца. Роскошный голубой плащ, осанка – словно рапиру проглотил... И гневая кобыла с белыми чулками, а вторая такая же – в поводу. Лучано едва не оглянулся на своих лошадок, а потом закусил губу и передернул плечами, представив, что могло получиться, догони он этот отряд на краденой кобыле.

Видно же – с одной конюшни лошадки! Породистые, холеные, похожие, как его метательные ножи! Ух, как могло бы выйти нехорошо!

Синьор в голубом плаще проехал мимо, его спутник отстал на один корпус, и Лучано разглядел уже его. Тоже черноволосый и смуглый, второй был горбонос, как арлезиец или южный фраганец... Это что же получается? Лучано ошеломленно посчитал до шести, прибавил к ним одного фраганца и понял, что если Баргот не пошутил над ним, подсунув удивительно похожих людей, то задача и усложняется, и облегчается разом. Потому что выходит, что бастардо и девица остались одни! Кто и почему захватил их спутников? О, да какая разница! Главное, что его собственная добыча в драке ускользнула! И как их теперь догонять, таких пуганых и прятких?

– ...барготов овраг, – расслышал он тихий разговор пары солдат. – Лошади у него с крыльями, что ли? Улетели, как по воздуху! Будет нашему от протектора...

«Сходится, – подумал Лучано с таким удовлетворением, словно ему к двум шестеркам пришел туз, безупречно собрав барготову дюжину – лучшую комбинацию, если играешь в «черного дожа». – Лорд-протектор послал за ними солдат, а они ускользнули, как ящерица, отбросив хвост. И даже телохранителем пожертвовали... Ну что ж, ящерок мне ловить приходилось. Даже если эта ящерка окажется гадюкой, второй раз я не попадусь».

Дождавшись, пока отряд свернет за поворот и стук копыт надежно затихнет, он выбрался из кустов на дорогу, вытащил из седельной сумки карту и присмотрелся к ней в лунном свете. Бастардо и девица ускользнули каким-то оврагом? Ага, вот он... Значит, вот здесь им все равно не миновать ближайшего города. Отлично, вот там их и перехватим! Только нужно успеть первым, чтобы осмотреться на месте!

* * *

– Ради Благих, Эдвин, как вы могли?! Я дал вам простейшее поручение: перехватить обычного профана и адептку семнадцати лет! А вы вместо них притащили мне какого-то ошипанного фраганца и заявляете, что сделали все возможное?

Упомянутый фраганец с непроницаемым выражением лица молча стоял у стены, но в его черных глазах Грегору отчетливо чудилась издевка.

Эдвин Кастельмаро, вернувшийся в Дорвенну сегодня ночью, вломился в Академию на рассвете, и Грегора разбудили после двух часов сна, которые он и так урвал чудом. Стихийники все еще работали с энергетическими потоками, целители готовили лазарет, артефакторы заряжали горгулий и прочие сторожевые предметы. А Грегор, измотанный тяжелым днем, оставил дежурство по Академии на одного из боевиков Ладецки и почти свалился у себя в преподавательской комнате, откуда так и не убрали осколки зеркала. И вот, извольте видеть! Вместо Айлин Ревенгар и бастарда ему предъявляют... вот это! Причем Кастельмаро был еще и зол настолько, что от него едва искры не сыпались!

– Профана и адептку?! – рявкнул он, стоя посреди кабинета Грегора. – Нет, милорд! Вы поручили мне незаконно задержать бастарда королевской крови и совершеннолетнюю леди, полноценную боевую магессу!

– Полноценную?! – рявкнул Грегор. – Ей еще шесть лет до выпуска!

– Мои поздравления ее наставникам! – съязвил Кастельмаро. – Будь у нас во время фраганской кампании на передней линии десятков таких девочек... Вы только посмотрите, чем она меня приложила!

Грегор вгляделся и замер в растерянности. Энергетическую структуру Кастельмаро наотмашь, словно ударом палаша, разрубила жирная черная линия. След «Могильной плиты». Да быть не может! Он только собирался дать ее Воронам в этом году! Откуда девчонка могла узнать это заклятие? И как вообще ухитрилась применить?!

– Это она вас?

– А кто?! – не выдержав, заорал Кастельмаро. – С тридцати шагов одной рукой запустила! У меня щиты слетели, будто и не ставленные! А она мне со второй руки тут же добавила Молотом! А потом с третьей...

– С третьей? – уточнил Грегор, лишь бы хоть что-нибудь сказать, и услышал тихий смешок пленного.

Проклятый месьор даже не потрудился опустить взгляд и смотрел так, словно сегодня на его глазах Дорвенант подписал капитуляцию Фрагане! Грегор подумал, что нужно выяснить, какое отношение фраганец имеет к Вальдерону, но это могло подождать.

– Мои извинения, – буркнул Грегор, протянул руку и убрал остатки «Могильной плиты», вытянув некроэнергию из силовых линий Кастельмаро.

Боевик потер ладонью ребра куда, должно быть, пришелся удар Молота, – интересно, первый или второй? – и посмотрел на Грегора с неожиданно спокойной холодной злостью.

– Вы ввели меня в заблуждение, – процедил он. – Я полагал, что спасаю невинную девицу, обманутую негодяем, а вы втянули меня в политику! Этот месьор, – последовал раздраженный кивок в сторону фраганца, – утверждает, что девушка уехала с юным лордом по своей воле. И знаете, я не вижу ни малейших причин ему не верить! Во-первых, он поручился словом чести, а во-вторых, это же дочь Дориана! Теперь я скорее поверю, что она сама похитила своих спутников! И скажите на милость, Бастельеро, когда вы собирались мне сообщить, что юноша – сын покойного короля? Когда меня взяли бы под стражу по обвинению в государственной измене?

– Он непризнанный бастард, – бросил Грегор. – До обвинения дело бы не дошло.

– Да неужели? – вернулся Кастельмаро к прежнему язвительному тону, который от него, всегда такого почтительного и любезного, слышать было просто дико. – Это, конечно, все меняет! А мою честь, милорд, вы ни во что не ставите? Не знаю и знать не хочу, какие интриги плетутся вокруг этого юноши... впрочем, нет! Теперь, когда я вашей милостью сам в них замешан, пожалуй, хочу! Но вот что я вам скажу, милорд! Я доверял вам как своему командору и другу. Если бы вы открыто сказали, что вам нужно, я исполнил бы любой ваш приказ. Да я бы на плаху пошел, ни о чем не сожалея и полагая, что вам лучше знать, как распорядиться моей жизнью! Я по-прежнему уважаю вас, но доверять, как прежде, больше не могу. – Он помолчал и нанес онемевшему Грегору последний удар. – Полагаю, если юная Ревенгар не посвятила вас в свои планы, у нее были для этого веские основания.

– Я уже принес вам извинения, – сдерживая бешенство, напомнил Грегор. – И, пожалуй, готов принести их снова. Надеюсь, этого достаточно? Или я должен вам что-то еще? А теперь, если позволите, я хочу задать пару вопросов не вам.

Он снова глянул на фраганца, выдержавшего его взгляд с удивительным для профана и пленника хладнокровием. Наемник? Если и так, то весьма доверенный. Получается, это именно он рассказал Эдвину Кастельмаро, что сопровождал не просто молодого дворянина, а королевского бастарда. Плохо...

Кастельмаро зол и, надо признать, имеет на это все основания. Действительно, некрасиво получилось. А главное, неосторожно. Лорду из Трех Дюжин молчать не прикажешь, и очень многие теперь могут узнать, что Грегор посылал людей за последним Дорвенном. Как же некстати! И что бы этому фраганцу не помолчать о тайнах своего нанимателя или кто там ему Вальдерон-старший?

– Имя и звание? – отрывисто спросил Грегор. – Что вы делали в отряде лорда Вальдерона?

Однако узкие и бледные, несмотря на общую смуглость, губы тронула усмешка.

– Если я гость, – с прекрасным дорвенантским выговором произнес фраганец, – то хозяин

представляется первым, а если пленник – то не обязан вам ничем, кроме заявления, что я дворянин и требую соответственного отношения. К тому же в плен меня взяли не вы, а вот этот достойный месьор, – покосился он в сторону Кастельмаро. – Если он не является вашим подчиненным, то отчитываться я буду только ему, а с вами намерен говорить исключительно по его прямому приказу. Между прочим, а на каком основании меня вообще взяли в плен? Помнится, война давно закончилась.

– Вы, кажется, не вполне понимаете свое положение, – сохраняя остатки хладнокровия, сообщил Грегор. – Вы участвовали в похищении леди из Трех Дюжин...

– Ну так вызовите меня в суд, милорд, – преспокойно заявил проклятый фраганец. – А я приведу пару десятков свидетелей, что девица уехала с юным лордом добровольно. И кстати, она совершеннолетняя. Позвольте узнать, по какому праву вы распоряжаетесь ее судьбой? Вы ее родственник? Опекун? Отвергнутый поклонник? Я дал бы полный отчет тому, кто имеет право спрашивать, но не понимаю, какое отношение к ее выбору спутников имеете вы.

Грегор открыл рот, чувствуя, как пальцы сами собой складываются в безобидное, но весьма неприятное проклятие. Не убить наглеца, даже не покалечить – но проучить определенно стоит! Безымянный месьор явно забыл, в чьей стране находится и кто перед ним! Их взгляды скрестились, и Грегор увидел, что фраганец понял его намерения, но лишь плотнее сжал губы, блеснул глазами и выпрямился.

Грегору не хватило двух мгновений!

– Довольно! – раздался полный холодной ярости голос Кастельмаро. Опытному боевику жест Грегора был еще понятнее, чем фраганцу. – Простите, милорд, вы забываетесь! Этот человек не нарушил законов Дорвенанта и не подлежит вашему суду. А что касается нашей стычки, то он мой пленник, а никак не ваш. Надеюсь, мы с ним уладим этот вопрос к общему удовлетворению. Без вас, – добавил он мстительно.

– Безусловно, – усмехнулся фраганец и вдруг покачнулся, а его лицо уже полностью залила бледность.

– Какого Баргота? – воззрился на него Кастельмаро. – Я же не успел! Точно помню, что бил по лошади!

– Не вы, – прошептал месьор и завалился на плечо невольно подхватившего его боевика, который скривился от боли в ребрах, но пленника удержал. – Демоны. Еще в поместье. Мерзкие твари...

– Вот! – мрачно заявил Грегору внезапно переметнувшийся на сторону врага Кастельмаро. – Пока я делаю глупости по вашему приказу, Дорвенант от демонов спасают фраганцы! Простите, милорд, мы к целителям!

И почти волоком вытащил едва передвигающего ноги месьора за дверь.

Грегор закрыл глаза, длинно выдохнул и понял, что больше всего на свете хочет запустить в стену кабинета «Могилой плитой». Кстати, откуда Ревенгар, Баргот ее поberi, все-таки взяла ее формулу?!

Он сплел пальцы перед собой и понял, что прямо сейчас понятия не имеет, как объяснить случившееся канцлеру. А ведь Аранвен обязательно обо всем узнает! У него везде глаза и уши. И стоит Кастельмаро рассказать хоть кому-нибудь, что произошло...

Чего доброго, Ангус решит, что Грегор хотел использовать мальчишку Вальдерона в каких-нибудь политических играх! Нет, с Аранвеном нужно поговорить немедленно. Канцлер – человек в высшей степени разумный, он поймет... Может быть, он даже поможет? Айлин просто необходимо найти и остановить! Баргот с ней, с репутацией взбалмошной девицы, брак все прикроет! Но что она задумала?! Скрыться вместе с мальчишкой и переждать нашествие демонов?! Наверняка!

Ведь не могла же Айлин всерьез предположить, что справится с ритуалом, который рассчитал Грегор? Каким образом?!

Грегор уронил лицо в ладони, опираясь локтями на стол, и с ужасом подумал, что решишь Ревенгар и в самом деле провести ритуал – последствия будут совершенно непредсказуемы! Претемная... Она же еще совсем девчонка! Она не удержит силы, которые вырвутся на свободу! Денвер со своими барготопоклонниками не удержал!

И что делать? Да что вообще можно сделать теперь?! У кого просить помощи?! Она погибнет, если попробует сделать все сама, угробит мальчишку, а потом... Освободившаяся сила Запределья сметет половину Озерного края!

Он выдохнул, пытаясь успокоиться и думать здраво. Нет... Ревенгар не так глупа, не зря ведь она столько лет дружила с Аранвеном! Вероятнее всего, она действительно собирается спрятать мальчишку так, чтобы до него никто не смог добраться. И вот об этом стоит как можно скорее поговорить с Ангусом – пусть его люди из тех, что есть в каждом городе, перехватят беглецов! Претемная, лишь бы только она и в самом деле пыталась спрятать Вальдерона, а не отправилась совершать безумные подвиги...

– Клянусь, – почти беззвучно выдохнул Грегор. – Если бы я хоть на минуту поверил, что девица семнадцати лет может быть способна пожертвовать собой... Лучше бы сам шагнул в этот клятый Разлом!

Глава 13. Победителей не судят

Ночевать пришлось в том же овраге, только забравшись в него как можно глубже. Искра, конечно, умеет ходить лесными тропами, но спуститься по склону в сумерках и выбраться наверх в полной темноте – все-таки очень разные вещи!

Впрочем, Аластор даже порадовался: устроиться на ночлег без припасов и палаток, с одними только попонами Искры и Луны, оказалось той еще задачей! Совсем некогда было думать ни об отряде, брошенном на милость посланцев Бастельеро, ни о сестричках.

Подходящее место для ночлега, правда, нашлось быстро. Относительно ровное, да и ручей неподалеку журчал. Просто подарок какой-то! А вот развести огонь оказалось не из чего – не идти же за дровами в полной темноте! Да и хворост среди ночи не соберешь...

Аластор все же обрубил у нескольких ближайших деревьев нижние ветви, уложил на землю и сверху бросил попоны Искры. Так Айлин точно не замерзнет, особенно, если укроется второй попоной, а рядом ляжет Пушок. А у него, Аластора, имеется отличный теплый плащ! Вот если бы еще все-таки развести костер... Впрочем, толку от костра, если нет ни вина, чтобы подогреть его на огне, ни еды... ни даже котелка! Хоть бы и сгоревшего!

Отогнав мысли об огне и горячем ужине, Аластор кивнул Айлин на лежанку.

– Ложись. Пойдем дальше на рассвете.

– А ты? – тихо спросила подруга, и Аластор снова почувствовал странное смущение, от которого вдруг стало тепло, даже, пожалуй, жарко!

– А я... покараулю, – буркнул он, опуская взгляд себе под ноги, точнее, на усевшегося прямо перед ним Пушка.

Синее свечение собачьих глаз показалось Аластору удивленным, а то и насмешливым. Пушок даже голову склонил набок и вывалил язык, словно говоря: «Охранять – это мое дело, а вы, люди, все равно в этом ничего не смыслите».

– Глупости, – фыркнула Айлин. – До утра караулить будешь, а потом в седле спать? Лучше я щит поставлю... – И вдруг осеклась. Помолчала и совсем другим голосом пробормотала: – Ложись лучше слева. Я – справа, а посередине Пушка положим. Он теплый, хоть и мертвое. Ну и плащами укроемся. Не замерзнем.

Аластор открыл было рот и собрался заявить, что не может позволить себе подобной близости к леди... но тут же одумался. Какого Проклятого? Сам же еще недавно вздыхал о потерянной легкости! Спать сидя, завернувшись в плащ, это последнее дело перед дорогой, тут Айлин совершенно права. Да и не первый раз они заснут рядом...

От воспоминания о прошлом разе запылали уши, и Аластор сердито мотнул головой. Глупости! Сейчас все совсем иначе. Он совершенно трезв, а что до репутации леди – их ведь никто не увидит!

К тому же... Невероятно, до свинцовой тяжести век хочется спать!

«Ведь прошлой ночью мы почти не спали, – удивленно осознал Аластор. – И с рассвета в седлах, а привал был совсем короткий... а Айлин еще и дралась! И одна она, пожалуй, действительно замерзнет, это мне случилось ночевать в лесу, а магессе – едва ли!»

– Ладно, – согласился он, понимая, что пауза неприлично затянулась. – Ставь щит. А Пушок предупредит, если что.

Снисходительно посмотрев на него, мертвый волкодав запрыгнул на расстеленную попону и плюхнулся на нее ровно посередине, четко разделив пополам. Айлин с облегчением хихикнула и, разувшись, легла рядом с Пушком, чутко насторожившим уши, совсем как живая собака. Аластор укрыл ее второй попоной и сверху – плащом, сам торопливо стянул сапоги и нырнул под попону с другой стороны. У Пушка действительно был теплый мохнатый бок, и от шерсти совсем не пахло псиной, так что лежать рядом с ним оказалось очень уютно. Да уж, с этикетом в походе придется туго. А уж когда они вернутся, и все узнают...

«Когда мы вернемся, я просто вызову на дуэль любого, кто посмеет оскорбить Айлин, – устало подумал Аластор. – Если у кого-то язык повернется сказать гадость о девушке, рискующей собой ради Дорвенанта...» Он прикрыл глаза и словно провалился в темную прохладную пустоту.

* * *

Проснулся Аластор еще до рассвета, небо едва начинало сереть, но неподалеку уже вовсю пересвистывались ранние птицы.

– В котелок бы вас, – буркнул Аластор негромко, чтобы не разбудить Айлин.

Пусть поспит, пока есть время! А он пока... ох, доберется до ручья и хотя бы ополоснется! Вчера так устал, что совсем об этом не подумал, зато сегодня запах целого дня дороги и лошадиного пота так и бил в нос! Хорошо, что хотя бы лошадок чистить не обязательно – вон, как помята трава, явно покатались сами.

Бросив взгляд на лошадей, Аластор тихо фыркнул: испачканная травяным соком Луна приобрела приятный зеленоватый оттенок. Ничего, в ближайшем же городе он купит щетку и скребницу, а пока придется обойтись так.

– И гриву тебе тоже заплетем, – пообещал Аластор Луне, и та нежно заржала в ответ.

Поднявшись с лежанки, Аластор потянулся, прислушался к беспечному птичьему гомону и направился в сторону журчащего ручья, но шагов через десять налетел на что-то... что-то твердое, но невидимое!

– Ал? – услышал он в тот же миг и резко обернулся.

Растрепанная со сна Айлин сидела на попоне и глядела на него с недоумением.

– Я... к ручью, – пробормотал он, чувствуя себя болваном. – А тут... это и есть твой щит?

– Ну да! Он незаметный и берет совсем мало сил... Ой, Ал, извини, сейчас я его сниму.

Подруга беззвучно шевельнула губами, прищелкнула пальцами, и Пушок, до того смирно лежащий рядом с ней, поднял лохматую морду, поставив уши торчком и поворачивая их в стороны. Вскочил и в два прыжка – только земля из-под лап брызнула! – метнулся за кусты.

«Как будто всю ночь честно ждал, когда же пустят погулять!» – подумал Аластор и усмехнулся: Пушок так старается казаться живым, что у него это отлично получается! И тогда приходится напоминать себе, что он – мертвое.

Ручей был совсем недалеко от магического щита, шагах в десяти, и Аластор невольно поежился, то ли прохладой веяло от воды, то ли раньше щит укрывал еще и от ветра. Но желание помыться было

сильнее холода. Он поспешно разделся и быстро, чтобы не успеть передумать, окунулся, выругался сквозь зубы и окунулся в неглубокий, примерно по пояс, ручей еще раз, яростно растерев себя ладонями. Ох, Пресветлый Воин, благослови месьора д'Альбрэ за то, что бегать и обливаться под его началом приходилось в любую погоду, кроме, разве что, зимы!

На одежду Аластор посмотрел с тоской: натягивать потное белье на чистое тело было ужасно неприятно, а стирать... ну не просить же, в самом деле, Айлин! Не говоря уже о том, что сушить вещи негде и некогда, а ехать в мокрых подштанниках... Бррр, даже подумать противно! Вот, значит, нужно купить еще и пару смен белья. И столько всего, что мысли разбегались, когда Аластор попытался сообразить, без чего в дороге не обойтись. Матушка расстроится, когда узнает. Она с такой любовью собирала для отряда все необходимое!

Да, пока придется потерпеть. Натянув несвежую, но хотя бы сухую одежду, он еще раз пожалел, что к седлу Искры были приторочены только секиры и плащ. Хоть бы маленький котелок! Да что там – хоть бы фляжку взять с собой догадался! Вот у предусмотрительного месьора д'Альбрэ всегда при себе чеканная серебряная фляжка, которую вполне можно подогреть на углях и попить горячего.

Вспомнив о месьоре, Аластор еще сильнее помрачнел. Только бы вспыльчивый фраганец не высказал лорду Бастельеро все, что думает! В великодушие бывшего главнокомандующего, а ныне лорда-протектора, нисколько не верилось. Когда Бастельеро узнает, что беглецы ускользнули, не захочет ли он сорвать злость на их спутников? Это по закону д'Альбрэ ровным счетом не в чем обвинить, но сейчас для всего Дорвенанта один закон – воля лорда-протектора. «Я ничего не могу сделать с этим, – угрюмо подумал Аластор. – Значит, нечего и думать. Пока что моя забота – Айлин и дорога к Озерному краю».

– Ал! – звонко и почему-то очень радостно позвала его Айлин, будто услышав мысли. – Смотри, что у меня есть! Твоя матушка была так заботлива!

Вернувшись к лежанке, Аластор увидел, что в руках у сияющей подруги сверток, из которого выглядывает поджаренный бок пирожка. Он невольно сглотнул слюну, а в животе предательски заурчало.

– Знаешь, я что-то не очень голоден, – постарался сказать Аластор как можно небрежнее. – Ешь сама.

Карта тоже осталась у д'Альбрэ, но Аластор отлично ее помнил и знал, что ближайший город в двух днях пути. А в лесах вокруг Дорвенны не так уж много дичи. И времени для охоты у них нет.

– Ал, не морочь мне голову, – очень взросло вздохнула Айлин и решительно протянула ему пирожок. – Тебе силы нужны не меньше, чем мне. Тут еще на обед парочка осталась, – заглянула она в сверток, – а там видно будет.

Она улыбнулась, достала пирожок и откусила от него, а Аластор почувствовал, что его переполняет горячее восхищение и благодарность. Какая замечательная девушка досталась ему в спутницы и подруги! Ни слова жалобы, а ведь она не может не понимать, как изменилось их положение с потерей отряда.

Он сидел рядом и принялся уплетать холодный, но все равно восхитительно вкусный пирожок с мясом, стараясь не торопиться и растянуть его подольше, чтобы обмануть желудок.

Задумчиво съев полпирожка, Айлин вдруг встрепенулась, повернулась и уставилась на Аластора загоревшимися глазами.

– Ал, ты знаешь вольфардель?

От неожиданности Аластор сунул в рот огрызок пирожка целиком, укусил себя за пальцы и горячо возблагодарил всю Семерку Благих, что набитым ртом никак не может выпалить того, что только что пришло ему в голову!

– Нет! – выдохнул он, как только пальцы перестали ныть. – То есть... Наш кузнец Долгий Мартин иногда говорит что-то на вольфарделе, но мне кажется... это не совсем то, что принято повторять в приличном обществе.

«Особенно если вспомнить, как горят уши у сыновей кузнеца, когда батюшка переходит на родную речь!»

– Да? Жаль, – огорченно откликнулась подруга. – Значит, будешь немым.

«И, может быть, прямо сейчас!» – подумал Аластор, прикусив на этот раз язык. Но, видимо, его взгляд был достаточно выразительным, потому что Айлин смутилась и поспешно заговорила:

– Нас ведь ищут! И теперь, когда мы отбились от милорда Кастельмаро, мэтр Бастельеро... он точно приложит все усилия, чтобы нас найти! А двое молодых дворян без сопровождения, но с такой большой собакой – очень приметная компания, правда? Вот я и подумала: пусть его люди и дальше ищут пару дворян, а не купеческую дочку под охраной вольфгардского наемника! У тебя вольфгардские секиры, и ты сам очень похож на...

Она осеклась, словно сказала что-то лишнее. Но Аластор понял и оценил ее деликатность. Конечно, теперь ему известно, на кого он в действительности похож. На короля Малкольма, ведущего род от северянина Дорве!

– На вольфгардца! – выпалила Айлин. – Особенно если я заплету тебе косу! Вот только борода... У вольфгардцев принято носить короткую бороду, а ты...

– Могу пока не бриться, – мрачно буркнул Аластор. – Без горячей воды это даже удобно. Но почему немой?

– А если тебе встретятся настоящие вольфгардцы? Их же часто нанимают в охрану. А у вольфгардца может быть хоть вольфгардский волк, хоть невийский волкодав. И уж купеческую дочку я точно изображу! Я столько лет живу в одной комнате с Иоландой, а летние каникулы провожу у тетушки Элоизы. Точно! Если кто-то спросит, назовусь госпожой Арментрот. Тетушка наверняка не обиделась бы! А ты будешь...

Она задумалась, и Аластор, не дожидаясь, пока некромантская фантазия подскажет подруге что-нибудь непотребное, торопливо предложил:

– Могу быть Ульвом. У Долгого Мартина так зовут старшего сына.

– Ульв?

Айлин покатила имя на языке и решительно кивнула.

– Отлично! Главное, не забудь, что ты не разговариваешь. Ну и придется тебе держаться так, будто я – главная.

Она виновато посмотрела, словно опасаясь, что Аластор обидится, но он лишь усмехнулся и кивнул. Изобразить охранника вовсе не оскорбительно. Всем известно, что вольфгардцы – жестокие воины, но не лишены понятий о чести. Да вся старая дорвенантская знать ведет от них свой род! Ну не забавно ли? Изображать северянина, которым Аластор себя не считает, хотя на самом деле, если хорошо проследить родословную, он как раз и есть северянин.

Вздыхнув, Аластор отбросил эти сложные и непонятно куда ведущие умозаключения, отцепил с пояса кошелек и протянул его Айлин, пояснив:

– Раз ты хозяйка, тебе и расплачиваться, а то странно будет выглядеть...

Знакомое шипение Пушка прервало его на середине фразы. Аластор удивленно обернулся, а за его спиной громко ойкнула Айлин. И было отчего!

Все еще белое, но с изрядно перемазанными лапами и мордой, умертвие выскочило из кустов и гордо село перед ними, а из пасти у него бессильно свисало что-то большое, длинное, непонятное! Длинная шея, как у гуся, но покрытая чешуей, кожистые крылья, птичьи лапы с огромными когтями, криво загнутыми и опасно острыми. Голова чудища заканчивалась отвратительной пастью, где торчали зубы. Даже нет, зубища! Ровные, жуткого вида клыки, ослепительно белые и треугольные.

– Это что... демон? – растерянно спросила Айлин. – Они... такие?

«Точно, она ведь их не видела, – сообразил Аластор. – Впрочем, именно таких я и сам не видел».

Пушок, уронив добычу на землю, склонил голову и умильно вывалил язык. Теперь было видно, что пасть изнутри у него перепачкана черной кровью твари, а шея демона перекушена, как у обыкновенного гуся, до которого добралась сорвавшаяся с цепи собака.

«Ну, я же молодец? – читалось в ярко-синих глазах. – Вот, принес! Ну, похвалите же меня!»

– Хорошая собака, – согласился Аластор и почесал за белым мохнатым ухом. – Очень хорошая. Знать бы еще, сколько их там было...

Овраг вдруг перестал ему казаться таким уж тихим и безопасным, да и Айлин зябко поежилась. Нет, надо выбираться отсюда и побыстрее. Чего доброго, теперь по их следу пустят не гвардейцев, а следопытов из королевских егерей – от тех в лесу и мышь не спрячется.

– Хорошая собака, – повторил он. – Но в следующий раз лучше лови зайца или рябчика. Мы его на костре...

Он сглотнул слюну и постарался отогнать видение кролика на вертеле. С хрустящей золотистой корочкой, м-м-м... Это и без котелка можно.

– Слышал, Пушок? – серьезно сказала Айлин и брезгливо потрогала демона носком сапога. – Ищи по дороге кролика! А то от этой твари никакой пользы. Мы ведь не в Академии. Ух, там бы за него алхимики передрались!

Она подняла свой плащ и бережно свернула. Потом потянулась к Луне, но арлезийка капризно отскочила и с ужасом покосилась на дохлого демона. Искра презрительно фыркнула, и Луна, устыдившись, позволила поймать себя за недоуздок, виновато посмотрев на Айлин.

– А что, они и правда такие дорогие? – заинтересовался Аластор, собирая попоны.

Денег у них пока достаточно, да и не тащить же с собой дохлятину, но... любопытно!

– Только клыки и когти, – ответила Айлин и глянула на демона с неожиданной хозяйственностью. – Хочешь – выдерни! Если по дороге попадется лавка алхимика или артефактора, нам за них золотом заплатят. А клыки, они ведь не тяжелые.

«Да и промыть их можно в ручье, – прикинул Аластор. – Не завоняются. Зато можно будет не думать, хватит ли денег на все необходимое».

Он уже оценивающе посмотрел на оскаленную пасть демона, растопыренные лапы... Ну а что такого! Обычная охотничья добыча! Сам же собирался продать в столице тех демонов, которые сейчас лезут в поместье.

– Молодец, Пушок! – потрепал он блаженно прищурившегося пса. – Но на кроликов тоже посматривай!

* * *

– Ваши заслуги перед Дорвенантом неоспоримы, лорд Бастельеро, – уронил канцлер, когда молчание стало совершенно невыносимым. – Но вынужден признать, что умение договариваться – не ваша сильная сторона.

– Договариваться? – опешил Грегор. – Простите, милорд... о чем и с кем?

Аранвен, все время его подробного рассказа простоявший у окна и глядящий в залитый обеденным солнцем сад, повернулся и взглянул неодобрительно. Видеть его здесь, в обычном преподавательском кабинете, было странно, да Грегор на подобное и не рассчитывал. Напротив, он нарочно послал письмо с описанием своих действий, а не явился к канцлеру сам, чтобы выиграть немного времени. Последнее, что ему требовалось перед штурмом Академии демонами, это политические разговоры. Конечно, в письме Грегор обещал прибыть во дворец, как только представится возможным, искренне полагая, что немолодой и тщательно соблюдающий этикет Ангус Аранвен ни в коем случае не явится сюда сам. Зачем? Несообразно его положению и попросту опасно, ведь о грядущем прорыве Грегор ему тоже написал. И ошибся. Аранвен примчался в Академию лично и так быстро, словно бросил ради этого все дела.

– Для начала – хотя бы со мной, милорд, – проговорил он обычным прохладным тоном, но Грегор увидел, как на виске лорда под тонкой, почти полупрозрачной кожей бьется синяя жилка. – Я выслушал ваши аргументы касательно крови Дорвеннов еще на Малом совете. Неужели вас не удивило, что я ни слова не сказал о королевском бастарде?

«Еще как удивило! – мрачно подумал Грегор. – Вы все-таки ведете свою игру, Аранвен. Не ошибся ли я теперь, обратившись к вам?»

Канцлер едва уловимо нахмурился и покачал головой.

– К вашим услугам лучшие маги Оранжевой гильдии, а вы не дали им даже попытаться что-то сделать! К тому же, насколько я понял слова лорда Эддерли, есть небольшой шанс, что маг, устроивший Разлом, все еще жив? Если не ошибаюсь, он как раз некромант? Во имя Благих, милорд, почему вы даже не попытались его найти, прежде чем приговорить к смерти принца? Ведь существуют поисковые артефакты. Или в Дорвенанте больше нет Синей гильдии?

– Простите, Ангус, – процедил Грегор, сдерживая кипящее бешенство и напоминая себе, что он собирался просить у канцлера помощи, а вовсе не наживать себе еще одного противника. – Но вы рассуждаете как профан. Найти Денвера, даже если он еще жив, мы не сможем, об этом и думать нечего! Для изготовления поискового артефакта необходима телесная частица человека: кровь или, скажем, волосы, но Денвер... – Он осекся, не желая напоминать, какой пост этот мерзавец занимал в Ордене. – Был крайне осторожен. А искать его без артефактов... Ангус, это практически невозможно! Что касается стихийников, Райнгартен заявил, что на изучение заклятия ему потребуется не меньше месяца, а то и двух!

– Но вы не дали ему и дюжины дней, – бесстрастно уронил канцлер. – Грегор, я глубоко уважаю вас и только поэтому напоминаю: однажды вам придется сложить полномочия лорда-протектора и отчитаться за все, совершенное на этом посту. Когда станет известно, что вы пожертвовали последним принцем крови, даже не попытавшись найти другое решение... Благие боги, да главы родов будут просто обязаны потребовать суда!

«А возможно и казни, – с ледяным спокойствием подумал Грегор. – Как было с лордом-протектором Сазерлендом в свое время. Видит Претемнейшая, я никогда не боялся отвечать за собственные проступки, но как же мерзко думать, что расплачиваться головой придется за спасение страны! И тех самых лордов, которые пальцем не шевельнули, чтобы сделать хоть что-то. И во время войны, и сейчас!»

– Значит, вы мне не поможете? – уточнил он, стараясь, чтобы голос звучал так же ровно и бесстрастно, как у Аранвена, но канцлер чуть приподнял брови.

– Разве я это сказал? Я согласен, что юношу следовало вернуть в столицу. Но уж конечно, не таким образом. Мои люди за пределами Дорвенны получают соответствующее распоряжение. Времени мало, но у моей службы есть... некоторые возможности быстро передать приказ.

Он замялся, и Грегор понял, что канцлер не собирается раскрывать суть этих возможностей. А было бы весьма любопытно как он собирается опередить беглецов, если порталами пользоваться нельзя. Но Ангус продолжил:

– Юный лорд Вальдерон... и леди Ревенгар, конечно... вернутся в столицу, а вы, Грегор... – Канцлер на мгновение умолк и с силой провел рукой по бледному лбу. – Постарайтесь найти другое решение. Поверьте, я не хуже вас понимаю, что времени крайне мало! И все же ради памяти его величества Малкольма и ради вашей собственной жизни, прошу вас – попытайтесь.

«Ради памяти Малкольма, – подумал Грегор, чувствуя, как болезненно сжалось его сердце. – Я должен спасти его страну. Даже если в итоге придется шагнуть в Разлом самому».

– Дюжина дней, – холодно сказал он вслух. – Ангус, дюжина дней – это большее, что мы можем себе позволить. И кто знает – не станет ли тогда поздно. Ткань мироздания в Дорвенне истончается. Сегодня мы прикроем столицу собой, но разломы будут возникать снова. И если стихийники не найдут иного решения...

– Тогда мы официально объявим о пресечении рода Дорвеннов, – закончил канцлер, словно постарев еще больше в одно мгновение. – И возведем на трон нового короля. Короля рода Бастельеро. А затем... Затем, Грегор, вы сделаете то, что считаете нужным. Если нет иного выхода.

– Кровь Дорве Великого течет в Аранвенах, – непослушными губами проговорил Грегор. – Королем должен стать Аранвен! Если не вы, то юный Дарра...

– ...который будет вынужден судить вас и отправить на плаху, если того потребует Совет, – устало повторил Ангус. – А вы слишком нужны Дорвенанту. Неподсуден лишь король, поэтому вы станете королем и женитесь на ее величестве. Вам ведь понадобятся наследники.

Жениться? На Беатрис? На миг Грегору показалось, что он видит наведенный кошмар, ведь не может Аранвен предлагать ему такое всерьез?! Проклятье! Канцлер должен понять, что некоторым словам лучше было бы остаться непроизнесенными! Но, может быть, он возьмет это чудовищное предположение обратно?

– При всем уважении, милорд, – уронил он тихо. – Моей женой может стать только одна девушка, и это не Беатрис Итлийская... Мои слова кажутся вам смешными?!

– Ну что вы, милорд Бастельеро, – тускло улыбнулся Аранвен, глядя на Грегора потяжелевшим взглядом. – Я всего лишь вспомнил, как двадцать три года назад в другом кабинете эти же слова произнес его величество Малкольм. А вы помните?

Грегора будто ударили под дых. У него даже в глазах потемнело. Помнит ли он?! Да он сам успокаивал Малкольма! Недавно взойшедший на престол друг рвал и метал, кричал, что не собирается приносить свое счастье в жертву никаким государственным интересам, будь они неладны. Что женится по собственному выбору или не женится вообще! В конце концов, зачем нужны канцлер и целый Совет бездельников из Трех Дюжин, если они не могут найти деньги иначе, не продавая своего короля, словно породистого жеребца на случку?

Он кричал, а Грегор с Ангусом Аранвеном переживали бурю, благо у Малкольма они никогда не длились долго. А потом канцлер, волосы которого тогда еще блестели чистым светлым золотом без примеси серебра, склонил голову и так же негромко, как сейчас, произнес:

– Если вашему величеству угодно, я готов сегодня же оставить свой пост. Возможно, кто-то другой предложит лучшее решение. Например, поднять налоги, разоряя крестьян и убивая будущее Дорвенанта в колыбели. Или взять кредит у Фраганы под проценты, которых постыдится самый жадный итлийский банкир. Безусловно, тогда вы сможете жениться, на ком захотите. Но вашим детям от этой женщины останется разоренная и отданная в залог страна.

– Да будь оно все проклято, – прошептал Малкольм, стихая и упираясь в стол широкими ладонями, которым была бы впору секира его предка, но ничего, тяжелее охотничьего ножа, король сроду не держал. – Грегор, а ты что скажешь?

И Грегор сказал то, что помнил до сих пор. Что сочилось в его сердце кровью долгие годы, словно он вырезал эти слова на собственной плоти ритуальным некромантским лезвием.

– Кольм, – сказал он, в упор глядя в измученные глаза друга. – Я присягал тебе как своему королю. И я не хочу презирать своего короля за слабость. Вспомни, кто ты. Ты Дорвенн, слава и честь Дорвенанта. Какие могут быть собственные желания, если речь идет о судьбе страны?!

– Судьбе страны... – эхом отозвался Малкольм и поник головой, а потом, не поднимая ее, глухо сказал: – Готовьте брачный договор, Ангус. Я согласен. А сейчас уйдите. И ты, Грегор, тоже. Видеть никого не хочу.

«Не в тот ли день он впервые напился, – с режущей сердце виной подумал Грегор. – Или все-таки позже? После того проклятого неудачного свидания с Джанет? Но какая теперь разница? Я не позволю себе того, в чем отказал когда-то своему другу и королю. Проклятье, но я должен жениться на Айлин! Я... виноват перед ней. Я лишил ее невинности. Я... люблю ее! Кольм, ради Благих, прости нас всех. Как можно выбрать, если при любом выборе чувствуешь себя подлецом?!»

Он очнулся от резкой боли и лишь тогда понял, что ногти впиваются в ладонь, так сильно сжаты кулаки. Ангус смотрел на него, бесстрастный и все понимающий. А потом уронил:

– Милорд Бастельеро, я буду молиться, чтобы прорыв в Академии принес как можно меньше жертв. Пожалуй, я даже рад, что вы так необдуманно распорядились моим сыном. Надеюсь, когда он вернется, все будет закончено? А еще я буду молиться, чтобы лорд Райнгартен и его стихийники нашли иной способ, не требующий жизни последнего Дорвенна. Но если уж нам придется сделать этот выбор...

«То я не позволю тебе забыть, кто придумал пожертвовать жизнью мальчишки, а не своей собственной», – прочитал Грегор в холодном рыбьем взгляде канцлера.

Разумеется, ему не позволят! Он взойдет на трон, женится на женщине, которую ненавидит и презирает, и до конца своих дней будет расплачиваться за то, что совершил. Кто сказал, что короли и королевы рождаются для иного счастья, чем благополучие их страны? И неважно, кем они были раньше.

В памяти ярко вспыхнули изумрудно-лиственной зеленью глаза Айлин Ревенгар. Влюбленные, смущенные, сияющие, гневно-яростные... Предать эту чистую нежную девушку? Отказаться от нее? Невозможно! Жениться на Беатрис и сделать Айлин своей фавориткой? Грегор убьет того, кто ему это предложит! Он разбил ей сердце и, возможно, искалечил судьбу, но так оскорбить ее он никогда не посмеет. И выхода нет! Просто нет!

– Я тоже буду молиться об успехе лорда Райнгартена, – шевельнул он губами и склонил голову, а когда выпрямился, услышал за своей спиной шаги канцлера и звук закрывающейся двери.

* * *

Защитные щиты Академии, налитые силой, продержались почти до вечера, даже больше, чем обещал Райнгартен. Осунувшиеся стихийники метались по коридорам, аудиториям и холлам оранжевыми языками пламени, а сам Райнгартен на вопросы Грегора только огрызался, утратив обычную вежливость и лоск. Ну не знает он, когда все начнется! Демоны расписанию не подчиняются! Но вот-вот...

Грегор невольно ждал обычного азарта боя, хорошо знакомого по фраганской кампании, однако тот все не приходил. Похоже, за годы, прошедшие с тех пор, в нем что-то необратимо изменилось. Он больше не хотел побеждать! И если бы Райнгартен сказал, что ошибся, что вся эта лихорадочная подготовка была напрасной, Грегор был бы самым счастливым в Академии человеком. Ему до одури, до тоскливой жути не хотелось даже думать, сколько адептов и преподавателей он недосчитается через несколько часов и сколько их останется калеками. И все ради чего? Ни славы, ни блага государства, всего лишь спасение собственных жизней от жестоких бессмысленных тварей.

– Зачем Барготу демоны? – спросил он рассеянно идущего рядом Ладецки. – Падший, хоть и проклят, все-таки существо несравнимо более великое. А эта дрянь... Они не звери, потому что убивают не ради пропитания. Они не мыслят, с ними нельзя договориться. Так зачем они Барготу, который соблазняет человеческие души?

– Хороший вопрос, коллега, – хмыкнул Ладецки и кивнул очередному посту из юных боевиков, старательно вытянувшихся и отдавших честь. – Слышал я версию, что демоны не живут в том мире, который для создал себя и своих присных Баргот. Они вроде диких зверушек, что мечутся в Бездне, которая нас разделяет. А когда случается прорыв в нашу сторону, их просто выкидывает сюда. Но правда это или нет, никто не знает. Разве что сами Благие и Баргот. Ну, или Странник...

– Странник? – поморщился Грегор. – Ладецки, это всего лишь легенда. Если Странник действительно существует, почему он себя никак не проявляет? Все эти рассказы о путнике, который попросился на ночлег и вознаградил добродетельных хозяев – это же крестьянские сказки. Дарование удачи, надо же! Как это можно проверить?

– Сказки, говорите? – снисходительно усмехнулся высоченный магистр сверху вниз. – А я вот лично видел и слышал, как один отъявленный лгун поклялся именем Странника в очередном обмане. И что вы думаете? Часа не прошло, как упал с крыльца и свернул себе шею. Трезвехонький, полный сил!

– Совпадение, – раздражаясь, возразил Грегор. – Вы еще скажите, что верите в святость брака, заключенного в его часовнях. И что в них нельзя принудить никого из новобрачных. Как по мне, это просто уловка для всяких авантюристов! Я бы запретил подобные браки законодательно! Если двое не могут пожениться в храме Благих, как положено, значит, с этим союзом что-то не так. Семеро Благих каждый день многократно являют себя через магическую силу. Да все мы просто знаем, что они существуют! И Баргот существует тоже. А кто видел Странника? Любой рассказ о нем на проверку оказывается хвастливой болтовней, чтобы придать себе значимости! И я вам скажу, что... Погодите, а он здесь откуда?

Взгляд Грегора зацепился за знакомые светлые волосы, скуластое лицо и широкие плечи. У сторожевой горгульи, отмечающей переход из общежития в учебное крыло, группой боевиков распоряжался не кто иной, как Саграсс. Оставленный, между прочим, самим Грегором в карцере службы безопасности!

– А что такого? – хмыкнул Ладецки, правильно поняв его удивление. – Я распорядился его выпустить. Ради Пресветлого, Бастельеро, это попросту расточительно! У нас каждый мальчишка-адепт на счету, а один из лучших боевиков Ордена будет прохлаждаться за решеткой? Да вы и сами знаете, что не так уж он виноват.

Саграсс, тоже их заметив, поклонился и ответил Грегору взглядом в упор. Выглядел он подтянутым и собранным, только глаза нехорошо и лихорадочно блестели. Грегор невольно подумал, не собирается ли бывший подчиненный Денвера искать смерти в бою, чтобы очистить свое доброе имя. Вспомнился Адальред, который предпочел мерзкую участь самоубийцы...

– Лионель! – окликнул он боевика, не без труда вспомнив его имя. – Когда это все закончится, я буду ходатайствовать о вашем помиловании.

– Благодарю, милорд, – с неожиданной холодностью ответил Саграсс. – Но я готов к любой участи, которую для меня сочтут заслуженной. Не беспокойтесь, я здесь под честное слово и после окончания боя вернусь обратно в камеру. Милорд магистр Ладецки был очень великодушен, поверив мне и позволив сражаться.

– Как знаете, – ответил Грегор, про себя поморщившись.

Гордец! А ведь ему и правда грозит плаха. Вот будет забавно, если они с Саграссом встретятся в итоге на эшафоте! Неудачливый боевик, случайно погубивший одного принца крови, и лорд-протектор, принявший решение пожертвовать вторым.

Мимо пробежала стайка целителей – курс десятый-двенадцатый, почти взрослые. Его кузины со стороны Мэрли среди них не было, но даже если бы Грегор вспомнил о ней раньше, он не стал бы отправлять девочку домой. Да, жестоко, но чем она лучше остальных? И кто знает, вдруг именно ее силы не хватило бы, чтобы спасти кого-то другого? Сегодня, прав Ладецки, каждый человек и вправду на счету.

Ах, как же не хватает Воронов! Его умных, талантливых, сильных и умелых Воронов, гордости Фиолетового факультета! Но Аранвен, пожалуй, прав... Ни Дарра, ни Саймон не остались бы в стороне, а они наследники своих родов, истинная золотая кровь Трех Дюжин. И кто знает, может, Аранвен-старший еще изменит свое решение и на трон взойдет его сын?

Грегор вдруг понял, что не верит в благополучный исход. Конечно, стихийники постараются найти решение. Но судьба неизменно проверяет человека самым жестоким и неприятным способом, который только может выбрать. И ни Благие, ни Баргот, ни выдуманный Странник не могут встать между человеком и его выбором.

«Я не женюсь на Беатрис, – подумал он с холодной смертельной ясностью. – Кто угодно, только не я. Если Аранвены откажутся от короны, пусть возведут на трон любого из Трех Дюжин. И кто бы ни стал следующим королем, пусть он судит меня за все, что я сделал. Плаха так плаха, Бастельеро умеют отвечать за свои дела. Жаль только Айлин... Она заслуживает лучшей участи, чем стать вдовой, едва оказавшись женой. Но ее необдуманный порыв будет хотя бы прикрыт и оправдан честным браком, пусть недолгим. А если повезет и решение окажется в мою пользу, я сумею искупить свою вину и сделать ее счастливой. Она – единственная, кого я могу и хочу назвать своей женой...»

Мир вокруг замер и пошатнулся. Грегор почувствовал, что на миг оглох, но тут же слух вернулся. Академия дрожала, как испуганная лошадь, каждым камнем до самого основания. Стены вибрировали, стекла дребезжали в рамах.

– Началось, – с угрюмым удовлетворением сказал Ладецки и поправил на запястье браслет-накопитель. – Господа маги! – обратился он к боевикам. – Мы жили честно, а придется – умрем доблестно. За Орден и Дорвенант!

– За Орден и Дорвенант! – рявкнули боевики.

Грохнуло второй раз, уже ближе, и Грегор понял, что прорыв снова случился в Большом Зале Совета.

– За Орден и Дорвенант, – выдохнул он и почувствовал странную легкость в душе.

Никакой политики, всего лишь еще один бой, который непременно нужно выиграть. А судить победителей будут потом.

Глава 14. Провожатых никто не звал

В этот раз рассчитывать на быстрое закрытие порталов не приходилось. Они открывались повсюду один за одним, и уставшие стихийники, выложившиеся накануне, просто не могли заштопать такое количество прорывов ткани мироздания. Охрипший Райнгартен командовал ими на жуткой смеси ругательств и терминов, большую часть последних Грегор не понимал, но видел, что оранжевые маги выкладываются до донышка. Накопители у них давно закончились, и сам магистр Райнгартен все чаще прикладывался к фляге, а его подчиненные уже хлестали карвейн, как воду, пополняя резерв.

– Пятнадцать! – выдохнул он, выслушав очередной доклад и повернувшись к Грегору. – Шесть на первом этаже в аудиториях, остальные по жилому крылу. Тот, что в Зале Совета, мы залатали, остальные не сможем. Пока не сможем, – добавил он и потер мокрое от пота лицо ладонями.

Щегольская мантия оранжевого бархата, которую Райнгартен всегда носил с особым изяществом, запылилась и измялась, в паре мест на ней виднелись подпалины. И Грегор понял, что портал в Зале Совета Райнгартен закрывал сам. Несчастливое место какое-то...

– В жилом крыле никого не осталось, – бросил возникший рядом Ладецкий. – Начнем с аудиторий, здесь просторнее.

Грегор кивнул – и они начали.

Удар – фонтан крови, оседающий на пол пепел... Жирные пятна сажи там, где уже прошли алые маги. Фиолетовые вспышки его собственной магии. Это были не фраганцы, с которыми следовало соблюдать рыцарские правила ведения войны, и Грегор почти радовался, что нечисть можно просто истреблять. Удар – фонтан крови... И еще один! Он тратил силы расчетливо и бережно, понимая, что до конца боя их может и не хватить.

Вот из клуба дыма посреди аудитории возникла оскаленная пасть, и Грегор наотмашь приложил ее «могильной плитой». Демон сдох, не успев вылезти, рядом одобрительно хмыкнул Ладецкий, но по телу твари из портала рванулось полдюжины других, и боевик накрыл их «огненным градом». Истошно визжа, твари горели живьем, пока Ладецкий хладнокровно отбрасывал их от себя и Грегора щитом.

От мечущихся демонов загорелись шторы, вспыхнули обломки парты, но в аудиторию тут же деловито вбежал мальчишка-стихийник лет семнадцати, повел руками, что-то прошептал, и огонь погас, не успев разгореться. Адепт молча вылетел в коридор, помчался дальше, и Ладецкий снова одобрительно хмыкнул, появившись:

– Хорошо работают паршивцы. А то нам только пожаров не хватало.

Грегор кивнул и с сожалением подумал, что пока что весь их труд почти напрасен. Убивать демонов – все равно что вычерпывать воду из лодки с проломленным днищем. Как ни старайся, вода прибывает быстрее. Демоны в Бездне бесконечны... Но Райнгартен клялся, что продержаться нужно только до вечера, потом энергия по силовым линиям пойдет из Дорвенны обратно в Академию, и прорывы получится закрыть.

Громко топая, в аудиторию вбежали два адепта-боевика с выпускного курса и мэтр Ирвинг, преподаватель Фиолетового. Некромант кивнул Грегору, а боевики отдали честь Ладецкому, который указал им на клубящуюся черным дымом дыру портала.

– Ирвинг, зря не рискуйте, – сказал Грегор, помня, что молодой мэтр специализируется на кладбищенской нежити, а не боевых проклятиях. – Если что, отходите и зовите подмогу. У этих, – указал он взглядом на азартно блестящих глазами боевиков, – головы горячие, хоть вы поосторожнее.

– Не извольте беспокоиться, милорд, – улыбнулся Ирвинг, принимаясь выплетать щит. – Прикрою и себя, и ребят.

Здесь им с Ладечки больше делать было нечего, и Грегор первым вышел в коридор. Теперь в Академии так же тянуло дымом, как раньше – в Дорвенне. Только в этом дыме слышался отчетливый едкий привкус – в алхимическом крыле горела лаборатория.

«Хоть бы ничего не рвануло, – обеспокоенно подумал Грегор. – Как же не вовремя Адальред... Системы безопасности Академии – исконная забота артефакторов».

Словно подтверждая его мысли, доспехи в коридорной нише лязгнули, шагнули и перегородили дорогу ползущей твари, напоминающей гигантскую мокрицу. Грегора передернуло от омерзения, но не успел он поднять руку для заклятия, как пустой доспех времен Первой Фраганской войны, судя по форме шлема, вонзил в «мокрицу» тяжелый двуручник. Тварь изогнулась, и от ее беззвучного вопля у Грегора заложил уши, а доспех продолжал кромсать демона, пока от того не осталась груда черной плоти, сочащейся черной же кровью.

– А на верхних этажах горгульи, – с мрачным удовлетворением сообщил Ладечки. – «Бедные девочки» Адальреда тоже дают жару. Пожалуй, отобьемся, а, Бастельеро?

Не ожидая ответа, он зашагал по коридору, с великолепным хладнокровием обогнув дрожащую черную кучу. Пальцы магистра были предусмотрительно сложены для «Молота Пресветлого», и первого же летучего демона, похожего на огромную мышь-вечерницу, он сбил на лету, размазав по стене. «Позер, – усмехнулся Грегор. – Как все боевики. Но им иначе нельзя. Всех красных учат умирать если не легко, то хотя бы красиво и с честью. И подороже...»

Не ко времени вспомнился Кристоф, и Грегор с сожалением вздохнул. Старый магистр воспитал достойную смену, но как же сейчас не хватало его самого!

Отгнав отвлекающие мысли, Грегор последовал за Ладечки, свернувшим в сторону жилого крыла. Позади остались аудитории, учебные залы и холлы, где хотя бы можно развернуться и кинуть заклятие, не боясь попасть в напарника. В небольших комнатах общежития работа требовалась ювелирная. А еще не хватало людей. Уже не хватало, хотя с начала прорыва прошел едва ли час!

Мимо промчалась пара целителей с носилками. Грегор глянул туда – и по сердцу словно резануло. Округлые линии груди, обтянутой черно-фиолетовой туникой, длинные светлые косы – и кровавое месиво вместо лица. «Выпускной курс, – безжалостно подсказала память. – Корделия Леруазен, одна из лучших по наложению и снятию проклятий. После Аранвена, конечно, но его вообще не превзойти. Претемная, будь милостива...»

Стиснув зубы, он пошел дальше, и когда из очередной двери вывернулась шипастая зубастая гадина, Грегор влепил в нее «плиту» с яростным наслаждением. Размазал в черно-алое пятно и пожалел, что тварь была всего одна. Как обычно и бывает, накликал. Дверь распахнулась, и твари повалили оттуда клыкастой оравой. Грегор поднял щиты, мельком глянул на Ладечки. Боевик орудовал «молотом», как опытная хозяйка – пестиком в ступке, но прикрываться не забывал, край его щитов надежно перекрывал защиту Грегора. «Отобьемся», – холодно и зло подумал Грегор, но тут Ладечки досадливо крикнул и дернул браслет накопителя на запястье. Тот вспыхнул алым – и зловеще погас.

– Прикройте, – бросил Ладечки и потянул из кармана флягу с карвейном.

Щиты с его стороны истончились и медленно опали, Грегор растянул свои на двоих, не переставая лепить одну за одной «плиты» в орду кишаших демонов, но тех словно не становилось меньше, хотя коридор уже наполовину был перегороден дохлыми тварями.

И тут совсем рядом вспыхнуло, мир уже знакомо покачнулся, а в ушах пронзительно заныло. Грегора подняло, швырнуло, он попытался дернуться, но тут же понял, что его отбросило потоком силы на ближайшую стену. Смертельно близко к нему открывал черный зев новый портал. Что-то кричал Ладечки, но оглушенный Грегор его не слышал, только видел искаженное лицо магистра, отгороженного от него плоской дырой портала. Руки бессильно повисли, в голове шумело, и Грегор ясно понял, что его щиты вот-вот упадут, а из портала уже тянулись две огромные когтистые лапищи...

«Как Малкольма, – промелькнуло в голове. – Обидно!»

Он попытался уклониться, хотя бы сползти по стене на пол и перевести дух, но лапа с неожиданной быстротой метнулась к нему... Грегор стиснул зубы – и услышал обиженный вой. А потом на него плеснуло алой жижей, залил и лицо, и одежду. Одна лапа упала рядом, почти у его ног, вторая улетела вдаль, а на месте морды демона, уже предвкушающе оскаленной, оказалась мешанина плоти, костей и чешуи.

– Вы не ранены, милорд? – уловил он вернувшимся слухом смутно знакомый голос.

Грегор потряс головой, попытался подняться на ноги, ухватился за протянутую ему руку и только тогда узнал своего спасителя.

– Благодарю... Саграсс... – выдохнул он, и светловолосый боевик сдержанно кивнул.

– Не стоит благодарностей, – бросил он и повернулся в сторону коридора, явно собираясь вернуться к своим, но Грегор его окликнул:

– Что там, Лионель? Помощь нужна?

– Не помешала бы, – хмуро признался боевик. – Нас отрезали от лазарета, никак не можем туда пробиться. Пока отвлекаем тварей на себя, но если они развернутся... Там уже раненых полно, кровью пахнет!

Грегор похолодел, представив, что случится, если демоны ворвутся в лазарет с беспомощными целителями и ранеными. Проклятье, здесь же не было разрывов!

«А теперь вот появились», – прервал он себя.

– Саграсс, а что второй пост?! – рявнул Ладецки, пытаясь прорваться через силовое поле новорожденного портала. – С той стороны стояло шесть человек!

Бывший подручный Денвера отвечал, но Грегор его не слышал. Он привычно бросил сознание вперед, через коридор, затянутый дымом, через огромный очаг боли и смерти, в который превратилось целительское крыло... У кого-то менее опытного просто не получилось бы, лазарет глушил все тонкие эманации волной страха и почти материального страдания, но Грегор упрямо прорвался сквозь эту пелену на другую сторону целительского крыла, выходящую к саду, нащупал искомое и выдохнул непослушными губами:

– Ладецки, они мертвы. Все шесть. Лазарет без прикрытия, демоны вот-вот сомнут защиту!

– За мной! – заорал магистр красных и рванул по коридору так, что Грегор едва успел следом, махнув Саграссу и его людям.

Портал, едва не убивший его, пульсировал, готовясь выпустить очередную порцию тварей. Остаться здесь было не менее опасно, чем идти дальше, да и лазарет! Два боевика пошли замыкающими, развернув щиты, а Саграсс и еще один маг, незнакомый Грегору, прикрыли его и Ладецки с боков.

«Если выберемся живыми, – подумал Грегор, мельком увидев застывшее в маске спокойной злости лицо Саграсса, – ему должны это зачесть на суде!»

Вместе они снесли нескольких крупных тварей, засевших в холле перед лазаретом, а стаю мелких одним ударом «огненного града» смел пополнивший резерв Ладецки. Маленький отряд ворвался в длинный коридор целительского крыла, и Грегор словно окунулся в преисподнюю. Во всяком случае, в его армейских кошмарах она выглядела именно так. Смерть, боль, страх и безнадежность мешались вокруг, пропитывая сам воздух особым запахом отчаяния. Раненые, которым не хватило места, лежали прямо в коридоре, и Грегор с ужасом понял, насколько быстро переполнился лазарет!

– Лорд Бастельеро! – выдохнул кто-то, узнав его, и по коридору, где лежали, стояли и сидели люди, прокатилось волной:

– Мэтр Бастельеро здесь! Лорд-протектор с нами... Избранный Претемной пришел – теперь все будет хорошо...

А Грегор шел вперед, и его черными ледяными волнами окатывало присутствие родной стихии, всегда любимой, но в такие моменты ненавистой. Вот потянуло пронзительной тоской – и Грегор

вздрыгнул. Он точно знал, что сейчас рядом прошел Провожатый, чтобы забрать чью-то душу. Некоторые Избранные их видели, оставив надежные свидетельства, но ему самому Госпожа именно этот дар не дала. Он не видел призраков без особой подготовки. И к лучшему, пожалуй! Ни за что Грегор не хотел бы взглянуть в глаза тех, кого посланники Смерти уводят в Претемные Сады.

Они почти дошли до конца коридора, когда Ладецки, который шел впереди, словно огромный таран, зло и бессильно выругался. Грегор сделал еще шаг – и словно окунулся в холодную вязкую жидкость. Воздух здесь пах смертью, это ощутил бы любой некромант – при такой-то концентрации!

В расширении коридора у стен были сложены накрытые занавесями и простынями тела. Смерть обволакивала их, и Грегора передернуло. Сколько же... Сначала он невольно считал, потом дошел до двух дюжин и перестал, изнывая от бессильной ненависти непонятно к кому. Впрочем, почему же непонятно? Денвер и все, кто к этому причастен!

«Претемная, если он еще жив, пошли нам встречу! – взмолился Грегор. – Прощу тебя!»

На двух крайних телах, что лежали у самого выхода, простыня сбилась, и Грегор замер на ходу, увидев знакомые черты. Проклятье, когда? Как?! За... что?

С беспомощной и словно извиняющейся улыбкой перед ним лежал на полу мэтр Ирвинг, с которым Грегор разговаривал меньше часа назад. Грудь некроманта была рассечена, словно ударом секиры, открывая осколки разрубленных ребер и замершее сердце. Но лицо осталось чистым, а в руке молодой некромант сжимал ладонь лежащей рядом девушки.

Что бы ни убило Ирвинга, его спутницу оно задело лишь краем, но и этого хватило – на тонкой белой шее девушки виднелась глубокая рана – как раз на месте артерии. Целительскую мантию пропитала кровь, а лицо было таким белым и тонким, что Грегор не сразу его узнал. Узнав же, до боли стиснул зубы.

– Бастельеро! – нетерпеливо оглянулся к нему Ладецки, но Грегор попросил:

– Минуту, магистр. Это... моя кузина.

И опустился на колени перед телами.

«Все-таки нужно было отослать домой, – беспомощно мелькнула первая мысль, но вторая тут же ее прервала: – Но как отослать? Аделин была почти выпускницей... И почему она? Ирвинг дрался в аудитории, она должна была работать здесь, в лазарете, почти в безопасности... Проклятье, как и почему?!»

– Вот к кому он на свидания бегал... – уронил один из незнакомых боевиков, подойдя и встав рядом с Грегором. Помолчал и пояснил: – Мы с Ирвингом дружили. Но он даже имени никому не говорил, только вздыхал, что девицу за него точно не отдадут, слишком высокий род. Пресветлый Воин, жаль как...

«Ирвинг не мог отлучиться с поста, – подумал Грегор. – Разве что был ранен и пошел в лазарет? Но все равно не сходится. Непонятно, где они встретились, ясно только, что погибли вместе. Он, похоже, ее прикрывал... Почему он мне не сказал? Он же был моим коллегой! И знал, что Аделин Мэрли – моя кузина. Если у них все было так серьезно, я бы сам посватал ее у старика Мэрли! И уж точно бы вчера отправил домой... Почему? Да какая разница! Какая теперь кому разница...»

По сердцу острым некромантским ножом резанула другая боль, старая, уже почти зажившая, а вот нет, оказывается, только и ждала своего времени. Дилан Эддерли и Этайн Аранвен. «Претемная, прости за непочтение, но разве это справедливо? Ты вправе забрать любого, но зачем вот их? Молодых, влюбленных, жаждущих жить... Да, я знаю, что никто и никогда не ждет Провожатых, они приходят незваными, но зачем рвать несозревшие плоды? Дети, юнцы... Никогда не понимал и понимать отказываюсь...»

Он бережно поправил простыню, прикрывая лица, и на миг ему показалось, что взгляды невидящих глаз обращены друг к другу, хотя Ирвинг и Аделин Мэрли слепо смотрели в потолок...

– Бастельеро! Вот вы где!

По коридору к нему спешил магистр Бреннан, непривычно осунувшийся и мрачный.

– Бреннан, простите, некогда, – поднялся с колен Грегор, но целитель добежал до него и торопливо заговорил:

– Все очень плохо, слышите? Мы истратили все накопители, карвейн уже не помогает, да и толку от пьяного лекаря. Еще немного продержимся, но силы на исходе. Уже давно лечим без магии всех, кого можем. Просто режем и зашиваем. Кто дождется, пока у нас восстановится резерв, тот выживет, но не все. Понимаете, Бастельеро, не все! Просто потому что не хватает резерва!

– Я понимаю, Бреннан, – выдавил Грегор. – Но что я могу?

– Не знаю, но сделайте что-нибудь! – потребовал Бреннан, устремив на него пронзительный взгляд покрасневших, налитых кровью и опухших глаз. – Загоните этих тварей обратно в преисподнюю, где им самое место! У меня дети гибнут! Умирают на операционных столах, потому что я не могу влить немного силы! Мы не успеваем подбирать раненых! Мы...

Он осекся, глянул на Ирвинга и Аделин, возле которых стоял Грегор, и попросил, жалко скривив лицо и став совсем не похожим на себя прежнего, всегда такого спокойного и невозмутимого:

– Грегор, я знаю, что вы делаете все возможное. Так сделайте невозможное, умоляю! Мы же делаем!

Застыл, вглядевшись ему в лицо, а потом, словно увидев там что-то, круто развернулся и так же быстро побежал в лазарет, смешно и нелепо переваливаясь на ходу.

– Идемте, – бросил Грегор, сглотнув ком в горле и уже не глядя на погибших. – Невозможное, это как раз по нашей части, господа маги!

Ладечки мрачно, но одобрительно кивнул, и тут напряженный гул, стоящий в коридоре, разрезал высокий девичий крик со стороны сада. Почти сразу следом пришла волна фиолетовой силы, в которой Грегор узнал «тленную суть» – в саду кто-то дрался отчаянно, насмерть. Это заклятие ни за что не сплеть в полновесной форме без внутренней готовности убивать. А еще оно требует больших сил и отточенного мастерства. На памяти Грегора из адептов им с легкостью щеголяли только Аранвен и Эддерли, однако их здесь нет и быть не может. Поэтому, выскакивая в сад, Грегор ожидал увидеть кого-то из преподавателей – и ошибся.

В дюжине шагов от крыльца вокруг старой мощной вишни сгрудилась стайка адептов. Юноша в целительской форме почти держал на руках бледную девицу-боевичку с окровавленным плечом. Девица пыталась встать на ноги и даже упрямо складывала пальцы здоровой руки в «молот», но сил ей не хватало, и заклятие срывалось бесполезной вспышкой. Их прикрывали две совсем юные некромантки с курса Айлин Ревенгар.

Одну Грегор прекрасно знал, мерзавец Денвер, их куратор, не мог нахвалиться на Иду Морьезу. Вторую толком не помнил ни в лицо, ни по имени. Просто бледная тень своей талантливой и сильной подружки. Сейчас она толком даже не барахталась, видно, давно потратила резерв. А вот Морьеза, выпрямившись и закусив губу, сверкая жгучими итлийскими глазами на смуглом лице, отбивалась отчаянно и умело.

Прежде чем Грегор успел сбежать с крыльца, она швырнула в атакующую стаю тварей еще одну «тленную суть» и добавила «прахом веков». Слабым, но изумительно четким. Два демона размером с некрупного медведя, попавшие под «прах», рассыпались бурым пеплом, и Морьеза торжествующе вскрикнула.

– Сюда! – крикнул Грегор, в свою очередь кинув по демонам очередной «плитой». – Бегом, я прикрою!

Подойти ближе он не решался, в пылу боя девица могла и промазать. Подобраться под щитами? На поляне опасно дрожало зеленое пламя не до конца развеявшейся «тленной сути», а от него и щиты не всегда спасают.

Боевики между тем рассыпались, пытались взять демонов в клещи и отвлечь от адептов. Саграсс и Ладечки с двух сторон лупили «огненным градом», наверняка тратя последний резерв. Улучив момент, адепт-целитель подхватил боевичку и потащил ее к крыльцу. Сверху на них спикировала стая гигантских летучих мышей, оскалив пасти, полные клыков. Грегор поставил щит-купол,

накрыв парочку, один из боевиков, подскочив, помог целителю, и под прикрытием они донесли девчонку до крыльца.

– Спасибо, милорды! – крикнул целитель и потянул раненую девушку дальше, в сторону лазарета.

Но теперь между крыльцом и вишней было полно демонов. Вторая некромантка попыталась поставить щит, но у нее даже тонкой преграды не получилось. Тогда она сползла по стволу вишни вниз, обхватила колени руками и замерла, спрятав лицо в них, словно это могло спасти от демонов.

– Прикройте! – крикнул Саграсс и метнулся к девушкам.

Сил на собственный щит у него, похоже, не осталось, и поступок выглядел почти самоубийством. А может, именно им и был. Но если бы у него получилось перед смертью выдернуть девчонок из-под непрерывных атак демонов, Грегор первый признал бы, что боевик ушел красиво.

Не вышло. Несмотря на «тленную суть», которой теперь уже Грегор от души полосовал тварей, несмотря на «молоты» его товарищей, Саграсс не добежал до вишни пару шагов. Его сбил с ног здоровенный демон, словно весь состоящий из лап с когтями, и боевик покатился по земле в сторону крыльца. Его подняли и втащили обратно. И почти сразу Ида Морьеца снова вскрикнула. Откинула очередного демона щитом, схватила подругу за плечо, но перепуганная насмерть девчонка лишь мотала головой.

– Беги! – услышал Грегор голос Морьецы. – Беги же, Лионора! Ну!

Прорваться к ним было невозможно, и Грегор закусил губу, отчаянно пытаясь придумать хоть что-то. Но все, чем он мог бы накрыть демонов, неминуемо убивало девчонок.

– Да беги, дура! – закричала Морьеца, и в ее руках появились два ослепительных клинка ледяного фиолетового пламени.

«Гнев Претемнейшей! – едва не ахнул в изумлении Грегор. – На шестом курсе?! Да его Саймон Эддерли уже два года сделать пытается – и никак!»

Демоны попятились назад, дав жертвам мгновенную передышку. Лионора наконец вскочила на ноги и помчалась к крыльцу. Маленькая и хрупкая, она была на диво увертлива и проскакивала между крупными тварями раньше, чем те успевали махнуть лапой. А Грегор, слетев одним прыжком с крыльца, попытался пробиться к Морьеце, но та, видимо, истратила последние силы. Магические клинки в ее руках разом погасли, и огромная лапа демона дотянулась до девчонки, небрежно, почти с ленцой чиркнув ее когтями по горлу.

Алая кровь хлынула на мантию, и Морьеца медленно осела на землю. Смуглая, тонкая, изящная, прекрасная даже в смерти, она вдруг напомнила Грегору Беатрис, и сердце сжалось мучительной болью, словно он увидел смерть той, другой женщины.

Встряхнув головой, Грегор избавился от наваждения и отступил к крыльцу, кусая губы. Он ничего не мог сделать! Ровным счетом ничего! Разве что погибнуть рядом... Даже будь на месте Морьецы сама Айлин... Нет! Вот об этом совсем нельзя думать! Ее здесь нет – и слава Претемнейшей!

А тварей все прибывало... И позади все так же был незащищенный лазарет. То ли их и вправду привлекал запах крови, то ли рядом случился особенно мощный прорыв, но теперь настоящая волна демонов катилась прямо на крыльцо со всех сторон и так неспешно, словно мерзкие твари понимали – добыче некуда деваться.

– Не отобьемся, – без малейшего страха в голосе проворчал Ладецкий. – Что бы им ни появиться хоть чуть пораньше! Когда резерв был...

«Не отобьемся, – молча согласился Грегор, собирая остатки резерва и растягивая щит. – Но и

тварей к лазарету пропустить нельзя. Что ж, у Избранного Госпожи есть кое-какие преимущества. И не только боевики умеют уходить доблестно».

- Ладецки, поставьте на меня щит и уводите своих, – бросил он.

- Давайте, Грегор, – кивнул все понимающий боевик. – Дам вам времени, сколько смогу...

Он качнулся вперед, Грегор бросил последний взгляд в сторону вишни и даже с десяти шагов различил победную улыбку мертвой Морьезы. Прикрыл глаза.

«Милости Претемной прошу...»

- За Орден и Дорвенант! – по-медвежьи взревел Ладецки, вкладывая остаток сил в щит, и откуда-то спереди, из-за стены демонов, в ответ раздалось нестройное:

- За Орден и Дорвенант!

Грегор вздрогнул и замер с рукой, поднятой для последнего посмертного заклания. Не может быть!

Демоны рассыпались. Таяли на глазах, оставляя пятна жирной сажки на утопанной земле сада. А мир вокруг заливало режущее глаза, чудовищное, невозможное фиолетово-зеленое свечение, едва дающее различить девять темных силуэтов.

«Истинный Прах Веков! Объединенный, созданный девятью магами, объемный и долгий... Тянет на полноценную магистерскую работу! – мелькнула совершенно безумная мысль, тут же вытесненная другой, единственно правильной: – Вороны! Как же вовремя они вернулись!»

- Мэтр Бастельеро! – заорал Саймон, продираясь через свечение «праха», что медленно рассеивалось над садом. – Вы здесь деретесь? И без нас?! А мы все равно успели, вот!

Ладецки рядом с Грегором тихо выдал что-то заковыристое и покачнулся, вцепившись в перила. Саграсс поддержал магистра, а Саймон, добежав до крыльца, едва не бросился к Грегору на шею, не замечая ни оставшихся тел демонов, ни мертвую Морьезу. Лицо его горело азартом и восторгом, глаза сияли, и Грегор вздохнул, остро жалея, что протянуть руку и снять с пояса Эддерли-младшего флягу, где наверняка плещется карвейн, вряд ли подобает преподавателю. А как хочется глоток жгучего пойла. И резерв пополнить, и, главное, смыть во рту привкус смерти.

- Доброго дня, милорд, – церемонно поприветствовал его Дарра Аранвен, тоже приближаясь к крыльцу. – Простите, мы не смогли выполнить ваше поручение.

На фоне изуродованных тел демонов и дымящейся кровью земли он выглядел так свежо и элегантно, что это казалось неестественным, почти чудовищным. Грегор сглотнул и напомнил себе, что это же Аранвен. Пожалуй, к ним даже Провожатые являются не иначе, как заранее согласовав время визита и в полной парадной форме.

- Знаю, – кивнул Грегор. – Потом расскажете подробности. Аранвен, вы пробивались от конюшен? Что там?

- Уже ничего, – безмятежно откликнулся Дарра, поправляя немного помятые, но белоснежные манжеты рубашки, что выглядывали из-под рукавов дорожной куртки не больше, чем на полпальца. Точно как в учебнике по этикету. – Было два десятка демонов среднего размера, но мы уничтожили половину, а остальными занялись господа с Красного факультета, которые нас сопровождали. Милорд магистр, господа мэтры, мое почтение, – изящно поклонился он Ладецки и остальным и снова обернулся к Грегору: – Лорд Бастельеро, мы можем быть полезны? Наш резерв почти полон.

– А это тоже демон? Ну и страшилище! – весело возмущился Саймон, задирая голову, и Грегор невольно позавидовал: мальчишки бросились в бой прямо с седел, а у Эддерли еще хватает сил шутить.

Он тоже посмотрел вверх. Над самым крыльцом реяла летучая тварь, не похожая на уже знакомых «мышей». Справедливо опасаясь людей, она не спускалась вниз, только угрожающе шипела и вытягивала длинную шею с редкостно уродливой головой.

– Поберегись! – залихватски предупредил Эддерли, явно щеголяя перед боевиками, и запустил вверх «Могильную плиту».

Грегор уже почти перестал удивляться, что его фамильное заклятие, оказывается, прекрасно известно всей знаменитой троице. Правда, Аранвен его еще не применял, но если уж Эддерли и Ревенгар освоили «плиту», можно даже не сомневаться, кто им помогал.

«Плита» у Саймона вышла небольшая, так что впору было назвать ее «камнем». Она врезалась прямо в морду твари, сбив ее на землю перед крыльцом. Демон, похожий на уродливую птицу, только чудовищно клыкастую, забился на окровавленной земле, судорожно дергая крыльями и разева пасть.

– А живучая какая! – фыркнул Эддерли. – А если тебя сапогом?

– Эддерли, не смейте! – рявкнул Грегор, но опоздал.

На целую долю мгновения опоздал! Следовало раньше вспомнить, что лорд Эддерли-старший терпеть не может охоту, так что его наследник бывает на ней крайне редко, если бывает вообще. И потому не знает, как опасны бывают подранки!

Саймон шагнул вперед, намереваясь пригвоздить демона каблуком, а тварь с яростным визгом отчаянно рванулась вверх и вперед, рванула клыками бедро мальчишки у самого паха, легко вспоров кожаные штаны и тело, – и рассыпалась, накрытая брошенным Грегором «прахом веков». Поздно...

Саймон недоуменно и беспомощно взглянул на брызнувшую из бедра ярко-алую кровь, сдавленно всхлипнул – и упал на руки подскочившему Аранвену.

– Дарра, пережмите ногу над раной! – рявкнул Грегор. – Тащите его в лазарет!

Кровь хлестала так, что Грегор понял: повреждена артерия. Лицо Саймона на глазах белело, он закатил глаза, и Ладецки, выругавшись, отстранил Аранвена, одной рукой зажал бедро Саймона, а второй подхватил его и понес, как ребенка. Грегор торопливо пошел следом, на ходу с холодным ужасом вспомнив слова Бреннана о закончившемся резерве. «Но, может быть, мальчишке успеют помочь? Претемная, отведи от него взгляд! Милосердная сестра, дай сил целителям...»

* * *

В коридоре под дверью операционной палаты время тянулось бесконечно, как показалось Грегору. Тот отчаянный штурм лазарета, на который кидались демоны, оказался самым сильным, но и последним при этом. Когда Вороны его отбили, остатки тварей, рассеянных по Академии, смогли спокойно добивать остальные. А Грегор застыл у зеленой – цвет Милосердной Сестры – стены, ожидая, пока целители выйдут новостями. Рядом мраморной статуей замер Дарра Аранвен. Грегор иногда посматривал на него, потому что больше смотреть было не на кого, и невольно вспоминал, как впервые в жизни увидел Дарру без его обычной ледяной корки.

Когда Ладецки донес Саймона на руках до самой операционной и по-медвежьи взревел в коридоре, выскочивший Бреннан ни мгновения не потерял на бесполезные причитания. Отработанным движением перехватил руку Ладецки на окровавленном бедре Саймона, второй рукой взрезал штанину невесть откуда взявшимся скальпелем и зажал перебитую артерию уже по-настоящему.

– Нужен резерв! – бросил, оглядывая всех. – Кто умеет перекачивать?

– Я пуст, – с мучительным сожалением признался Грегор, и Ладецки мрачно кивнул.

Саграсс, зажимающий подранное демоном плечо, только горестно вздохнул.

Вороны, с надеждой смотревшие на самого магистра целителей, что непременно должен был помочь Саймону, один за другим опускали взгляд. Передача личной энергии – процесс опасный, требующий высочайшей точности и огромного умения. Учить ему адептов до десятого курса строго запрещено, да и после это разрешено применять только полным орденом магам. Слишком велик риск при неудачном обмене.

Грегор в упор взглянул на Дарру. Остальные Вороны, возможно, и вправду кто недостаточно умел, кто законопослушен. Но чтобы Аранвен не смог?! Притом он выпускник! Значит, точно должен уметь. И его резерв полон, сам сказал.

И вот тут он впервые увидел невозможное, чему сам бы никогда не поверил. Дарра Аранвен, эталон невозмутимости, побледнел так, что при его и без того светлой коже стал полупрозрачным и каким-то изжелта-восковым. А потом выдавил, с отчаянием глядя на Саймона, уже потерявшего сознание:

– Я не смогу. У меня... есть резерв, но я не могу его перекачать. Абсолютный блок, не снимаемый...

– Что значит «не снимаемый»? – возмутился Бреннан. – Юноша, вы понимаете, что говорите? Это же несложно! И почти безопасно!

– Я не могу, – повторил Аранвен, бледнея до полной бесцветности, почти прозрачности. – Магистр, я готов на кровавую жертву, если нужна сила. Возьмите, сколько нужно, я сам под нож лягу. Но не резерв.

– Дарра, вы соображаете, что говорите? – поразился Грегор. – Какая кровавая жертва?! Вы нам еще ритуал Баргота провести предложите! Да и не поможет... – добавил он, чтобы окончательно отвлечь Аранвена от подобной опасной глупости. – Целители не успеют.

– Заносите его, – решительно прервал их Бреннан, приняв какое-то решение. – Попробуем без резерва. Если магистр сможет... Ну, а если не он, то никто.

Ладецки, снова легко подхватив Саймона, внес его в операционную, оставив Грегора в полном недоумении, почему магистр Бреннан говорит о себе со стороны. Или он которого магистра имел в виду?

Воронов, маявщихся в коридоре, он отправил добивать демонов, потом ушел и Ладецки, молча выйдя из операционной и мрачно пожав плечами на молчаливый вопросительный взгляд Грегора. А они остались втроем: сам Грегор, безмолвный и все еще бледный Дарра и прислонившийся к стене Саграсс, терпеливо ожидающий, пока освободится кто-то из целителей. Дважды прибегали посыльные от Райнгартена, магистр стихийников докладывал, что все идет по плану и Оранжевая гильдия вскоре начнет закрывать прорывы. Окно, рядом с которым стоял Грегор, выходило в сад, там почти село солнце, заливая деревья золотым светом, и эта картина была такой мирной, что только запах пожара и крови неумолимо напоминал о том, что было.

А потом в конце коридора показалась тонкая девичья фигурка с растрепанными волосами. Приблизилась и оказалась адепткой, той самой, которую прикрывала погибшая Морьеца. Грегор, хоть и видел девушку совсем недавно и в очень запоминающихся обстоятельствах, признал ее не сразу, настолько она была блеклой и незаметной.

– Ида умерла, – сказала девушка тонким ломким голосом, глядя мимо Грегора, бессмысленно скользя взглядом по стенам, плотно закрытым дверям, полу...

«И какой нелепой смертью! – подумал Грегор. – Морьеца и правда была на редкость талантлива. Она могла бы многого добиться. Но пожертвовать собой ради столь бессмысленного существа?»

– Ида умерла, – повторила девчонка, жалко скривив рот, перевела взгляд на замершего у стены Дарру и вдруг резко умолкла. Сверкнула глазами, сжала кулаки, подскочила к нему и завизжала почти так же, как визжали демоны. – Ты! Ты во всем виноват! Она хотела пойти с тобой на бал, а ты! Все для своей Ревенгар! Ида умерла, а где Ревенгар?! Лучше бы она! И ты! Надеюсь, что она сохнет, твоя Ревенгар! Лучше бы вы все! Да ты и мизинца ее не стоил, ясно?! Она прикрывала! Потому что ей было все равно, раз ты не хочешь! Мразь, ублюдок!!!

– Очень достойная смерть для некромантки, – уронил Дарра так равнодушно, что стало ясно – крики

девушки он пропустил мимо ушей.

Грегор перевел взгляд на его бесстрастное лицо и поразился: неужели действительно ничего не чувствует? Конечно, нельзя было ожидать, что блистательный Аранвен ответит взаимностью простолюдинке, пусть и красивой, и талантливой. Но узнать о смерти девушки, влюбленной в тебя, пусть и безответно, и вот так... почти не заметить этого?! Неужели для него это не имеет никакого значения? Ни малейшего?!

Дверь ближайшей палаты распахнулась, и из нее выглянула девица лет двадцати, невысокая, круглолицая, в серой мантии с широкой желтой оторочкой... Из-под желтой же косынки выбились и прилипли ко лбу белокурые волосы. Иллюзорница? Здесь?

«Почему она в лазарете? – удивился Грегор. – Ведь их эвакуировали. Проклятье, что здесь делать иллюзорнице?!»

Голубые глаза девицы остановились на вопящей адептке и холодно блеснули. Пройдя мимо Аранвена так, словно его и вовсе не было, иллюзорница остановилась напротив некромантки и закатила ей короткую, но звучную оплеуху, а потом рывкнула:

– Умолкни! Нашла где орать – в лазарете! Тебе Аранвен, что ли, виноват, что демоны полезли? Ревенгар ей, видите ли, подавай! Раз Ревенгар нет, значит, она чем-то важным занята! А ты бездельничаешь! А ну, быстро успокоилась и пошла в лазарете помогать, если другого дела найти не можешь!

Некромантка умолкла, как по волшебству, еще дважды всхлипнула и, уже не глядя ни на Дарру, ни на так кстати появившуюся иллюзорницу, шмыгнула в палату.

– Вот так-то, – буркнула иллюзорница, глядя ей вслед. – Моя Ревенгар ей не нравится, ишь! Мне, может, тоже интересно, где эта дура, но я же не ору!

Она скользнула равнодушным взглядом по Грегору и Аранвену, а потом остановилась им на Саграссе, поинтересовавшись так сварливо, словно уже лет десять была за боевиком замужем:

– Ну и что вы тут стоите, милорд? Ждете, пока совсем кровью истечете? Или вы из тех, кто навещает целителей, когда копьё в спине спать мешает?

Ошеломленный Саграсс воззрился на нее со смесью опасливого недоумения и, как показалось Грегору, восторга, а потом уточнил:

– Простите, леди, мне сказали, свободных целителей нет.

– Неужели? – вскинула иллюзорница тщательно подведенные – это в такую минуту! – брови и хмыкнула: – Сейчас найдутся. Идемте!

Пропустив Саграсса и сердито фыркнув, она вернулась в палату, а спустя мгновение зареванная подруга Морьезы выскочила оттуда так, словно ей дали хорошего пинка. В руках некромантка тащила пустое ведро, и Грегор окончательно перестал понимать, что происходит. Ведро-то им зачем?

Ожидание потянулось снова, тоскливое и унылое, как последний вечер перед Солнцестоянием. Аранвен смотрел прямо перед собой с таким отрешенным лицом, что Грегор даже не стал спрашивать, как прошла поездка. Видит Претемная, если бы сразу после гибели Малкольма кто-то пристал с расспросами к нему самому...

«Нет, – подумал он, холодея. – Мальчишка Эддерли будет жить. Мы и так потеряли слишком многих! Ради сына магистра целители сделают все. Проклятье, но если этого окажется недостаточно... как я буду смотреть в глаза Эддерли?»

Еще через пару вечностей со второго этажа спустился Фиолетовый магистр. Непривычно ссутулившийся, он умоляюще взглянул на Грегора, облизнул губы, словно отчаянно боялся и спросить, и услышать ответ.

Грегор молча покачал головой, и Эддерли с тяжелым вздохом тоже прислонился к стене.

Дверь палаты снова открылась, и в коридор вышел Роверстан, почему-то без медальона магистра и даже без перстня, зато с окровавленными по локоть руками, будто весь бой провел не в лазарете, а на скотобойне. Или, по крайней мере, в гуще сражения.

Эддерли, вздрогнув, подался вперед, глядя на него с сумасшедшей надеждой в светло-карих, как у сына, глазах, и вот тут Грегора осенило: он понял, о каком магистре говорил Бреннан! А заодно вспомнил и слова разумника на совещании. Претемная, он в самом деле был прав, когда говорил, что его искусство врача без магии пригодится. Швы! Что там он про них упоминал?!

– Все в порядке, магистр, – успокаивающе проговорил разумник. – Саймон будет жить и не останется калекой. Но какое-то время ему придется провести в постели...

Эддерли по-прежнему молча шагнул вперед и обнял Роверстана, словно собственного сына, а потом торопливо скрылся за дверью палаты. Грегор молча поразился. Он ожидал от пожилого лорда искренней, но все же формальной благодарности, признания себя должником... Чего-то, более соответствующего такому важному случаю! Но объятие? Ему показалось, что и сам Роверстан не менее удивлен таким проявлением чувств обычно сдержанного магистра некромантии. Разумник проводил Эддерли взглядом и устало потер лицо ладонями, совсем забыв, что они в крови, и превратив его в жуткую маску.

Бросил взгляд на Аранвена и утомленно пробормотал под нос:

– Выпить бы...

– Прошу, магистр!

Дарра стремительно шагнул от стены, запуская руку за борт куртки. Вынув из внутреннего кармана небольшую плоскую фляжку, он торопливо подал ее Роверстану, который открутил колпачок, сделал щедрый глоток и благодарно улыбнулся юному некроманту. Грегор, вспомнив, как сам постеснялся попросить у Саймона выпить, с трудом удержался, чтобы не облизать губы. Хорошо все-таки живется тому, кто плевал на этикет! Впрочем, он тут же устыдился: Роверстан выглядел так, словно выдержал не менее тяжелый бой, чем сам Грегор. А если Саймон был у него еще и не первым пациентом... Тогда разумник заслуживает хоть всего карвейна Академии!

– С вашим другом все будет в порядке, – повторил Роверстан, возвращая Дарре флягу, и огляделся по сторонам, словно кого-то искал. Кивнул Грегору, снова осмотрел коридор, уже слегка обеспокоенно нахмурился... – Странно, что вы один, – добавил он, обращаясь по-прежнему к Аранвену. – Я полагал, адептка Ревенгар тоже беспокоится о юном Эддерли. Надеюсь, она не ранена?

Неподвижное лицо Аранвена не могло побледнеть еще больше, но застыло, как мраморное.

– Я не видел леди Айлин с самого отъезда, – тяжело уронил он.

– Как... не видели? – дрогнувшим почему-то голосом переспросил Роверстан.

Грегор увидел, как разумник поднял руку к вороту светлой, но заляпанной кровью рубахи. Там блеснуло что-то, но Роверстан не донес ладонь, на мгновение задержав ее в воздухе, а потом вцепился пальцами в ворот, словно тот его душил.

– Я полагал, она с вами, – сказал он Дарре как равному, а не адепту, и они оба, повернувшись, посмотрели на Грегора.

Глава 15. Отвергнутый поклонник и два Ульва

– Мэтр Бастельеро? – с опасной любезностью уронил Роверстан, и его глаза остро блеснули, превратив окровавленное лицо в морду демона.

Дверь операционной снова открылась, иллюзорница, утащившая Саграсса, выглянула в коридор, осмотрелась и нырнула обратно. Следовало отдать должное целителям, за время последнего боя и операции они полностью очистили проход, разобрав раненых по палатам. Из-за некоторых дверей слышались приглушенные стоны, но того жуткого ощущения боли и безнадежности уже не было.

– К слову, что здесь делают иллюзорники... м-магистр? – поинтересовался Грегор, молча поблагодарив девицу за возможность сменить тему. – Если не ошибаюсь, их должны были эвакуировать.

Аранвену, конечно, придется рассказать, что Ревенгар покинула Академию, но говорить о ней с Роверстаном? С какой стати? Магистру Белых следовало бы думать о своих адептах, а лучше – о пациентах, которым, возможно, прямо сейчас нужна помощь!

– Представьте себе, некоторые остались добровольно, – резко ответил Роверстан. – Носят воду, перевязывают раненых, кипятят инструменты... только не спрашивайте зачем. У меня, признаться, нет ни малейшего настроения читать лекцию по медицине. А теперь не изволите ли все-таки ответить, где адептка Ревенгар?

«Ненавижу, – подумал Грегор. – Тварь высокомерная!»

– С какой стати это интересует именно вас? – процедил он, глядя в застывшие черным льдом глаза разумника. – Кажется, вы не опекун Ревенгар и не приходите ей ни родственником, ни другом. Или, может быть, – вспомнил он ядовито-любезного фраганца, с которым имел неудовольствие беседовать только сегодня утром, – вы ее отвергнутый поклонник?

– Я друг леди Ревенгар, – неприятно сухо и как-то скрипуче проговорил Дарра. – И, возможно, отвергнутый ею поклонник. Надеюсь, милорд, вы признаете мое право спрашивать?

«Проклятье, – растерянно подумал Грегор. – Чтобы Дарра Аранвен пренебрег гордостью и этикетом?! Но я сам сказал, что ответил бы другу или... Сам загнал себя в ловушку! Что ж, получай, Бастельеро!»

– Леди Ревенгар покинула Академию в тот же день, что и вы, – сухо сказал он, глядя только на Аранвена. – Не оставив ни магических, ни иных следов. На рассвете следующего дня она выехала из Дорвенны в сопровождении юного лорда Вальдерона. Где они находятся сейчас, мне неизвестно. Полагаю, вы удовлетворены?

– Нет, – спокойно ответил Аранвен. – Простите, милорд, меня никак не может удовлетворить известие, что девушка, чья судьба и репутация мне не безразличны, находится неизвестно где. Я надеюсь, у нее есть еще спутники, кроме лорда Вальдерона?

– Сейчас это не имеет значения, – уронил Грегор, изнывая от бессильной ярости и понимая, что злиться следует в первую очередь на самого себя.

Это из-за его приказа и нерасторопности Кастельмаро Айлин осталась наедине с бастардом! Эдвин мог бы не торопиться в столицу, лучше попробовал бы догнать эту безумную парочку по свежим следам! А теперь надежда только на канцлера! Проклятье, а ведь младший Аранвен беспокоится об Айлин не только, как о подруге. Он собирался сделать ей предложение! Не успел или она отказала? К чему-то должна быть эта фраза об отвергнутом поклоннике...

– Дарра, поверьте, мы с вашим отцом приложим все усилия, чтобы найти леди Ревенгар, – уронил он насколько мог мягко. – Если это случится достаточно быстро, ее репутация не пострадает.

«А если ты сочтешь ее опозоренной и откажешься от мысли на ней жениться, – подумал Грегор, глядя в непроницаемые темно-серые глаза Аранвена-младшего, – это даже к лучшему! Не придется соревноваться с собственным адептом за невесту. А когда Айлин станет моей, никто не посмеет сказать дурного про жену лорда Бастельеро».

– Не сомневаюсь, милорд, – бесстрастно ответил Дарра и склонил голову в легком поклоне, отмеренном точно по учебнику этикета, раздел «Отношения ученика и наставника». – Простите, мне нужно навестить отца. Я вернусь не позже полуночного колокола, напишу отчет о поездке и предоставлю его завтра утром. А сейчас, если я вам больше не нужен, позвольте откланяться.

Грегор кивнул, впервые остро и искренне сожалея, что этот умнейший и многообещающий адепт, чтоб его... Что он учится на факультете некромантии, а не у разумников, где ему самое место! Сейчас Дарра Аранвен был бы личной головной болью Роверстана, а не Грегора!

Словно услышав его мысли, Дарра посмотрел на Белого магистра, молча слушавшего их разговор, и предложил:

– Вас отвезти в город, милорд? Отец прислал за мной экипаж, но Дорвенне сейчас не стоит ездить в одиночку.

– Благодарю за любезность, адепт Аранвен, – так же учтиво ответил Роверстан и снова потер виски ладонями, но тут же, словно опомнившись, с отвращением взглянул на окровавленные пальцы. – Пожалуй, я отдохну здесь, в Академии. Магистру Бреннану еще понадобится моя помощь. Передайте лорду Аранвену мое почтение.

– Непременно, – поклонился ему Дарра в точности как Грегору, но задержал поклон на пару мгновений, сделав его куда более учтивым. – С вашего позволения, я загляну в лазарет завтра утром. Милорды, доброго вечера.

«А ведь и правда уже вечер, – понял Грегор, глядя, как идеально ровный силуэт Аранвена-младшего удаляется по коридору, белая в густеющих сумерках серебряной головой. Единственной уступкой, которую Дарра сделал дороге, а потом – бою, была прическа: обычно распущенные волосы он заплет в косу, и теперь она словно делила его фигуру надвое длинным бледно-золотым штрихом. – Бесконечный был день, заberi его Баргот... Совсем как раньше, на войне».

Роверстан тоже посмотрел Аранвену вслед, а потом сухо кивнул Грегору и ушел в операционную, опровергая собственные слова об отдыхе. Может, хотел осведомиться о состоянии Саймона? «Старый Эддерли меня не простил бы, – с болезненно тянущей болью где-то внутри подумал Грегор. – Если бы его единственный сын погиб... Да я сам не простил бы себя! Эти мальчики и девочки... Они прикрыли собой Дорвенну по долгу мага, но каждый, кто сегодня ушел к Претемнейшей, мог бы остаться жить, если бы не мое решение. Да, тогда умерли бы многие другие, но не они. Не те адепты, которых я клялся беречь и защищать по святому долгу преподавателя. И эту ношу мне нести до конца моих дней, добавив ее к той, что осталась на совести после войны. Впрочем, не привыкать».

Он прошел по коридору до самого конца и вышел в сад. Академия гудела, как растревоженный улей, там его ждало множество забот, и день еще отнюдь не закончился. Но Грегор подошел к старой вишне, возле которой погибла Ида Морьеца, бездумно поворошил носком сапога пожухлую траву, покрытую кровью и пеплом. Вишне тоже досталось, ее ствол исчертили когти демона, заклятия боевиков сломали несколько веток, да и чары некромантов живым растениям не полезны. И все-таки вишня, казалось, не погибла. Может быть, засохнет потом? А может, уцелеет, и следующей весной под ней непременно будет кто-нибудь целоваться. Кто-то из тех, кто выжил сегодня!

«Жизнь продолжается, – устало подумал Грегор. – Даже когда моя Госпожа забирает свою дань, те, на кого пока не упал ее взор, живут еще жаднее, ярче, радостнее. Пройдет время – и эта битва станет еще одной легендой Академии... Ненавижу легенды. Самые лучшие из них непременно пишутся кровью. Только бы канцлер вовремя исполнил свое обещание вернуть Айлин! Баргот с ней, с репутацией, только бы сумасшедшая девчонка не стала очередной строчкой в хрониках Академии. Отвратительной холодной строчкой в графе «выбыла посмертно». Только бы она была жива!»

* * *

Лучано проехал через городские ворота на закате второго дня в твердой уверенности, что опережает добычу. Всю дорогу он гнал лошадей, насколько это было возможно, ночью чутко передремал только самую темень и даже ел в седле, спешиваясь исключительно по нужде. Короткий опрос стражников у ворот подтвердил – юный светловолосый дворянин со спутницей в город не прибывали. Зато прибывали купцы – большим и шумным обозом, три юных леди в карете и

в сопровождении почтенной матроны, десятков военных из самой столицы, а уж селян никто и не считал.

«Что ж, будем считать, что бастардо и магесса задерживаются. Едва ли они замаскировались под кого-то из названных!» – подумал Лучано и не сдержал усмешки, представив рослого и плечистого, если только монета не врет, юнца, упакованного в белую рубашку и полосатую юбку в точности, как у той девчонки в трактории.

Едва ли, впрочем, юные синьоры задержатся надолго! И где же их искать?..

Хмыкнув, Лучано достал из кошелька тяжеленькую блестящую серебрушку, покрутил ее в пальцах и обратился к старшему из стражников.

– Не подскажите ли, почтенный, лучшую гостиницу в городе?

– А вот поезжайте, сударь, прямо по улице, никуда не сворачивайте и сразу в нее уткнетесь, – охотно откликнулся стражник, глядя на монету с отеческой нежностью. – Приличная у нас всего одна, «Коронованный Лев» называется. Там и кухарь отличный, и конюшня хорошая, лошадей не сведут!

Благодарно кивнув, Лучано расстался с монетой и последовал в указанном направлении. Снова «Лев», только теперь коронованный вместо алого, как в столице. Ну да, гербовый символ правящего дома... Интересно, а как-то еще здесь хорошие гостиницы называют? С другой стороны – удобно! Если выпьешь лишнего, можно не вспоминать, в каком ты городе и чем отличается именно этот лев. Скажешь извозчику про льва, а уж он не перепутает.

Мысли в голову лезли шуточные, но основание у них было самое серьезное. Ну куда еще могут поехать принц и благородная магесса? Им наверняка захочется вымыться с дороги, отоспаться в мягкой постели, прилично поесть. Люди такого сорта всегда выбирают самое лучшее, редко думая о безопасности. Тем более теперь, когда юный бастардо остался главой крошечного отряда, состоящего всего из двух человек. Наверняка он пожелает позаботиться о своей спутнице наилучшим образом!

«Коронованный Лев» рядом со своим столичным сородичем тянул разве что на облезлого уличного кота. Купальня здесь, правда, была, и Лучано быстро привел себя в порядок, а на конюшню наведаясь лично и заплатил конюху, предупредив, что может уехать в любое время. Тот проникся и обещал ухаживать за гнедыми, как за собственной любимой матушкой, даже набрать щедрому сударю в седельную суму овса, хотя овес нынче дороже золота, вы же понимаете... Лучано понял и добавил еще пару монет, прикинув, что после оплаты номера и ужина денег у него остается не так чтобы много.

Обычное дело, на задании деньги всегда летят, но остаться в нужный момент с пустым кошельком – глупо.

– Скажите, почтенный, – поинтересовался он, – а где у вас в городе банк?

– Банк? – воззрился на него конюх и почесал в затылке. – А это, сударь, что такое? Слово господское, слышал когда-то, но сам не знаю. Может, он у нас имеется, да мне откуда знать?

– Хм, да, действительно... – растерянно протянул Лучано, глянув на залатанную рубаху и штаны конюха. – Это я не подумал. Не бери в голову, лучше за лошадаками пригляди.

Вот и еще одно отличие от благословенной Итлии. Спроси там любого уличного мальчишку, где находится ближайший банк, и тебе мгновенно ответят, еще и доведут до самых дверей.

Собственно, Лучано потому и не беспокоился о деньгах, что в кошельке среди прочих монет у него лежал полустертый серебряный скудо с надрезанным, чтобы не перепутать, бочком. Торговцы такие принимают неохотно, зато в любом итлийском банке Лучано мог предъявить эту монету и получить любую сумму, которую сочтет необходимой. У Гильдии Шипов неограниченный кредит!

Здесь, в Дорвенанте, магически обработанную монету тоже должны были принять к оплате, он это заранее уточнил. И его заверили, что любой банк Дорвенанта либо основан итлийцами, либо работает с ними так тесно, что монетка-«ключ» будет опознана, а ее владельцу окажут самое любезное содействие.

Заказав ужин, он нашел хозяина «Коронованного льва» и повторил вопрос о банке.

– Так это вам надо в столицу, сударь! – жизнерадостно отозвался высокий толстяк, принимая у него плату за два дня вперед. – Вы, верно, из Итлии? Там, говорят, эти самые банки на каждом шагу, будто лягушки в болоте. А нам они к чему?

– Ну... денег занять... – выдавил Лучано, еще не в полной мере осознав размер случившейся беды. – Или на сохранение положить... под проценты.

– Так если у меня лишние деньги вдруг заведутся, – посмотрел на него хозяин с жалостью, как на несмышленища, – я лучше дерева куплю да сарай починю. Или крышу перекрою... А если совсем их много окажется, так закопаю в надежном месте на черный день. А отдавать их в городе неизвестно кому – что я, совсем дурак? Опять же, если занять надо, так у меня свояк – торговец. Он мне по-родственному денег даст и процент возьмет тоже... по-родственному. Вот денежки в семье и останутся. Вы не думайте, сударь, мы тут понимаем, что банки – дело хорошее. А все-таки они далеко, в Дорвенне. Так что мы уж сами как-нибудь.

– И что же... – спросил Лучано, стараясь говорить беспечно, чтобы в нем не заподозрили безденежного постояльца, – ближе Дорвенны ни одного банка нет? А в этом... как его... – Он вспомнил карту, где до границы с Фраганой по дороге было ровно три города, и назвал следующий: – В Шермезе?

– Ни в Шермезе, ни в Гредоне, – с чудовищной обыденностью сказал трактирщик. – В Керуа, конечно, есть меняла, надо ведь проезжающим обменять наши честные флорины на их фраганские. Так ведь Керуа на самой границе, вам, сударь, до него далеко ехать придется. Нет, если вам нужен этот ваш банк, это вам точно в Дорвенну. А лучше в саму Итлию, – хохотнул он и ушел, посмеиваясь шутке.

Лучано до смерти захотелось в Итлию. Ну, или хотя бы выругаться, но он только глубоко вдохнул и выдохнул, стараясь успокоиться. У них в городах нет банков. Как так жить вообще? В любой паршивой итлийской деревушке, кроме совсем уж крохотных и затерянных в горах, обязательно имеется местное отделение банка, где можно не только уладить свои денежные дела, но и отправить или получить письмо, заплатить синьору адвокату за нужный совет, составить завещание и заверить его, узнать новости, в конце концов! Как можно жить без банка?!

Должно быть, он все-таки не сумел удержать лицо, потому что пробегающий парнишка лет двенадцати остановился и поинтересовался, не может ли чем услужить сударю.

– Можешь, – мрачно согласился Лучано, с некоторым трудом вспоминая дорвенантские слова от потрясения, которое испытал. – Я жду... одного человека. Он высокий, со светлыми волосами...

В последний момент Лучано решил не упоминать, что это дворянин. Мало ли, вдруг у юного бастарда проснется разум, и он решит прикинуться кем-то иным или вообще пристать к чужому отряду. По той же причине не следовало говорить и про девицу. Тугая повязка на грудь, убранные под берет волосы, и из большинства девиц можно сделать пажа. Нет уж, пусть паренек присматривается ко всем, кто хоть как-то подходит.

– Высокий и светловолосый, – повторил он слуге. – Увидишь такого – скажи, получишь монетку.

Для убедительности он сунул просиявшему парнишке медяк и с незнакомым острым чувством растерянности ощутил, насколько легким показался кошелек. У них нет банков, ну надо же! Дикая, дикая, невозможно дикая страна! Холодно, на девицах длинные юбки, по улицам бегают демоны, в приличной гостинице на кухне нет порея, холодно... ах да, это он уже говорил... так еще и банков нет!

«Был бы я принцем, – подумал Лучано, – ни за что не остался бы здесь править! Хочу домой, в милую Верокью! Когда в любой траттории можно заказать сангретту со льдом и не замерзнуть, как-то даже и помирать легче... Нет, ну как можно жить без банков?!»

* * *

Время в ожидании тянулось, как ему и положено, словно струя созревшего меда, текущая с ложки. Лучано выпался, запихнул в себя простой, но сытный завтрак, и еще пару часов поспал впрок, рассудив, что неизвестно, где и как придется встречать ночь. Наконец-то разобрал седельные сумки, доставшиеся от прежнего владельца гнедых, и восхитился предусмотрительностью неизвестного синьора. В одной сумке оказалось три пары белья из отличного тонкого полотна. По размеру белье вполне подошло Лучано, а монограмму из красиво вышитых букв Э и К он на всякий случай спорол – одним лишним вопросом будет меньше.

Еще в сумке нашелся прибор для бритья, состоящий из коробочки с крышкой-зеркалом, помазка и пары бритв. Подобие аптечки с бинтами, иглами, шелковыми нитками и кое-какими зельями. У самого Лучано лекарский припас был куда лучше, но лишнего, как известно, не бывает.

И напоследок он достал кольцо закопченной до каменной твердости колбасы, несколько сухарей такой же прочности и полную фляжку карвейна. Карвейн Лучано попробовал, оценил крепость и чистоту, но хорошее вино порадовало бы его больше. Мастеру ядов надлежит беречь тонкость вкуса и обоняния, а жгучий карвейн отбивает и то, и другое надолго. Впрочем, в холода и карвейн может пригодиться. Например, чтобы растереть промокшие ноги.

Лучано крепко завернул колпачок и внимательнее глянул на дорогую флягу изысканной работы. Серебряные бока украшали ярко-голубые эмалевые вставки в виде щита, на котором распласталась то ли в прыжке, то ли в беге серебряная же охотничья собака. В породах Лучано разбирался слабо, но длинное поджарое тело, острая морда и чутко поднятые уши – тут не перепутаешь, силуэт собаки просто кричал об азарте погони. Хм, голубое и серебро... чей-то герб? А вот это уже нехорошо, если так. Вещица приметная. И все-таки выкинуть фляжку Лучано пожалел, решив, что герб можно и сбить, зато в серебре вода дольше остается чистой. Неизвестный синьор явно понимал толк в хороших вещах.

Окончательно убедился он в этом, когда вытащил из второй сумки неизвестный предмет, представлявший собой огромный кусок плотной ткани, кое-где простеганный и с пришитыми по краям кольцами.

– Ух ты, палатка! – восхитился заглянувший в комнату мальчишка и со знанием дела добавил: – Трофейная! У меня батюшка такую после фраганской войны за большущие деньги купил! Он купец, ему в дороге вещь незаменимая. Не изволите ли продать, сударь? Он как раз в городе, отличную цену даст! Никто вам больше не предложит, Благими клянусь!

– Не изволю, – отрезал Лучано, по-новому взглянув на полезную вещицу. – А ты...

– Я за монеткой, сударь! – заторопился мальчишка, с сожалением любуясь расстеленной на полу номера палаткой. – Приехал молодой офицер, точь-в-точь как вы сказали!

И протянул крепкую мозолистую ладонь, в которую Лучано поспешно опустил монету.

Сердце радостно екнуло, мальчишку он торопливо выставил и бегом слетел по лестнице, остановившись на пороге нижнего обеденного зала, где офицер как раз обедал. Но, конечно, это было бы слишком просто...

Офицер там и правда имелся, причем высокий и светловолосый, но Лучано услышал, как он сходу

потребовал номер, вина и девку. Громогласно заявил, что лично победил дюжину демонов, а теперь привез городскому управителю важнейшее послание от самого лорда-протектора. Вот сейчас перекусит и отправится вручать, а номер и девка должны быть готовы к его возвращению.

Лучано горестно вздохнул и снова поднялся к себе, собрал и уложил палатку, приказав отнести седельные сумки в конюшню и вернуть их на положенное место, то есть к седлам.

До вечера мальчишка прибежал еще три раза. Лучано честно платил, возмущаясь количеству блондинов в Дорвенанте, а потом мрачно обозревал в общем зале сначала молодого купца, торгующего скобяным товаром, потом двух дворян, следующих в Шермез, где один из них получил наследство, а в последний раз мальчишка хитро блеснул глазами и заявил:

– С вас пять медяков, сударь!

– С чего это? – поразился Лучано.

– Так ведь пятеро их, сударь! – с подозрительной радостью заявил слуга. – И все как вы заказывали, здоровущие и волосы светлые. Точно вам говорю!

– А пойдем-ка посмотрим, – с веселой злостью велел Лучано и глянул на обнаглевшего мальчика так, что тот попятился, но потом послушно поплелся за ним следом, что-то бубня под нос.

В обеденном зале к вечеру сталолюдно и шумно, но эту компанию не заметить просто не получалось. Мальчишка не обманул.

В углу за двумя сдвинутыми столами сидело пять здоровенных вольфгардцев! Плечи чуть ли не шире входной двери, выбритые по бокам головы с плетеными позади длинными светлыми косами, бородки. Мечи и секиры, с которыми северяне не расстались даже здесь, хотя пробегающая прислуга косилась на приставленное к стульям оружие с откровенным ужасом. И правда, все условия выполнены!

– А что я... – занял мальчишка, оценив ласковую улыбку Лучано. – Мне откуда знать, кто вам нужен? Подходят ведь? Ну, хоть один медяк дайте, щедрый сударь. За всех! Оптом, можно сказать, продаю...

– Вырастешь – иди в торговцы, как батюшка, – серьезно посоветовал ему Лучано. – Или пришибут, или озолотишься. Больше никто не приезжал?

– Ну, приезжали, – насупился парнишка, ковыряя носком сапога пол. – Только эти вам и вовсе не годятся. Что ж, я совсем дурак, два раза клиенту один товар подсовывать? Там тоже северянин. Еще и с девицей.

– С девицей? – мягко уточнил Лучано, и сердце екнуло второй раз, уже с той приятной правильностью, которая его никогда не обманывала. – Северянин?

– Ага, как есть северянин, сударь, – затараторил мальчишка, почуяв его интерес. – Купеческая дочка, а при ней охранник. Здоровый, вроде этих, только помоложе, и волосы еще короткие. Две секиры при нем, точно вольфгардец! Да я сам слышал, как эта девица хозяйину сказала, что охранник у нее – немой северянин. Чтоб ему, значицца, никто ничего не говорил, а все через нее.

– А девица – точно из торгового сословия? – задумчиво уточнил Лучано, зная, что у гостиничной прислуги взгляд на людей наметан не хуже, чем у Шипа. – Может, леди?

– Неа, – солидно покачал головой мальчишка. – Первое дело, леди верхом иначе ездят, у них седло дамское, с ногами набок, значицца. Чтобы юбки не задирались. А эта одета по-мужски и в седле сидит, как парень. Так иногда магессы ездят, но она еще молоденькая. И держится не как леди, попроще. Охранника с собой за стол посадила и еды ему взяла той же, что и себе. Каплуна жареного на двоих, ветчины, сыра с хлебом. И вина бутылку, а стаканов тоже два велела подать. И чтобы на кухне им фляжку карвейна налили с собой. Ясное дело, что карвейн для него, не для девицы же! А какая леди будет простого охранника так уважать?

«Простого охранника – ни за что, – согласился Лучано. – А вот переодетого принца – очень даже. И за стол с собой посадит, и номер можно взять на двоих. Всем известно, что северяне собственный кодекс чести блюдут свято. Пожалуй, правильный вольфгардский наемник – в самом деле единственный, с кем можно без опаски отпустить в далекий путь одинокую девицу. Если дал клятву защищать, то будет беречь ее, как святыню, точно не обесчестит, а придется – и голову за нее сложит. Благие Семеро, отличная маска! Вот интересно, кто из них двоих ее придумал?!»

– Держи, – протянул он парню мелкую серебрушку, расщедившись на радостях. – И можешь больше не бегать, похоже, я разминулся с тем, кого ждал.

Вернувшись в номер, он проверил свои вещи. Еще более похудевший кошелек выглядел грустно, однако Лучано накрепко запретил себе расстраиваться из-за такой мелочи. Он все-таки мастер Шип, а деньги – дело наживное. Можно найти местный притон и сыграть там в карты или кости, можно потянуть кошелек у богатого зеваки или прогуляться ночью по темным закоулкам, предлагая запоздавшему прохожему купить кирпич. Да мало ли способов добыть деньги, и даже не все из них требуют чьей-то смерти! Сейчас у него другая забота – купеческая дочь и немой вольфгардский наемник. Ну прелесть какая, м?

* * *

Спустившись в обеденный зал, он нарочно выбрал столик между окном, из которого тянуло холодным сквозняком, и кухней. Здесь бегала прислуга, и потому место наверняка считалось неудобным. Но стол, за которым сидела парочка, отсюда было хорошо видно, а большего Лучано и не требовалось. Хмурая от усталости тетка в возрасте принесла ему жареных куриных ножек, выслушала просьбу подогреть вина со специями и ушла, а Лучано принялся есть и украдкой разглядывать купеческую дочку с вольфгардским наемником, чувствуя себя так, словно пришел на представление в магателли... как же это по-местному? А, балаган!

Парочка ужинала. От жареного каплуна осталась только горка чисто обглоданных костей на блюде. Но сытость разума приходит медленнее, чем сытость тела, и девица пощипывала кусочки сыра и ветчины, а ее спутник ел мягкий пирог с подливой, аккуратно отрезая небольшие кусочки ножом и отправляя их в рот ложкой. Ножом и ложкой! Северянин! Лучано искренне попытался представить северного варвара, учившегося дворянскому застольному этикету, и едва не зарыдал от восторга. Балаган! Ну как есть балаган! Конечно, вот посмотришь на этого здоровяка с идеально прямой спиной, прижатыми к телу локтями, кусочком хлеба, которым он только что промокнул влажные от вина губы вместо салфетки, – и сразу понимаешь, чистый вольфгардец! Да пусть он хоть дюжину секир таскает вместо шпаги, поколения благородных предков так и лезут из манер.

Лучано внимательнее оглядел бастардо, нарочно оставляя девицу на потом, как самый лакомый кусочек – на сладкое. Ну что ж, и с мастью, и с ростом он попал точно в цель. Плечи, осанка, широкий упрямый подбородок, едва скрытый светлой щетиной... Хоть сейчас можно чеканить на монетах, добавив корону. Ему определено пойдет! И нет, ошибки быть не может.

Ни один вменяемый вольфгардец не будет настолько привычно и изящно подливать вино своей спутнице. Да и смотрел он на нее совсем не как охранник на госпожу. Наемник, даже посаженный за господский стол, посматривал бы в первую очередь по сторонам, чтобы не пропустить опасность, а этот бросает на спутницу из-под густых светлых ресниц короткие взгляды и явно думает, что они остаются незамеченными.

Сколько ему лет? Немного больше двадцати, судя по виду. Красивое лицо, роскошное мужское тело, но повадками – чистый щенок. Правда, породистый, хороших кровей. И не совсем дурак, если решился на маскарад, а то встречаются среди благородных синьоров такие, что предпочтут сдохнуть, но не уронить честь рода, прикинувшись простолюдином. Что ж, приглядимся еще, подумаем, с какой стороны подобраться к этому... вольфгардцу.

Он отхлебнул горячего вина, быстрой улыбкой поблагодарив подавальщицу, и перевел взгляд на девицу. Глотнул еще, едва не обжегся, растерянно поставил стакан с душистым вином на стол. Непонятно... Совсем ничего непонятно! Юная магесса сидела к нему вполоборота, слегка прикрывая плечом своего спутника, это было еще одной причиной, по которой он не смог рассмотреть ее сразу, но вот она чуть подвинулась и оказалась как на ладони.

Тугие рыжие косы в неярком свете блеснули начищенной медью, милое лицо осветила улыбка. Она что-то сказала бастардо, потом, словно вспомнив, что по их игре он не может ответить, лукаво покачала головой. И выглядела совершенно не так, как Лучано себе представлял по описанию королевы Беатрис!

Ну не могла девица, разбивающая мужские сердца легче, чем кухарка – яйца для пирога, носить настолько обычную и неприметную одежду. В Итлии знатные дамы иногда переодеваются пажами для конных прогулок или фривольной игры, но всем же понятно, что девушка и в штанах остается девушкой. Эти самые штаны и колет обязаны быть бархатными или из дорогого сукна, они изящного кроя и заужены во всех нужных местах, чтобы подчеркивать достоинства фигуры, украшены жемчугом, кружевами, да всем тем, что и нарядное платье! Допустим, купеческая дочь и не может одеваться, как аристократка, но чтобы она надела простую куртку и свободные штаны?! Глянешь со спины – примешь за мальчика, да и впереди только лицо и волосы выдают девицу, все остальное скрыто свободной удобной одеждой. Хм, а бастардо все равно смотрит на нее с теплым ласковым восхищением. И было бы на что!

Лучано пригляделся. Рыжая... У Всеблагот Матери на картинах такой же цвет волос, и там он смотрится уместно, однако в жизни Лучано никогда не нравились рыжие девицы. Он предпочитал блондинок, вот это для девушки самое то! В Итлии, конечно, светленькие красотки – редкость, да и блондины нечасто попадаются, но даже обычные темные волосы лучше, чем рыжина. Хотя забавно... Но не настолько, чтобы сходить с ума! Лучшие молодые маги, говорите? И сам принц? Оч-чень интересно.

Уж этот фальшивый вольфгардец даже без титула настоящего принца вряд ли страдает от одиночества. Девицы на такие плечи должны вешаться гроздьями! Да Лучано и сам бы... Хм, нет, это вряд ли... Слишком рискованно, а если не угадаешь, то второго шанса точно не будет. Дорвенант – очень целомудренная страна в этом отношении, почти как Арлеза, это все знакомые твердили наперебой. Но девица, чем она их всех брала?

Лицо самое обычное, миленькое. Глаза то ли синие, то ли зеленые, отсюда не разобрать. Хотя у таких рыженьких чаще бывают зеленые. Улыбка... Улыбка хороша! Ровные белые зубки, и кажется, что улыбается девчонка от всей души, совсем не думая, как она сейчас выглядит. Но... где обещанная холодная и расчетливая мерзавка? Где искушительница, собирающая мужские сердца, как спелые яблочки в саду? Такую милую девочку легко представить подругой или сестрой признанной красавицы, верной фрейлиной, которая знает, что ей никогда не быть принцессой. Может, в этом и есть ее секрет? Девчонка настолько умна и коварна, что изображает милую овечку?

Лучано так загляделся на улыбку рыженькой магессы, что пропустил, как возле столика парочки выросла фигура одного из вольфгардцев. За ним маячили еще двое... Та-а-а-ак... Похоже, балаганный маскарад не обманул не только его, но и настоящих северян! Это плохо. Хозяин, конечно, не даст в обиду заплативших ему постояльцев, но вольфгардцы скоры на расправу, как бы в заварухе бастардо не пришибли ненароком!

Северянин что-то сказал на своем языке. Во всяком случае, Лучано, не знавший вольфардель, предположил, что это он и есть. Бастардо сделал каменное лицо и покачал головой, а девица, мгновенно сообразив, поспешно и звонко сказала:

– Почтенный и славный воин, мой спутник не может вам ответить. Боги лишили его дара речи. Если хотите что-то узнать, спрашивайте у меня, но я не понимаю вашего благородного языка, уж простите.

– Благодарю за любезные речи, красавица, – одобрительно и вроде миролюбиво прогудел северянин. – Так он при тебе? Тогда скажи нам, какого он рода? А то мы с братьями никак не можем признать, что это за чудо такое сидит? Судя по волосам – вольный воин без ярла, но родовых знаков не вижу. А секиры хороши, знатные секиры. Вот на них и родовые знаки вроде есть, да странные какие-то...

Он прищурился, пытаясь разглядеть секиру, стоящую у стола, и бастардо ответил ему неожиданно тяжелым и напряженным взглядом. Лучано даже подумал, что слегка ошибся в оценке: этот щенок уже вырос и мягкое пузо подставляет не всякой руке, а только той, которую сам придиричиво выбрал.

– Его зовут Ульв, – ответила девица, и Лучано опытным ухом различил в ее голосе нотки не то чтобы страха, но явной настороженности. – Он пришел к нам недавно и нанялся к моему... дяде. Дядя ему доверяет, но я знаю только, что Ульв – изгой из своего рода. За что его изгнали, дядя мне не рассказывал. И из какого рода – тоже. Извините, что не могу вам ничем помочь.

Бастардо медленно, напоказ протянул руку и поднял стакан с вином. Отпил и поставил его обратно, держа лицо великолепно невозмутимым, как будто речь и не о нем. Северянин снова оглядел его и хмыкнул:

– Вот оно как, значит? А что ж у него секиры родовые не отобрали, как положено?

– Не смогли, наверное, – с изумительной убежденностью заявила девица, глядя на вольфгардца чистыми наивными глазами. – Не представляю, как можно что-то силой забрать у нашего Ульва. Он же берсерк.

– Берсерк? – поразился северянин и недоверчиво глянул на рыжую. – Темнишь ты что-то, девица. Берсерк без ожерелья?! Да будь он хоть дюжину раз изгой, но если берсерк, то ожерелье носить обязан! Как иначе люди узнают, что надо его сторониться?

Его поддержали двое за спиной, пробурчав что-то на вольфарделе. Что-то мрачное и неприязненное. Лучано напрягся и увидел, как плечи бастардо тоже неуволимо каменеют, а сам он едва заметно сдвигает руку по столу. Как раз к рукояти секиры...

– А, ожерелье! – звонко заявила девчонка и улыбнулась еще ослепительнее. – Конечно, он носил! Только оно порвалось... недавно. Мы как раз решили новое сделать! Ульв! – Она повернулась к бастардо и сказала ему, очень пристально глядя прямо в глаза: – Покажи зубы. Ну те, помнишь? Которые ты выбил? На ожерелье?

Лучано показалось, что не только он, но и все, кто был в зале, затаили дыхание. Угрюмое лицо бастардо озарило понимание, он даже улыбнулся уголками губ, а потом так же медленно залез рукой за борт куртки и вытащил оттуда что-то, завязанное в узелок. Развязал – это оказался большой красно-фиолетовый платок – высыпал на стол...

Смотреть уже можно было не скрываясь. Все равно все вокруг вытянули шеи, словно гуси, приглядываясь к столу, по которому со стуком раскатились... Лучано даже поморгал, думая, что у него в глазах слегка плывет от трактирного чада с кухни. Ну не бывает зубов такого размера. Не бывает! Воображение начисто отказывалось представить себе дрянь, у которой зубы длиной в его указательный палец! Белые, слегка изогнутые, и даже отсюда видно, какие острые...

– Зубы? – растерянно уточнил вольфгардец, переводя взгляд со стола то на улыбающуюся девицу, то на безмятежного бастардо, снова взявшего стакан. – Вот это?

– Ага, – радостно подтвердила девчонка, и Лучано понял, что вот ради одного такого представления стоило... в общем, стоило! – Мы у костра сидели, а тут они, демоны. А Ульв как раз ужинал. Он очень не любит, когда ему ужинать мешают. Ну сами понимаете, кто же любит? Но у тех, кто не любит, не всегда секира есть под рукой, зато возле Ульва – всегда сразу две. Он вообще с ними никогда не расстается. Совсем никогда, понимаете? Даже... ну, это неважно...

Она смущенно стрельнула глазками, давая понять, что приличная девушка о таком не говорит, но Лучано сразу поверил, что изгой и берсерк Ульв настолько суров, что ходит с секирами и до ветру, и в бордель, и вообще спит с ними в обнимку – как же иначе? Он даже забыл на мгновение, что этого Ульва не существует в природе, так убедительна была девица.

– В общем, Ульв их прибил, а потом зубы вытащил, – с той же милой безмятежностью закончила рыжая. – На новое ожерелье. Вот как только найдем по дороге мастера, сразу закажем. Их же просверлить надо и шнурок подобрать, чтобы красиво! Я ему сама пообещала шнурок сплести!

– А, да... шнурок надо... – обалдело согласился северянин, пока Лучано пытался не сползти под стол от хохота. – Ну, тогда конечно... Секиры – это да... Понятно, почему не отобрали. Да мы просто удивились... Ульв, значит? Не очень-то он на волка похож, это Ульв по-нашему...

Бастардо подцепил с блюда ломтик ветчины и невозмутимо прожевал, глядя мимо северянина. Девчонка вздохнула и согласилась:

– Ну да, не похож, вы правы, славный воин. Только мы все равно не знаем, как его зовут по-настоящему, а Ульвом прозвали из-за волка. Ну, с ним еще волк пришел. Да вот он, сами посмотрите.

И опустила руку куда-то вниз, этак небрежно и ласково... Лучано закусил края кожаного рукава куртки. Он, конечно, видел большое и белое под столом, но показалось, что там меховой коврик. Ну, чтобы у постояльцев ноги не мерзли. А сейчас это белое поднималось из-за стола, едва не сдвинув его собой, а когда поднялось в полный рост, мохнатая белоснежная башка с острыми ушами и синими глазами оказалась выше пояса Лучано. Волк... Волк?!

– Ульв? – сглотнул северянин.

– Ульв, – подтвердила девчонка и потрепала жуткую тварь по загривку. Подумала и уточнила: – Два Ульва. Дядюшка их так и зовет. Когда меня в дорогу отправлял, сказал, чтобы я за ними присматривала, а они тоже приглядят, чтобы меня никто не обидел.

И посмотрела на северян такими невозможно наивными глазами, что Лучано не выдержал и тихо простонал даже сквозь закушенный рукав куртки. Все равно на него сейчас никто внимания не обратил бы, хоть голым на столе танцуй.

Вокруг шумел трактир, кто-то очень храбрый сунулся поглядеть настоящего белого северного волка, но тот презрительно глянул, лениво оскалил пасть, вывалив красный язык, и храбрец передумал. Вольфгардцы тоже благоразумно отступили к своему столу, на прощанье пожелав «любезной девице» и «Ульву» доброго пути. Девчонка мило улыбнулась и ответила тем же, а бастардо коротко склонил голову и снова спрятал лицо за стаканом вина. Лучано поставил бы тот самый заветный банковский скудо, что парень изо всех сил прячет смех. Ну нельзя быть серьезным на таком представлении, да еще с собой в главной роли. Хорошо, что он все время молчал, все равно не смог бы сказать или сделать ничего лучше, чем рыжая.

Тоже допивая вино, Лучано потихоньку рассматривал девицу уже иначе, чем раньше. Быстра, умна, находчива. И есть в ней тот кураж, который зажигается от опасности. Другая бы растерялась, а эта сыграла, словно примадонна... как же это... Подобрать дорвенантское слово для «примадонны» не получилось, Лучано даже на миг задумался, имеется ли вообще в Дорвенанте театр? Если уж банков нету... Тьфу! Хватит об этом думать.

Бастардо повернулся к рыжей и что-то ей шепнул, рискуя выдать себя, а Лучано вдруг задался вопросом, о котором следовало подумать раньше – какой гильдии она магесса? Разум подсказывал, что некромантка, раз уж грандсиньор Бастельеро ее наставник, но представить себе вот эту рыжую смешливую девчонку, наделенную силой Претемной Госпожи, никак не получалось. Мертвецы, призраки, кладбищенские твари? Нет, быть этого не может! Она – и смерть?!

Юная магесса тем временем кивнула и вытерла пальцы салфеткой, которую ей, в отличие от бастардо, подали. Лучано подобрался, лихорадочно раздумывая, когда предложить им свои услуги. Сейчас, когда парочка разморена усталостью, сытной едой и облегчением от благополучно закончившейся встречи с настоящими вольфгардцами? Или все-таки подождать до утра?

И тут у него по спине пробежал холодок, заставив не двигаться с места, а напротив, прикинуться частью обстановки, вроде занавески или медвежьего чучела в углу. В зал вошли двое, и Лучано безошибочно узнал в них серую стражу, людей дожа, как бы он здесь ни назывался. Канцлер, да? Или лорд-протектор... Неважно! Такие мягкие уверенные повадки, пристальный цепкий взгляд и манеру держаться ни с чем не перепутаешь!

Ну что ж, в кои-то веки тайная стража вряд ли явилась по его душу. Приказчик Лучано Фарелли или лейтенант Люциан Фарелл, он одинаково добродетелен и законопослушен. Почти... Но за теми, кто покупает краденых лошадей или тихо ставит свечки Барготу, тайная стража не гоняется. Тут и думать нечего, на кого они нацелились.

Лучано остро пожалел, что горячее вино в стакане закончилось. Все равно он ничего не может сделать, не убивать же посланников местных властей у всех на глазах. Остается только смотреть вторую часть представления, как и положено в правильном магателли... балагане!

Бастардо и девица уже почти успели встать из-за стола. Один из двух вошедших, одетый как небогатый дворянин и с удивительно незапоминающимся лицом, подошел к ним, второй остался в нескольких шагах, как раз возле столика северян, щедро запивающих встречу с «Ульвами». Встал он умело и грамотно, перекрывая входную дверь. И Лучано заметил краем глаза, что третий, проскользнувший в зал, оказался возле лестницы наверх.

– Мое почтение, милорд и миледи, – негромко, но четко сказал первый, слегка поклонившись принцу и магессе. – Прошу вас не совершать необдуманных поступков. Мой господин, лорд-канцлер Аранвен, желает встретиться с вами.

– И он тоже? – недобро прищурившись, уронил бастардо, разом сбросив маску немого. – А если нет?

– Лучше бы – да, – чуть заметно улыбнулся уголками губ человек и очень учтиво, почти просительно добавил: – Поверьте, никто не причинит вам вреда. Его светлость Аранвен...

Бастардо и девица разом, словно по неслышной команде, повернулись друг к другу, встретились взглядами. Это продолжалось ровно мгновение, а потом они так же разом кивнули, и бастардо, разворачиваясь обратно, с размаху влепил посланцу канцлера кулаком в челюсть.

– Пушок! – крикнула девица, и из-под стола, перевернув его, рванулась мохнатая белая молния.

– Всем оставаться на местах! – закричал тот, что стоял у лестницы наверх. – Приказ лорда-канцлера! Никому не двигаться!

В дверь влетели еще трое в гвардейских мундирах и с обнаженными шпагами, в них врезался с разбегу Пушок, но кто-то еще вбежал следом. Лучано закусил губу, в отчаянии понимая, что ничего, ну ровным счетом ничего не может сделать. Он убийца, а не настоящий берсерк. И тут девчонка звонким отчаянным голосом, разрезавшим шум, завопила вечное и безошибочное:

– Наших бьют!

Разумеется, «наши» оказались у всех!

Пятерка вольфгардцев подхватила первыми. Разговора они не слышали, но поняли, что кто-то попытался напасть на «Ульва». Северяне могут резать глотки друг другу с невероятной жестокостью, но там, где южане обижают одного из них, другие мимо не пройдут. Даже кровные враги сначала разделяются с общим противником, а потом продолжают биться между собой.

Тому, кто стоял рядом с их столом, прилетело тяжелым стулом по голове, и человек канцлера осел на пол. Белый волк метался по залу, никого не кусая, но суматоху наводя невероятную. Гвардейцы рванулись к бастардо и девице, но на их пути попался настоящий северянин с секирой, еще двое прикрыли его с боков, двое – сзади, и этот страшный клин с ревом пошел по залу, размахивая оружием. Что-то орали обычные постояльцы и прислуга, безуспешно пытались докричаться до разума люди канцлера, и над всем этим несли боевой клич северных воинов, от которого стекла дребезжали.

Лучшего и желать было нельзя. Лучано одним движением вспрыгнул на свой стол, оглядел зал. Бастардо и девицу зажали в углу люди канцлера и северяне вперемешку, там шла лихая драка, в которой не участвовал разве что сам принц. Он прикрывал девицу широкими плечами, а перед ним металась огромная белая тень, никого не подпуская близко. Но кабацкие драки не длятся долго. Баргот и так был к нему щедр!

Лучано перемахнул трактирный зал, прыгая с одного стола на другой. Добежал до угла, молясь, чтобы северная тварь не приняла его за угрозу и не щелкнула зубищами, поймав в полете. Зубы там были немногим хуже, чем у демона.

– За мной! – крикнул он бастардо в самое ухо, схватил девицу и выдернул из-за его спины, как

морковку из грядки.

Она оказалась не такой уж легкой. Но Лучано ужом ввинтился между дерущимися, прикрывая девицу собой, за руку дотащил ее до лестницы, а дальше она, проявив удивительную для девушки сообразительность, кинулась бежать еще быстрее него. Следом грохотал сапогами принц-бастардо, а когда их маленькая компания взлетела на второй этаж и добежала до номера Лучано, четвертым оказался то ли Ульв, то ли Пушок.

- Ты еще кто? - рявкнул принц, окончательно обретя дар речи.

- Ваше спасение, - парировал Лучано, подхватывая собственную сумку. - Берете, какое есть, или сначала поторгуюсь?

- Ал! - крикнула девчонка, выглядывая в окно. - Стража! У конюшни...

Бастардо одним прыжком оказался у окна, бросил туда короткий взгляд, и на его юной, несмотря на суровость, физиономии проявилось отчаяние.

- Конечно, стража! - фыркнул Лучано. - Конечно, у конюшни! Где же вас еще ловить-то? Вы сейчас бегите по черной лестнице и через скотный двор наружу, на улицу. А я выведу коней. Которые ваши?

В двух парах глаз, обращенных на него, ярко-голубых и зеленых, зажглась недоверчивая надежда.

- Две кобылы, - выпалил принц. - Гнедая с чулками и белая арлезийка. Зачем ты нам помогаешь?

- Встретимся снаружи, все расскажу, - пообещал Лучано, теперь точно зная, что без него лихая парочка не сбежит. - Ну, быстрее!

И первым выскочил из комнаты, по пути лихорадочно обдумывая, как увести из конюшни сразу четырех кобыл, если он мастер Шип, а не конокрад, Бар-р-ргот его дери!

Глава 16. Когда мир сходит с ума

– Подожди! – выкрикнул Аластор в захлопнувшуюся дверь, но нечаянный помощник его уже не услышал.

Аластор едва не метнулся следом – хотя бы попытаться догнать, однако тут же опомнился. Внизу, спасибо Айлин, продолжала бушевать драка, но стоит им показаться у конюшни, как их тут же схватят!

– Искра! – бросил он в отчаянии. – Она не пойдет за тем, кого не знает! Не говоря уже о Луне!

И похолодел, представив, что устроят в конюшне лошади, приученные ждать хозяев, если незнакомец попытается их вывести. Ладно, если просто привлекут внимание, но ведь могут и копытами забить бедолагу. Арлезийка Луна точно может!

– Пошлем за ними Пушка, – решительно откликнулась Айлин и потянула его за руку. – Только сначала все-таки сами выберемся.

Аластор молча кивнул, чувствуя, как тревога понемногу отступает, сменяясь холодной настороженностью. Толкнув дверь и внимательно осмотрев коридор, он вышел первым, не отпуская рукояти секиры. Мальчишка лет двенадцати, застывший на лестнице и жадно прислушивающийся к звукам драки снизу – судя по грохоту, там летали столы – обернулся и восторженно уставился на него. Аластор скорчил самую страшную гримасу, на которую только был способен, и, кажется, перестарался: восторг сменился ужасом, мальчишка громко икнул и принялся бочком пробираться вниз, при этом вжавшись в стену и старательно не глядя в их сторону.

«Может, не стоило скалить на него зубы?» – мелькнула поразительно неуместная мысль, но Аластор ее тут же отогнал. Черная лестница, значит? Какое счастье, что все таверны строят примерно одинаково, и хотя бы черную лестницу искать не надо! И хвала Пресветлому, что вся свободная прислуга сейчас наверняка столпилась у кухонных дверей и таращится на разгулявшихся вольфгардцев не хуже того мальчишки – когда еще подобное увидишь! В другой раз он бы и сам полюбовался, пожалуй...

Таверна оправдала звание лучшей в городе: даже черная лестница здесь почти не скрипела, и на скотный двор они выбрались никем не замеченные. А если кто-то их и увидел, то звать стражу благоразумно не спешил.

Скотный двор, хотя и старательно убранный, все-таки пах скотным двором, и Аластор бросил короткий взгляд на Айлин. Бегство – бегством, но это совсем неподобающее место для леди! А вот Пушку здесь определенно нравилось – вон как стрижет ушами и то и дело задирает морду, нюхая воздух!

Подруга встретила его взгляд немного напряженной улыбкой, указала взглядом на невысокий забор и предложила:

– Переберемся вот здесь и подождем на улице? А Пушок сбегает на конюшню.

Аластор молча кивнул и благодарно сжал ее руку. Пушка лошади в самом деле знают и поймут, что его прислали хозяева, даже если незнакомый спаситель с ними не справился. Да какое там если! Точно не справился, иначе уже был бы здесь!

Айлин присела, обхватила морду Пушка ладонями и уставилась ему в глаза, словно что-то говорила. Пушок сосредоточенно понюхал воздух, вильнул хвостом, лизнул ей руку и длинным прыжком, только опилки и земля брызнули из-под лап, перемахнул ограду и понесся по улице. До чего умный зверь – иногда это даже пугает! Вот сейчас он явно сообразил, что добраться до конюшен проще, обогнув постоянный двор и забежав с той стороны, где постояльцы оставляют лошадей.

Аластор окинул взглядом заборчик. Хорошо Пушку, один прыжок – и ты уже на улице! Впрочем, он и сам его перемахнет ничуть не хуже, благослови Пресветлый месьора д'Альбрэ и его тренировки, но Айлин? В седле она держится не хуже солдат из его отряда, бегаёт, как выяснилось, тоже замечательно – Аластор ее едва догнал, но вот прыгать через заборы боевиков вряд ли учат? И даже если учат, не стоит терять времени!

- Ты первая, - тихо проговорил он. - Я подсажу.

Айлин посмотрела на заборчик и мотнула головой.

- Тут невысоко!

Она подпрыгнула, уцепилась за дощатый край, подтянулась, ловко оседлала забор, и Аластор, убедившись, что упасть ей не грозит, одним прыжком, почти как Пушок, перебрался на улицу и взглянул на замершую на заборе подругу.

- Прыгай, я поймаю!

Айлин просияла, спрыгнула в подставленные руки - совсем как раньше! - и Аластора словно залило изнутри ласковым теплом.

Почти тут же с той стороны, куда убежал Пушок, загрели копыта - никак не двух лошадей! Пожалуй, не меньше, чем четырех!

«Стража?!» - мелькнула отчаянная мысль и тут же исчезла, когда в переулок ворвался Пушок, а за ним Искра, Луна и еще две гнедые, одна под всадником, к седлу второй приторочены сумки.

- В седла! - проорал их спаситель, придержав свою лошадь и дав Аластору несколько бесценных мгновений, чтобы поймать Искру. Умница кобыла сбавила ход при виде хозяина. Луну и ловить не пришлось, вышколенная арлезийка сама подбежала к Айлин и повернулась боком, подставляя стремя. - И ходу, синьоры, ходу!

Они галопом пронеслись по городу, едва не стоптав стражу у южных ворот - Аластор старательно не прислушивался, какие именно добрые пожелания летят вслед - и понеслись дальше так, словно за ними гнались демоны. Впрочем, едва ли тайная служба намного лучше! По крайней мере, демонов можно и нужно убивать, а люди канцлера всего лишь выполняли приказ... Приказ канцлера, не Бастельеро!

Это было очень важно, и над этим следовало подумать, но не сейчас, когда азарт бегства горячил кровь и толкал в спину. Аластор напряженно прислушивался, нет ли погони, но людям канцлера, похоже, несладко пришлось в трактире. Если погоня и была, то наверняка далеко отстала.

Небо залил закат, когда Искра пошла тяжело и сбивчиво, и Аластор со стыдом подумал, что лошади ведь толком не отдохнули! И он хорош, даже не подумал пересест на заводную лошадь нового спутника... хотя бы попросить об этом! Тот невысокий и тонкий, его гнедая не устала, да и Луне под легкой Айлин проще, Искра же все это время несла тяжелого Аластора с оружием и сумкой. Нет, надо останавливаться, пока совсем не загнали кобыл.

- Сворачиваем, - крикнул он и указал на тропку, ведущую в лес.

Незнакомец кивнул и послушно свернул, хотя Аластор на миг подумал, что тот просто уедет. Какое ему дело до беглецов? Странно все это, очень странно!

Довольно узкая тропка оказалась ровной и хорошо набитой. Аластор помнил карту, но та была недостаточно подробной. Возможно, тропа ведет к небольшой деревне или поместью? Пушок все время безумной гонки держался рядом со стременем Луны как привязанный, а теперь метнулся вперед и, как несколько дней назад, пошел по тропе, словно указывая дорогу. Аластор спешил и

повел Искру в поводу, истово надеясь, что Пушок найдет пригодную для лагеря поляну. И лучше бы поскорее!

Поляна нашлась через пару сотен шагов, небольшая, но достаточно ровная и сухая. Немного в стороне журчал крошечный ручей, но им хватит. Наверное, сюда и тропа вела именно поэтому, а натоптали ее местные охотники или просто проезжающие, чтобы в последний раз передохнуть перед городом.

- Заночуем здесь, - решительно сказал Аластор.

Айлин молча и устало кивнула, неловко привстала в седле, и их спаситель, торопливо спешившись, придержал ей стремя.

Аластор мысленно обругал себя растяпой и присмотрелся к нечаянному спутнику. Пожалуй, впервые присмотрелся, прежде было как-то не до того! Не слишком высокий - примерно на голову ниже его самого, тонкий и гибкий, как любимая рапира месьора д'Альбрэ, смуглый, но оттенка золота, а не более темной бронзы. Необычного цвета глаза, желто-зеленые, словно дорогой фраганский ликер. Странно, между прочим, явный южанин, но глаза светлые! Да и остальное...

Угольно-черные волосы подстрижены немного ниже ушей, слишком коротко для аристократа, однако черты лица правильные и тонкие, а само лицо выглядит... ухоженным, что ли. Одежда чистая, аккуратная, но такую простую охотничью куртку и штаны может носить кто угодно, от наемника до небогатого дворянина. Возраст - и тот не угадаешь! Судя по гладко выбритому лицу, не старше него самого, но чутье так и кричало, что впечатление юности куда как обманчиво.

Аластор бросил взгляд на руки, надеясь увидеть там дворянский или мажеский перстень, но и тут не преуспел. Незнакомец учтиво держал их на виду, однако на длинных тонких пальцах не нашлось ничего, говорящего о статусе. Разве что сами руки, такие же ухоженные, как и все остальное.

Он снова поднял взгляд и встретился со взглядом незнакомца. Тот смотрел с веселым спокойным любопытством, словно не видел ничего необычного ни в такой странной встрече, ни в своем поведении. Или знал что-то, неведомое Аластору. Держался он, во всяком случае, совершенно свободно.

- Благодарю вас, синьор, - тихо сказала Айлин, и незнакомец поклонился.

Аластор насторожился еще больше. Синьор, то есть итлиец? Ах да, возле постоянного двора тот сам назвал их «синьоры». Но что бы итлийцу делать в Дорвенанте в такое время? Да еще и не в столице...

- Я тоже благодарю за помощь, - сказал он самым вежливым тоном, на какой только оказался способен. - Но хотелось бы узнать, кого именно я должен за нее благодарить.

Учтивость тона, конечно, никак не искупала остального пренебрежения этикетом. Аластору следовало представиться первым, раз уж маска немого северянина с него слетела еще в трактире. Но лучше показаться невежей, чем сходу ляпнуть что-то совсем лишнее. А этим лишним запросто могут оказаться их с Айлин имена!

- Разумеется, благородный синьор, - поклонился итлиец уже ему, причем с должной почтительностью, мгновенно подсказавшей Аластору, что собеседник не дворянин. - Лучано Фарелли, приказчик торгового дома «Скрабацца и сыновья», к вашим услугам. Следовал во Фрагану, а тут такая беда с порталами...

- Приказчик? – переспросил Аластор и подошел ближе.

Уже с некоторой бесцеремонностью еще внимательнее осмотрел итлийца, присмотрелся к его поклаже и лошадям и едва не фыркнул. Еще бы эти гнедые красотки в белых чулках не показались ему знакомыми! На крупах поспешно сведенное клеймо владельца, но все лошади, выращенные в поместье Вальдеронов для армейских поставок, при продаже дополнительно метятся знаком полка. Заранее, чтобы надрезы на ушах успели зажить и не загнили потом от плохого ухода. Вальдероны отпускают армии его величества отменный товар и умеют о нем позаботиться. И уж метки каждого полка Аластор выучил чуть ли не раньше, чем научился ходить!

- А путешествуете вы на дорвенантских строевых лошадях? – скептически уточнил он, взглядом указывая на левое ухо ближайшей кобылы с двумя характерными надсечками. – Пятого рейтарского полка?

- О, лошадей я купил по случаю, – охотно отозвался итлиец, несколько смущенно пожав плечами. – Вместе с поклажей и через третьи руки. Понятия не имею, кому они принадлежали прежде. Знаете, в вашей прекрасной столице сейчас такая суматоха...

Он был столь убедителен, что на миг Аластор ему даже поверил. Но, бросив короткий взгляд на Айлин, снова встрепенулся: подруга, странно улыбаясь, внимательно смотрела... нет, не на итлийца, а в пустоту за его левым плечом! Итлиец, тоже поймавший ее взгляд, беспокойно оглянулся быстрым, едва уловимым движением, какие бывают только у людей, привыкших к постоянной опасности. Приказчик? Да Аластор седло Искры сгрызет, если это так!

Но и не наемник, слишком уж холеным и ухоженным выглядит. В постоянной дороге и дешевых трактирах так о себе не позаботишься.

- Рапиру и дагу вы тоже купили по случаю, синьор Фаррелли? – уточнил он, таким же быстрым взглядом оценив оружие, пристегнутое у седла итлийца. – Как и арбалет? Уж простите, но мне в это как-то не верится.

- В самом деле? – вежливо удивился тот. – Но я же не сомневаюсь, что некий наемник из Вольфгарда разом излечился от немоты. Какие только чудеса не совершаются в нашем мире по воле Благих!

Рядом и немного позади хихикнула Айлин, и Аластор почувствовал себя дураком. Но итлиец тут же примирительно улыбнулся и добавил:

- Я понимаю ваше недоверие, благородный синьор. Любой человек имеет право на секреты, но вы сопровождаете даму, и, конечно, вы должны думать о ее безопасности. Могу только поклясться Благими, что я не скрыл свое настоящее имя и действительно работаю на торговый дом «Скрабацца и сыновья». Очень приличное заведение, поверьте. Но...

- Но? – уточнил Аластор.

Если бы итлиец сделал хоть одно подозрительное движение, Аластор не стал бы медлить. Благодарность благодарностью, но непрошенные услуги иногда обходятся слишком дорого. Возможно, со связанными руками и ножом у горла синьор Фарелли будет более разговорчивым и искренним? Во всяком случае, верить в историю про приказчика, решившего сдуру помешать людям канцлера, Аластор не собирался.

- Но у торгового дома «Скрабацца и сыновья» имеются и другие интересы, кроме торговых, – с подкупающей искренностью вздохнул Фарелли. – Скажем, кое-кто хочет, чтобы его доброму знакомому шепнули несколько слов. Или передали письмо. Или оказали какую-то мелкую услугу. Вы же понимаете, м? И очень важно, чтобы этим занялся достойный доверия человек. Такой, кто отнесется к поручению со всей старательностью. Даже несколько слов иногда требуют большого внимания. И доверия к тому, кто их передаст.

Он снова развел руками и лукаво улыбнулся. При этом взгляд по-прежнему остался кристально

искренним, и Аластор вдруг понял, кого ему напоминают золотисто-зеленые глазища нового знакомого. У них в поместье на поварне имелся кот выдающихся ловчих качеств. Огромный, угольно-черный, гладкий и с точно такими же глазами, красивыми, наглыми, но при этом невозможно честными. Бывало, украдет и слопаёт целую фаршированную курицу, кухарка негодуёт, а он только смотрит в ответ настолько честно, ласково и преданно, что рука не поднимается, а в голову сама собой закрадывается мысль, что бедную невинную кисоньку оговорили. Ну разве он мог совершить такой подлый поступок?

«Вот поэтому его и звали Паскудой, – вовремя вспомнилось Аластору. – И прощали раз за разом только потому, что крыс ловил молниеносно и беспощадно, а потом приносил на крыльцо, садился рядом и умильно щурился – вот, посмотрите, какие там ворованные куры, разве у бедного котика есть время и силы заниматься пакостями?»

– Так вы... шпион? – медленно уронил Аластор, пытаясь понять, чем это может грозить лично ему и Айлин.

– Я предпочитаю слово «посланник», благородный синьор, – так же обезоруживающе продолжал улыбаться итлиец. – И могу поклясться Благими, Барготом, да хоть самим Странником, что не замышляю ничего плохого против вашей родной страны. Исключительно... частные услуги.

– Он не врет, – раздался вдруг позади голос Айлин. А потом подруга задумчиво добавила, почему-то по-прежнему глядя за плечо итлийца. – В этом точно не врет.

Аластору показалось, что Фарелли вздохнул с некоторым облегчением. А вот ему самому задумчивость в голосе Айлин совершенно не понравилась. И ответов на все вопросы это не давало, напротив, только добавляло новые.

– И зачем вы нам помогли, синьор «посланник»? – спросил Аластор, стараясь, чтобы это прозвучало с должной холодностью. – Что вам от нас нужно?

Да, он благодарен. Однако в бескорыстие нового знакомого верит не больше, чем в порядочность кота Паскуды, после каждой ворованной курицы обещавшего вести праведную жизнь. Аластор очень постарался, чтобы это читалось в его голосе и взгляде. Итлиец понимающе кивнул.

– У меня действительно есть к вам предложение, благородный синьор, – спокойно ответил он. – И оно же в некоторой степени объясняет, почему я вам помог. Видите ли... – Он покрутил в воздухе изящной ладонью, словно подбирая слова, а мягкий итлийский выговор, который теперь хорошо слышал Аластор, стал заметнее, будто Фарелли устал говорить на чужом наречии. У самого Аластора именно так было при изучении фраганского языка. – Там, в гостинице, я увидел двух благородных людей в сложном положении. До вашего канцлера и его приказов мне решительно нет никакого дела. Я не дорвенантский подданный и выполнять их не обязан. Конечно, был некоторый риск, но... мне очень нужно как можно быстрее попасть в Керуа, что на фраганской границе. Порталами сейчас пользоваться нельзя, сами знаете, а путешествовать одному слишком опасно. Насколько я понял, вам в ту же сторону. О, я нисколько не собираюсь лезть в чужие дела! Мне все равно, куда направляется очаровательная купеческая дочь с немым охранником или... – Итлиец опять лукаво улыбнулся. – Или благородная юная синьорина, которую сопровождает благородный синьор. Совсем не мое дело, м? Любовь, интриги, преследования – это все хорошо в романах. Вам нужно в Керуа, мне – тоже. Но вас ищут, покупать еду и овес будет непросто, да и мало ли что может понадобиться... А меня никто не знает. Зато если встретятся демоны, троим отбиться проще, чем одному. Поверьте, я буду полезным попутчиком, – добавил он, видя, что Аластор нахмурился. – Хоть я и... скромный приказчик, но шпагой и арбалетом владею неплохо. Могу готовить на привалах, выполнять любую работу. Считайте, что нанимаете простого слугу, синьор. Только я даже жалование не попрошу.

Он замолчал, снова улыбнувшись легко и беспечно, и лишь едва уловимое напряжение во взгляде выдавало, что ответ Аластора ему важен. А потом повернулся и принялся расседывать свою гнедую, негромко и так же спокойно бросив через плечо:

– Что бы вы ни решили, благородный синьор, надеюсь, на ночлег в вашей компании я могу рассчитывать? Уже почти стемнело, искать другое место мне бы не хотелось. Впрочем, если откажете мне в этом, я пойму. Безопасность дамы...

Аластор почувствовал, что краснеет. Выгнать в ночной лес человека, который спас их, забрал коней, доверился, пусть и в таком неприглядном ремесле, как шпионство? Но Фарелли не дворянин, ему быть шпионом не постыдно, наверное? В любом случае, он оказал им с Айлин огромную услугу!

– Оставайтесь, конечно, – буркнул он. – Простите, но ужина мы вам предложить не можем. Сами остались без припасов и ничего не успели купить. Разве что Пушок принесет что-нибудь...

– Так синьор Ульв или синьор Пушок? – рассмеялся их новый знакомый, с веселым интересом приглядываясь к Пушку, который возлежал у ног Айлин с невозмутимым видом. – Какой прекрасный пес. И очень умный! Он так вовремя появился в конюшне...

Не переставая болтать, он расседлал обеих гнедых, и тут снова подала голос Айлин, до этого почти все время молчавшая.

– Аластор, мне кажется, нам следует принять любезное предложение синьора Фарелли. Путешествовать втроем гораздо безопаснее. И... я ему верю. Есть основания. Что?

Она повернулась к итлийцу, воззрившемуся на нее с явным восхищением, так что Аластора снова кольнуло смутное неудовольствие. Слишком уж смазлив этот синьор «посланник». И смотрит в точности, как Паскуда на взбитые сливки.

– О, ничего! – быстро отозвался итлиец и, словно опомнившись, притушил горящий взгляд, опустив густые, как у девушки, ресницы и отведя глаза в сторону. – Просто удивляюсь. Я уже несколько дней в вашей чудесной стране, и за это время только вы, прекрасная синьорина, и благородный синьор... Аластор? – Поклон в сторону Аластора. – Только вы правильно произносите мое имя, – со вздохом сообщил он. – Остальные путают, зовут меня каким-то Фарреллом...

И он снова развел руками. Аластор уже начал привыкать к этой манере итлийца, странной, но идущей ему так же, как месьору д'Альбрэ, к примеру, привычка язвить. Все люди разные. Кто-то похож на ироничного ворона, кто-то – на хитрого котяру...

– Я магесса, – просто ответила Айлин, выкладывая их козырную карту на стол с удивительной наивностью. – Было бы странно, если бы я смогла произнести любое заклятие, но запуталась в чьем-то имени.

– А меня учили, что коверкать чужое имя – невежливо, – буркнул Аластор и ответил итлийцу сдержанным поклоном-кивком. – Аластор, младший лорд Вальдерон. Моя спутница – леди Айлин. Но когда мы доедем до следующего города, будем очень признательны, если не станете называть нас этими именами.

– Понял! Как прикажете, синьор Вальдерон! – оживился итлиец. – Так я нанят?

И пока Аластор колебался последние мгновения, не зная, как же пристойно отказать, Айлин решительно кивнула.

– Вы наняты, синьор Фарелли, – сказала она со своей обычной милой и изысканной учтивостью. – Мы чрезвычайно нуждаемся в человеке, способном готовить. И оказывать... иные услуги. – Она как-то бледно улыбнулась, а потом добавила, пока Аластор снова подбирал нужные слова: – Вот прямо сейчас нам необходим хворост для костра и ветви для лежанки. Это ведь у вас там котелок возле седла?

– Именно, благородная синьорина, – отозвался Фарелли. – И если не ужин, то горячий шамьет с медом я вам обещаю. А в лежанке нет особой необходимости, у меня с собою палатка. С вашего позволения схожу за хворостом.

Он снял с седла ножны с дагой и пошел в лес, где уже было совсем темно. Аластор беспомощно посмотрел на Айлин и понял, что никакая осторожность не заставит его прогнать человека, у которого есть котелок, шамьет и палатка. Настоящая палатка! Сам бы он обошелся без чего угодно, но Айлин...

– Ты ему настолько доверяешь? – спросил он подругу, прекрасно понимая, что если они ошиблись и Фарелли опасен, отвечать все равно ему как мужчине.

– Я уверена, что он нам нужен, – твердо ответила Айлин, а потом жалобно добавила: – И шамьета хочется. А уж палатка – это и вовсе роскошь! Это нам повезло, что дождей пока не было... Давай его оставим, Ал? Мы будем осторожны, правда! Пушок за ним тоже присмотрит.

Аластор мрачно кивнул и подумал, что именно так, по гневным рассказам кухарки, на поварню в свое время явился Паскуда. Просто однажды оказался возле теплой печки с крысой в зубах и так смотрел, что ни у кого не хватило жестокости выгнать бедного котика, что так честно отрабатывает свою миску молочка. А пропавшая в тот день курица... Ну, о ней тогда никто и не вспомнил, а потом было уже поздно. «Ладно, вдвоем с Пушком мы уж как-нибудь приглядим за одним-единственным... итлийским котиком», – мрачно подумал он.

* * *

– Позвольте спросить, благородный синьор, – не выдержал Лучано, глядя на изрядную охапку хвороста размером, пожалуй, с Ульва – лохматого и зубастого.

Обтянутая кожаной курткой мощная спина безмолвно выразила внимание, которое Лучано предпочел считать позволением.

– Зачем собирать хворост, если у вас при себе сразу два топора?

Бастардо стремительно обернулся и уставился на Лучано так, словно тот по незнанию смертельно оскорбил его достойную матушку.

– Это родовые секиры, синьор Фарелли, – уронил он веско. – Боевое оружие! А вы предлагаете мне оскорбить их рубкой дров? Уравнять с топорами лесорубов?

На одно кошмарное мгновение Лучано показалось, что он чудовищно, непоправимо ошибся и в самом деле усакал невесть куда с настоящим вольфгардцем и, чтоб ей провалиться, настоящей купеческой дочкой. Кто, кроме вольфгардца, может столь трепетно относиться к каким-то топорам, будь они хоть дюжину раз родовые секиры!

Нет, не может быть, совершенно невозможно, ведь люди из тайной службы обратились к нему как к дворянину!

«Но не как к принцу, – тут же шепнула память. – А кто сказал, что местный дож... то есть канцлер... может разыскивать только принца?»

Мысль была жуткой. Лучано сразу представилось, как он весело и почти безопасно приезжает в Керуа вместе с этой сумасшедшей парочкой, там узнает, что они обычные юные дворяне, сбежавшие от воли родителей, чтобы тайно пожениться, прощается с ними и... травится от позора. Ну, чтобы не дожидаться смерти от проклятия королевы Беатрис. А потом еще лет сто его историю рассказывают маленьким Шипам как пример невероятной тупости. Ле-ген-дар-ной!

Его аж передернуло, и он крепче стиснул собственную охапку хвороста. Нет-нет, парень – вылитый профиль на монете, если тому скинуть три десятка лет и согнать изрядное количество жира. А девица – магесса. Надо только узнать, какой именно гильдии. И почему она все время смотрела за его плечо? Может быть, тоже какое-то проклятие накладывала? Для верности?

Как она сказала про основания верить в его искренность – Лучано даже мороз продрал. Вот с такой же милой искренней улыбкой его и прокляла Беатрис. А девчонка, сразу видно, даже ей достойная соперница. Какое самообладание! И как ловко она руководит бастардо, причем тот, идиотто, свято уверен, что решает сам. Ну, Лучано наивными глазками и сладкой улыбкой не обманется!

Хотя надо отдать синьорине Айлин должное. Она не просто обаятельна, но в самом деле умеет найти правильный подход к любому. На этого белокурого вольфгардского медведя взирает снизу вверх, и тому, конечно, хочется защищать милую хрупкую малышку. А любой простолюдин просто обязан растаять, словно леденец на жарком итлийском солнце, когда благородная синьорина обращается к нему с такой любезностью. Улыбается, выказывает ему доверие и даже дает себе труд запомнить его имя!

Хм, правда, бастардо его тоже называл правильно. Не пожелал уступить своей подруге в учтивости? Наверняка. Или его действительно учили быть вежливым всегда и со всеми? Странно, однако каких только придурей не бывает у благородных синьоров. И все равно Лучано не собирался забывать холодный взгляд, который видел у синьора Вальдерона в трактире, когда к нему подошли вольфгардцы. Забывать такие взгляды опасно для здоровья.

Ну а в целом, синьоры как синьоры. Девушка из всех сил старается быть милой, но видно же, сразу просчитала, какая может быть польза от подобного спутника. Парень осторожничает, но наивен, как щенок, хоть и показывает иногда зубки. Побывать некоторое время при них поваром, лакеем и шутком? Да запросто! Нужно только хорошо рассчитать время, когда убирать девушку. Если она магесса, то должна быть очень полезной в путешествии. Так зачем лишаться такой козырной карты сейчас, в дороге? Лучше дойти с ней до самого конца, а там уж...

Решено, если только девушка не станет ему опасна, пусть пока поживет. Заодно будет время раскусить ее по-настоящему. Нет, но как играет! Лучано сам едва не поверил! Да когда она ему улыбнулась, он поймал себя на том, что губы сами тянутся в ответной улыбке, и даже испугался! Вот это талант! Ей бы в гильдии цены не было!

Бастардо все время маячил то впереди, то сбоку, его светловолосую голову было хорошо видно даже в темноте, которую едва рассеивали лунные лучи, пробиваясь через ветки. Лучано снова поежился. Лес он не знал и не любил. Это не город, где есть крыши, подвалы, сквозные проходы, изогнутые переулочки – и это все готово помочь умелому Шипу. А здесь темно, сыро, отовсюду доносятся непонятные звуки и запахи...

«Ладно, – утешил он себя. – Это просто лес. Крупные звери здесь вряд ли водятся, слишком близко от города. Или нет? А еще в темноте могут скрываться демоны. Баргот поberi, как же хорошо было в милой Вероке, где я твердо знал, что самое страшное на ночной улице – это я сам».

И тут кто-то дернул его сзади за штанину.

Лучано не заорал только потому, что у него перехватило дыхание. Ну и еще потому, что с детства был приучен не кричать, когда страшно. Если страшно, нужно бить или бежать, какой толк от воплей?

Он медленно обернулся, сжимая в ладони уже вылетевшую из ножен дагу, и с трудом выдохнул. Вот позору было бы... Ничего, даже хворост не уронил. А дага... ну что дага? Может, он просто веточку подходящую только что ей отломал, вот и держит?

Глаза Пушка, он же Ульв, светились в темноте жутким синим светом, наводящим на мысли о кладбищах, темном колдовстве, призраках и прочих страшилках. «Это Дорвенант, – напомнил себе Лучано. – Тут любые сказки – просто магия. А если бы вот это... хотело тебя сожрать... зачем бы ему ждать так долго? Ну и глазница... И... мне кажется или он действительно не дышит? И не пахнет... собакой...»

Он отчаянно принюхался, зная, что глаза иногда способны обмануть, нос гораздо надежнее. От огромного волкодава, в темноте белеющего, словно самое жуткое облако, которое мог представить Лучано, пахло сырой землей, в которой он слегка испачкал лапы. И еще чуть-чуть дымом. Наверное, рыжая магесса уже развела костер. Но только не собакой! И он точно не дышал!

– О, а вот и Пушок, – равнодушно сказал бастардо, подходя к замеревшему Лучано с такой охалкой хвороста, что его могучей фигуры за ней почти не было видно. – Пушок, у нас будет ужин?

Пес посмотрел на него, и Лучано мог бы поклясться, что пушистая морда изобразила вину, а хвост неуверенно дернулся из стороны в сторону.

– Ясно, – вздохнул синьор Вальдерон. – Ну ничего, переживем. Хорошая собака...

И он ухитрился освободить одну руку ровно настолько, чтобы потрепать мохнатые уши. Пушок прикрыл глаза, и кошмарное синее сияние ненадолго погасло, а потом пес опять издевательски оглядел Лучано и потрусил обратно к поляне. Бастардо кивком велел возвращаться и сам пошел последним.

– Он... действительно ловит дичь? – идя по ночному лесу, очень учтиво спросил Лучано совсем не то, что собирался.

– Когда хочет, – вздохнул бастардо. – Или когда Айлин прикажет. Но даже Пушок не может поймать дичь, если ее нет.

– Может, он что-то поймал и съел? – предположил Лучано, которому начал нравиться ночной лес.

Почти тихо, да и пахнет, в общем-то, приятно, прелой старой листвой, свежей зеленью и цветущими деревьями, хоть и очень далеко. Лучано потянул носом. Яблоня. Точно яблоня. И прогулка за хворостом, надо признаться, гораздо приятнее, когда позади тебя здоровенный воин с двумя секирами, а впереди – собака ростом с жеребенка и со светящимися глазами. Как-то даже уютно гулять в такой компании!

– Он не ест, – отозвался бастардо так же спокойно и ровно, словно говорил не с нанятым слугой, а со старым знакомым или даже другом.

Во всяком случае, с кем-то равным.

– В каком смысле? – поразился Лучано, ожидая, что рано или поздно его одернут, и рассчитывая проверить, где именно границы терпения благородного синьора. – Совсем не ест?

– Айлин говорит, что он ест некротические эманации, – буркнул бастардо не раздраженно, а, скорее, устало. Подумал и добавил: – Ну, призраков, проще говоря. И остатки заклинаний. И всякую потустороннюю гадость. Но не плоть, а именно их суть. Я сам не очень-то понимаю. Но не обычную еду, это точно.

– Так он... – осторожно начал Лучано, уже ничего не проверяя, ему действительно стало до жути любопытно. – Все-таки живой или нет?

Белый мохнатый зад мелькал впереди, потряхивая пушистейшим хвостом, словно принадлежал самой обычной собаке, пусть и огромной. Но разве тут вообще может быть что-то обычное?

– Нет, конечно, – хмыкнул бастардо. – Айлин очень хотелось собаку. Ну, она и подняла скелет невийского волкодава. А чтобы остальные адепты в Академии не боялись, Пушка обшили шкурой. Очень удачно получилось. Пушок, по-моему, даже не заметил, что умер, вот и считает себя обычной собакой, только очень умной. Надо признать, у него есть на это основания.

– А... да... – обалдело согласился Лучано.

Действительно, что тут странного? Девочке захотелось собаку, и она... подняла скелет. В высшей степени логично! И никто не удивляется! Сумасшедшая страна...

Он снова посмотрел на хвост впереди и сдавленным голосом поинтересовался:

– Прошу прощения, синьор, но... У него внутри скелет?! Просто скелет?

Воображение рисовало какие-то совершенно сумасшедшие картины. Лучано мог только тихо порадоваться, что рыжая магесса, гильдия которой наконец определилась, ограничилась одной-единственной собачкой. А то ведь могла и лошадей поднять. Да и спутников себе найти... молчаливых, послушных и умных, как... синьор Пушок.

– Ну а что такого? – уже совсем устало и почти зло поинтересовался Аластор. – Вообще-то, у нас у всех внутри скелет. Почему его у Пушка быть не может?

– Действительно, – помолчав, смиренно согласился Лучано. – Вы совершенно правы, синьор.

Он снова замолчал, пытаясь понять, что только услышал. То ли удивительная, чудовищная в своей

простоте мудрость, невероятная у создания, подобного синьору Вальдерону. То ли язвительная шутка. И даже непонятно, что невозможнее!

«Мастер Ларци был бы в восторге, – понял Лучано. – Определенно, ему бы понравилось. А я схожу с ума...»

Они вышли на поляну, где уже плясал языками пламени крохотный костерок. Рыжая магесса, стоя на коленях, усердно раздувала пламя, подкладывая в него веточки. Котелок, уже наполненный водой, висел на ветке, которую кто-то из этой сумасшедшей парочки пристроил на двух рогатинках, воткнутых в землю.

Ну надо же, и его дожидаться не стали! Лучано против воли почувствовал азарт. Ну не может все быть настолько хорошо! Как бы ни пыталась эта рыжая изображать любезность и дружелюбие, рано или поздно маска слетит. Всегда слетает хотя бы краешком! Усталость, раздражение, страх – что-то пробьет трещину в броне ее лицемерия, и синьорина Айлин покажет настоящее личико.

Он сбросил хворост рядом с костерком и принялся доставать из сумки хваленую офицерскую палатку. Расстелил на земле, прикинул, как ее вообще можно поставить.

– Колышки нужны, – сказал бастардо, появляясь рядом и окидывая палатку внимательным взглядом. – Я вырежу.

– Вы меня очень обяжете, синьор, – сказал Лучано широкой спине, снова нырнувшей в лес, и глубоко вдохнул и выдохнул, решив, что ничему пока не станет удивляться.

Достал порошок шамьета, баночку с медом и задумался о специях. Корица возбуждает аппетит, этого им сейчас точно не нужно. Значит, немного кардамона и щепотка душистой алмагули. Самое простое, что можно использовать после тяжелой дороги, чтобы расслабиться и заснуть. Потом он обязательно попробует разные сочетания специй, чтобы угодить спутникам, но для первого знакомства с правильным шамьетом нет ничего лучше простоты.

– Вы любите шамьет, прекрасная синьорина? – весело спросил он, глядя, как жадно магесса принюхивается к содержимому котелка.

– Очень, – доверительно призналась та. – Но у нас в Дорвенне редко варят его вкусно. В Академии просто кладут побольше меда и сливок. И в кондитерских тоже. А вот несладкий шамьет со специями хорошо варят только в доме моей тетушки. У нее повар – арлезиец...

И она смутилась, будто сказала что-то непристойное.

– Настоящие мастера шамьета только в Итлии, – напоказ возмутился Лучано, манипулируя с котелком, чтобы угли давали правильный жар. – Конечно, варить его надо в шэнье, но попробуем сделать все возможное. А... синьор Вальдерон?

– Ой, Аластору, главное, меда побольше, – хихикнула рыжая магесса и запустила пальцы в длинную густую шерсть севшего рядом с ней Пушка.

Пес всхрапнул и завалился набок, высунув язык, будто настоящая живая собака. Магесса принялась чесать ему пузо, волкодав засопел, и Лучано даже подумал, не подшутил ли над ним синьор Вальдерон. Но глаза-то у собаки светятся.

Он чуть не пропустил момент, когда надо было заправлять шамьет специями. Даже без шэньи получилось удачно. Во всяком случае, магесса взяла обеими руками кружку, в которую Лучано налил ей шамьет первой, вдохнула аромат, и ее веснушчатое юное личико просияло неподдельным блаженством. Она еще и веснушчатая! Интересно, вся?

Лучано поспешно спрятал взгляд. А кружка всего одна, синьору Вальдерону придется подождать. Но бастардо, вернувшись из леса, спокойно и деловито вогнал в землю несколько колышков, забив их каблуком, привязал к ним петли палатки, словно всю жизнь этим занимался, и только когда

понадобилось натянуть два противоположных края, позвал Лучано.

– Маленькая... – с некоторым сомнением сказала магесса, глядя на результат их стараний.

– Тебе хватит, – уронил бастардо, и Лучано снова изумился, хотя дал себе слово этого не делать.

Он что, собирается спать у костра?! Нет, в том, что пара дворян позаимствует у простолюдина, которого наняли, палатку, Лучано даже не сомневался. Но зачем уступать ее одной девице, если там просторно для двоих? Бастардо бережет ее репутацию?! Перед кем?!

– Ал, тебе не кажется, что забирать вещь у ее хозяина как-то... неправильно? – мягко, почти вкрадчиво поинтересовалась магесса, и Лучано про себя ухмыльнулся.

Ну-ну. И что дальше?

– Но ты ведь не можешь спать вместе с ним! – ожидаемо и очень правильно возмутился Вальдерон и гневно глянул на Лучано, который тут же притворился, что его вообще ничто, кроме костра, не интересует. – Это... неприлично.

– Ну да, – преспокойно согласилась рыжая. – Вдвоем – неприлично, я согласна. И очень глупо. Синьор Фарелли будет спать в палатке, потому что она принадлежит ему. Я – потому что ночевать у костра не собираюсь. У меня потом волосы дымом пахнут, знаешь, как противно! А одного тебя тогда отправлять к костру и вовсе странно! Потеснимся втроем, подумаешь!

Она улыбнулась, и Лучано чутьем понял, что девице жутко не по себе, но она храбрится, а бастардо растерян и попросту не знает, что делать. Да любой бы не знал! Уложить с собой третьим простолюдина! Еще и подозрительного вдобавок! Тут и этикет, и просто здравый смысл сойдут с ума!

– Я вполне могу лечь у костра, – подал он голос, надеясь, что это зачтется как-нибудь впоследствии.

Спать на пополах, конечно, удовольствие так себе, но...

– Нет уж, потеснимся, – очень мрачно сказал бастардо, приняв какое-то непонятное решение. – Так действительно будет приличнее, чем вдвоем.

Чем трое приличнее двух, Лучано так и не понял. Можно подумать, если его попросят отвернуться или погулять снаружи, он откажет. Станные эти дорвенантцы!

И тут он кое-что вспомнил, увидев, какие тоскливые взгляды синьор Вальдерон бросает на почти опустевший котелок. Перелил остатки шамьета в кружку, сходил к ручейку, сполоснул его и наполнил водой. Вернувшись, опять поставил на огонь под удивленными взглядами парочки и даже, кажется, Пушка. Полез в сумку и с триумфом вытащил клад неизвестного офицера: сухари, высушенную, как подошва, колбасу и фляжку с карвейном.

– Ой... – ахнула магесса так, словно получила в подарок на Зимнее Солнцестояние целую кондитерскую, а синьор Вальдерон поспешно отвел блеснувшие глаза.

Лучано усмехнулся про себя и поделил сухари на две части. Одну убрал обратно в сумку, пояснив: «На завтрак, благородные синьоры», – а вторую, как раз четыре штуки, протянул своим дорвенантцам по паре каждому. Колбасу же отправил в котелок, потому что в таком виде ее мог угрызть разве что Пушок. А он, судя по рассказам, есть ее не собирался.

– А вы, синьор Фарелли? – возмутилась то ли неправильная благородная синьорина, то ли безупречно играющая мерзавка.

– А я плотно пообедал в трактире, – улыбнулся Лучано, не напоминая парочке, что они там пообедали ничуть не хуже.

Пустяки, ляжет разок спать голодным, от него не убудет. Однако бастардо, неуловимо помрачнев,

протянул ему один из своих сухарей, заявив:

– Извольте слушаться, синьор Фарелли, раз уж нанялись на службу. Не хватало еще, чтобы кто-то из моих людей лег спать голодным вместо меня. Айлин, тебя это тоже касается. Вот свалишься, что мы будем делать? Ешь, это приказ.

– Слушаюсь, милорд, – выпалила девица, как хорошо обученный солдат, и тут же возмутилась: – Ал, это нечестно! Ты не мой наставник!

– Я командир отряда, – невозмутимо отозвался бастардо, и девчонка замолчала, ошалело хлопая глазами.

Лучано, сам растерявшись, тихо сжевал возвращенный сухарь, вытащил разварившуюся колбасу из котелка и поделил на три части, насадив на пруты. Раздал каждому его порцию, а оставшийся бульон отставил в сторону. Утром к завтраку пригодится!

– Синьор Фарелли, а откуда у вас эта фляжка? – вдруг поинтересовалась девчонка, чуть не подавившись колбасой. – Можно посмотреть?

Голос у нее был такой странный, что Лучано про себя ругнулся. Собирался ведь отбить герб!

– Была в той поклаже, что я купил вместе с лошадьми, – сказал он и подал рыжей фляжку, на которую безумная парочка воззрилась с одинаковым изумлением. – Честное слово, не знаю, чья она.

– Зато... зато я знаю, – всхлипнула девица, и Лучано увидел, что она смеется просто захлеб. – Ал, ты это видишь? Это же... Это герб Кастельмаро! Того боевика, что на дороге... Ал!

– Так это его лошади? – уточнил Вальдерон и посмотрел на Лучано с неожиданной благосклонностью. – Кто-то ограбил лорда Кастельмаро и продал его лошадей синьору Фарелли?

– Ага... – выдавила девица, звонко хохоча. – Пресветлый Воин... Ну и не везет же Кастельмаро... с нашей компанией...

Лучано вспомнил увиденное на дороге: красивого лорда в таком же голубом плаще, как герб на фляжке, гнедых лошадей под ним и его отрядом... покосился на тех, которых купил... И в безумии, окружившем его этим вечером, кое-что прояснилось. Кем бы ни был этот лорд, ему и правда не повезло!

– И прекрасно, – с явным мстительным удовлетворением заключил Аластор. – Лично позабочусь, чтобы конезавод Вальдеронов больше не продал ему ни одной лошади! За тех, которых он заклятием... Держите, синьор Фарелли!

Он взял у магессы фляжку и вернул ее Лучано почтительно, как боевой трофей. Рыжая синьорина Айлин продолжала смеяться, и Лучано понял, что мир сошел с ума, и он, Лучано Фортунато Фарелли, погружается в безумие вместе с ним. Нормальные благородные синьоры не ужинают с простолюдином, делясь с ним последним сухарем. Не приглашают спать в одной палатке с собой. Не смеются вместе с ним, как со старым другом! Мир определенно сошел с ума... И теперь может случиться вообще все, что угодно. «Но пусть оно случится завтра, – смиренно вознес Лучано молитву, сам не зная кому. – Хватит с меня на сегодня, м?»

Глава 17. Призраки и коллеги

Новый знакомец действительно оказался ценным приобретением, как и обещал. Аластор проснулся раньше всех, сказались многолетние тренировки на рассвете, но стоило ему шевельнуться, как Фарелли, спавший рядом, настороженно вскинулся. Сразу же успокоился, поймав взгляд Аластора, кивнул и осторожно, чтобы не разбудить Айлин, выскользнул из палатки.

Когда Аластор, прихватив куртку, тоже выполз в холодную утреннюю серость, итлиец уже успел умыться, судя по слегка влажным волосам, развел костер и хлопотал возле него. Разогрев вчерашнее подобие бульона, протянул Аластору кружку, подал сухарь и еще улыбнулся чуть виновато. Мол, сам знаю, что завтрак скудный, что же поделать! Кружка у них оказалась одна на всех, да и та принадлежала Фарелли, так что Аластор быстро выпил бульон и вернул ее владельцу. Тот последовал его примеру, а потом, вымыв кружку в ручье, слил в нее остатки бульона и пристроил возле костра вместе с парой сухарей, которые они, не сговариваясь, приберегли для Айлин.

Снова сходяв к ручью, Фарелли тщательно оттер котелок, вернулся и поставил его с водой на огонь, пояснив:

– Сварю двойную порцию шамьета. У меня есть еще одна фляжка, можно будет налить в дорогу. Правда, придется пить холодным, – вздохнул он, словно холодный шамьет был самой большой их неприятностью.

Аластор кивнул, и Фарелли, видя, что он не расположен к разговорам, отошел к лошадям, принявшись что-то мурлыкать им по-итлийски. Отличный спутник! Услужливый, любезный... Держится сообразно своему положению, но без подбострастия. А что временами взгляды синьора Фарелли на него и Айлин слишком внимательны, и в них мелькает чересчур острый интерес, так при его ремесле это неудивительно.

Из палатки выбралась Айлин, зевая и протирая глаза. Ее волосы, на ночь заплетенные в свободную косу, растрепались, и лицо подруги окружало пушистое облачко рыжих кудряшек. Фарелли, попавшийся у нее на дороге, миготом отвлекся от лошадей, перешел на дорвенантский и восторженно сообщил, что утренняя заря завидует прелести юной синьорины. Итлиец... Оказывается, это все равно что фраганец! Аластор, привыкший к всепобеждающей галантности месьора д'Альбрэ, только усмехнулся и бросил предупреждающий взгляд. Фарелли, поймав его, за спиной Айлин покаянно прижал к сердцу ладонь, и на его выразительном смуглом лице изобразилось возмущение, мол, как вы могли подумать, я из чистого восторга!

Он посмотрел в спину умывающейся Айлин, снова перевел взгляд на Аластора и улыбнулся, а потом слегка поклонился, показывая, что все понял. Вот и отлично! Комплименты – это правильно, Айлин их заслуживает, как ни одна девушка в мире. Но если Фарелли решит, что ему позволено больше...

– А где Пушок? – спросила Айлин, вернувшись от ручья. – Доброе утро, господа. О, шамьет?

Она потянула носом и с восхищением добавила:

– С корицей, да?

– И с корицей тоже, прекрасная синьорина, – улыбнулся итлиец. – Может, синьор Пушок охотится? Я его не видел.

Он подал Айлин кружку с бульоном и сухари, вернулся к костру и принялся сосредоточенно колдовать над шамьетом. Аластор не очень любил в этом напитке специи, но вынужден был признать, что пахнет вкусно. Айлин разом выпила бульон, скривившись, как от лекарства, и теперь грызла сухарь, алчно поглядывая на дымящийся котелок.

– Доедем до следующего города и купим посуду, – сказал Аластор, чувствуя себя ужасно неудобно.

Если бы не Фарелли, сейчас у них не было бы ни кружки, ни котелка с шамьетом, ни палатки. Да и сами они, возможно, возвращались бы в столицу под охраной людей канцлера. Как знать, может, это было бы и лучше? Нет, он ни в коем случае не отказывается исполнить свой долг и закрыть портал! Но Айлин рискует жизнью и терпит столько неудобств! А самая тяжелая часть дороги впереди! Если бы он только мог найти другого мага, отправив Айлин в безопасную Академию!

Пушок вылез из кустов, когда они уже выпили шамьет, перелив остатки во вторую флягу запасливого итлийца, потушили костер, упаковали палатку и оседлали лошадей. Кобылы всю ночь паслись, но им без дополнительной порции овса тоже приходилось несладко, а фураж был на лошадях наемников, захваченных лордом Кастельмаро. Что теперь об этом вспоминать? Хорошо, что сами вырвались.

Аластор посмотрел на виноватую морду пса, все утро напрасно проискавшего дичь, потрепал его по

мохнатым ушам и на этот раз успел первым подсадить Айлин в седло. Она всегда так мило улыбается при этом! И неважно, что она боевичка и великолепно может сесть в седло сама. Ему просто приятно оказать ей хоть такую мелкую услугу.

Солнце уже поднялось повыше, высушив росу. Птицы гомонили в кустах и на деревьях, Пушок трусил перед отрядом, деловито приносясь к прохладному воздуху, и лес выглядел таким мирным, словно они выехали на обычную прогулку или охоту. Аластор глубоко вздохнул, пытаясь отделаться от ощущения, что неприятности совсем рядом: ну не верил он, что канцлер и Бастельеро отказались от мысли их остановить. Вот любопытно, эти могущественные лорды действуют вместе или поодиночке? Может быть, имело смысл хотя бы выслушать людей Аранвена? Да нет, они вряд ли были посвящены в планы лорда-канцлера. Тот посланник в трактире должен был только отвезти их в столицу...

Между прочим, отец всегда глубоко уважал канцлера и отзывался о нем с почтением. Значит, лорд Ангус Аранвен не может быть плохим человеком. «Зато он может быть отличным политиком, – мрачно сказал себе Аластор, когда они выехали из леса на большой королевский тракт, ведущий к следующему городу – А политик в таком вельможе просто обязан быть сильнее человека. Но... неужели и канцлер, и лорд Бастельеро, у которых под боком вся Академия, видят одну-единственную возможность закрыть портал, сунув туда Аластора? Почему Айлин придумала другой путь, а они – нет?»

Он сдержал горькую усмешку, понимая, что разгадка лежит на поверхности. Король и оба принца мертвы, единственные законные наследницы – принцессы Алиенора и Береника, дочери Беатрис Итлийской. Всем известно, что лорд Бастельеро влюблен в королеву, но чтит ее супружеские узы. Читил... Сейчас Беатрис Итлийская – вдова, нуждающаяся в поддержке и защите прав ее дочерей. Конечно, лорд-командор позаботится, чтобы никто не встал между трон и его возлюбленной королевой. Беатрис станет королевой-матерью и регентом своих дочерей до их совершеннолетия, а там... там видно будет! Главное, чтобы единственный бастард Малкольма героически погиб, закрывая прорыв, а уж это лорд Бастельеро ему обеспечит.

Но на чьей стороне в этой партии фигура канцлера? Аранвен должен понимать, что разлом необходимо закрыть! Как он собирается это сделать? Пожертвовать Аластором или у канцлера есть другие возможности? Но зачем ему тогда Аластор Вальдерон, королевский бастард? Убрать его как угрозу трону или, наоборот, возвести на трон, чтобы править от его имени? Проклятье, какая же мерзость эта политика... С демонами и то проще и приятнее. Главное, посоветоваться не с кем! Айлин – самая умная девушка, которую он знает, но она адептка Академии, при дворе не бывала, да и политикой совершенно не интересуется. Фарелли? Вот его в это все точно посвящать не стоит! Как же не хватает отца или месьора...

«А ты думал, что они всегда будут рядом? – зло спросил он самого себя. – Вечно станут вытирать тебе нос, подсказывать, помогать и оберегать? Собрался всю жизнь прятаться за их спины? Не выйдет. Помнишь, как в шестнадцать лет ты был готов принять самое глупое решение в своей жизни, вызвав на дуэль Бастельеро? Отец тебя удержал, а ты еще обижался на него! Но это время прошло. Теперь только тебе решать и за себя, и тех, кто с тобой рядом. Ты собрался закрыть портал, так иди и закрой его. А разбираться с политикой будешь потом, когда поймешь, чего от тебя хотят. Вот тогда подумаешь, на чьей стороне ты сам! Сейчас от людей канцлера вы оторвались, от Бастельеро, вроде бы, тоже. Осторожности, конечно, терять нельзя... Но до Шермеза еще три-четыре дня пути, если ничто не задержит. И думать нужно не о дворцовых интригах, а о том, чем накормить спутников, за которых ты отвечаешь. Вот прямо сегодня вечером, если считать, что за обед сойдет фляга с шамьетом».

Его снова кольнула мучительная вина перед Айлин. Подруга ехала притихшая и словно погруженная в себя. Даже смотрела непонятно куда, часто косясь в сторону, где никого не было. Опять у нее этот непонятный взгляд, как будто Айлин видит что-то, недоступное Аластору. Может, и видит, она же магесса! Но почему молчит? Это из-за Фарелли? Да нет, итлиец честно выполняет условие не лезть в их дела, на стоянке он не раз оставлял их одних, понимая, что кое-какие разговоры Аластор и Айлин при нем вести не будут. Айлин могла бы рассказать что угодно! Но не рассказывает...

Пушок вдруг метнулся в кусты, оттуда послышалось хлопанье крыльев, истощный птичий крик, и через несколько мгновений пес вынырнул из густого сплетения веток, в которые вломился чудом, не иначе. Из пасти у него свисала дикая утка с перекушенной шеей.

– Пушок, умница моя! – восторженно взвизгнула Айлин, а Фарелли, ехавший по другую сторону от Аластора, уважительно присвистнул.

– Обещаю вам роскошный ужин, благородные синьоры, – весело сказал он, и у Аластора слегка отлегло от сердца.

Во всяком случае, сегодня они не лягут спать голодными! Как это, оказывается, много, если уверен

в будущем на целый день вперед.

Будто поняв итлийца, Пушок подбежал к его лошади, виляя хвостом. Фарелли придержал гнедую, Пушок встал на задние лапы, поставив передние на край его седла, и итлиец взял окровавленную и еще слабо трепыхающуюся утку. Свернул ей шею и церемонно сообщил:

– Премного вам благодарен, синьор... Ульв?

Бросил лукавый взгляд в сторону Аластора, хранившего каменное выражение лица, а вот Айлин рядом тихонько фыркнула. Пушок убрал лапы и отвернулся от итлийца, делая вид, что не слышит.

– Синьор Пушок? – предположил тот нарочито льстивым голосом.

Айлин фыркнула уже громче, и Аластор подумал, что больше не станет одергивать Фарелли с его шуточками и комплиментами. Им в дороге и так непросто, пусть Айлин будет хоть немного веселее. Да и забавно это, пожалуй.

– Синьор... собака? – с надеждой предположил итлиец.

Пушок дернул ухом и милостиво на него покосился.

– Понял, – ухмыльнулся Фарелли. – Фамильярностей, дорогой мохнатый синьор, вы не любите. И утиные потроха вас точно не интересуют, м?

– Он иногда грызет кости, – подсказала Айлин. – Просто ради удовольствия, не для еды. А разве утку не нужно сразу ощипать?

– Ее бы замочить, – вздохнул итлиец и обласкал яркую пеструю тушку алчным взглядом. – Иначе, боюсь, от болотного запаха трудно избавиться. И лимонов у меня нет...

– Я думаю, после целого дня в седле мы эту утку и без лимонов с удовольствием съедим, – рассеянно улыбнулась Айлин и опять покосилась в сторону.

Фарелли явно ничего не замечал, и Аластор, может, принял бы это за свою собственную подозрительность, если бы не понял вдруг, что Пушок тоже очень внимательно приглядывается к пустому месту возле стремени Айлин.

* * *

– Красавчик, не правда ли? – с горечью произнес призрак, отставая от итлийца и подстраиваясь к плавному ходу Луны.

Хорошо хоть за стремя взяться не пытался, кобыла и так косилась на него недовольно!

Айлин дернула плечом. Синьор Лучано и впрямь очень красив – ну и что с того? Аластор тоже красавец, хоть и выглядит совершенно иначе. А уж как красив Дарра – словно безупречно совершенная статуя из чистого серебра! Или мэтр Бастельеро, прекрасный и холодный как в мундире, так и в одной домашней рубашке. А если вспомнить милорда магистра Роверстана...

Щеки потеплели и Айлин вздохнула. Все-таки она непростительно легкомысленна! Задумалась непонятно о чем, а ведь призрак наверняка не просто так снова подал голос?

– Он всегда выделялся среди остальных, – неспешно продолжил призрак, паря возле правого бока Луны со свободной стороны. – И очень умело этим пользовался.

Он поморщился и покосился на Айлин, но она старательно держала лицо непроницаемым, а мысли – плотно закрытыми. Эти полезнейшие уроки ей начал давать еще Киран, и Айлин со временем поняла, как же ей повезло с наставником. Призраки легко читают мысли обычных людей и даже магов, если те не умеют их прятать или не считают нужным. Но она вовсе не собиралась позволять незнакомым покойникам копаться в ее разуме!

Даже если этот покойник уверяет, что имеет самые благородные намерения и хочет всего лишь предупредить прекрасную невинную синьорину о ядовитой гадине, которая втерлась к ним с Аластором в доверие.

Айлин могла бы возразить, что никто к ним не втерся. Ни она, ни Аластор своим доверием не разбрасываются, но промолчала, надеясь, что призрак, повсюду следующий за Лучано Фарелли, расскажет немного больше. И он рассказывал. Правда, тоже постоянно что-то утаивал, Айлин чуяла это всей своей сутью некромантки, но сделать с этим ничего не могла. Не пытаться же беднягу!

«Вы сказали, ваше имя – Алессандро Крема? – подумала она отчетливо, позволяя своему мысленному голосу быть услышанным. – Мастер Алессандро Крема? Значит, вы тоже из этой ужасной гильдии убийц?»

– Увы, – вздохнул призрак, которого не видел и не слышал никто, кроме нее, да еще Пушок недовольно дергал ухом каждый раз, как раздавался бестелесный голос. – Я понимаю, что это не служит к моей чести, прекрасная синьорина. Могу лишь сказать в свое оправдание, что как раз убийствами я не занимался. Шипы очень хорошо умеют определять людей на то место, которое им подходит. Я вырос в гильдии, это правда. Но мне всегда нравилось возиться с детьми, я хорошо их понимаю, и поэтому гильдия сделала меня мастером-наставником. Я искал в приютах и на улицах подходящих детей и выкупал их для гильдии. Многих я спас от голода и борделей...

«Это очень достойно, мастер Крема», – согласилась Айлин.

– Алессандро, – улыбнулся призрак. – Прошу вас, милая синьорина, зовите меня Алессандро. Мне будет приятно услышать свое имя из таких красивых губ.

Вместо комплимента Айлин предпочла бы немного искренности, но вытерпела и даже сделала вид, что ей приятно. Улыбаться в пустоту было бы странно, так что она похлопала ресницами точь-в-точь как Иоланда и послала синьору Крема наивный взгляд.

Да уж, кокетничать с призраками ей еще не приходилось!

Айлин отвела взгляд, надеясь, что никто из ее живых спутников не заметит, как она постоянно косится вправо, и подумала, что Алессандро Крема ей не нравится. Хотя странно, он ведь и сам поразительно красив! Ну, был при жизни. Однако она всегда видела призраков плотными, даже путала их когда-то с живыми людьми, пока не научилась безошибочно чувствовать сопровождающие их некротические эманации. Это воспринималось как холод или неприятный запах... Но мастер Алессандро даже с такими приметам был красавчиком, каких поискать.

Высокий, черноволосый и светлокожий, с удивительно правильными чертами лица, словно у классической мраморной статуи, и серыми глазами, но не темно-серыми, как у Дарры, а почти серебристыми. Ровный нос, изящно очерченные губы с той неуловимой долей чувственности, которая делает их притягательными... А вот целоваться с синьором Алессандро почему-то не хотелось. Не хотелось – и все тут! Айлин покосилась в другую сторону, на Аластора и Лучано Фарелли, который ехал слева от него. Всеблагая Мать, о чем она думает! Невеста, давшая слово жениху! Ну и пусть она к нему никогда не вернется, слова чести это не отменяет!

И все-таки Айлин совершенно точно знала, что если бы когда-нибудь... по каким-то неизвестным, но совершенно неумолимым обстоятельствам она поцеловалась бы с Аластором... Да-да, они просто друзья! Конечно, друзья, – и ничего больше! Но если бы вдруг... Ей бы наверняка понравилось! Да что там, если уж думать на эти жутко неприличные темы, она... даже с синьором Фарелли могла бы поцеловаться. Нет, не стала бы! Но могла. А вот с Алессандро Крема, мастером-наставником гильдии Шипов, ни за что. Как бы он ни был красив. И совсем не потому, что призрак.

«И чем же синьор Фарелли выделялся в детстве?» – поинтересовалась она, снова скашивая глаза на призрака.

– Вот, например, в приюте ему никогда не приходилось голодать, – с готовностью отозвался тот. – Милый мальчик Лучано не считал предосудительным очаровать наставников ради лишней миски похлебки. И его совершенно не волновало, что без еды остается кто-то другой.

Айлин едва не фыркнула, вспомнив, как вчера синьор Фарелли отдал им с Алом сухари и намеревался лечь спать именно что голодным. Призрак, между прочим, это тоже прекрасно видел: он же от Лучано ни на минуту не отходит! Разве что сейчас – и то недалеко.

«Люди делятся с другими, если им есть, чем делиться, любезный синьор, – ответила она со старательной доброжелательностью, которой на самом деле совсем не испытывала. – А приют, где голодают дети, это ужасное место! Бедный синьор Фарелли...»

Призрак поднял на Айлин глаза, и на его тонком красивом лице мелькнуло раздражение, мгновенно спрятанное под маской сочувствия.

– О да, конечно, – согласился он торопливо. – Бедное дитя. Так я и подумал, когда забрал его из приюта. Еле-еле успел купить, – пояснил он, и Айлин вздрогнула от омерзения. Торговать детьми – какой кошмар! А мастер Алессандро продолжал, явно не видя в своем рассказе ничего ужасного: – Его готовили для дома удовольствий, прекрасная синьорина. Такие... *giovane bello*... юные красавчики пользуются в Итлии большим успехом. Он принес бы приюту большие деньги. Впрочем, и так принес. Я забрал его в школу гильдии, окружил заботой и лаской, учил и любил...

«Любили? – уточнила Айлин, которой почудился странный блеск во взгляде, брошенном мастером

Алессандро на беззаботно улыбающегося чему-то Лучано. – Вы хотите сказать, что...»

Она почувствовала, как краснеет.

– Я же был его наставником, – торопливо поправился призрак, и Айлин вздохнула с облегчением. – Конечно же, любил как... ученика! Разве наставник не должен любить своих учеников? А этот негодяй убил меня! – почти выплюнул он, глядя в спину синьора Фарелли с такой ненавистью, что если бы ненависть могла убивать – тот уже давно перестал бы дышать. – Подло, исподтишка, в момент, когда я был безоружен, совершенно беспомощен и никак не ожидал удара. Тем более – от него! А ведь ему тогда только сравнялось десять! Посудите сами, прекрасная синьорина, как можно доверять подобному... существу?

В голосе призрака зазвучала столь отчаянная злоба, что в его убийство Айлин поверила сразу же. Никаких сомнений! Так можно говорить только о человеке, которого ненавидишь всей душой, а кого можно ненавидеть больше, чем собственного убийцу?

И все же...

Айлин вспомнился леденящий ужас, который она испытала на дороге в те несколько мгновений, когда лорд Кастельмаро упал с коня. А ведь лорд Кастельмаро был их противником – и она намного старше, чем был тогда Лучано!

Нет, что бы ни говорил мастер Алессандро, убить человека – очень непросто! А уж тем более – терпеливо выждать момент и ударить безоружного? Только не в десять лет! И к тому же наставника!

Могла бы она сама убить кого-нибудь из преподавателей? Конечно, не умышленно, а просто не справившись с выбросом силы?

Мэтра Ладечки, ведущего нападение у Алого факультета? Мэтр был очень похож на медведя, и поначалу Айлин его побаивалась, но вскоре поняла, что за звероватым обликом прячется доброе сердце. Мэтр никогда не сердился, если что-то не получалось, и объяснял столько раз, сколько требовалось, чтобы адепт понял заклятие. Он охотно проводил дополнительные занятия, а после урока, хитро улыбаясь, доставал из одного кармана мантии завернутое в промасленную бумагу рассыпчатое печенье с орехами, а из другого – большую фляжку с медовой водой и, посмеиваясь, наблюдал, как адепты дружно уплетают лакомство. Из фляги каждому доставалось ровно по глотку, но как же это было кстати после урока!

Милорда магистра Бреннана, такого доброго и заботливого? Он всегда лично навещал каждого адепта, попавшего в лазарет, притворно хмурился и грозил выгнать на занятия. «Вылечу – и выгоню!» Вот ему случалось ворчать и сердиться, но только потому, что магистр Бреннан любил всех адептов и беспокоился за каждого!

Мэтра Ирвинга, преподавателя нежитеведения? Его обожали все некроманты: к каждой лекции мэтр добавлял интересные случаи из своей или чужой практики, а уроки младших курсов неизменно превращались в увлекательные игры... Айлин невольно улыбнулась, вспомнив экзамен по нежитеведению на втором курсе. Тогда мэтр Ирвинг принес в аудиторию большой ярко разукрашенный мяч, сказал: «Упырь!» – и бросил его Кайлану Саграссу. Кайлан радостно прокричал все, что знал об упырях, добавил «Вурдалак!» – и перебросил мяч Иде...

Пожалуй, это был самый веселый экзамен в ее, Айлин, жизни!

Милорда магистра Роверстана, то есть Дункана? Да об этом и подумать смешно!

«Но ведь было же и другое?» – безжалостно напомнила она себе.

Был же страшный крик мэтра Кирана, горящего фиолетовым пламенем, как ужасный факел! И ледяное торжество в глазах мэтра Бастельеро, подступившие к горлу слезы и невыносимое чувство беспомощности... Пожалуй, если бы не поддерживавший ее Дарра, и если бы лорд Бастельеро не отпустил мэтра Кирана...

«Да, – подумала Айлин, чувствуя, как холодно становится внутри. – Если бы тогда я не справилась, если бы случился выплеск... Конечно, мэтр не погиб бы. Он же Избранный! И сильнейший из всей гильдии, наверное... Но я бы попыталась, конечно, попыталась бы! За мэтра Кирана! Или за Аластора, если бы вместо лорда Кастельмаро на дороге оказался бы лорд Бастельеро... Но не просто же так, ни за что?!»

«Я не понимаю, мастер Алессандро», – сказала она призраку мысленно, опять покосившись на Лучано Фарелли.

Тот только что свесился с лошади, попытавшись тронуть Пушка за уши. Волкодав в последний

момент отскочил в сторону, а когда итлиец выпрямился, легонько боднул его кобылу мордой в бок.

Возмущенный возглас Фарелли и не менее возмущенное ржание гневной слились воедино, и Айлин увидела, как даже Аластор, все утро мрачно думавший о чем-то, заулыбался.

– Ах так, синьор Собака! – услышала она веселый голос с едва заметным итлийским акцентом. – Ну, берегитесь! От меня еще ни один пес не ушел... непоглаженным! Вот придете вы спать в палатку, там я вас и под-ка-ра-улю! – с некоторым трудом выговорил он.

Пушок ответил ему снисходительным взглядом, подбежал к ближайшему кусту, напоказ задрал на него лапу и постоял так пару мгновений, а потом обернулся на итлийца. Тот покатился со смеху, и Аластор опять, словно нехотя, улыбнулся.

«Если вы забрали его из этого ужасного приюта, спасли от... публичного дома, – проговорила Айлин, стараясь не покраснеть еще сильнее при упоминании такого места. – Если вы были его наставником и покровителем... Почему он вас убил? Разве это не глупо?!»

– Вы мне не верите, прекрасная синьорина? – с горечью вздохнул Алессандро, отводя взгляд от Лучано и обращая к Айлин красивые и безупречно честные глаза. – Но вы служите Претемной Госпоже, и уж вы-то знаете, что несчастные неупокоенные души вроде меня лишены возможности лгать. Хотите знать, почему он меня убил? Все очень просто. Убить наставника – это невероятное деяние для нашей гильдии, а уж в десять лет! Я не припомню, чтобы кто-то из юных Шипов решился на подобное. После моей смерти Лучано забрал к себе один из грандмастеров гильдии. Синьор Фарелли стал его любимым учеником и воспитанником, избавился разом и от опасных занятий, и от наказаний наставников, и от зависти других мальчиков. Достойная награда, согласитесь? Вот во что он оценил мою жизнь, синьорина!

Лицо призрака исказилось, и Айлин против воли почувствовала жалость. Если все действительно так... Но что-то мешало ей поверить до конца. В конце концов, она ненавидела поступок лорда Бастельера с мэтром Кираном, но и Бастельеро, и сам Лоу в своем дневнике сходились в одном: призраки бывают удивительно коварными и опасными тварями. Да, они не могут лгать. Но порой во лжи нет ни малейшей необходимости, достаточно должным образом сказать правду – и собеседник претолчно обманет себя сам.

«Я не могу взвалить на Аластора еще и это, – подумала она, очень хорошо скрыв эту мысль. – А если то, что мастер Крема сказал вчера вечером, правда, Аластору тем более нельзя ее знать! Я должна все понять и решить сама. Я некромантка, это мое служение и моя ответственность. И ошибиться мне нельзя. Либо я погублю Аластора, доверившись подлому убийце, либо – невинного человека, если призрак ухитрится лгать. Значит... Значит, надо думать! Рано или поздно маски слетят, и я увижу правду. Только бы не поздно, Претемнейшая, только бы не поздно!»

* * *

– Милорды коллеги, – негромко сказал Эддерли. – Позвольте мне открыть это заседание по праву старейшего. Впрочем, если у кого-то есть возражения, то я охотно передам...

Он запнулся, и Ладечки прогудел со своего места:

– Ну что вы, милорд! Мы все глубоко чтим ваш опыт. Кому как не вам!

Магистры склонили головы, соглашаясь, и Грегор последовал их примеру. Сегодня для него поставили кресло на конце стола, и Грегор слегка нахмурился, поняв, что показалось ему таким странным. Артефакторы так и не выбрали нового главу, и центральное кресло, больше похожее на трон, тоже никем не занято – это понятно. Однако пустых мест за столом оказалось три. Кого нет? Ах да, Роверстана. Странно, кстати.

– Тогда сначала о печальном, – вздохнул Эддерли и сплел перед собой пальцы, положив руки на стол. – Магистр Бреннан, вам лучше всех известно, во что нам обошелся этот день. Прошу вас...

Целитель кивнул, и Грегор увидел, что его шевелюра, где раньше темные пряди еще мешались со светлыми, стала совершенно седой, да и морщин добавилось. Бреннан немного подался вперед, и в те несколько мгновений, пока он еще не заговорил, Грегору стало по-настоящему страшно. Вспомнился коридор, заваленный телами, как ему тогда показалось. Прозрачные восковые лица Аделин и Ирвинга, окровавленная Ида Морьеца... Он вздрогнул и усилием воли отогнал эти видения.

– Двадцать шесть человек, – тихо и очень четко сказал Бреннан. – Девятнадцать адептов, четыре преподавателя и трое служащих. Еще человек десять ранены тяжело, но выкарабкаются, если будет на то воля Милосердной Сестры.

– Двадцать шесть... – почти беззвучно, одними губами повторил Эддерли и осенил себя кругом Семи Благих.

Магистры один за другим склонили головы, а у Грегора перехватило дыхание. Слишком много! Хотя... меньше, чем могло быть. И да, каждый из них на его совести. Но разве можно было иначе?!

– Кто? – уронил он. – Я... видел Ирвинга... Кто еще из мэтров?

– Из ваших – Ирвинг, – отозвался Бреннан. – Солсбери и Орсон – боевики. И Гардиан, стихийник.

«Этому-то как не повезло? Стихийники же в самом бою не участвовали...» – мелькнуло у Грегора, но глупых вопросов он задавать не стал. Война не разбирает, а в тот день Академия воевала каждым человеком, адептом он был, преподавателем или простым конюхом.

– Да примет их Претемнейшая, – сказал он вместо этого, тоже склоняя голову.

– Девятнадцать детей, – выдохнул Эддерли. – Девятнадцать... Благие Семеро!

Он расплел пальцы и на миг закрыл лицо ладонями, а когда убрал руки, Грегору показалось, что немолодое усталое лицо магистра осунулось еще сильнее. Впрочем, голос остался твердым и спокойным.

– Что ж, милорды коллеги, Академия спасла Дорвенну. Мы исполнили присягу Ордена, и никто не назовет эту цену малой. Милорд Райнгартен, – обратился он к стихийнику. – Вам как секретарю Академии надлежит позаботиться о... похоронах. Правда, семьи наверняка пожелают забрать...

– Ирвинг – сирота, – деловито отозвался Райнгартен, делая пометки на листе бумаги перед собой. – И некоторые из адептов – тоже. Их погребение отнести к общим расходам Академии? Или его оплатит Орден сообразно гильдии каждого погибшего?

– Оплатит, – сказал Грегор прежде, чем кто-то успел хоть слово вымолвить. – Милорд Райнгартен, я полагаю, Орден сочтет за честь взять на себя любые расходы. И за сирот, и за всех остальных. Или кто-то против?

Он обвел взглядом присутствующих, благо сидел на самом краю полукруглого стола. Увидел, как коротко кивнули Бреннан, Эддерли и Ладецки. Как недовольно поджал губы алхимик Валлендорф, но ничего, на свое счастье, не сказал. На лице Волански не отобразилось ничего, иллюзорник сосредоточенно рисовал на клочке бумаги карандашом, а Райнгартен, если и хотел возразить, то промолчал. Ну вот и славно.

Проснувшаяся в глубине души холодная злость улеглась, Грегор даже подумал, что ему никто не давал полномочий решать подобные вопросы. Но плевать! Никакими деньгами не купить новую жизнь для тех, кто погиб, защищая Дорвенну. И уж почетные похороны – это меньшее, что Орден может сделать. А если кто-то возразит... О да, вот пусть именно ему, Грегору Бастельеро, и возражают. Прямо в лицо, если осмелятся.

– Магистр Кристоф, – тихо напомнил Эддерли. – Тело все еще в морге. Он королевского рода, его должны похоронить в усыпальнице Дорвеннов...

– Нет, – уронил Ладецки, и все, не только Грегор, с удивлением повернулись к мрачному боевику. – Родерик... Магистр Кристоф оставил завещание. Он просил похоронить его на кладбище Академии. Я его душеприказчик...

Голос медведеподобного великана сорвался, и Грегор с удивлением подумал, что Кристоф, оказывается, был настолько близок со своим заместителем! Кто бы мог подумать? Королевский бастард, боковая ветвь Дорвеннов, образцовый дворянин и маг, всю жизнь посвятивший Академии, и Ладецки, приехавший откуда-то с северо-востока, то ли из полудикой Влахии, то ли еще дальше. Что их могло связывать, кроме общей гильдии? Причем настолько, чтобы Ладецки оговорился, назвав покойного магистра по имени, а тот назначил его своим душеприказчиком. Не Эддерли, с которым был так дружен, а Ладецки! Надо же...

– Воля покойного свята, – кивнул Эддерли. – Академия сочтет за честь хранить его память. Я сам

поговорю с Ангусом Аранвеном об этом. Бреннан, – повернулся он к целителю. – Сколько адептов пострадало не слишком сильно?

– Не считая тех десяти? – погладил тоже побелевшую бородку магистр целителей. – У меня в лазарете сейчас полсотни человек. Дюжину выпишу через пару дней, остальным придется полежать подольше. Ничего страшного, но это же дети. Когда они под присмотром, есть хоть какая-то надежда, что не придется ловить их по всей Академии на перевязки. Кстати, магистр Ладецки, будьте любезны зайти в лазарет и объяснить Саграссу, что мне виднее, где ему лечиться. Выдумал тоже, с дыркой в плече возвращаться в карцер. Не знаю, что там у него за проступок, и знать не хочу, но если этот герой еще раз откроет рот, я его ремнями привяжу к постели. Боевики!

– Зайду, – кивнул магистр Красной гильдии, и тут в дверь зала постучали.

Райнгартен нахмурился, однако подошел к двери, открыл ее и обменялся с кем-то парой слов. А затем вернулся к столу с конвертом, который положил перед Грегором, пояснив:

– Курьер от лорда-канцлера.

– Прошу прощения, милорды, – сказал Грегор, торопливо распечатывая конверт.

Сердце вдруг застучало, как перед боем. Или в тот день, когда он делал предложение Беатрис. Предложение, о котором сейчас вспоминал с тоскливым стыдом и злостью... Аранвен отыскал бастарда и Айлин Ревенгар?! Что еще может быть настолько срочным, чтобы посланный потревожил магистров Ордена?

«В провинции Вермер снежная буря погубила посевы на корню. Третью всего будущего урожая пшеницы в Дорвенанте и почти половина урожая овса утрачены. Севернее Мервиля открылся разлом, из которого непрерывно лезут демоны и разбегаются по окрестным лесам. Горожане просят прислать регулярные войска. Из Дильмаха доносят о банде разбойников, которые осаждают и грабят дворянские усадьбы. Судя по донесениям, в составе банды есть маги-боевики. Совет глав Трех дюжин состоится сегодня в шесть часов пополудни».

Как всегда у Аранвена, кратко, точно и исключительно по делу. Грегор стиснул зубы, увидев приписку в конце листа: «Известные вам особы были замечены в Мервиле, однако смогли ускользнуть. Я продолжаю заниматься их поисками».

Были замечены! Смогли ускользнуть! Пр-р-роклетье! А канцлер полагал, что так легко поймать одну из лучших адептов Фиолетовой гильдии? Грегор поклялся бы чем угодно, что за этими сухими строчками, в которых так и читалась холодная досада, кроется куда больше, чем готов рассказать Аранвен. От Кастельмаро Айлин «ускользнула», швыряясь красными и фиолетовыми заклятиями! Что ей люди канцлера? Пр-р-роклетье, трижды проклетье! Следовало бросить все и искать ее самому! Но как?

Он еще раз перечитал записку. Грядущий голод в Вермере, а то и по всей стране, демоны в Мервиле и банда в Дильмахе. И это лишь начало. Аранвен просит его о помощи как лорда-протектора, единственное оружие канцлера в борьбе с той частью Трех дюжин, которая даже сейчас думает лишь о собственной выгоде. Райнгартен наверняка отказал ему в запрошенной военной поддержке, а в отсутствие короля канцлер не может принудить главнокомандующего к повиновению. Зато протектор еще как может!

Нет, никак нельзя сейчас покидать столицу. Он просто не имеет права. Хотя на части разорвись, но каждой из этих частей найдется работа в Дорвенне.

– Ничего особенного, милорды, – сказал он, видя, что глаза всех, кроме Волански, устремлены на него. – Обычные текущие дела.

Магистр иллюзорников увлеченно складывал кораблик из листа бумаги. Вот кому ни до чего дела нет. Грегор почувствовал глухое раздражение. И надо же было погибнуть Кристофу, а не этому бесполезнейшему существу, явно чьей-то марионетке на посту магистра гильдии?! Кстати, а где же все-таки Роверстан?

– Тогда предлагаю перейти ко второму делу, ради которого мы собрались, – так же деловито сказал Райнгартен и подчеркнул карандашом то, что писал у себя на листе. – Позвольте напомнить, что все запланированные траты на похороны, лечение и пособия семьям должен заверить Великий Магистр Ордена. Ваш покорный слуга таких полномочий не имеет. Соответственно, с выборами Архимага затягивать больше нет никакой возможности.

– В Совете отсутствуют два магистра из семи, – подал голос Валлендорф. – Правомочно ли будет

решение, принятое без них?

– А никто не виноват ар-р-тефакторам, что они никак не могут выбр-рать магистр-ра, – раскатисто проговорил Ладецки, и Грегор с ним полностью согласился. – Сколько же их можно ждать?

– Пяти голосов из семи вполне достаточно, – подтвердил Эддерли. – Жаль, что отсутствует магистр Роверстан...

– А где он? – поинтересовался Грегор, подумав, что сейчас вопрос будет звучать вполне уместно. – Мне казалось, что у него достаточно дел в лазарете.

– Вам, дорогой мой Грегор, дай палец, так вы всю руку оттяпать норовите, – фыркнул Бреннан. – Магистр Роверстан, дай ему Милосердная Сестра здоровья, и так нам очень помог. Но какой толк в лазарете от разумника, если у него нет зеленой силы? Резать уже никого не нужно, а с лечением мы теперь сами справимся. – Он с удовлетворением посмотрел на Грегора, онемевшего от такого выговора, и закончил: – Магистр Роверстан просил передать, что вынужден взять отпуск по семейным обстоятельствам.

– По... семейным? – зачем-то уточнил Грегор.

Ему до этих пор ни разу не приходило в голову, что у Роверстана есть семья. Он ведь не женат! Или имеются в виду иные родственники?

– Да-да, у людей бывают семьи, – сварливо подтвердил Бреннан, словно прочитав его мысли. – И в этих семьях случаются разные обстоятельства. Дункан – старший сын из четырех, а у него еще и сестры имеются, и родители живы. Нисколько не удивляюсь, что кому-то из них могла понадобиться помощь магистра. Кстати, совсем забыл! – Голос Бреннана приобрел какое-то сверхъестественное ехидство. – Дункан как чувствовал! И лично вам, Грегор, просил передать, если поинтересуетесь, что после улаживания семейных дел он намеревается съездить на целебные воды, подлечить печень.

– Печень? – снова повторил Грегор, чувствуя себя полным болваном. – На воды? Сейчас?!

«Роверстан с ума сошел? – подумал он со смесью злости и растерянности. – Нашел время лечиться! На водах! Да если он действительно болен, хотя чем может заболеть этот бык, обратился бы к целителям... Но он собрался на воды! Бред какой-то...»

– Ну что поделаться? – развел руками Бреннан с полнейшим спокойствием и даже, кажется, одобрением. – Если печень! Я бы никому не посоветовал пренебрегать собственной печенью. Даже вам, дорогой Грегор. Хм, особенно вам. Очень, очень вредно, знаете ли. Характер портится просто удивительно!

Грегор закрыл глаза и напомнил себе, что проклинать коллег – дурной тон. Особенно старших. Особенно целителя, который считается существом беззащитным и потому имеющим право на некоторое снисхождение. Хотя Баргота с два Грегора после Морхальта поверит сказкам о беззащитности целителей. Ну, Бреннан! Сам пусть проверит печень, ехидна...

– Понимаю, – открыв глаза, процедил он, стараясь смотреть куда угодно, только не на каменные физиономии магистров. – Печень – это важно. Иначе что мы будем делать, если у нашего дорогого магистра Роверстана испортится характер? Что ж, если этот важнейший вопрос решен, хотелось бы разобраться с остальными пустяками. С выборами Архимага, например.

– Да-да, – прервал Райнгартен их пикировку. – Будьте любезны, коллеги! Раз уж магистр Роверстан отсутствует по уважительной причине, начнем выборы без него. Кстати, напоминаю, что в подобном случае член совета магистров не может не только голосовать, но и являться претендентом на пост Великого Магистра.

Грегор едва успел удивиться, что кто-то всерьез может рассматривать кандидатуру Роверстана, как Эддерли негромко уронил:

– Жаль. Очень жаль. Может быть, мы все-таки отложим выборы? Нечестно лишать Дункана подобной возможности.

«Да они издеваются? – ошелемленно подумал Грегор, видя, как Ладецки и Бреннан кивают с совершенно серьезными лицами. – Роверстана – в Архимаги? Вот это уж точно бред! Неужели Совет решил сорвать выборы? Зачем?! Но представить, что кто-то в здравом уме проголосует за разумника? Невозможно!»

Он посмотрел на Райнгартена, застывшего на своем месте с каким-то удивительно холодным и спокойным лицом, и понял: возможно. Потому что Кристоф погиб, а Ладецкий слишком недавно стал Красным магистром, он не дворянин и даже не дорвенантец. Потому что Эддерли, как сказал тот же Райнгартен, отказался наотрез, а он ведь был самой логичной кандидатурой. Бреннан? Он хорош на своем месте, но представить его в кресле архимага Грегору не хватало воображения. Валлендорф? Даже не смешно. Пожалуй, меньше шансов только у Волански. Но тогда получается, что кандидатов остается только два? Райнгартен и... Роверстан?! И Эддерли с еще двумя магистрами за Роверстана?!

– Согласен, – уже серьезно и без тени недавнего ехидства сказал Бреннан. – Магистр Роверстан должен быть в числе кандидатов.

– Это не соответствует Уставу, – с холодной четкостью сообщил Райнгартен и добавил: – Прошу прощения, что приходится напоминать столь очевидные вещи. Член Совета, который отсутствует в момент выбора, не может избираться. Нет голоса – нет кандидатуры. К тому же магистр не давал согласия занять пост в случае избрания.

По узким губам стихийника скользнула быстрая улыбка, а Эддерли, напротив, нахмурился.

– Вот поэтому я и предлагаю подождать, – уронил он, однако снова заговорил Валлендорф:

– Милорд Райнгартен совершенно прав. Дела Ордена не позволяют отложить их на потом. При всем уважении к магистру Роверстану, мы понятия не имеем, когда он вернется. Не говоря уж о том, что Совет не обязательно выберет именно его. Мне кажется, есть куда более достойные кандидаты.

И посмотрел на Райнгартена так умильно, что Грегора едва не стошнило.

– Милорд Эддерли, – торжественно сказал стихийник, словно не замечая этого взгляда. – Вы позволите предложить почтенному Совету вашу кандидатуру? Со всем уважением к вашему опыту и авторитету!

«Отличный ход, – оценил Грегор, чувствуя себя как на театральном представлении. – Этьен ничем не рискует, зато выглядит красиво. Ах, Эддерли, ну согласитесь! Кому еще, как не вам?»

– Простите, милорды коллеги, – тихо уронил пожилой некромант под обращенными к нему взглядами. – Я не в силах нести такое бремя. Возраст... К тому же недавно я окончательно понял, что не обладаю нужными качествами для этой должности. Прошу вас не тратить свой голос на меня, я все равно откажусь. Полагаю... – Он запнулся, а потом проговорил очень медленно и с удивившей Грегора настойчивостью, словно хотел что-то кому-то подсказать: – Раз уж мы выбираем среди присутствующих, давайте сделаем это мудро.

– Хм... – отозвался целитель и замолчал.

Грегор увидел, как тревожно блеснули глаза Райнгартена, однако стихийник промолчал тоже.

Пройдя вдоль стола, он раздал всем, кроме Грегора, по простому листку бумаги и карандашу, а потом монотонно проговорил:

– С вашего разрешения напоминаю соответствующий пункт Устава. Вы можете проголосовать за любого кандидата, включая себя. Голос можно отдать только за того человека, который присутствует здесь. К сожалению, по этому правилу магистр Роверстан исключается из числа кандидатов.

«А ведь он это не зря напоминает, – сказал сам себе Грегор. – Неужели все-таки... Ну да, Райнгартен очень много потерял в мнении магистров, когда не принял на себя ответственность за решение развернуть потоки. Но неужели Совет готов избрать Роверстана, лишь бы не стихийника? Бред! Выбрали бы уж тогда Бреннана, что ли. Да, он простолюдин с вульгарными манерами, но хотя бы глава почтенной гильдии, да и человек достаточно ответственный. А Роверстан, покинув Академию, лишил себя даже призрачного шанса заполучить звезду Великого Магистра. Правильно лишил, конечно, вот ему на этом посту точно не место. Но любопытно, стоило ли оно того?»

Он пошевелился, удобнее усаживаясь в кресле, и с досадой подумал, что приглашение на выборы – это, конечно, честь. Но потраченное время можно было использовать гораздо выгоднее. Например, съездить к Аранвену пораньше и выяснить все насчет «известных особ». А заодно и о том, как лорд-канцлер ухитряется получать со всей страны новости, если порталы не работают. Ладно, откуда-то

приезжают обычные гонцы, но ведь канцлер был уверен, что успеет предупредить своих людей в каждом городе на пути Вальдерона и Айлин.

Шесть магистров тем временем написали на бумаге свой выбор, и пятеро из них просто сложили листки пополам. Волански, не удовлетворившись этим, мгновенно свернул из своей записки кораблик и с идиотской улыбкой подал его Райнгартену, который снова прошел вдоль стола. Стихийник был внешне спокоен, только губы сжаты чуть сильнее обычного. И Грегор опять не мог не подумать, каково будет Райнгартену управлять Советом, который так явно не хотел его избрания. Мелькнула даже мысль, что стихийник может не набрать большинства голосов. Наверняка не наберет! Но он может проголосовать за себя сам, если не побрезгует. И Валлендорф наверняка за него тоже. Два голоса из шести – это очень мало, если остальные голосуют за кого-то одного. И неплохой шанс, если магистры отдадут голоса за разных кандидатов. Грегор прекрасно понимал, что всего через несколько мгновений все разъяснится, но дорого бы дал, чтобы заранее узнать, кого назовет тот же Эддерли вместо Роверстана. Бреннана? Ладецки? Выбор невелик. Ну не Волански же, в самом-то деле!

– Милорд Бастельеро! – обратился к нему Райнгартен, у которого только блеск во взгляде выдавал нетерпение. – Вы здесь единственное незаинтересованное лицо. Не окажете ли честь зачитать наш выбор и подсчитать голоса?

«Ах, вот для чего меня пригласили», – усмехнулся Грегор, но поднялся и поклонился, церемонно проговорив:

– Сочту за честь, милорды.

Райнгартен подал ему пять записок и бумажный кораблик, на котором тоже было что-то написано. Грегор развернул его первым, с насмешливой неторопливостью стараясь не повредить листок. Знал бы Орден, от чего и кого зависит его судьба!

– Дункан Роверстан! Белая Гильдия! – прочитал он и показал измятую бумажку всем присутствующим.

– Магистр Волански, – с усталой терпеливостью сказал Райнгартен иллюзорнику, который, высунув кончик языка, упоенно трудился над следующим корабликом. – За Роверстана голосовать нельзя. Его здесь нет.

Волански глянул на него с искренним сомнением, а надпись на бумажке в руках Грегора поблекла, на миг выцвела и сразу появилась вновь. Теперь она гласила: «Все равно Роверстан».

Грегор пожал плечами и показал всем бумажку.

– Магистр, назовите кого-нибудь другого, – с потрясающим терпением попросил Райнгартен.

Бумажка мигнула и сообщила: «А может, все-таки Роверстан, а?»

– Магистр Волански, кажется, издевается, – раздраженно сказал Грегор, бросая листок на стол.

Тот обиженно мигнул и стал совершенно белым.

– Полагаю, милорды, – сдержанно сказал Эддерли, – мы можем в данном случае отступить от правил и посчитать магистра Волански воздержавшимся. Ничего, пять голосов – это все равно большинство Совета. Все согласны?

Магистры закивали. Волански, ничуть не расстроившись, расправлял кораблик.

Грегор развернул следующий листок, прочитал:

– Этьен Райнгартен! Оранжевая Гильдия!

Показал его всем. Развернул еще один.

- Этьен Райнгартен! Оранжевая Гильдия!

Покосился на стихийника. Спокойствие того все-таки дало трещину, скулы Райнгартена слегка порозовели. Грегору вдруг стало совершенно неинтересно, кто победит. Детские игры какие-то! Он быстро открыл третью записку, глянул на имя. Закусил губу и поднял взгляд на присутствующих, с тихой холодной злостью пытаюсь определить, чья это дурацкая шутка. Магистры смотрели на него в ответ. Задумчиво, удовлетворенно, насмешливо и непроницаемо... Все, кроме Волански, – тот упоенно играл с корабликом.

Грегор, не читая имя вслух, быстро развернул два оставшихся листка. На всех трех оно было одинаковым.

- Милорды магистры... – выдохнул он. – Простите, но это не смешно!

Райнгартен подошел к нему и заглянул в бумажки. Валлендорф крутил головой из стороны в сторону с тревожным видом, иногда заискивающе глядя на стихийника, а тот сжал губы в ниточку и побледнел. Грегор его понимал...

- Это невозможно, – сказал он, четко выговаривая каждый звук. – Позвольте напомнить, что я не могу быть кандидатом на пост Великого магистра. Архимаг избирается из членов Совета! Я не глава гильдии, я обычный преподаватель!

Три бумажки жгли ему руку. На каждой было выведено: «Лорд Грегор Бастельеро, Фиолетовая гильдия».

- Это невозможно! – выкрикнул он, срываясь, и только тут Эддерли очень ровно и словно нехотя сообщил:

- Устав Совета требует избрать Архимага из присутствующих. Вы же не станете отрицать, что присутствуете на Совете, лорд Бастельеро?

- Я не магистр! – огрызнулся Грегор и оглянулся на отошедшего Райнгартена.

Ну что он молчит?! Пусть вспомнит и приведет соответствующие пункты Устава! Но стихийник молчал, только побледнел так, что казался больным.

- Уставу это не противоречит, – размеренно уронил Бреннан. – Собственно говоря, поэтому на выборы Архимага и не допускаются посторонние. В истории Ордена были случаи, когда Великим магистром становился обычный маг, минуя ступень магистра. Все по традициям. Три голоса за вас при двух за лорда Райнгартена и одном воздержавшемся.

Они все смотрели на него, кроме Волански. Грегор поймал тень бессильной ненависти в глазах Райнгартена, которую стихийник тут же спрятал. Валлендорф глядел, как побитая собака. Но во взглядах остальных тоже не было никакой радости.

«Я замена, – с убийственной ясностью понял Грегор. – Они хотели видеть на этом месте Роверстана. У него было бы четыре голоса из семи. Или даже пять, если бы разумник проголосовал сам за себя, как Райнгартен сегодня. Но Роверстан бросил все и уехал, и они выбрали меня, чтобы не выбирать Райнгартена. Почему?! Почему не его?! Неважно. Главное, что я знаю точно: я всего лишь замена».

А ведь он когда-то думал стать Архимагом. Не сейчас, конечно! Лет через тридцать... Сначала – магистром гильдии, когда Эддерли оставит этот пост. А потом... Не ради привилегий или выгоды! Просто это было еще одной вершиной, которую Грегор взял бы ради чести рода, а потом, совершив что-то значительное, достойно ушел, как с поста командора.

Но этот пост бросили ему, как милостыню.

- Вы забыли еще об одном, милорды, - сказал он, не скрывая злость. - Я и так облечен властью и долгом лорда-протектора. Быть Архимагом - это слишком большая ответственность.

- Это ненадолго, - послышалось вдруг.

Волански поднял голову от кораблика, которым елозил по столу, осмотрел присутствующих и снова опустил взгляд к бумажной игрушке. Грегору даже показалось, что он ослышался, и эти слова принадлежат не иллюзорнику, но все остальные смотрели на Волански с таким же недоумением.

- Полагаю, наш уважаемый магистр Волански хотел сказать, что пост лорда-протектора - это не навсегда, - с бледной улыбкой пояснил Райнгартен. - И он безусловно прав. Лорд Бастельеро, к моему глубочайшему сожалению, ваши полномочия протектора когда-то закончатся. Следовательно, это не причина для отказа. Поздравляю вас, милорд.

И он первым глубоко поклонился. Остальные магистры встали и последовали его примеру.

Грегор бессильно смотрел, как склоняется перед ним верхушка Ордена, самые сильные маги мира и его бывший наставник в том числе. У непрошенной и нежеланной победы был отвратительный вкус кражи. Она была чужой! Как трофей, завоеванный кем-то другим, а потом отданной за ненужностью! Омерзительно! Грегор совершенно точно знал, что даже если Роверстан никогда не скажет об этом ни единого слова, они оба будут знать правду. И Совет, разумеется, тоже! А он еще думал, как себя должен чувствовать Райнгартен!

- Благодарю, милорды, - сказал он мертво и поклонился в ответ. «Что бы ни случилось, это не причина терять лицо», - учил его дед. - Я высоко ценю ваше доверие и постараюсь его оправдать.

«Это не навсегда...» - продолжало звучать в ушах то ли обещанием, то ли предостережением.

Глава 18. Посиделки у костра

Первый раз в этом клятом Дорвенанте Лучано было настолько тепло. Мягко, уютно, спокойно... Качаясь на волнах расслабленной дремоты, он не торопился выныривать из неожиданного блаженства, лениво прислушиваясь и приносясь к тому, что чувствовал вокруг. Можно было бы и присмотреться, но веки будто свинцом налились, и поднимать их было откровенно лень. Лучано даже показалось на одно томительно долгое и сладкое мгновение, что все последние дни были сном. Вот он сейчас откроет глаза, а над ним потолок спальни в доме мастера Ларци, знакомый до мельчайшей щербинки!

Но обоняние подсказывало, что он все-таки в лесу. Больше того – в палатке! Свернутый и подложенный вместо подушки плащ уже успел пропитаться запахами дороги: конский пот, лесная сырость, запах самого Лучано и едва уловимая тень аромата тех, кто спал рядом. Ни синьорина Айлин, ни бастардо, хвала Претемнейшей, не пользовались душистой водой, зато тщательно следили за собой, насколько это было возможно в дороге. Запах чистого молодого и здорового тела – что может быть лучше? Лучано сквозь дрему вспомнил, почему этот запах окутывает его с двух сторон, и тихо, но глубоко вздохнул...

Прошлый раз он проснулся, едва успев задремать. По уже сложившемуся порядку в середине палатки спал Вальдерон, занимая изрядную часть свободного места. Еще бы, с такими-то плечами! Рыжая магесса, как и всегда, легла сбоку, и Лучано, даже не видя их, буквально чувствовал, как эти двое стараются не коснуться друг друга. Хотя спят в белье, а ночи далеко не жаркие!

Хм, похоже, благородные дорвенантцы и правда помешаны на чистоте и целомудренности. Или только эти двое? Сколько бы Лучано ни приглядывал за парочкой, ни разу ему не удалось поймать обмена взглядами, касаниями или еще какого-то знака, говорящего о чувствах. Да они смотрели друг на друга, словно брат и сестра! Любящие и нежные брат и сестра, но не более того! А ведь посмотреть было на что.

Синьорина Айлин прехорошенькая, если кому нравятся рыжие волосы, да и бастардо – прекрасный экземпляр мужчины. И все-таки ни одной искры! Даже когда он снимает ее с лошади или подсаживает в седло. Даже когда ночной холод заставляет спящих забыть о манерах, и рыжая головка утром неизменно оказывается на могучем плече Вальдерона. Или просто дорвенантцы слишком сдержанны, и вот такая у них страсть? Ладно, глупо делать выводы по паре общих ночевок. Примерно так же глупо, как пытаться заснуть в палатке, где вдруг оказалось холодно, как снаружи!

Лучано осторожно напряг и снова расслабил мышцы, пытаясь согреться, не потревожив спящего рядом бастардо. И еще раз, и еще... В приюте он часто мерз, как и все остальные. Старые каменные стены словно воровали тепло, а тонкие матрасы и одеяла всю зиму были сырыми от ветра и дождя. Воспитанникам было запрещено ложиться в постель вдвоем или втроем, хотя сейчас такая забота о нравственности вызвала у Лучано только злую брезгливость. Разумеется, умереть от простуды куда менее грешно, чем согреться чужим теплом и отдать немного своего. Проклятье, холодно-то как!

Ему показалось, что ступни и руки заledenели, внутри неумолимо сворачивался тугой мерзлый ком... Зато Вальдерон, лежащий рядом, так и дышал жаром. Лучано постарался чуть-чуть придвинуться к нему, надеясь, что тот не проснется. Ну, или решит, что спутник пошевелился во сне. А старый спосуд с напряжением мышц никак не помогал. Оказывается, Лучано совершенно разучился терпеть холод! На задании он мог часами бултыхаться в прохладной речной воде, зная, что все скоро кончится, а дома ждет горячее вино и теплая постель. Но Дорвенант высасывал из него тепло с той же жестокой легкостью, как когда-то – детский приют.

Ну, еще совсем немножко, м? Какой же он горячий, этот огромный парень!

– Фарелли? – услышал он и замер, понимая, что выдал себя. – Что случилось?

Вальдерон приподнял голову, тревожно блеснув глазами в полумраке. Единственный луч света снаружи все-таки нашел щель в неплотно задраенном пологe, и на лице бастардо читалось беспокойство. Просыпался он хорошо, быстро и в ясном сознании... Лучано прикусил изнутри губу, досадуя на свою неосторожность. Мог бы и потерпеть. А теперь вот попробуй объяснить, что

притирался поближе без всяких неприличных мыслей. Или не объяснять?

– Ничего, синьор, – шепнул он тихонько. – Простите, что побеспокоил.

И заставил себя отодвинуться от чужого бока, такого горячего, словно у Вальдерона внутри имелось небольшое личное солнце.

Руки и ступни тут же замерли еще сильнее, и Лучано передернулся.

– Вы что, замерзли? – недоверчиво изумился бастардо. – Сейчас?

Лучано едва сдержался, чтобы не съязвить о северных медведях, с которыми в родстве каждый уважающий себя вольфгардский наемник. А может, и дорвенантские дворяне тоже! Остановило его опасение вылететь из палатки, если синьор изволит разозлиться. Там снаружи вообще жуть, наверное!

– У вас прекрасный климат, синьор, – сказал он очень учтиво. – Только весьма свежий...

И опять замер, когда горячая лапища легла ему на плечо, тоже уже изрядно застывшее.

– Хм... – то ли сказал, то ли зевнул Вальдерон и сонно добавил: – Ну так ложитесь посередине. Я подвинусь.

Посередине? То есть между бастардо и столь оберегаемой им синьориной?! Лучано от неожиданности даже не нашел, что сказать.

– Ал? – раздался с той стороны голосок магессы. – Что, уже пора вставать?

– Нет, Айлин, спи! – поспешно велел Вальдерон, а потом просто подхватил Лучано за шиворот и плечо, потянул на себя, перекатился...

И Лучано понял, что счастье вот прямо сейчас выглядит именно так.

Нагретая здоровенным дорвенантцем попона внизу и два горячих тела по бокам!

– Мне, право, неудобно... – начал он, однако Вальдерон раздраженно рыкнул:

– Да спите вы уже!

И повернулся к Лучано широкой спиной, а с другой стороны тихонько засопела рыжая магесса.

Ненормальные оба, как есть ненормальные! Лучано расплылся в улыбке, вспоминая, как мгновенно согрелся, даже кровь словно быстрее побежала по жилам. Хотя и неудивительно! Когда с одной стороны лежит красивая девица, едва созревшая, словно сладкий свежий плод, а с другой – такой же юноша... м-м-м... Это кем надо быть, чтобы не согреться? И даже... Ох, а вот это слегка некстати.

Воспоминания и представления сделали свое дело, Лучано почувствовал, что кровь устремилась ниже пояса и тело всю намекает на возможные утренние радости. А сверху кто-то лежит! Мягкий, теплый, уютный... Прямо поверх одеяла, и по весу никак не понять, то ли магесса во сне заползла прямо на него, то ли бастардо так удачно прижался, перенеся часть веса. Или неудачно...

Лучано сглотнул, не открывая глаза. Может, притвориться спящим и вывернуться? Со спящего какой спрос? Мало ли что ему там снится, может, исключительно добродетельные грезы. Не... при добродетельных так не стоит! Но все равно, главное – не подавать виду, что проснулся.

Он заворочался и проговорил что-то правдоподобно заплетающимся языком. Лежащее тело пошевелилось на его груди, животе и бедрах, прижимаясь так откровенно, что никаких сомнений остаться не могло: его восставшую плоть отлично чувствуют и совсем не против... Ну не против же, да?! Вон как трется! Э-э-э... Кто бы это ни был, Лучано тоже совсем не против! Но прямо сейчас? В палатке? Рискуя быть обнаруженными третьей стороной?! Да он точно в Дорвенанте?!

- М-мои глубочайшие извинения... - прошептал он, медленно раскрывая глаза. - Право, я всю жизнь буду сожалеть, что разочаровал... Т-твою собачью мать!

Пушок, распластавшийся на нем, как еще одно тяжеленное меховое одеяло, посмотрел крайне неодобрительно, словно намекая, что на «ты» они еще не переходили. А с таким поведением и не перейдут!

Лучано мысленно застонал и окинул взглядом пустую палатку, искренне радуясь, что рядом никого нет, а с-с-синьор Собака, чтоб его, не торопится слезать. Вот так увидел бы его кто-нибудь... со стояком и под дохлой псиной... вовек же не отмоешься!

Шипя сквозь зубы, он выкарабкался из-под Пушка и глубоко задышал, вспоминая двенадцать способов отравить перчатки клиента, начиная от самых быстрых и безболезненных, заканчивая ведущими к мучительной долгой смерти. Помогло! На восьмом способе восставшая плоть улеглась, и Лучано смог вылезти из палатки.

Вот кстати, а почему он не проснулся вместе с остальными? Слишком пригрелся под этим... этим... Приличных слов не хватало, а Пушок, величественно выйдя вслед за ним, глянул прямо-таки с издевкой. Мол, сам же звал в палатку, обещал гладить... И что? Хорошо ведь лежали, что ты такой нервный?

Лучано опять вздохнул, разрываясь между желаниями выругаться и рассмеяться. Потянул носом в сторону слегка дымящего костра, и тут же ему улыбнулась магесса, греющая руки возле огня.

- Доброго утра, синьор Фарелли! Вы так сладко спали, что мы с Алом решили вас не будить. Не простудились? В Дорвенанте ночами бывает сыро, особенно весной. У вас дома, наверное, теплее?

Она смотрела так ясно и улыбалась так искренне, что все предупреждения королевы Беатрис не то что забылись, но словно поблекли в памяти Лучано. Разве может эта милая девчушка быть расчетливой мерзавкой?!

«Еще как может, - жестко оборвал себя Лучано. - Ты вспомни себя в ее годы? Уже всю брал заказы гильдии, а убивать начал еще раньше. Красивые змейки самые опасные».

- И вам теплого утра, прекрасная синьорина, - поклонился он. - Благодарю за заботу. И вас, и синьора Вальдерона. Кстати, а где он?

- За водой пошел, - махнула девица в сторону ручья. - Шамьет мы без вас варить не стали, но котелок решили поставить заранее. Ой, кстати, хорошо, что вы проснулись! Будьте любезны, синьор, присмотрите за костром, а я пойду искупаюсь.

- В такой холод? - ужаснулся Лучано. - Синьорина, вы... уверены?

- Разве это холодно? - недоуменно воззрилась на него магесса в ответ. - Лето совсем скоро, всего через два месяца! - И добавила, тихонько вздохнув и едва заметно поблекнув улыбкой: - У меня день рождения был недавно...

- Как же я пропустил такое чудесное событие! - воскликнул Лучано, старательно не выходя из образа любезного весельчака. - Это все потому, что не имел счастья быть с вами знакомым. И с синьором Вальдероном - тоже! - отвесил он поклон в сторону подошедшего с котелком бастардо.

Тот ответил кивком, и Лучано, забрав воду, принялся за обычные утренние обязанности: костер, шамьет, завтрак... На завтрак осталось по маленькому кусочку вчерашней утки, но если сварить шамьет с медом, то... Ладно, все равно больше ничего нет.

- Примите мою искреннюю благодарность, синьор Вальдерон, - осторожно сказал он, пристраивая котелок над углями. - За... вчерашнее. Клянусь, я действительно не хотел показаться неучтивым.

- Послезавтра доберемся до Шермеза, - хмуро сказал бастардо, никак не показывая, принимает его извинения или отвергает. - Нужно купить вам одежду потеплее. Айлин говорит, что ночные холода начались из-за дыр в ткани мироздания. Значит, может быть еще хуже. В своей куртке и легком плаще вы далеко не уедете.

- Я могу съездить в город сам, - предложил Лучано, зорко следя за вскипающей водой. - Куплю еды и все необходимое.

Да, банков по дороге нет, это он помнил. Однако деньги в кошельке еще оставались, к тому же есть припрятанное кольцо королевы, если только в городе найдется достаточно богатый человек, чтобы его купить или взять в залог.

– Там поглядим, – буркнул бастардо. – Наверное, мне и леди Айлин в город ехать не стоит.

И поморщился, словно не желая принимать услугу, но не в силах от нее отказаться. Что ж, Лучано его очень даже понимал. Постоянно зависеть от спутника, причем простолюдина, для дворянской гордости это серьезное испытание. И ладно бы юный бастардо был из тех дворян, которые считают, что весь мир и обитающие в нем люди созданы для услужения им. Но вот после вчерашней ночи Лучано в этом крепко сомневался. Очень, очень неправильный принц!

Он налил в кружку дымящийся шамьет, размешал в нем мед и поставил перед Вальдероном на землю так, чтобы тот мог взять посудину. Дорвенантец опять кивнул, и его хмурые черты тронула благодарная улыбка, неожиданно осветив их изнутри. О да, это стоило увидеть! Лучано поразились, насколько разные эти двое и в то же время как они похожи!

Магесса – летнее солнышко, всегда готова улыбаться, причем во весь рот, глаза сияют, манеры изящные, но движения порывистые и резкие. А бастардо похож на зимнее утро, часто хмурится, и тогда от него веет холодом, а взгляд становится тяжелым. Но вот улыбнулся – и совсем другой человек! Редкий дар... Пожалуй, если он вдруг станет королем, подданные будут умирать за эту улыбку. Людям вообще свойственно делать глупости.

– А какая погода сейчас в Итлии? – вдруг спросил Вальдерон с искренним интересом. – Там тепло?

– У нас цветут апельсины, – вздохнул Лучано, присаживаясь на снятое с лошади седло по другую сторону костерка. – Вся Верокья пахнет цветущими апельсинами, фиалками и свежей сдобой. Булочки с корицей...

– Булочки – это хорошо, – слегка тоскливо одобрил бастардо и старательно отвел взгляд от разогревшейся утки. – Ничего, еще день потерпим. – И добавил, когда Лучано уже разочаровался в его понимании прекрасного: – Никогда не видел цветущих апельсинов. Вернусь домой, закажу стихийникам вырастить пару деревьев. Для матушки и Айлин. То есть леди Айлин!

Он поднес горячую кружку к губам, сжимая ее в обеих ладонях, таких широких, что посудина почти полностью в них скрылась. Но Лучано обратил внимание, что руки у Вальдерона, несмотря на размер, правильной формы. Крупные, да, но пальцы соразмерны ладоням, ровные, с красивыми кончиками. Мужчины с такими руками обычно хороши и в драке, и в постели. Хм, опять мысли куда-то не туда! Еще и бастардо заметил!

– У вас необычные кольца, синьор, – улыбнулся он в ответ на удивленный взгляд Вальдерона. – Очень разные. Это ваш герб?

На указательном пальце бастардо красовался золотой перстень с голубым топазом, не очень крупным, но чистейшей воды и хорошей огранки. Камень окружали два боковых щитка, тоже золотые, но с эмалевыми вставками. Насколько мог видеть Лучано, каждая вставка несла гербовый щит: голубое поле и вздыбленный на нем золотой конь. Очень достойная вещица.

Зато на мизинце у синьора Вальдерона было удивительно простое колечко. Прямо-таки вызывающе дешевое! Кружевные завитки меди, уложенные широкой полоской, а камень – то ли изумруд, то ли хризопраз, но самого низшего сорта, уважающий себя ювелир такой и в работу вряд ли возьмет. В общем, не драгоценность, а ярмарочная поделка. Вообще-то, Лучано оба перстня мог представить на той руке, где они будут смотреться правильно. Но не рядом! А самое странное, что медное кольцо смотрелось не хуже золотого. Так, словно ничего другого там и быть не могло.

– Да, это перстень наследника, – сдержанно, однако спокойно отозвался Вальдерон и указал

взглядом на медный перстенок. – А это подарок.

– От прекрасной синьорины, я полагаю? – улыбнулся Лучано и тут же принялся хлопотать над шамьетом, всем видом показывая, что спросил просто так, в шутку, и вопрос ровно ни к чему не обязывает.

Вальдерон опять кивнул, но слов и не требовалось. Рыжее и зеленое. Да Лучано поставил бы любимые ножи против косточки от вчерашней утки, что знает синьорину, очень подходящую под это описание!

Он поднял голову на шум шагов этой самой синьорины и обомлел. Закрыв сам собою открывшийся рот, похлопал глазами, понимая, что выглядит как идиотто. Ну и пусть! Зрелище того стоило!

– Айлин, на тебя напали? – привстал Вальдерон, и Лучано стоило огромного труда не скорчиться от хохота.

Ага, напали! Собственная несравненная красота! Похоже, бастардо никогда не видел, во что превращаются очень вьющиеся пушистые волосы, если их сначала намочить, а потом высушить... Хорошо высушить! Быстро и не укладывая щеткой!

– Нет! – рявкнуло рыжее облако, в глубине которого виднелось очень злое личико магессы. – И даже не думайте смеяться! Хотя смейтесь, чего уж...

Она махнула рукой, и лицо стало таким расстроенным, что Лучано поспешно вскочил на ноги, едва не опрокинув котелок.

Вот только девицы, обиженной на весь свет и на спутников заодно, им и не хватало! Чутье подсказывало повременить, посмотреть, как будет вести себя синьорина Айлин без маски обычной вежливости. Он ведь именно этого хотел!

Но Лучано тут же отговорил себя тем, что такая опытная интриганка не расстроится из-за неудачной прически настолько, чтобы сбросить маску. И вообще, должна ведь она понимать, насколько это умирительно? И забавно!

– Синьорина Айлин, – мурлыкнул он, старательно не глядя туда, где Вальдерон героически прятал смех за кружкой шамьета. – Вы позволите вам помочь? Я умею заплетать волосы, правда! А вам самой будет неудобно... Умоляю, не посчитайте это невежливым, я просто выполняю роль вашей горничной, раз ее нет поблизости...

Бастардо перестал давиться смехом и бросил на Лучано то ли предупреждающий, то ли обиженный взгляд. А сам виноват, надо было предлагать первым! Девица расстроено кивнула и даже, кажется, всхлипнула, а потом села на то седло, с которого вскочил Лучано, и пожаловалась:

– Я их магией сушила, чтобы побыстрее. Ну, чтобы не простыть. А они... они... раньше такого не было! Хотя... я в первый раз такую сильную волну использовала, даже испугалась, что сожгу...

– Это была бы ужасная потеря для всего мира, – сказал Лучано так терпеливо и ласково, словно успокаивал пугливого котенка.

Полез в кошелек у пояса, достал небольшой гребень сандалового дерева и... не удержался, зажмурился от удовольствия. Он никогда не любил рыжих! Но даже представить не мог, что это пушистое, мягкое, льнущее к рукам облако окажется светлым или черным. Фу-у-у, совсем не то! Только рыжина! Вот именно ей, этой девице, медь к лицу так же безупречно, как на пальце Вальдерона сидит простое медное колечко – и кажется там драгоценностью, достойной короля. Ры-ы-ыжий ше-е-е-елк... С ума сойти! И веснушки... У нее же еще веснушки где-то там!

Рассудок подсказывал, что он сейчас не развлекается, а делает очень важный шаг в необходимой близости к жертве. Чем больше магесса будет ему доверять, тем лучше. На зубцы гребня очень легко при необходимости нанести яд. Один укол – и заказ будет выполнен. Или вот шпильку за ухо воткнуть... Да, вот именно, он просто подбирается к ней немного ближе, причем на глазах у бастардо, который тоже привыкает ему доверять...

Лучано открыл глаза и с невероятной бережностью, будто готовил сложнейшее зелье, провел гребнем по самым кончикам пойманной пряди волос. Только так, снизу вверх, постепенно разбирая спутавшиеся пряди на ровные тугие колечки, дыша запахом воды, кожи и волос Айлин так жадно, словно от этого зависела его жизнь. Осторожность приказывала держать лицо перед Вальдероном, но что-то глубинное, нутряное жарко мурлыкало внутри, и Лучано понял, что даже в жутком холодном Дорвенанте можно согреться, если знать – как.

* * *

«Паскуда. Вылитый Паскуда!» – подумал Аластор с невольной усмешкой. Фарелли сосредоточенно разбирал пушистые кудри Айлин и, кажется, искренне наслаждался. Щурился, во всяком случае, так же умильно, как пригревшийся у очага Паскуда на миску взбитых сливок. Пожалуй, при других обстоятельствах Аластор мог бы почувствовать себя уязвленным. Но если уж леди приходится путешествовать без горничной, пусть будет хотя бы итлиец! Сам ведь напросился в слуги.

Аластор покосился на блаженно улыбающуюся подругу и окончательно уверился, что синьор Фарелли – чрезвычайно полезный спутник. Надо только время от времени ограничивать его галантные порывы.

Бросив взгляд теперь уже на солнце, незаметно успевшее подняться высоко, Аластор тихо вздохнул. Самое бы время ехать! Но Айлин выглядела такой усталой, да и Фарелли не спал половину ночи, а если уж быть честным до конца, то дорога успела вымотать и его самого. Наверняка спутникам приходится куда хуже!

– Сегодня останемся здесь, – решительно сказал он. – А дальше поедем завтра с рассветом.

Айлин встрепенулась, подалась вперед, и ее коса, которую Фарелли как раз начал заплетать какими-то хитрыми узлами, выскользнула из его рук.

– Ал! Но нам нельзя терять времени! – выпалила подруга с горячностью, за которой Аластор явственно расслышал неуверенность и отчаянное желание поверить, что задержаться все-таки можно.

– Лошадям нужен отдых, – сказал он так веско и убедительно, как только мог. – Других нам взять негде. Да и нам тоже не помешает выкупаться и сменить одежду. Кто знает, когда мы еще найдем такое удобное место для стоянки?

– Лорд Вальдерон совершенно прав, прекрасная синьорина, – поддакнул итлиец, опять подхватывая косу Айлин и перевязывая ее лентой. – Не смею сомневаться, что вы совершенно не устали и готовы проделать вдвое больший путь, не тратя времени на привалы... Но должен признать, что мне путешествие по вашей прекрасной стране дается, к сожалению, с трудом.

– О, если так... тогда, конечно, стоит отдохнуть, – растерянно согласилась Айлин, и Аластор послал итлийцу благодарный взгляд.

Оба они понимали, что Фарелли нагло врет. Как успел заметить Аластор, нечаянный спутник был не слишком ловок в обращении с лошадьми, будто ему не так уж часто приходилось кормить и чистить их самому, однако в седле держался отменно и был на удивление вынослив. Но пусть врет, он ведь простолюдин, ему можно, а эта маленькая и вполне простительная ложь позволит Айлин отдохнуть без угрызений совести.

Фарелли понимающе улыбнулся краями губ и склонил голову, словно невзначай добавив:

– Вчера я видел у ручья кролика. Возможно, синьор Собака окажет нам любезность и согласится его поймать?

– А я соберу грибы! – просияла вдруг Айлин. – Тут неподалеку целая поляна грибов! Вы умеете

готовить грибы, синьор Фарелли?

– Разумеется, прекрасная синьорина! – с притворной обидой воскликнул итлиеца и даже приложил руку к сердцу, показывая, как его задела сомнения дамы. – Вам случалось пробовать грибной суп с тимьяном и мускатным орехом? А если синьор Собака все же изволят сходить на охоту, я обещаю на ужин и тушеного кролика с розмарином, чесноком и грибами... Ах, если бы у нас было хоть немного белого вина и сливок...

«Просто бесценный спутник! – подумал Аластор, стараясь не сглатывать слюну слишком уж громко и голодно. – Кто еще в такой поездке приготовил бы этот самый грибной суп?»

– Я думаю, что ужин будет великолепным и без вина, синьор Фарелли! – улыбнулась Айлин и хлопнула в ладони. – Пушок, ты слышишь? Пойдем на охоту!

Пушок, до того лежащий у самой палатки и время от времени хитро поглядывающий на итлийца, вскочил и завилял хвостом. Айлин поднялась, огляделась и осторожно сняла с рогулек тщательно вычищенный котелок.

«Действительно, не в полу же плаща собирать грибы. Котелок, по крайней мере, можно будет вымыть!»

– Я схожу за хворостом, – бросил Аластор, тоже поднимаясь и отмахиваясь от итлийца, вскочившего с неизменной готовностью. – Нет, синьор Фарелли, оставайтесь в лагере, я вполне справлюсь сам.

Уходить далеко от лагеря он не собирался. Как и следить за Айлин – вот уж что было бы совершенно неподобающим! Но почему-то больше всего сушняка было именно в той стороне, куда она направилась, и Аластор, мгновение поколебавшись, двинулся за подругой. Только полный болван будет искать хворост там, где его мало, лишь потому, что там, где его много, растут еще и грибы!

Пушок мелькал белым пятном то справа, то слева, то впереди, и Аластор вполголоса посоветовал ему не останавливаться на одних только кроликах, а ловить любую съедобную дичь. Пес замер, блеснул на него глазами, показывая, что принял к сведению, и растворился среди кустов. Просто поразительно, как ему это удается с таким размером и яркой приметной шерстью...

Хвороста удалось найти не так много, как хотелось бы, и Аластор всерьез задумался, что, пожалуй, следует пересмотреть отношение к боевому оружию. Вот то сухое деревце отлично подошло бы для костра, но голыми руками его не свалишь. Впрочем, когда незаметно подкравшийся Пушок боднул его пониже спины, сушняка набралась вполне приличная вязанка!

В пасти пса тряпично болтался здоровенный заяц. Аластор одобрительно присвистнул – и тут же усмехнулся: еще год назад он ни за что не посчитал бы тощего весеннего зайца, причем всего одного, охотничьей добычей, а теперь радуется, как лучшему из подарков. Как все-таки меняются самые обычные вещи, стоит лишь взглянуть на них с другой стороны!

Он протянул руку, чтобы взять зайца, но Пушок мотнул мордой и уставился на Аластора с крайним неодобрением. В самом деле, он же еще не показал добычу Айлин!

– Извини, – покаялся Аластор и потрепал Пушка по холке. – Хорошая собака! Пойдем к лагерю, вдруг Айлин уже вернулась?

Подхватив вязанку, он пошел за Пушком, тот трусил в паре шагов впереди, покачивая одновременно хвостом и зайцем, и время от времени оборачивался, проверяя, не отстал ли Аластор? Вид у пса был уморительно гордый, так что стоило им выйти на поляну, как Айлин хихикнула, а потом бросилась к Пушку, извиняясь, что вовсе не хотела над ним смеяться. И вообще, он самая лучшая в мире собака! Вот и остальные подтвердят, верно?

Итлиеца мгновенно согласился, что никогда не видел столь умной и талантливой собаки, при этом очень ловко забрал у Пушка зайца, подвесил его к ветке и принялся потрошить. С ножом он управлялся куда лучше, чем со скребницей для лошадей, узкое лезвие летало в смуглых пальцах,

словно живое. Пушок на снятую шкуру поглядывал не без интереса, и Аластор уже смирился с тем, что придется отмывать псу морду от крови, но хитрый итлиец протянул волкодаву заячью лапку, обрезанную ниже мясистой части, и Пушок милостиво ее принял. Улегся неподалеку и принялся смачно грызть.

– А вот и грибы для супа, синьор Фарелли, – улыбнулась Айлин, протягивая итлийцу доверху наполненный котелок. – Здесь ведь должно хватить, правда?

Итлиеца бросил взгляд на котелок, потом на Айлин, на Аластора, и его выразительное тонкое лицо приобрело столь странное выражение, что Аластор невольно насторожился, а Айлин испуганно спросила:

– Что-то не так, синьор?

– Вы часто ходили за грибами, прекрасная синьорина? – ушел от ответа итлиеца. – Я имею в виду раньше...

– Нет, – виновато откликнулась Айлин. – Никогда. Я сырые грибы видела только на кухне и еще на практикумах по алхимии... А что?

– Это *russula*, – откликнулся Фарелли все с тем же странным выражением лица, вытягивая из котелка целую гроздь небольших крепеньких грибов на тонких ножках. – Съедобный гриб. Как же это будет по-дорвенантски...

– Сыроежка, – подсказала Айлин, и итлиеца благодарно кивнул.

– Сы-ро-еж-ка, – повторил он. – Надо же, какое забавное название! А вот остальное – *amanita*. Смертельно ядовитые! Нет-нет, прекрасная синьорина, не нужно огорчаться! Они так похожи на съедобные, что ошибка неудивительна.

Он улыбнулся так мягко и виновато, словно сам набрал ядовитых грибов, Айлин же ойкнула и поднесла руку к губам, прикрыв рот.

– Я... не знала... правда... – пролепетала она, с ужасом глядя на котелок. – Синьор Фарелли! Если бы... если бы не вы!

По спине у Аластора побежали мурашки. Он и сам видел грибы исключительно на столе, в пироге или мясной подливке. Сбирать их – дело крестьян, а за тем, чтобы в блюдо не попала поганка или какие они там бывают, следили повара и кухарки. А если бы с ними не было итлийца, он бы спокойно доверился Айлин! И их путешествие к Разлому закончилось бы, не успев начаться.

– Ничего страшного, – спокойно повторил Фарелли. – Они и вправду очень похожи. Нет-нет, мы не будем выбрасывать сы-ро-еж-ки! Просто переберем их и очень хорошо промоем, чтобы не попал кусочек аманита. Вот, смотрите, – ободряюще улыбнулся он Айлин, забирая котелок и высыпая грибы на утопанную землю. – Сейчас я покажу разницу, и вы больше никогда не ошибетесь, м?

Он разбирал грибы на две кучки, и даже Аластор, у которого медленно отлегалось от сердца, теперь видел, как отличаются сыроежки от этих проклятых аманитов. Длинные тонкие пальцы итлийца, удивительно изящные и ухоженные для простолюдина, бережно очищали каждый гриб от частичек земли, хвой и кусочков остальных грибов, действуя так ловко, будто именно этим Фарелли занимался долгие годы. Ну что ж, в готовке он и правда разбирается, как опытный повар. Странное качество для шпиона... А еще Аластору не давало покоя то странное выражение лица, которое он успел заметить, когда итлиеца посмотрел на ядовитые грибы. Не страх и не раздражение! Но что же это было?

Перебрав грибы, Фарелли отнес их к ручью и в самом деле промыл с великой тщательностью, потом вернулся к костру и весело сказал, словно не случилось ничего особенного:

– Готов поставить любую из лошадей против заячьего хвоста, что этого супа не постыдится ни один королевский повар. С вашего позволения, синьор Вальдерон и прекрасная синьорина Айлин!

Он шутовски поклонился и принялся чистить грибы, резать на мелкие части какие-то корни, извлеченные из своей сумки, отмерять и смешивать специи... Аластор с облегчением увидел, что Айлин робко улыбнулась и тоже вздохнула, а потом... потом посмотрела за плечо Фарелли тем особенным взглядом, который Аластор уже не раз у нее замечал. Ее губы шевельнулись, но подруга тут же торопливо сжала их, словно хотела что-то сказать, но передумала.

Но будь это важно, она ведь поделилась бы с ним тайной?

Пытаясь убедить себя в этом, Аластор тоже сходил к ручью и выкупался, упрямо не обращая внимания, что вода по-весеннему прохладна. Смена белья у него была всего одна, и та чудом оказалась в седельной сумке, но надевать пропотевшую одежду на чистое тело было слишком противно. Аластор быстро оделся и, как мог, постирал снятое белье в ручье. Конечно, это дело слуг... Но язык не поворачивался приказать сделать это Фарелли. Итлиец едет с ними, не требуя жалованья, а значит, он все-таки не обычный слуга. Скорее, наемник вроде тех, что послал отец. А уж после стольких одолжений с его стороны...

Когда Аластор, вздохнув влажные волосы, чтобы быстрее высохли, вернулся на поляну, по ней уже плыл густой аромат варящегося супа. Желудок жалобно заурчал, а итлиец лишь бросил на Аластора быстрый взгляд с тенью понимающей усмешки и помешал в котелке. Новая волна восхитительного запаха чуть не сбила Аластора с ног. Похоже, свою лошадь, поставленную против заячьего хвоста, синьор Фарелли не проспори́л бы. Аластору не приходилось бывать за королевским столом, но в поместье Вальдеронов повар такого точно не готовил. Или это просто есть очень хочется?

* * *

Чужак пришел на запах.

Фарелли как раз к немалой зависти Аластора в третий раз попробовал густой суп и наконец-то счел его готовым. И снова вздохнул, что вот если бы добавить шалот, сливки и немного белого вина... Аластор его почти возненавидел! Почти, потому что всерьез ненавидеть человека, сварившего такое чудо, у него все равно бы не получилось.

И вот ровно в этот момент Пушок насторожился, повернул морду к тропинке, а спустя несколько мгновений оттуда послышался цокот лошадиных копыт. Одной лошади с всадником. Аластор это понял мгновенно и еще успел подосадовать на пса – сторож, называется! А если бы это была погоня или местный лихой народ?! Но Пушок покосился на него едва ли не с насмешкой. Мол, если вы, милорд, не отличаете опасность заранее, так доверьтесь тому, кто в этом смыслит побольше вашего. Вот именно так волкодав и подумал, хоть и дохлый, Аластор готов был ручаться!

Но он все-таки привстал, чтобы взять секиры, лежащие у входа в палатку, просто на всякий случай, и краем глаза увидел, как Фарелли неувовимо поменял позу. Вот только что итлиец беззаботно держал ложку, разглагольствуя о клятом шалоте, а вот у него в руке как по волшебству оказался нож, а сама рука спряталась за котелком...

– Эге-гей, добрые люди! – послышалось с тропинки. – Позвольте погреться у вашего костра?

И всадник на отличном вороном фраганских кровей въехал на поляну.

Остановился, с предусмотрительной вежливостью давая рассмотреть себя, приветливо улыбнулся и коснулся пальцами полей запыленной шляпы. А потом, окинув их с Фарелли быстрым внимательным взглядом, учтиво поклонился и продолжил:

– Доброго дня, господа. Позвольте представиться, дон Арвейд Раэн из Арлезы. Следую в Дорвенну. И повторяю просьбу присоединиться на этот вечер к вашей благородной компании, если сочтете возможным оказать мне такую любезность.

Арлезиец! Велеречивый, как они все, недаром ведь говорят, что один арлезиец переговорит пару итлийцев или трех фраганцев. Молодой. То есть постарше самого Аластора, но, пожалуй, ровесник Фарелли и тоже смазливый донельзя, хоть и по-другому. Аластор про себя сдержанно помянул Баргота. Не то чтобы он имел что-то против арлезийцев, но мало ему одного Фарелли с его тайнами, так извольте видеть – незванный гость!

И ведь не откажешь! Гостеприимство – святая традиция, обязательная для любого благородного человека, дома он или сам пребывает в дороге. Нет ни одной причины, чтобы прогнать этого дона.

Поднявшись, он ответил сдержанным поклоном и представился:

– Лорд Аластор Вальдерон-младший, следуя со спутниками в Керуа. Рады принять вас у нашего костра.

Мгновение поколебался, думая, как представить Фарелли. Итлийец хоть и делает вид, что находится в услужении, но внимательный человек сразу поймет, что слуги себя так вольно не ведут. Арлезийцы же народ чопорный и свято соблюдающий этикет, не хватало еще, чтобы незваный дон отнесся к их спутнику как к обычному лакею!

– Синьор Лучано Фарелли, – уронил он наконец, указав взглядом на итлийца и не уточняя его статус – пусть тот сам объясняет, если захочет. И обреченно добавил, видя, как загорелся взор арлезийца, устремленный за его, Аластора, плечо: – Леди Айлин...

– Если бы я знал, что дорвенантские леса таят подобное сокровище, я бы гнал коня от самой Люрьезы, чтобы поскорее увидеть прекрасную донью!

Восхищенные черные глаза арлезийца вспыхнули еще ярче, он одним гибким движением соскочил с коня и сорвал шляпу. Низко поклонился, описав ею широкий полукруг и прижав к сердцу. На мгновение замер в изящнейшей позе и выпрямился, снова уставившись на Айлин подозрительно жарко.

– Благодарю вас, дон... Раэн. Чрезвычайно рада знакомству, – отозвалась Айлин с должной учтивостью и слегка поклонилась.

Действительно, реверанс в штанах выглядел бы смешно, а вот поклон получился безупречно грациозным, сразу видно, что в стенах Академии магессы осваивают и эту сложную науку. Аластор краешком взгляда уловил, что невозмутимый Фарелли снимает котелок с огня, а нож в его руках, кажется, снова исчез. А потом понял, что Айлин смотрит на арлезийца как-то странно, словно пытается что-то вспомнить или узнать не слишком близкого знакомого.

– Дон Раэн... – повторила она и чуть нахмурилась. – Простите за неучтивость... Кажется, мне откуда-то знакомо это имя!

– Я счастлив, если оно хоть раз было произнесено рядом с вами, прелестная донья Айлин, – снова поклонился тот уже более сдержанно. – У меня немало знакомых в вашей прекрасной стране! Возможно, вы слышали обо мне от кого-то из них?

– Возможно, – как-то бледно и скованно улыбнулась Айлин. – Я постараюсь вспомнить... Пушок, перестань! Это гость!

Волкодав, незаметно подобравшись к арлезийцу, сосредоточенно обнюхивал его. Раэн, ничуть не испугавшись, уронил ему на голову ладонь и погладил, что Пушок воспринял на удивление милостиво.

– Прекрасный пес, – отметил арлезиец, будто не замечая синего отблеска собачьих глаз, который становился все заметнее в сгущающихся сумерках. – Синьор Фарелли, – повернулся он к итлийцу. – Мое почтение!

– Взаимно, благородный дон, – мурлыкнул тот. – Вы как раз к ужину, прошу!

– О, представьте себе, этот восхитительный аромат и привел меня к вашему костру, – оживился арлезиец, умильно поглядывая на дымящееся варево. – Он разносился по всему лесу! Если позволите, я сейчас...

Он со сноровкой опытного всадника расседлал жеребца и растер ему спину. Накрыв попоной и привязав поводом за ветку подальше от кобыл, чтобы конь остыл. Затем спустился к ручью и принялся там плескаться, судя по звукам. Аластор наметанным взглядом увидел среди переметных сумок арлезийца торбу с овсом и только вздохнул не без зависти, снова пообещав себе, что вот доберется до города!

– Дон Раэн... – снова тихонько проговорила Айлин, глядя куда-то вдаль.

– Ты его знаешь? – спросил Аластор.

– А? Нет-нет, – встрепелась подруга. – Я не думаю, что это он! Слышала однажды это имя, но... может быть, это совсем другой дон! Я спрошу у него потом...

Она сконфуженно улыбнулась, а Фарелли с невозмутимым лицом принялся наливать в их единственную миску суп, а потом разгреб угли и пристроил над ними нанизанные на прутья куски зайца, которые пару часов назад вдохновенно солил, чем-то смазывал и пересыпал, а потом оставил томиться и ждать своей очереди. Аластор не мог не признать, что итлиец прав: небольшого котелка супа на них на всех маловато, пожалуй. Да и миска...

Вернувшись от ручья, арлезиец отнесся к сложностям с посудой с пониманием. Достал из дорожной сумки свою миску и даже – о чудо! – пару кружек. Потом попросил принять к общему столу кое-какие пустяки, и на расстеленном Фарелли вместо скатерти чистом полотенце появилось полголовки сыра, хлеб, ветчина и кожаная фляга приличных размеров.

Аластор сглотнул предательскую слюну. Ужин получался королевским, он и сам не думал, как соскучился по обычному печеному хлебу!

– Прошу к столу, синьорина и синьоры, – весело сказал Фарелли. – Первая перемена блюд подана!

Он подал миски Айлин и гостю, хотя арлезиец пробовал отказываться в пользу хозяев, Аластору для начала достался кусок подсохшего, но все равно мягкого хлеба с ветчиной и сыром, а во фляге оказалось вино.

– Арлезийское белое! – восхищенно вздохнул итлиец, сделав маленький глоток. – Ах, какой букет! О, благородный синьор, я даже не буду жалеть, что вы не появились раньше! Тратить такое вино на готовку – непростительное кощунство! Но шамьет я все-таки сварю. Потом...

Пока Аластор жевал закуску, ожидая свою порцию супа, по поляне поплыл новый запах – теперь жареного зайца. Фарелли суетился возле костра, успевая быть одновременно везде: он резал ветчину и сыр, подрумянивал этот сыр на огне прямо с хлебом, выдавал Пушку береженную заячью лапу и ставил шамьет в крошечном котелке гостя.

Тем временем арлезиец быстро умял суп, наговорил комплиментов искусству повара и с отменной любезностью сам сходил к ручью, чтобы вымыть миску, хотя Фарелли порывался сделать и это.

И все это время Аластор его рассматривал, стараясь, чтобы интерес не выглядел неучтивым. Первое впечатление вряд ли его обмануло, на вид арлезийцу было лет двадцать пять, не больше. Гладко выбритое лицо, а кожа такая белая и нежная, словно дон Раэн нечасто бывает на открытом воздухе. Странно, разве не все арлезийцы смуглые? Слегка вьющиеся смоляные волосы длиной чуть ниже плеч небрежно связаны на затылке в низкий хвост, черные глаза глядят открыто и весело, да и улыбается арлезиец часто, с беспечностью человека, которому нечего скрывать – только спроси. Да-да, вот напротив Аластора как раз сидит еще один такой улыбчивый, прямо как родные братья, только один смуглый, а второй белокожий, да глаза разные!

– ... и вот представьте, – услышал он арлезийца. – Я всего лишь попросил в этой деревне ночлега! А эти грубияны называли меня бродягой и пообещали спустить собак! Ну не драться же мне было с подобными... – Он покосился на Айлин и с виноватой улыбкой закончил: – Невежами! Пришлось ночевать в лесу.

– Это и вправду было очень грубо с их стороны, – вздохнула Айлин. – Может быть, эти несчастные решили, что вы разбойник?

– Я же был один, – пожал плечами дон Раэн и с наслаждением вдохнул запах шамьета из кружки, поданной ему Фарелли. – О, тысяча благодарностей, синьор Лучано! – улыбнулся он итлийцу. – Какой аромат! Но хватит об этих мелких неприятностях. Я бы не стал их упоминать, если бы не

удивился. Отказать в ночлеге одинокому страннику... В большинстве мест, где я бывал, это... не принято. Тем больше я вам благодарен за любезность!

– У нас тоже не отказывают, – уязвлено буркнул Аластор, стыдясь за неизвестных ему дорвенантцев, пусть и простолюдинов. – Хотя... а вы так и назвались – странником?

– Ну да, – удивленно глянул на него черными блестящими глазами арлезиец. – А что такого?

– Наверное, они решили, что вы жулик. – Аластор пошевелил палкой угли костра. – Понимаете, пару лет назад у нас в Дорвенанте объявился один мерзавец. Просился на ночлег в зажиточные дома, называл себя странником. И намекал, что он – тот самый! Истинный Странник, понимаете? – Арлезиец кивнул. – Ну вот, – скованно закончил Аластор. – А ночью грабил добрых людей, иногда и убийством не брезговал.

– Какая мерзость! – с чувством сообщил арлезийский дон и пригубил шамьет. – И что же, его поймали?

– Не знаю, – пожал Аластор в свою очередь плечами. – Я эту историю слышал краем уха, вот только теперь вспомнилось. Думаю, это было не слишком умно с его стороны. Подло и хитро, но не умно. Боги долго терпят, но их терпению есть предел. А уж оскорблять Странника... Жаль, что вам так не повезло, дон Раэн, обычно люди у нас гостеприимные.

– Теперь буду знать, – вздохнул арлезиец. – И право, будь я настоящим Странником, – улыбнулся он, – уж постарался бы вознаградить ваше великодушие. Кстати, не могу ли я и в самом деле что-то сделать для вас? Возможно, передать в Дорвенне кому-то весточку?

Аластор подавил мгновенное желание согласиться. Да, встреча явно случайная, никто не знал, что они будут ночевать на именно этой поляне. И можно было бы написать отцу! Но после встречи с людьми канцлера не будет ли это означать, что лорд Вальдерон-старший тоже причастен к деяниям своего названного сына? Нет уж, если у лорда Аранвена есть к Аластору претензии, отца в это впутывать нельзя. Пусть он с чистым сердцем отвечает канцлеру, что знать не знает, что там творит Аластор! Вот только матушка беспокоится, наверное.

– Скажите, дон Раэн, – спросила вдруг Айлин, задумчиво теребя роскошный воротник Пушка, что положил ей морду на колени и прикрыл глаза от удовольствия. – Мне, право, неловко...

– Готов ответить на любой вопрос прекрасной доньи! – с готовностью отозвался арлезиец.

– Не вы ли тот самый благородный дон, – медленно продолжила Айлин, явно подбирая слова, – у которого хватило удачливости выиграть должность бургомистра? И мудрости, чтобы немедленно проиграть ее обратно?

– О-о-о... – Раэн даже привстал, глядя на нее с восхищенным удивлением. – Но откуда столь юная... Погодите, там же был всего один дорвенантца! Неужели... неужели он помнит? И даже рассказывает эту историю?!

– Ну, если мы с вами говорим об одном и том же человеке, – снова как-то неловко улыбнулась Айлин, – то он называл вас дорогим другом. Конечно, он помнит вас. И вы... может быть, встретите его в Дорвенне?

– Как раз на это я и надеюсь, – не без растерянности отозвался арлезиец. – Мы давно не виделись, и с моей стороны не очень учтиво приезжать к нему без предупреждения, но когда-то он звал навестить его в вашей прекрасной стране. И сейчас я еду именно к нему. Вы хотите ему что-то передать?

– Да, пожалуй. – Улыбка Айлин была все такой же бледной, и у Аластора почему-то неприятно защемило сердце. – Ничего особенного. Просто... передайте ему мой поклон и... самые лучшие пожелания. И скажите, что я... впрочем, нет, пожеланий вполне достаточно.

– Непременно сделаю это, прекрасная донья, – учтиво склонил голову арлезиец. – О, простите, мне следует напоить коня. Нет-нет, синьор Лучано, не беспокойтесь, я сам сполосну кружку! Такие пустяки, право!

Он встал и отвел коня к ручью, действительно прихватив с собой успевшую испачкаться посуду. Итлиеца последний раз перевернул мясо над углями и приготовил миску, чтобы его снять, Аластор

же вопросительно взглянул на Айлин. Угли костра бросали золотые и алые отблески на ее щеки, но все равно казалось, что она бледна.

– Все верно, – ответила подруга на его взгляд. – Это и правда тот самый дон Раэн. И я очень этому рада. Тот, кто зовет его другом, разбирается в людях, и его мнению я верю.

– Тем лучше! – отозвался от костра Фарелли. – Хм, а не будет ли страшным нарушением этикета, если мы просто положим это мясо на хлеб?

– Я думаю, так будет намного вкуснее, – уже веселее сказала Айлин. – Кажется, этикет остался в Дорвенне, как и многое, что казалось очень важным, а на деле...

Она осеклась, потом смущенно улыбнулась и продолжила:

– А знаете, когда-то я очень сильно поссорилась со своим... братом.

Аластору показалась странной заминка перед последним словом, но потом он вспомнил тот скандал пятилетней давности, о котором узнал гораздо позже. И почему Айлин так упорно не зовет себя леди Ревенгар.

– Из-за этикета? – понимающе уточнил итлиец.

– Да, – уже совсем светло улыбнулась Айлин. – Мне было всего двенадцать. Я слишком вольно повела себя на домашнем празднике у своих друзей, с которыми училась в Академии. Они намного старше меня и оба – юноши. Я стояла слишком близко к ним, когда мы любовались фейерверком. Конечно, это было недопустимо. Брат меня осудил, хотя мы даже не оставались наедине. И он был прав. Этикет – это очень, очень важно...

«А сейчас она ночует в палатке с двумя мужчинами, – с холодной ясностью подумал Аластор. – И от этого пятна на репутации ни одна порядочная девушка уже никогда не сможет отмыться. Неважно, что мы оба относимся к ней с почтением, высший свет никогда не простит подобного. Что же я наделал... И как это исправить? Можно ли вообще исправить подобное?!»

– Но теперь я думаю, что есть вещи гораздо важнее, – с безмятежным спокойствием продолжила Айлин. – Например, тепло и еда, которыми можно поделиться. Дружба, семья, любовь... То есть я имею в виду любовь к своей стране! – закончила она и порозовела щеками уже по-настоящему, а не от бликов костра.

– Вы совершенно правы, изумительная донья, – тихо сказал вдруг появившийся рядом арлезиец. – Ах, сколько мудрости в ваших словах. Любовь гораздо важнее этикета, ведь это зерно, из которого растет и дружба, и верность, и отвага, и все прекрасное, что есть на земле. Синьор Лучано, а не пустить ли нам по кругу эту флягу? За красоту и мудрость прекраснейшей из дорвенантских дев!

– Всем сердцем поддерживаю, благородный дон! – откликнулся итлиец. – Кстати, мне показалось или у вашего седла приторочена лютня?

– Она самая! – слегка поклонился Раэн. – И если благородное общество пожелает...

Он испросил взглядом разрешения Аластора, и тому пришлось поблагодарить со всей возможной вежливостью.

– Лютня! – воскликнула Айлин, и ее странная подозрительная грусть наконец исчезла. – Вы играете, дон Раэн?

– Немного, – улыбнулся арлезиец, действительно снимая с седла кожаный плоский футляр. – До настоящих мастеров мне очень далеко, но надо же развлекать себя в дороге. Правда, дорвенантских песен я не знаю. Разве что старые баллады, но они такие унылые! Прекрасная донья знает арлезийский? Итлийский?

– Лучше всего я знаю итлийский, – признала Айлин. – И фраганский... Аластор, а ты?

– Фраганский, – сдержанно сказал Аластор.

Стыдно признаться, но итлийский, принятый при дворе, он знал отвратительно, зато на фраганском, благодарение месьору д'Альбрэ, изъяснялся так же свободно, как на дорвенантском. И, как утверждал тот же месьор, с недурным произношением, что в устах бретера приравнялось к высшей похвале.

– А вы, Лучано?

Аластор мельком отметил, что итлиеиз из синьора Фарелли превратился в устах благородного дона сначала в синьора Лучано, а теперь тот и вовсе зовет его по имени. Но, следует отдать ему должное, в тоне ни капли презрения к простолюдину. Напротив, имя итлийца звучит у Разна мягко и тягуче. Так, словно они давно знакомы или вообще близкие друзья. Но раз Фарелли не обижается, значит, заступаться за него не стоит.

– Дорвенантский, фраганский, арлезийский, – улыбнулся шпион-приказчик и пошутил: – И немного итлийского.

– Значит, фраганский, – ответил улыбкой на улыбку Разн. – Но сначала я сыграю вот что.

Сел у костра на собственное седло, по-восточному скрестил ноги... И лютня в его руках запела нежно и сладко, так что Аластор вздрогнул от удивления. Не то чтобы он не любил музыку! После сытного обеда приятно послушать заезжего менестреля. Потанцевать на празднике в деревне или на балу – тоже отменное развлечение. Но чтобы звуки будили что-то внутри, куда-то звали, обещали что-то невероятное, ни разу не испытанное? Чтобы от музыки в горле становилось тесно, а потом, наоборот, легко-легко, будто за спиной выросли крылья?

Он слушал молча, боясь шевельнуться, и так же молчали рядом все остальные. Лишь когда лютня смолкла, Фарелли, словно очнувшись от глубокого сна, встрепенулся и прошептал:

– Божественно. Чье это? Никогда не слышал...

– О, это совсем юный фраганский композитор, – все так же мягко сказал арлезиец. – Маэстро Блаварини. Ему прочат великую славу, и я полностью согласен. Жаль, что остальная его музыка слишком сложна, чтобы сыграть на одной лютне. А теперь обещанная баллада для прекрасной доньи!

Он слегка улыбнулся и снова тронул струны, отзывавшиеся теперь весело, игриво и ласково. Сыграл вступление и запел. Эту фраганскую балладу Аластор знал, наставник порой мурлыкал ее себе под нос, а иногда, будучи в прекрасном настроении, даже играл. Правда, на гитаре, а не на лютне. Что-то про любовь, которая растет в саду, словно алая роза. А еще подобна песне, с которой идут в путь... В общем, обычная красивая чепуха, которая так нравится девушкам.

Вот и Айлин слушает с удовольствием, щеки покраснелись, губы кажутся пухлыми, нежными и яркими. А волосы, вроде бы тщательно заплетенные итлийцем в косу, снова растрепались, и золотистое облачко окружает ее лицо...

Аластор отвел взгляд, поймав себя на том, что слишком долго и пристально смотрит на подругу. А это неприлично! И неважно, что она этого взгляда не замечает, потому что слушает балладу. Вот прав был отец, говоря, что дворянину пристало владеть не только оружием, но и изящными искусствами. Умел бы Аластор играть или хотя бы прилично петь! Нет, петь его учили, но... В этом он точно не был силен. Да и занятия предпочитал совсем иные. Пофехтовать, проверить счетные книги, объездить лошадь... Да хоть секирой покидаться – и то больше пользы!

– Bravo, благородный дон, – улыбнулась Айлин, когда баллада закончилась. – Вы прекрасно поете!

Раэн поклонился, не вставая, и тут Фарелли вкрадчиво поинтересовался:

– Не смею настаивать, но не хочет ли благородный дон отдохнуть? И заяц подоспел как раз... А если вы не слишком ревнуете к своей лютне, то, может быть...

– Хотите сыграть? – усмехнулся арлезиец. – Я не ревнив, извольте! Кому попало в руки не даю, но здесь особый случай.

Что он имел в виду, Аластор не понял, зато увидел, как руки этих двоих на мгновение встретились на передаваемой лютне. И быстрые взгляды, которыми обменялись оба южанина, чтоб их. Странно. И подозрительно. Или нет? Может, он себе что-то придумал, и это костер так отблескивает?

У Фарелли голос оказался не хуже. Выше и звонче, но чистый и какой-то яркий, Аластор не мог подобрать другого слова. Пел он по-фрагански, но потом, сбившись, рассмеялся и перешел на итлийский. И оказалось, что по-итлийски синьор Паскуда поет еще лучше, не в пример своему хвостатому собрату. Аластор даже заслушался, хотя почти не понимал слов. Что-то про море и солнце, кажется... А потом итлиец сменил песню и натурально замурлыкал, низко и томно. Арлезиец приподнял брови, улыбнулся одобрительно и вдруг подхватил мелодию. Два кота! Ну чисто два кота, вызывающие к своим прекрасным кошачьим дамам! И когда успели так спеться?!

«Завидовать – недостойно дворянина, – мрачно подумал Аластор. – Ну не умею я играть на лютне, что поделать. Да я бы и не завидовал! Никогда такими глупостями не страдал. Просто... Ну обидно, что я, дорвенантец, не могу показать этим южанам ничего такого... такого! И Айлин теперь подумает, что я в самом деле неотесанный провинциал... А, да какая разница! Зато я в лошадях разбираюсь! Уж наверняка не хуже этих двоих. Фарелли точно не знает, с какого конца за скребок браться, я сам видел. И оружием владею... И вообще, какая глупость – завидовать, если каждый человек мастер в чем-то своем. Айлин вообще магесса! Еще и Двойная Звезда! И самая храбрая, умная и верная девушка на свете! Но я же не завидую ей, а просто восхищаюсь...»

На душе вдруг полегчало, словно с нее упал камень, а свои же недавние чувства теперь вызвали веселое недоумение. Что его так разобрало?

Аластор положил на хлеб кусочек мяса, накрыл другим, чтобы Айлин не запачкала пальцы, и подал ей, получив сияющий благодарный взгляд. Откупорил флягу с хваленым арлезийским, хлебнул и едва сдержался, чтобы не скривиться. Слишком кислое! И какое-то пустое, что ли, никакой густоты, сладости, крепости... Словно не вино пьешь, а яблочный сидр. То есть вкус другой, но ощущения – те же.

Он передал флягу протянувшему руку Раэну, и арлезиец, не чинясь, отхлебнул из нее. Потом Фарелли. А потом, к удивлению Аластора, и Айлин, которая с серьезным видом забрала вино у итлийца. Ну, маги даже карвейн пьют как лекарство, вино подруге точно не повредит. А этикет... Плевать на этикет!

Молча поднявшись, Аластор сходил в палатку, принес плащ и накинул его Айлин на плечи – даже у костра было довольно свежо. Съел немного мяса, слушая, как эти двое, словно весенние коты, откровенно красуются друг перед другом и перед Айлин. Но настроение больше не портилось. Напротив, ему стало легко и спокойно, словно все, что происходит, правильно. И костер в глухом лесу, и рыжеволосая девушка, закутанная в его плащ, и два чистых теплых голоса, взлетающие куда-то ввысь, к самым верхушкам деревьев, а может, и выше, в ночное небо, искрящееся россыпью звезд.

Он вдруг понял, что как бы ни сложилась дальше жизнь, эту ночь он не забудет никогда. И если когда-нибудь усомнится в том, как нужно поступить, то вспомнит себя сегодняшнего и попросит совета, потому что этому Аластору вдруг стало совершенно ясно, как следует жить. И как в случае чего умирать – тоже.

Он не сразу понял, что на поляне стоит тишина. Две черноволосые головы вдруг качнулись друг от друга, словно Фарелли с Раэном только сейчас поняли, как близко сидят.

– Кажется, нужно еще промочить горло, – со смешком сказал итлиец и обвел поляну наглыми кошачьими глазами, томными, словно уже выхлебал пару бутылок чего покрепче. – Что за вечер...

– Дивный, – поддержал его гость, тоже улыбаясь. – Ах, ну почему я – всего лишь я... Кстати, а будь я и правда Странником, чего бы вы пожелали, благородные господа и прекрасная донья? Ну вдруг?

– Разве что еще флягу арлезийского? – усмехнулся Фарелли, покачав почти опустевшей посудиною. – Чего еще можно пожелать в такой прекрасной компании, м?

– Нет ничего легче! – заявил Раэн, мигом оказываясь на ногах. – Только это не желание, вторую флягу я и так собирался достать. Ну же, друзья мои! Вы ведь позволите так вас назвать?

Его глаза вдохновенно горели, и Аластор до этого никогда не подозревал, что черный цвет может быть таким сияющим. На мгновение показалось, что вдруг и правда перед ними не обычный путник, а сам Странник. А что? Он, говорят, не просто бродит по земле, а любит испытывать людей. То на ночлег попросится, то услугу попросит оказать...

Аластор усмехнулся своей наивности. Да, Странника многие встречали, но это всегда было или давным-давно или далеко отсюда. А все рассказы о нем на поверку оказываются сказками. Ну какой из дон Раэна Странник? Обычный арлезиенец, красавчик и балагур, любитель поесть и выпить, вон как щурится от удовольствия, уплетая зайца. Еще и игрок, если Айлин права. Интересно, а кто такой этот их общий знакомый?

– Мы сочтем это за честь, – рассмеялась Айлин так беззаботно и весело, что Аластор разом простил арлезию все вольные и невольные грехи.

Пусть болтает без умолку, пусть смотрит восхищенно и поет, как ошалелый соловей. Зато сегодня Айлин точно не будет думать о демонах, этикете, оставленных в Дорвенне друзьях, а может, и о ком-то еще. Он ведь так ни разу не набрался храбрости спросить, свободно ли ее сердце. Да и права на такой вопрос не имел... Но ведь они просто друзья! Он бы спросил по-дружески... А теперь от одной мысли об этом вопросе почему-то больно. Нет, пусть уж лучше будет вино, жареное мясо, песни под лютню... Что угодно, только не думать ни о прошлом, ни о будущем!

Словно уловив его настроение – а может, и правда что-то заметил? – Фарелли поставил на огонь котелок, насыпав туда шамьета, и сходил за своими волшебными баночками с медом и приправами. Вот и хорошо, сладкий шамьет куда вкуснее этой арлезийской кислятины. Да и кровь греет не хуже!

– Что бы я пожелал? – задумчиво сказал итлие, тщательно отмеряя крупинки пряностей в котелок. – Вот если бы прямо что угодно? Как в сказках?

– Именно, – согласился арлезиенец, поблескивая глазами и небрежно лаская пальцами темное гладкое дерево лютни.

«Так можно гладить не вещь, а разве что живое существо, – мелькнуло у Аластора в мыслях. – Прекрасную живую женщину... Тьфу, что за мысли! Надо прекращать пить!»

– А что обычно просят у Странника? – продолжал рассуждать итлие. – Богатство, здоровье, долгую жизнь, титул, удачу?

– Именно это и просят, наверное, – усмехнулся дон Раэн. – Что еще нужно людям для счастья?

– Скучно! – заявил Фарелли, священнодействуя над котелком. – Вот это все – ужасная пошлость! Никакой фантазии! Разве что удача, да и то... Привязать к себе удачу силой – все равно что принудить кого-то к любви. Ужасная мерзость. Нет, вот если бы я в самом деле встретил Странника, я бы...

Он закатил глаза, и арлезиенец даже наклонился вперед, улыбаясь. Кто сказал, что это надменный народ? Аластору вдруг стало весело, как со старым другом, и он тоже с нетерпением ждал, что скажет Фарелли.

– Я бы попросил у Странника оказаться на своем месте, – сказал вдруг итлие очень серьезно, разом отбросив насмешливый тон. – Именно на своем, понимаете, м?

– Признаться, не очень, – так же серьезно ответил Раэн. – Разве сейчас вы на чужом месте, Лучано? Какое же тогда ваше?

– Мое... – Руки итлийца, порхающие над шамьетом, на миг замерли, и он тихо выдохнул: – Если бы я знал. Но это место, где мне на самом деле нужно оказаться. Где нужен именно я, м?

– Кажется, понимаю, – согласился Раэн. – Отличное желание, право же. И я от души присоединяюсь к вам. А вы, дон Аластор?

– Что? – переспросил Аластор растерянно.

Он как-то не думал, что вопрос относится и к нему тоже. Да и что сказать? Фарелли красиво сплел слова, но не повторять же за ним. И не скажешь теперь, что его бы устроила самая простая счастливая жизнь. Вот именно с тем, что перечислил итлиец. Чтобы и здоровье, и любящая жена, и дети, и всего остального в меру. Кто же откажется от денег, титула и земель, если сами пойдут в руки? Но, конечно, по чести и так, чтобы не слишком. Чтобы не откусить кусок, который не проглотить.

Но от него ждут совсем другого. Вот как внимательно смотрит Айлин, словно ей очень-очень важен ответ Аластора! Да и у Фарелли взгляд непривычно пронзительный.

– А я ни от чего хорошего не откажусь, – хмуро от неловкости буркнул Аластор. Подумал и добавил: – Но если надо что-то одно, то... Я просто хочу выполнить свой долг. Меня учили, что дворянин должен своей стране, мужчина – своей семье и друзьям, лорд – своим подданным. Вот. И я хочу только этого. Чтобы всегда быть рядом с теми, кому я нужен. Или хотя бы там, где могу сделать что-то правильное. Там, где могу выполнять то, что должен.

– Надо же... – тихо, еле слышно проговорил арлезиец. – Да вы как сговорились, господа. Такие желания... Мне теперь и самому безумно интересно, чем оно может обернуться. Донья Айлин? Не считите за нескромность?

– А я хочу изменить... – светло улыбнулась Айлин.

– Что изменить? – ляпнул Аластор и почти одновременно услышал заинтересованный голос Фарелли:

– Кому изменить?

Арлезиец прищурил искрящиеся от смеха глаза и с безупречной учтивостью промолвил:

– А я, видимо, должен спросить, с кем изменить?

Мгновение на поляне стояла полная тишина. А потом Айлин первая прыснула и рассмеялась. Миг – и Аластор поймал себя на том, что сам смеется. Искренне, вздохнув, не сдерживаясь проклятым этикетом. Хохотал Фарелли, поставив на землю снятый котелок с шамьетом, чтобы не уронить. И Раэн вторил ему так искренне и беззаботно, словно им всем и правда случалось много раз делать это вместе.

– Да ну вас, господа, – промолвила, наконец, Айлин, покраснев то ли от смеха, то ли от смущения. – Я сказала совсем не то, что вы тут... имели в виду. Я хочу изменить судьбу.

– Ни больше, ни меньше? – вскинул резко очерченные брови арлезиец. – И чью же судьбу вы хотите изменить? И зачем?

– Я еще не знаю, – отозвалась Айлин с такой же полной искренностью. – Но знаю точно, что судьба не всегда правильна и справедлива. Иногда она как колесо в карете: попало однажды в колею – и катится, что бы человек ни делал. А я... я хочу менять ход этого колеса. Или хотя бы стать камешком в колею! Чтобы колесо с ним встретилось – и повернуло на другой путь. Правильный! Добрый! Или хотя бы справедливый!

– А вы не думали, прекрасная донья, каково при этом самому камешку? – медленно проговорил арлезиец, глядя на Айлин едва ли не... с жалостью? – Тому, на которое наткнулось колесо. Ведь ничто не дается даром.

– Это я отлично знаю, дон Раэн, – улыбнулась Айлин так светло и ясно, что у Аластора снова совершенно непонятно кольнуло сердце. – И я никогда не отказывалась платить по долгам или за то, что хочу получить. Но кто-то ведь должен это делать? Возвращать судьбу на нужные дороги?

– И правда удивительный вечер, – еле слышно проговорил арлезиец. – И встреча не менее удивительная. Что ж, да исполнит Странник ваши желания...

И тут же восторженно, снова став обаятельным улыбчивым болтуном. Словно что-то вздрогнуло на поляне, и та связь, что объединила их четверых, не распалась, но стала невидимой. Или впилась куда-то внутрь, оставшись воспоминанием о мгновении полной искренности.

Фарелли все-таки налил шамьета Аластору, а потом и Раэну. Собрал оставшееся мясо и подвесил его в котелке на дереве, спасая от мелких зверушек. Вторая фляга не понадобилась, но и без нее было хорошо. Не так откровенно, но спокойно и умиротворенно. Спать почему-то совершенно не хотелось, Аластор гладил перебравшегося уже к нему Пушка и лениво следил, как дон Раэн что-то чертит прутиком прямо на земле и объясняет Айлин, а та прилежно кивает и перерисовывает начерченное в пухлую черную тетрадь карандашом. Странно, ведь арлезиец не маг! Что же он объясняет магессе?

– Это не дорвенантская школа, – сказал Раэн, будто уловив его мысли. – Некоторые принципы теории пришли в современную магию из глубокой древности. А меня всегда интересовала история. И я с удовольствием покажу донье Айлин кое-что интересное и полезное. Что вряд ли знают ее преподаватели.

– Магия, которую не знает Орден? – усомнился Аластор, чувствуя смутную тревогу. – А это не опасно?

– Милорд Аластор, – усмехнулся арлезиец. – Скажите, каким оружием вас учили сражаться как дворянина?

– Рапирой, – буркнул Аластор.

Посмотрел на секиры, так и лежащие у входа в палатку, хмыкнул.

– Вот именно, – просто сказал Раэн. – Вас учили сражаться рапирой, но когда пришлось, вы взяли в руки то, что подходило больше. У доньи Айлин прекрасные преподаватели, я совершенно в этом уверен. И ее учили всему, что следует знать орденской магессе. Но и то, что покажу я, бесполезным не будет.

И эти двое снова погрузились в тихое обсуждение, из которого Аластор понимал только отдельные слова, хотя говорили вроде на дорвенантском. Встав, он пошел к лошадям, проверил их, погладил теплые морды. Очень хотелось дать хотя бы по куску хлеба, оставшегося от ужина, но Аластор сдержался. Был бы он один – даже думать не стал бы! Но остальным надо будет чем-то позавтракать.

– Ах, какая у него лютня... – протянул подошедший следом Фарелли. – Мечта! Знаете, синьор Вальдерон, у меня дома тоже лютня осталась. Лучший итлийский мастер делал! Вендийский палисандр, позолота, инкрустация. Неплохой домик можно было бы купить... Как я ею гордился! Не представляете...

– И что? – с любопытством спросил Аластор, уловив жалобные нотки в голосе итлийца.

– И ничего, – вздохнул тот. – Вы посмотрите на эту! Старое темное дерево и струны – больше ничего. А я ее в руки взял и пропал. У нее голос – живой. Она к рукам льнет... Я не подозревал, что так бывает!

– Узнайте имя мастера, – посоветовал Аластор, удивляясь тоске, звучащей в голосе итлийца. – Может, у него такую же закажете.

– Это вряд ли, – странно усмехнулся тот, и Аластору невольно подумалось, что сегодняшний вечер то выворачивает душу наизнанку, то полон странных взглядов, улыбок и скрытых мыслей. – Не закажу. Да и не время сейчас для лютни. Просто жалко. Вот так не встретились бы, я бы до сих пор считал, что моя позолоченная роскошная дурочка – самый лучший инструмент. Забавно, м?

И, не ожидая ответа, отошел. Аластор проводил его взглядом, удивляясь неожиданной откровенности. Айлин, закончив слушать объяснения, поблагодарила арлезийца, и тот коротко кивнул. А подруга, зевнув и смущенно прикрыв рот ладошкой, извинилась и ушла в палатку.

– Знаете, дон Аластор, – сказал арлезиец, поднимая на него взгляд от исчерченной земли. – Рассвет уже близко. Пожалуй, не стану злоупотреблять вашим гостеприимством. До дороги недалеко, а спать мне не хочется. Я поеду...

– Как пожелаете, – согласился Аластор.

И каким-то внутренним чутьем понял, что вот так эта встреча и должна закончиться. В самом деле, что тут осталось до рассвета? И сказать им друг другу больше ничего, в мыслях и на сердце пустота, будто их промыли холодной водой дочиста.

– Синьор Фарелли! – окликнул Разн итлийца. – Не хотите ли немного проводить меня?

И снова этот быстрый обмен взглядами, а потом Фарелли, к удивлению Аластора, кивнул.

– Я недалеко, – сказал он Аластору, словно извиняясь, и пошел отвязывать одну из своих гнedyх.

Аластор глянул на палатку, где было тихо и темно, но почему-то остался у костра, подкладывая сушняк по веточке и бездумно глядя на багрово-золотые угли.

Недалеко растянулось часа на два. А может, и на три. Рассвет уже вовсю красил небо розовым и желтым, когда итлиец вернулся. Спрыгнул с гнедой, и Аластор невольно насторожился.

Фарелли ведь был почти трезв, когда уезжал, хмель у него давно должен был выветриться. А итлиец шел мягко и плавно, словно выверял каждое движение. Так двигаются те, кто перепил, но из всех сил пытается казаться трезвым. А еще у него блестели глаза. Нагло, томно, непристойно, как у ошалевшего от весенних игр котика. И улыбка словно сама собой тянула губы. Распухшие. И покрасневшие, Аластору с нескольких шагов это было видно.

– Кажется, я совсем не разбирался в арлезийцах, – изумленно сообщил Фарелли.

Он остановился у ближайшего к костру дерева, привалился к нему и словно растекся по стволу спиной.

– Этот какой-то совершенно неправильный! – продолжил он, глядя в темноту мимо Аластора и продолжая блаженно улыбаться. – Не-воз-мож-ный...

Аластор несколько мгновений глядел на него, не понимая. А потом соединил все эти взгляды и улыбки весь вечер, и прикосновения словно бы невзначай, и приглашение проводить... И эту развратную довольную улыбку. И губы итлийца, вызывающе яркие на смуглом лице, словно Фарелли долго и упоенно целовался. Или... Но тут Аластор запретил себе даже думать обо всем этом! Вообще! Совсем не думать не получалось, конечно.

Он честно попытался найти в себе брезгливость или презрение. Все-таки эти грязные слухи об итлийских нравах, оказались правдивыми. Но дон Раэн?! Он же и правда арлезиец! А про тех как раз известно, что они никогда, ни за что, и сама мысль об этом – страшное оскорбление! И что же получается? А главное, как к этому относиться? Фарелли же спит с ними в одной палатке!

«В своей палатке, – напомнил себе Аластор. – И вообще, он простолюдин, правила дворянской чести его не касаются. А меня не касается его жизнь, потому что он не мой слуга. И не мой друг. Просто случайный спутник, с которым скоро расстанемся и вряд ли еще когда увидимся. И это же значит, что Айлин в безопасности! Если Фарелли предпочитает... мужчин, он даже смотреть на нее с грязными помыслами не будет! Ну и хорошо. То есть ничего особо хорошего, но... у нас погоня канцлера на хвосте, а то и люди лорда Бастельеро. Вокруг демоны, впереди сложный магический ритуал, а еще надо раздобыть провизию... Какое мне дело до склонностей какого-то итлийца?»

– Не думаю, что хочу об этом что-то знать, – сказал он сухо.

Наглый итлийский котяра посмотрел на него едва ли не с оскорбительной жалостью, насмешливо поклонился, и тут из палатки высунулась зевающая Айлин.

– Что, уже утро? – жалобно спросила она. – Как это жестоко с его стороны! Так быстро наступи-и-ить... Я себя чувствую, как будто всю ночь...

– Танцевали? – невинно осведомился Фарелли.

– Могилы раскапывала, – ядовито сообщила Айлин. Снова зевнула и добавила: – Кстати, вам обоим просили кое-что передать. На память о встрече, как он сказал. – Она зябко обхватила себя руками. – Дон Раэн такой странный... «На память о нынешней встрече», – так он сказал точно. Как будто были другие... Или он имел в виду, что мы еще встретимся? М-м-м-м, а мне он подарил такое заклинание! Я еще не совсем с ним разобралась, но это что-то... что-то потрясающее! – Она снова зевнула. – Его надо обязательно передать в Академию... потом. Так вот, синьор Фарелли, для вас он оставил свою лютню!

– Что? – выдавил итлиеца мгновенно севшим голосом, и Аластор увидел, как с его лица разом исчезло выражение обожравшегося кота. – Он – что?

– Лю-ю-ютню! – душераздирающе зевнула Айлин. – Ой, простите... Он сказал, что она выбрала вас. Лютня то есть! Что у вас правильные руки-и-и-и... А тебе, Аластор, совет!

– И какой? – хмуро уточнил Аластор.

Совет. От едва знакомого арлезийца и наверняка пройдохи! Еще и мужеложца! Какой совет может ему дать настолько подозрительная личность?!

– Не слушаться никого, кроме себя, – сказала Айлин, и в ее звонком голосе Аластор вдруг услышал мягкий тон арлезийца. – Он сказал, что ты должен понять только одно. Ты за все отвечаешь сам. И, значит, слушаться должен только себя. Простите, господа, я – спать!

И снова скрылась в палатке.

– Лютню, значит... – проговорил окончательно протрезвевший Фарелли, хотя глаза у него так и блестели. – А синьорине Айлин – заклятие. А вам, синьор Вальдерон, совет... Вот как можно так спросить, что наизнанку выворачиваешься? И солгать – невозможно. Я же другого хотел пожелать... То есть не хотел, а должен был! А сказал – что хотел. Глупость полную... Вот как с лютней этой.

Итлиеца вдруг замолчал, словно у него сдавило горло. И посмотрел на кожаный футляр, лежащий у костра, едва ли не с ужасом.

– Ну так догоните и верните, – огрызнулся Аластор. – Или бросьте ее здесь! Никто же не заставляет брать!

– Ну нет... – протянул Фарелли и бережно поднял футляр, прижав его к себе. – Будь она хоть проклята – все равно возьму. Да и не верю я, что он это со зла. Вы же помните! Этот вечер!

Аластор молча кивнул и подумал про себя, что вечер был невероятным. И их странный гость – тоже.

Но чутье кричит, что зла он им не желал. И подарки эти – от души. А совет... над советом он обязательно подумает. Как-нибудь потом, когда выспится и голова прояснится.

Глава 19. Заботы лордов

Проснулись они от холода. Аластор почувствовал, как заворачалась Айлин и двинулась к нему поближе, пытаясь плотнее завернуться в плащ. С другой стороны тут же чутко вскинулся итлиец. И, наконец, в ногах недовольно пошевелился Пушок. «Проспали, – понял Аластор. – Думали выехать на рассвете, но слишком поздно легли. Да и вино было крепче, чем казалось. Ничего, нагоним, все равно срезаем путь по лесу. Но что же так холодно?!»

Он сел, выглянул из палатки, откинув плотно задернутый на ночь полог, и ахнул, захлебнувшись ледяным воздухом. Что за чудо? Поляна, на которой они расположились, еще вчера теплая и гостеприимная, покрытая молодой нежной травкой, скрылась под белой пеленой. Снег толстым слоем лежал на ветвях деревьев, на их палатках, на спинах лошадей, понуро опустивших морды. И все валил и валил, падая такими крупными хлопьями, что уже в нескольких десятках шагов не было видно ничего, кроме белой круговерти. Зима вернулась?! Что ж, если это и чудо, то очень злое.

– Милостивые Семеро! – изумленно выдохнул итлиец, выглядывая из-за его плеча. – Это что?!

– Снег, – буркнул Аластор, решив, что Фарелли спрашивает все-таки его, а не богов.

Между прочим, не такие уж они сегодня и милостивые, Всеблагая Мать точно разгневалась за что-то!

– Снег?

В голосе Фарелли звучал ужас. В следующее мгновение Аластор понял, почему. Итлиец прошлой ночью замерз так, что пришлось уступить ему место посередине, а сейчас его легкий плащ и вовсе не спасет от холода! Хотя им с Айлин тоже придется несладко. Да, плащи у них потеплее, но сапоги и перчатки для верховой езды слишком тонкие, да и под плащами одежда для весны все-таки. В город! Немедленно в город! Пока метель не занесла весь лес так, что кони просто увязнут в сугробах!

– Снимаем лагерь! – бросил он, ныряя обратно в палатку и торопливо обуваясь. – Надо выбираться на дорогу. И как можно скорее, иначе...

Что будет иначе, он объяснять не стал, но спутники поняли его и так. Айлин выпустила Пушка и тоже принялась натягивать сапожки, Фарелли собирал плащи, которыми они укрывались вместо одеял. Тонкое лицо итлийца было непроницаемо спокойным, но Аластор против воли почувствовал тревогу. Все-таки это его человек... некоторым образом. Как и договаривались, итлиец честно служил в его крошечном отряде, а значит, Аластор за него отвечает.

– Фарелли, у вас еще одежда есть? – спросил он, застегивая ворот куртки.

– Только белье, – сдержанно отозвался итлиец и тут же бессильно ругнулся по-своему, помянув Баргота.

– Натягивайте все сразу, – распорядился Аластор. – От нескольких рубашек проку больше, чем от одной. Сейчас доедем до дороги, а там и Шермез недалеко. Или та деревня, где вчера прогнали дона Разна.

– Думаете, нас они не прогонят? – иронично осведомился Фарелли, действительно натягивая вторую, а затем и третью рубашку поверх первой.

– Я бы им не советовал, – бросил Аластор, выскакивая из палатки.

Лошади, встрепенувшись, потянулись к нему мордами, зафыркали, жалуясь на такую подлость судьбы. Аластор первым делом быстро растер спину нежной арлезийке Луне и оседлал ее. Потом – свою Искру. Оглянулся на Фарелли, тот складывал пустую палатку, а потом, сунув ее в сумку, заметался по поляне, снимая с дерева котелок с остатками провизии и выкапывая из-под снега какие-то мелочи. Махнув рукой на этикет, Аластор оседлал и его гнедых, у него это все равно

получалось гораздо быстрее. А что лошади чужие, так не родилась еще та лошадь, которая заупрямилась бы в руках одного из Вальдеронов.

– Премного благодарен, синьор! – выдохнул Фарелли, подлетая к нему с сумками, и тревожно глянул на небо. – Что это вообще творится?

– Погодная аномалия, – хмуро сказала Айлин, тоже пристегивая свою сумку к седлу Луны. Поймала недоуменный взгляд Аластора и пояснила: – Я предупреждала, помнишь? Разломы искажают мировую ткань, погода меняется. И вот такое – оно будет все чаще, если их не закрыть.

Итлиец открыл рот, с ужасом посмотрел на темно-серое небо, из которого так и валил снег, перевел взгляд на Аластора и плотно сомкнул губы, так ничего и не вымолвив. И отлично! Времени на разговоры нет!

Аластор первым прыгнул в седло, а когда они выезжали с поляны, окликнул Фарелли:

– Я поеду первым. Искра лучше всех идет по лесу. А когда она устанет, пересею на вашу заводную. Айлин – вторая. Вы едете последним. Держимся вместе, поглядываем по сторонам, не отстаем. В такую метель я бы на месте демонов носа из портала не высунул, но кто их знает?

Итлиец кивнул и отдал ему повод второй кобылы.

– Я могу накинуть на нас троих полог, – предложила Айлин. – Будет гораздо теплее. Правда, его неудобно держать на ходу, но я смогу.

Аластор окинул взглядом близкий лес, почти скрытый снежной круговертью. Белое безмолвие нарушал только свист ветра, но даже в нем слышалось что-то подозрительное и мрачно-тревожное. Он заколебался... Сам-то потерпит, но Айлин – девушка, а Фарелли одет легче всех, и для них двоих магический полог точно не будет лишним. Но что, если демоны? А Айлин растратит резерв?

– Думаю, не стоит этого делать, синьорина, – спокойно сказал итлиец. – Если что-то случится, ваша магия нам очень пригодится. Поставьте защиту только на себя, это будет проще, м? А я предпочту любоваться вашими... прекрасными зимними видами без всяких пологов.

Он улыбнулся с уверенной беззаботностью, и Аластор с облегчением подумал, что со спутником им все-таки повезло. Тем более нужно поскорее доехать до города!

Айлин насупилась, явно не поверив итлийцу, но спорить не стала, только свистнула Пушку. Огромный пес поднялся из снега, где с упоением валялся, отряхнул с себя целый сугроб и деловито потрусил впереди Искры, безошибочно выбирая самый удобный путь. «Семеро Благих, благословите эту собаку!» – искренне пожелал Аластор, глядя, как тот безошибочно находит скрывающуюся под снегом тропу. При каждом шаге из-под мощных толстых лап летели клубы снега, Пушок безошибочно огибал пеньки, перепрыгивал толстые корни, и за ним оставался четкий след, по которому идти было намного легче.

Аластор оглянулся назад. Айлин держалась в седле отменно, Фарелли тоже не отставал, и, насколько Аластор помнил карту, к дороге они должны выехать быстро. Правда, впереди то ли ручей, то ли речка, но раз есть тропа, должен и мостик найтись. Как-то же здесь проезжают местные охотники?

Он тоже посмотрел на небо, радуясь, что спутники не видят его беспокойства. Лошади шли быстро и уверенно, даже не было нужды пересеживаться на заводную, как он думал, однако метель и не думала прекращаться. Мороз покусывал щеки и нос, пальцы в перчатках из тонкой кожи начали замерзать, и Аластор на ходу размял их, сгибая и разгибая. Кровь тут же заструилась быстрее, и рукам стало теплее.

«Плохо, что небо такое темное, – подумал он. – Судя по виду, в этих тучах столько снега, что хватит засыпать лес по макушки деревьев! Всеблагая Мать, сжался! Ведь уже посевы взошли! Вот вымерзнет сейчас все, и крестьяне не соберут урожай! А если холод продержится долго, домашнюю скотину тоже будет не прокормить, трава ушла под снег, а сено уже заканчивается. Ладно, в нашем поместье всегда имеется годовой запас на всякий случай, да и зерна полны амбары. Но придется часть раздать крестьянам, у тех вечно в обрез до нового урожая! Всеблагая, за что караешь? Мало нам демонов, так еще голод будет!»

Задумавшись, он едва не пропустил момент, когда тропа круто свернула и пошла вниз, под уклон. Пушок стал зарываться в снег не только лапами, но и пузом, заскользил, принялся, а потом стал спускаться гораздо медленнее. Деревья расступились, открывая низкий пологий склон, и Аластор поморщился. Вон та широкая лента внизу, за которой склон поднимается снова, это и есть обещанная картой речушка. Она засыпана снегом, но вот замерзла ли? А моста никакого и нет! Проклятье... Значит, здесь всего лишь брод. Но местный люд наверняка его знает, а что делать им, чужакам?

Он придержал Искру и оглянулся на спутников, подъехавших к нему. Кивнул вниз и честно признался:

– Думаю, спуститься у нас получится. Склон пологий, да и Пушок поможет, чутье у него отличное. Не зря он же невийский волкодав, там снега не чета нашим. Но моста нет, сами видите. Синьор Фарелли, что скажете?

– Придется искать брод, – пожал плечами итлиец. Его смуглые щеки заметно побледнели, но для южанина Фарелли неплохо держался. Не жаловался, во всяком случае. – Все равно другого выхода нет, как я понимаю. На другую сторону перебраться нужно. Шермез ведь уже недалеко?

– По карте – часа два пути, – ответил Аластор. – Но в такую погоду галопом коней непустишь, значит, дольше. Да, выхода нет. Нужно спускаться. Я первый, а вы посмотрите пока.

Он посмотрел на Пушка, который, неторопливо выбирая дорогу, все ниже двигался по склону, как огромный живой сугроб. Только точка носа чернела издали, пес то и дело поднимал его, вынюхивая что-то вверху, а потом опять опускался в снег.

Немного поколебавшись, Аластор вернул гнедую итлийцу, спешил и повел Искру в поводу, идя рядом с ней. Спокойная, отлично выученная кобыла слушалась малейшего движения поводыев, да и сама понимала, что такое склон, поэтому ступала осторожно, размеренно. Добравшись до берега ручья, Аластор вздохнул с облегчением и оглянулся. Полоса взрытого снега четко виднелась, указывая путь остальным.

Второй пошла Айлин, и у Аластора замерло сердце, когда он увидел, какой маленькой и хрупкой кажется ее фигурка на белоснежном склоне. Однако подруга спускалась правильно, так же неторопливо и аккуратно, как он сам, и вскоре оказалась рядом.

– А мы сможем перейти реку? – сказала она обеспокоенно, глядя, как две гнедые медленно следуют за Фарелли. – Вдруг здесь глубоко?

– Тогда построили бы мост, – хмуро ответил Аластор, понимая, что нельзя быть полностью в этом уверенным.

А вдруг мост выше или ниже по течению, они же не видят, куда выводят тропы? Или он недавно развалился в весеннее половодье? Или вовсе его никогда не было? Это ведь не королевский тракт, а всего лишь лесная дорога.

Фарелли наконец спустился и подъехал к ним. Аластор глянул на реку, снова на небо. Что ж, пора что-то решать. Он подошел к заснеженному гладкому полю реки и попробовал его сапогом. Лед,

покрытый снегом, захрустел. Та-а-ак... не стоило и надеяться. Это не страшно, лишь бы лошади ноги осколками не порезали.

– Я опять первый, – сказал он, снова вскакивая в седло. – Пешком здесь точно не перейти, промокнуть нам нельзя. Следите внимательно. Если где-то будет омут, Искра провалится в него. Стойте на месте, не вздумайте кидаться следом. Я выплыву, она тоже. А вам тогда нужно будет обойти это место. Ясно? И дайте-ка мне опять вашу вторую кобылу, Фарелли. Не сочтите за обиду, но верхом я езжу лучше. Переведу ее сам.

– Ну что вы, синьор, какие обиды, – улыбнулся итлиец. – Вы и правда превосходный наездник, буду очень благодарен.

Еще раз присмотревшись к затянутой льдом и снегом реке, Аластор глубоко вдохнул, коротко обратился к Всеблагой, чья рука простерта над всеми водами мира, и тронул Искру с места. Пушок все так же потрусил впереди. Под его весом лед, как ни странно, не проваливался, и пес перебежал на другой берег сухим. Отряхнулся, глянул на Аластора, как тому показалось, виновато. Мол, тут я дорогу по дну не покажу, ты же видишь.

«Вижу, – мысленно ответил ему Аластор. – Ну что ж, нельзя вечно надеяться на кого-то...»

Искра шагнула раз, другой, лед ожидаемо треснул, но кобыла провалилась лишь по бабки, едва намочив копыта. Пока ничего страшного...

Еще шаг... и еще... Вторая гнедая следовала в поводу, Искра шла, Аластор на каждом шаге напряженно ждал, когда же его умная, послушная, спокойная девочка оступится и провалится в коварную яму, но берег понижался медленно, темная вода мелькала под разбитым льдом. Вот глубина стала почти Искре под брюхо... Аластор напрягся, думая, что придется разворачивать кобылу, но дно перестало уходить вниз, река и вправду оказалась неглубокой. Не река, а так, ручей...

Он пересек его, чувствуя, как сердце колотится, и вздохнул с облегчением. Вывел лошадей на второй берег, спешился и тщательно вытер им ноги полою плаща. Ничего страшного, тот быстро высохнет на ветру, а лошадям нельзя застудить суставы!

Выпрямившись, Аластор увидел, как на лед ступила Айлин. Мелькнула мысль, что надо было вернуться, встретить ее и перевести самому, но это следовало делать раньше. А сейчас неизвестно, как поведет себя нервная Луна, если рядом на трещащем льду окажется ее соперница. Потянется укусить, отпрыгнет – и кто знает, чем это закончится.

Шаг, еще, и снова...

Айлин переехала ручей и с явной гордостью улыбнулась Аластору.

– И совсем не страшно! – радостно сказала она. – Луна – такая умница! Такая красавица! Аластор, я так тебе благодарна за нее. У меня никогда не было такой чудесной лошади!

– Ты ей тоже нравишься, – улыбнулся Аластор. – погоди, я вытру ей ноги. Арлезийки нежные, к нашим холодам не привыкли.

– А я потом высушу тебе плащ, – подхватила Айлин. – Я умею! И магии на это совсем немного нужно. Это же не волосы, с плащом у меня получится... Ал!

Она вскрикнула, прижала ладонь ко рту, и Аластор обернулся рывком. Проклятье!

На миг он испытал глупую вину, словно стоило ему смотреть на итлийца, как Аластор не отводил взгляд от Айлин, и Фарелли не упал бы. Глупо же. Но гнедая кобыла билась посреди ручья, а всадника на ней не было. Поскользнулась, упала, испугалась... Но где же итлиец?

Время поделилось на мгновения. Вот первое: Аластор крикнул Айлин, чтоб стояла на берегу и не вздумала! Вот второе: он взлетел в седло Искры. С высоты видно лучше, и действительно – вон темное пятно немного правее лошади. Третье: Аластор спрыгнул с лошади и кинулся к реке. Искра под ним проломит лед, и неизвестно, что там на дне, а в одиночку, может, и повезет... Пушок же по

льду прошел! Четвертое... Пятое... Шестое... Лед шел трещинами, ломался прямо под ним, и Аластор едва сообразил, что надо упасть и ползти! Дурак, ну почему он не захватил веревку? Да потому что у них ее нет! А ремни упряжи так быстро не свяжешь.

Ну же, держись, котяра итлийский! Ты же легкий, попробуй вылезти на лед! Тебя он точно выдержит!

Извернувшись, Аластор сорвал с себя пояс, подобрался к краю обломившегося льда так близко, как только мог. Гнедая, встав на ноги, жалобно ржала рядом, не в силах сообразить, что может выбраться на берег и сама, без седока. Вот и хорошо, что она здесь!

– Фарелли! – крикнул он, вытягивая руку с ремнем в сторону барахтающегося итлийца. – Хватайся! Давай, ну!

Тот каким-то чудом услышал, тоже извернулся в воде пополам с ледяной крошкой, намертво вцепился в пояс. На этом силы у него кончились, и итлиеца только позволил вытащить себя на хрустнувший лед. Аластор понял, что еще миг, и они окажутся в воде вдвоем.

– Сейчас! – выдохнул он и, бросив ремень, так же ползком отчаянно рванул к лошади.

Гнедая обрадованно кинулась к нему навстречу, дуреха, и Аластор все-таки окунулся всей нижней частью, но ухватился за стремя, потом за край седла, вздернул себя на спину лошади, молча благословив бесчисленные часы выездки, которыми отец мучил его до появления фраганца. Вальдероны не падают с коня! Вальдероны могут вскочить на коня и удержаться на нем сонными, больными, ранеными, да хоть мертвыми!

Он ударил кобылу каблуками в бока. Не понадобилось и шпор, та ринулась вперед, истошно ржа и не понимая, чего от нее хотят в этой страшной-страшной реке. Дернув поводья, Аластор остановил ее возле итлийца, опять проломив лед, но теперь уже было все равно. Свесившись с седла и держась за него одной рукой, он потянулся так низко, как только мог, вцепился в плавающего Фарелли и втащил его на седло перед собой. А потом снова хлестнул кобылу и взмолился Всеблагой, чтобы ни одного омута им больше не попало.

И Всеблагая сжалилась. Гнедая выскочила на берег так, словно за ней волки гнались. Аластор спрыгнул с седла, стащил итлийца прямо на снег. Перегнул через колено, и Фарелли вырвало водой, он тут же задышал, открыл мутные желто-зеленые глаза...

– Не спать! – рявкнул Аластор. – Не вздумай, понял?

И отвесил ему оплеуху, чтоб еще вернее привести в чувство. Внутри разливался мерзкий холод беспомощности, куда страшнее того, что шел от мокрых штанов и сапог. Даже если Айлин высушит одежду прямо на итлийце, тот уже замерз до полусмерти. В ледяной воде тепло теряется мгновенно. А здесь ни дров для костра, ни укрытия от ветра! И до города еще ехать и ехать! Неужели придется все-таки раздевать его здесь? Растереть хоть тем же карвейном... а переодеть в то, что Айлин высушит? Но пока она сможет это сделать, Фарелли все равно застынет!

– Пушок, миленький! – взмолилась вдруг подруга, обняв белую лохматую шею и глядя псу прямо в глаза. – Помоги нам! Дом, слышишь? Нюхай, ищи дом! Есть тут поблизости деревня? Или хоть что-нибудь?! Пожалуйста!

В ее голосе слышались слезы, Аластор понимал, что это все зря, не может ведь и правда быть такое, что рядом как по волшебству окажется жилье. Или может? Куда-то же ведет эта клятая дорога?! Ведь на тракт они так и не выехали!

Пушок высвободился из ее рук, понюхал воздух и вдруг оглянулся на Аластора, словно зовя его следом, а потом побежал. Не потрусил, как раньше, а кинулся прямо с места, будто зная что-то, недоступное людям.

– Ал, за ним! – крикнула Айлин.

Аластор стиснул зубы. Что ж, если они ошиблись... Тогда драгоценное время будет упущено. Но шансов и так почти нет. Он подхватил вялого, не сопротивляющегося Фарелли, посадил его в седло и велел:

– Держись. Просто держись, понял?

Мелькнула мысль, что надо бы привязать к седлу ремнем. А может, взять его на Искру? Но ей и так тяжело с таким рослым всадником, а тут двойной груз. Проклятый снег, да уймешься ты?

Фарелли кивнул и обнял шею своей гнедой, прильнув к лошади. Аластор подумал, что этот, пожалуй, удержится. Прицепил поводья второй гнедой к своему седлу, а повод кобылы итлийца намотал на руку. Ничего, доедут как-нибудь. Было бы куда!

Луна с Айлин уже едва виднелась впереди свозь упрямо лепящий снег. Аластор пустил Искру вскачь – не хватало еще и Айлин потерять в метели! Пушка рядом больше нет, а следы копыт заносит, как только они появляются. Искра летела впереди, слева скакала вторая гнедая, а справа в седле мотался сам Фарелли. Но держался! То прикивая к лошади, то выпрямляясь, он держался в седле, наверняка задыхаясь на ледяном ветру, что бил им с Аластором в лица. И выдержал! Склон остался позади, потом еще несколько минут бешеной скачки, когда Аластор мог только молиться, чтобы лошади не споткнулись, – и впереди показалась стена леса. Опять! Но у самой этой стены черным пятном высилась то ли сторожка местного егеря, то ли охотничий домик... Да плевать!

Жилье! Это было жилье, к которому их вывели сжалившиеся боги и несравненное чутье Пушка! Аластор подлетел к избушке на полном скаку, прыгнул с лошади и вытащил из седла почти потерявшего сознание Фарелли. Внес его на руках в домик, где уже хлопотала Айлин, пытаясь растопить печь. Вряд ли она делала это раньше, поэтому просто набила грубо сложенный очаг сухими дровами и запустила туда заклинание, вспыхнувшее клубом пламени.

– На кровать его! – велела подруга, кивнув на грубую, как и все здесь, деревянную кровать, сколоченную из досок и пеньков и накрытую шерстяным одеялом. – Успели! Ал, мы ведь успели, да?

– Надеюсь, – уронил Аластор, сдирая с окончательно рухнувшего в забытие итлийца ледяную одежду. – Айлин, там его сумка на лошади должна быть. Посмотри, и если не утонула, неси сюда. Там карвейн!

Подруга выскочила во двор. В печи обиженно гудели дрова, послушно разгораясь от магического огня. Аластор раздел Фарелли догола, огляделся, ища хоть какую-то утварь. Кадушка для воды, миски, ковши...

– Сейчас напоим тебя горячим, разотрем, и все будет хорошо, – пообещал он.

Фарелли что-то прошептал. Аластор наклонился ниже и услышал, что итлиец несет какую-то чушь.

– Ласточка... – шептал тот. – Надо высушить ласточку...

Уже бредит, что ли?

– Тихо-тихо, – попытался он успокоить бедолагу. – Будет тебе хоть ласточка, хоть ворона. В себя только приди.

– Ласточка! – отчаянно вскрикнул Фарелли и, сообразив, что его не понимают, безнадежно добавил: – Лютя... Ми беллиссимо... Высушить... не у огня! Только не возле огня, грандсиньор... Медленно...

– Благие Семеро, – выдохнул Аластор. – Он о лютне беспокоится! Сумасшедший! Да высушим мы ее! Не возле огня! Понял я, понял! Лежи спокойно!

«Еще до Шермеза не доехали, – подумал он с отчаянием, – а уже застряли здесь неизвестно на сколько. И не бросишь ведь его теперь!»

Случайный спутник, то ли шпион, то ли приказчик, мастер шамьета и котелка, а теперь, как выяснилось, еще и влюбленный в свой инструмент лютнист, что-то зашептал снова, но теперь это был явный бред. Аластор положил ему на лоб ладонь и почувствовал, как тот пылает. Влетела Айлин с сумками, бросила их на пол и вытащила из одной флягу с карвейном. Что-то шикнула на притихший было огонь, и тот снова торопливо взметнулся в очаге. Крутнула запястьем, запуская еще какое-то заклятие, Аластор не понял, какое именно, однако было не до вопросов. Может, щит ставит?

– Ничего, – сказала подруга, старательно улынувшись Аластору, и протянула ему флягу, чтобы открутил крышку. – Мы справимся, правда? Мы с чем угодно справимся, Ал, только бы вместе!

* * *

– Все-таки Пушок – удивительное создание! – задумчиво сказал Аластор, подбрасывая в печь очередное полено.

...Неказистый с виду домик был построен на совесть. Все щели между бревнами промазаны глиной, небольшое окно затянуто вычищенной пленкой бычьего пузыря, а еще снабжено прочной деревянной ставней, причем изнутри, чтобы закрывать ее, не выходя на улицу. Очаг, хоть и грубо сложенный, почти не дымил, а еще неизвестный хозяин позаботился о запасе дров, сложенных и под навесом, и в самом домике. Дрова успели высохнуть на славу, и теперь весело трещали в очаге, наполняя комнату сухим душистым жаром.

Да что там, здесь даже оказался сарай для лошадей! Не настоящая конюшня, разумеется, но добротная пристройка за домиком под общей крышей. Там даже ясли имелись, а в углу нашлась копешка сена, которой Аластор обрадовался, как величайшему сокровищу! Кем бы ни был хозяин этих мест, пусть все Благие вознаградят его за предусмотрительность. И надо будет хоть денег оставить, уезжая... Неприлично пользоваться чужим имуществом и не отблагодарить хозяина, пусть даже это простолюдин-егерь.

Первая пара часов прошла в хлопотах по хозяйству и над больным. Аластор сам тщательно растер итлийца карвейном, ведь леди не может прикасаться к обнаженному мужчине! Потом натянул на него смену белья, торопливо высушенную Айлин, влил немного карвейна в рот и укрыл потеплее, накинув их с Айлин плащи, а сверху еще пару попон. Если хорошо пропотеет, может, все и обойдется?

Айлин тем временем достала из сумки Фарелли какие-то травы, тщательно их разглядела и поставила на огонь котелок, зачерпнув им снега.

– Не выходи во двор без плаща, – попросил ее Аластор. – Лучше я сам!

– Ничего, я полог на себя накинула, – отмахнулась подруга. – Да и всего на минутку. Как хорошо, что дрова прямо здесь. Нам тоже горячего выпить не помешает. Ал, а ты умеешь варить шамьет?

– Ну... – протянул Аластор, устыдившись.

И в самом деле, нет бы хоть раз посмотреть, как это делает Фарелли! Сейчас бы сварил горячего хотя бы без специй!

– Ясно, – улыбнулась Айлин. – Вот и я тоже... У нас в Академии его всегда на кухне готовят, в любое время можно просто попросить дежурных поваров. Ладно, тогда попьем травяного отвара. Я у синьора Фарелли мяту нашла и ромашку! Другие травы лучше трогать не буду, а эти ни с чем не перепутаешь. Хвала Всеблагой Матери, это не грибы, – вздохнула она, вспомнив свой конфуз, и тут же засуетилась у очага.

Аластор же вышел во двор, выпустив заодно и Пушка. Метель не прекратилась, хотя ветер стал потише, снег шел по-прежнему частый, но уже не крупными хлопьями, а мелкой крупой. Пушок понюхал воздух и уверенно потрусил к близкому лесу. Аластор глянул ему вслед, понадеялся, что умный пес принесет дичь, и пошел заниматься лошадьми. Их следовало насухо вытереть, вычистить, проследить, чтобы каждой досталось вдоволь сена, а потом, попозже, еще и напоить. Да, кстати, неплохо бы и дров принести про запас, иначе те, что в самой сторожке, быстро закончатся...

– Ал! – послышался с крыльца голос Айлин, когда Аластор уже почти закончил с лошадьми. – Иди, попей горячего. Ой, смотри, Пушок вернулся! Моя же ты умная собака! Самая лучшая в мире!

Аластор посмотрел на радостно виляющего хвостом пса, на крупную куропатку в его пасти... и согласился, что собака у них действительно лучшая в мире.

– Не понимаю, как он смог унюхать этот дом? – продолжал он рассуждать, греясь возле печки с кружкой травяного отвара в руках. – Здесь давно никого не было, печь не топили, значит, по запаху дыма Пушок его найти не мог. Домашнего скота тоже нет. Неужели он унюхал просто сам дом? С такого расстояния? Это чудо какое-то! Или все дело в том, что он... сам такой необычный?

Говорить, что Пушок, вообще-то, дохлый, Аластор постеснялся. А вдруг невероятный пес и правда понимает человеческую речь! Невежливо получится, хватит и того, что пришлось объяснять это Фарелли.

– Знаешь, я думаю, все дело в том, что он призрак, – так же задумчиво сказала Айлин, снимая котелок с крюка, вделанного в очаг. – То есть не совсем призрак... Формально Пушок – мертвое. Но ведь всякое мертвое – это дух, вселившийся в мертвое тело. Просто у Пушка тело не такое, как у простых мертвых. Ты моя умная собаченька... – Она почесала волкодава за ухом, и тот блаженно сощурился, положив морду ей на колени. На рассуждения о его природе Пушок, похоже, и не думал обижаться. Айлин же продолжала: – А если Пушок – призрак, облеченный плотью и всякими артефакторными штуками, тогда понятно, как он находит все, что нужно. Призраки ведь иначе смотрят на мир! И могут оказаться везде, где только захотят! У себя дома, например, если человека убили вдалеке, и он хочет увидеть родных. Или возле клада, который закопали при жизни. Я думаю... – Она с сомнением поглядела на Пушка. – Может, он и правда не заметил, что умер? Он не может нюхать по-настоящему, но постоянно это делает. У него ведь собачий ум, вот и приходится как-то объяснить себе самому, как он находит дорогу.

Она снова потрепала мохнатую шею, погладила пушистые уши и улыбнулась.

– Мы ведь с ним почти вместе приехали в Академию. Отец... прислал его на день позже. А лорд Бастельеро... он разрешил мне держать Пушка, хоть это и не по правилам. Сам просил об этом лорда Эддерли, нашего магистра. Даже придумал про какую-то учебную работу... Ну какую работу я могла сделать в двенадцать лет?! Я до сих пор не знаю, как у меня Пушок таким получился! И никто не знает, даже Дарра не смог повторить. Ну вот, и когда лорд Бастельеро приказал обшить Пушка шкурой, все перестали его бояться. Пушка, конечно, – добавила она и покраснела.

Аластор с трудом удержался, чтобы не добавить какую-нибудь гадость. Например, что лорда Бастельеро какой шкурой ни обшивай, хоть самой белой и пушистой, не поможет. Характер не тот, чтобы его перестали бояться. Но за Пушка его и правда стоит поблагодарить. Даже удивительно, что Бастельеро проявил такое участие.

– А Пушок меня с первых дней стал водить по Академии, – продолжила Айлин. – Понимаешь, я сначала очень путалась, Академия ведь огромная! А у меня занятия были то с некромантами, то с боевиками, то вообще отдельно с Воронами. И Пушок всегда знал, куда мне нужно идти! Мог отвести даже туда, где сам ни разу не был. Я только потом поняла, как это странно, но решила, что так и надо, он ведь необычная собака!

– Он замечательная собака, – согласился Аластор. – Вернусь домой, заведу и себе тоже невийских волкодавов. Только нужно достать чистокровных щенков.

И невольно подумал, что многие в столице захотят купить хорошего пса. Охотничьи собаки, конечно, в большей цене, волкодавов разводят только для охраны скота в поместьях. Но там на них глянуть страшно, псы здоровенные, кудлатые, грязные... И признают одного пастуха. А если с самого начала держать щенков в чистоте, мыть, расчесывать и учить, как положено, собака получится на загляденье! Хорошо бы еще вывести белого волкодава, пусть не такого огромного, как Пушок, но красивого! Отличное может получиться дополнение к лошадям, ведь страстные лошадики обычно и на собак денег не жалеют...

Мысли улетели куда-то не туда, в поместье и к мирным хозяйственным делам. Аластор сам не понимал, как скучает по всему этому. Сейчас бы пройтись по конюшням или съездить на самую обычную охоту без всяких демонов. И чтобы себя тоже не чувствовать загнанным зверем!

Он вздохнул и задумался о более важных делах. До Шермеза они так и не доехали, а ведь город совсем близко. На карте их сторожки не было, разумеется, но река нашлась, и этот самый лесок тоже. Вот он, Шермез, рукой подать! А у них ни еды, кроме куропатки, которую Айлин уже неумело, но старательно ошпиливает, ни теплых вещей, ни одеял. Что, если непогода продлится? Придется ехать дальше, не сидеть же здесь! Непонятно, что делать с итлийцем, но это решат ближайшие дни, а пока надо позаботиться, во что его одеть, если выживет.

– Айлин, – окликнул он подругу. – Как ты думаешь, а Пушок может отвести меня в Шермез? Я могу добраться и по карте, но так надежнее.

– Хочешь поехать туда сам? – мгновенно насторожилась та. – Ну да, синьора Фарелли нельзя оставлять... А нам нужны припасы. Ты прав, наверное. Конечно, Пушок тебя отведет. И обратно приведет наверняка. Только полдень уже прошел, если не успеете вернуться до темноты, лучше заночуйте там.

– А ты здесь одна останешься?

– И что? – улыбнулась Айлин. – Ал, ты когда-нибудь слышал, чтобы некроманты боялись темноты? Ночь – это наше время. А день – время боевиков. Так что я в двойном выигрыше, правда? Бери Пушка и поезжай, твой плащ уже высох.

Аластор представил, что было бы, предложи он кому-то из своих сестер остаться в лесу без всякой защиты, даже без собаки. Конечно, Айлин – умелая магесса, причем двух сил сразу, Красной и Фиолетовой. Но все равно ей должно быть не по себе. А она такая отважная!

Он молча благодарно улыбнулся, не находя должных слов, и свистнул Пушка, с готовностью вскочившего на лапы. Что-то простонал в бреду Фарелли, и Аластор понял, что надо торопиться, если он хочет привезти лекарства вовремя.

* * *

Отвратительно... Грегор осмотрел кабинет Великого Магистра и понял, что не зря с самого начала ненавидел это назначение. Дело даже не в том, что он чувствует себя здесь самозванцем. В конце концов, он на это не напрашивался! Но как Архимаг руководил Орденом, если кабинет девственно чист? Никаких бумаг, только на книжных полках, которыми уставлены две стены, бесчисленные тома с разноцветными корешками. Учебники, летописи Ордена, справочники и научные труды... Но ничего, что относилось бы к управлению!

«Ладно, как будто я не знал, кто на самом деле руководит Орденом и Академией, – подумал он, подходя к массивному столу и проводя пальцем по столешнице красного дерева. – Надо же, ни пылинки. Убирают здесь тщательно... А сам кабинет совершенно безликий, никакого следа прежнего хозяина. Или все уже вынесли? Отвратительно, с чего же начинать?»

Он сел в высокое кресло с мягким сиденьем, такое же ухоженное и чистое, как все здесь. Поерзал... Кресло показалось неудобным, то ли слишком высоким, то ли спинка изогнута. Что ж, это наименьшая сложность! Заменить его на собственное, привезенное из особняка! Или просто проводить в этом кабинете как можно меньше времени. Но как вообще нужно руководить Орденом и Академией?

«Да просто, – подумал Грегор, вытягивая ноги и пытаясь расслабиться в кресле. – Нужно выяснить самые неотложные нужды и начать с них. От управления армией это решительно ничем не отличается! Кстати, а где Райнгартен? Не он ли больше всех страдал, что Архимагу нужно срочно подписать бесчисленное количество бумаг? Или я еще за собственным секретарем бегать должен?»

Он потрогал звезду Великого Магистра, надетую утром и увесисто оттягивающую цепочку. Вот она, вершина карьеры любого мага! Неудивительно, что кажется такой тяжелой. Кастельмаро как-то вызывал Райнгартена с ее помощью... Хм, так это с любым из магистров можно связаться? А если сразу не получится? Как эта штука вообще работает? Если к ней нет никаких инструкций, значит, дело несложное.

Проведя пальцами по эмалевым лучам, Грегор заметил, что от его прикосновения они словно на миг загораются и снова гаснут. Тронул фиолетовый луч и наугад позвал:

– Магистр Эддерли?

– Да, милорд Великий Магистр? – послышался из звезды немного искаженный голос некроманта.

– О, простите за беспокойство! – поспешил ответить Грегор. – Всего лишь проверяю!

– Не стоит извинений, милорд, – спокойно сообщил Эддерли. – Я все понимаю и всегда к вашим услугам.

«Лучше бы ты предупредил меня о том, что вы собираетесь делать, – с раздражением подумал Грегор, наблюдая, как гаснет фиолетовый огонек. – Правда, тогда бы я отказался наотрез! А теперь непонятно, как вообще вести себя с людьми, которые так со мной обошлись. Я ведь доверял Эддерли! Пусть он по какой-то причине хотел видеть Архимагом Роверстана, но зачем же так со мной?! Ладно, хватит об этом думать! Другие всю жизнь мечтают занять этот пост. Кстати, о

других!»

Он уже уверенно тронул оранжевый луч и, дождавшись ответа, попросил со всей возможной вежливостью:

– Этьен, будьте любезны, зайдите ко мне, как только сможете.

Невидимый Райнгартен несколько мгновений помолчал, а потом чопорно отозвался:

– Буду через несколько минут, милорд Великий Магистр.

«Обижен. Смертельно обижен, – подумал Грегор. – Все-таки кузены Райнгартены безумно похожи, мой дражайший заместитель тоже начинал изображать ледяную глыбу, когда ему казалось, что его заслуги недооценивают. А тут я совершил такое, сам не желая! Но Райнгартен же не дурак! Он лучше всех знает, что я не желал этого поста! Мог бы – отказался бы в его пользу с радостью!»

Магистр Оранжевой гильдии действительно появился минут через десять, словно перемещался порталом. Или был неподалеку, ожидая, пока Грегор его позовет. При этом Райнгартен имел вид холеного породистого кота, которого застали за неблагоприятным занятием вроде осквернения сапог, – выразительно надменный и напроочь отрицающий, что виноват!

– Присядьте, – кивнул ему Грегор на кресло для посетителей, стоящее в углу.

Понятно, что вид его самого в кресле Архимага Райнгартена не обрадует, но тут уж ничего не поделаешь.

– Этьен, – начал он примирительным тоном. – Я прекрасно понимаю ваши чувства. И поверьте, мне жаль...

– Не понимаю, о чем вы говорите, милорд Великий Магистр, – сообщил Райнгартен с безупречной холодной учтивостью, которой, оказывается, умел пользоваться не хуже самого Грегора. – У меня чрезвычайно много дел. С вашего позволения, я хотел бы узнать, зачем я вам нужен, и немедленно приступить к выполнению вашей воли.

Грегор прикрыл глаза, медленно посчитал до дюжины, открыл и так же спокойно попросил:

– Райнгартен, прекратите. Я вам не девица, которую вы приглашали на Вишневый бал, а она отказала. Можно подумать, я хотел это клятое кресло и все, что к нему прилагается. Вы же понимаете, что это не так?

– А какое это имеет значение, милорд? – изогнул брови стихийник, упрямо не пользуясь приглашением сесть. – Если так или иначе вы его получили. Решения Совета магистров обратной силы не имеют, а если устроить перевыборы, я не думаю, что результат будет сильно отличаться.

– Если и будет, то не в вашу пользу, – откровенно сказал Грегор и увидел, как в лице Райнгартена что-то дрогнуло. – Я бы отдал кресло и звезду Архимага вам хоть сейчас. Но остальные желают Роверстана. Понятия не имею почему. В любом случае, я не собираюсь оставаться на этом посту до самой смерти, как Кастельмаро. Вы же сами говорили, что Архимаг нужен Ордену срочно. А вот через несколько лет, когда все это утихнет, никто не будет возражать, если я попрошу разрешения оставить пост.

– Вы удивительный человек, милорд, – с той же редкостной в его устах откровенностью ответил Райнгартен и наконец сел в кресло. – Другому я бы не поверил, но на вас это действительно похоже. Вы добились поста главнокомандующего и оставили его, насколько я могу судить, без особых сожалений. Раз уж оставили... Пост лорда-протектора – это тоже не навсегда. Даже ненадолго, как сказал многоуважаемый магистр Волански... – Он усмехнулся тонкими губами, следя за лицом Грегора. – А теперь оказывается, что пост Архимага вам тоже не нужен. Так что же вам нужно, Бастельеро? Чего вы хотите от своей судьбы?

– Понятия не имею, – честно ответил Грегор. – Но не почестей и высоких постов – это уж точно.

– Интересно, а от короны вы отказались бы с той же легкостью? – поинтересовался Райнгартен равнодушным вроде бы тоном, однако глаза магистра вкрадчиво блеснули, словно у леопарда,

гербового зверя его рода.

– Уже, – бросил Грегор ему в тон. – И не намерен возвращаться к этому предложению, что бы ни думал канцлер. Мне более чем хватает собственных титулов, честно полученных от предков. И к Львиной короне я стремлюсь не больше, чем к звезде Архимага.

– Однако звезду вы все-таки надели, – хмыкнул Райнгартен. – Право, я начинаю думать, что судьба действительно похожа на капризную женщину. Осыпает милостями именно тех, кто от них упорно отказывается. Хорошо, и чего же вы хотите от меня?

– Помощи, – признался Грегор. – Чего же еще? Мы оба знаем, что поддержание порядка в Ордене и Академии – это целиком ваша заслуга, а не покойного милорда Архимага. Я не собираюсь сваливать на вас все дела, как это сделал он, однако помощь мне нужна. И я не хочу ссориться с вами, Этьен. Поддержите меня – и вы получите этот пост, как только я смогу от него избавиться. Иначе мне придется искать нового заместителя и секретаря.

На мгновение у Грегора мелькнула кошунственная мысль, что таковым стоит сделать Роверстана. Просто чтобы не страдать в одиночку! Да, свалить на разумника хотя бы часть забот Академии было бы отменной и заслуженной местью. Но общаться с ним постоянно?! Упаси Претемная! Уж лучше Райнгартен, он хотя бы понятный честолюбец, с которым можно договориться. К тому же золотая кровь, а это немаловажно. Раньше они вполне ладили, неужели сейчас не смогут прийти к договоренности?

– Помощь? – уточнил стихийник, глядя на него испытующе. – И договор? Если наступит удобный случай, вы отойдете в сторону?

– Обещаю, – не без облегчения выдохнул Грегор. – Ради Благих, Этьен, неужели вы могли хоть на мгновение подумать, что между собратом из Трех дюжин и простолюдином Роверстаном я выберу его?

Про себя он подумал, что с удовольствием посмотрел бы, как у Роверстана получится сместить Райнгартена, если стихийник доберется до вожделенного кресла. О, зрелище будет увлекательное! А еще, что стоит как можно дольше хранить от кузенов Райнгартенов тайну, кому именно они теперь приходится родственниками через брак. Эти, пожалуй, с радостью переступят через что угодно, чтобы возвести на трон бастарда, на сестрах которого женаты. Дорвенн по крови, но Вальдерон по воспитанию и истинные Райнгартены на одной стороне – можно содрогнуться от подобной перспективы!

– Не смею вам указывать, милорд, – сказал стихийник значительно потеплевшим тоном, – но я бы на вашем месте начал с немедленных выборов магистра Синей гильдии. Боюсь, правда, с этим возникнут сложности. Нынешнее положение дел артефакторам очень выгодно, и они будут всемерно затягивать и срывать выборы. Но если позволите совет...

– Да говорите уже, Этьен, – поморщился Грегор. – И давайте на будущее примем сразу, что я готов слушать все ваши советы.

«Но вот каким из них последовать, решу сам».

– Не знаю, известно ли вам, – сказал Райнгартен, сплетая перед собой пальцы, – но существует положение, по которому Великий Магистр имеет право назначить магистра гильдии, если та не способна выбрать его сама. Достаточно, чтобы гильдия собралась не менее трех раз без нужного результата. Третье и последнее заседание гильдии проходит у артефакторов сегодня вечером, и я, честно говоря, не верю, что они выберут магистра. У вас прекрасная возможность сделать это самому.

– Список подходящих кандидатов имеется? – прямо спросил Грегор, и Райнгартен усмехнулся.

– Будет у вас на столе завтра утром, – сообщил он. – Как и все документы, требующие вашего внимания.

«А еще я обязательно заведу себе второго секретаря, – понял Грегор. – Иначе всегда буду знать только то, что мне соизволит рассказать первый и единственный».

Когда стихийник, учтиво раскланявшись, покинул кабинет, Грегор поставил локти на стол, оперся подбородком о скрещенные пальцы и опять закрыл глаза. «Дела, дела... Претемнейшая Госпожа, я справлюсь с чем угодно, пусть только Аранвен отыщет эту паршивку Ревенгар. Пусть она вернется в столицу живой! Можно исправить что угодно, только двери твоих Садов навсегда отрезают путь обратно! Прошу, Госпожа моя, дай знак, укажи путь, где ее найти!»

Он вслушивался и вглядывался испуганно, до ярких бликов, что начали мелькать перед закрытыми веками, но мир вокруг молчал, и его Госпожа молчала тоже. Только снова и снова вставало перед внутренним взором видение искореженного зеркала в кабинете, и Грегор молча содрогнулся от столь зловещего предзнаменования. Что же натворила Ревенгар? Зачем пыталась обратиться к Претемнейшей? И что, если та ответила?

– Айлин Ревенгар! – вслух позвал Грегор, холодея от одной мысли, что может услышать ответ. – Призываю тебя! Милостью Претемнейшей Госпожи моей, силой, что она дала мне, моему Избранному, заклинаю – ответь! – Он вспомнил ее полное имя, что числилось в документах, и позвал по всем правилам: – Айлин Мелисса Элоиза Игрейна Ревенгар! Призываю тебя!

И выдохнул с невероятным облегчением. Ответа не было. Жива! Она пока жива, раз не отзывается на призыв некроманта. Значит, ее обязательно найдут!

* * *

Шермез Аластору не понравился. Слишком грязный и какой-то перепуганный. Хотя демонов в городе не было, единственный стражник на воротах сказал это с полной уверенностью. И добавил, что город у них тихий, спокойный, не надо им ни демонов, ни северных бродяг, ни прочих прощелыг. В другое время Аластор объяснил бы ему, как следует разговаривать с дворянином, даже если тот одет как наемник, но сейчас внимание привлекать не следовало. Вдруг люди канцлера ждут и здесь?

Так что он прикусил язык, заплатил положенную пошлину за въезд и проехал в большие, но довольно хлипкие ворота. Не столица, да уж. Улицы утопают в снежной каше, но чувствуется, что слой грязи внизу чуть ли не толще. Мостовая выщербленная, в глубоких ямах, которые Пушок, к счастью, неизменно огибал. На Пушка, кстати, редкие прохожие косились так же неприязненно, как на самого Аластора, хотя пес, как обычно, вел себя исключительно воспитанно.

– Понаедут всякие, – слышал Аластор в спину. – И чего на своем Севере не сидится? Еще и собачищу притащил. У-у-у, зубищи, чистый волк! А зыркает как! Оба зыркают, ишь ты!

Взгляды жгли спину, так и хотелось повести плечами, а то и подтянуть секиру поближе, но Аластор терпел и только удивлялся. Что им тут северяне сделали? Ладно бы в нем опознали фраганца, после минувшей войны есть причина их не любить. Но чем вольфгардцы не угодили местному люду? Впрочем, он поймал такой же взгляд в сторону какого-то южанина и понял, что в Шермезе вообще не любят чужаков, неважно, откуда те явились.

Наверное, это от общей бедности. Люди одеты куда хуже, чем в столице, лошади и собаки какие-то тощие, дома ободранные... Да и рынок, который он нашел без труда, не радовал ни ценами, ни качеством товара. Сколько-сколько за овес?!

– Бери, парень, – оскалил щербатый рот продавец то ли в улыбке, то ли в гримасе. – Лошадка-то у тебя хорошая, сытая лошадка, без овса быстро похудеет. А то продай мне лошадку, хорошую цену дам. Зачем тебе такая? Хочешь, поменяемся? Дам тебе другую кобылку и овса в придачу.

– Благодарю, не надо, – отрезал Аластор.

Нет, они серьезно рассчитывают, что он сменяет чистокровку, пусть и дорвенантскую, на крестьянскую клячу?! Похоже, да. Продавец проводил его жадным взглядом и еще крикнул вслед, что у него лучшая цена на овес, хоть весь рынок обойди.

Аластор и обошел, точнее, объехал. Овес в Шермезе действительно стоил, как... да как в неурожайный год! Лет шесть назад, помнится, год был неудачный, случилась засуха, несмотря на усилия стихийников, и цены на зерно взлетели. Даже Вальдеронам это ударило по карману, а уж обычный люд и вовсе избавился от большей части скота. Но сейчас неурожая еще нет, он только ожидается, а местный овес уже втрое дороже первосортной итлийской пшеницы!

Аластор прикинул, сколько у него денег, сколько припаса придется купить, и решил, что сначала возьмет одежду, еду и лекарства, а уж потом на оставшиеся деньги наберет овса. Стоило, пожалуй, взять с собой еще одну лошадь для груза... Или нет? Слишком уж жадные взгляды в торговых рядах кидали на Искру. А две сытые и ухоженные кобылы, хороших кровей и не истомленные тяжелой работой, это здесь целое состояние, оказывается! На которое могут найтись охотники, и придется драться, а это потеря времени.

Целительская лавка на рынке оказалась всего одна. Всякими знахарскими снадобьями, конечно, торговали и без нее, но Аластор с детства знал, что на здоровье экономить не следует. У них дома даже слуг лечили настоящими зельями с клеймом Зеленой гильдии. Так что он спешился, привязал Искру к стойке у входа и велел Пушку охранять. Предосторожность в этом городке явно не лишняя! Объяснил молодому целителю с орденским перстнем, что случилось, и тот без лишних разговоров упаковал в пергаментную бумагу три баночки с зельями, пояснив:

– Утром и вечером по ложке каждого, пока жар не спадет. А потом по половине ложки, чтобы закрепить действие. Пять флоринов серебром. Деньги-то есть?

Аластор безропотно заплатил, даже не поморщившись, хотя цена была достойна лучшей столичной аптеки. Вышел, отвязал Искру, приметив, что рядом уже толкуются какие-то подозрительные рожи, и поехал покупать еду.

И вот там, в продовольственных рядах, у него и срезали кошелек.

Сначала Аластор просто не понял, что случилось. Вот только что успокоительная тяжесть кожаного мешочка с монетами привычно оттягивала пояс! А теперь исчезла! Замерев на месте, он глупо шупал опустевший пояс с обрывком тесемки, яростно жалея, что спешился и снова оставил Искру под охраной Пушка. Но тут ряды были тесными, на лошади не проедешь. Это точно тот мерзавец, что толкнул его плечом! Еще извинился, тварь, но потом ускользнул так быстро, что Аластор и разглядеть его не успел.

Его обокрали... Осознание пришло не сразу, сначала возмущение, ярость и почти невыносимое желание куда-то бежать, взять кого-то за шиворот, размазать наглую мерзкую рожу... Да толку?!

Он пришел в себя под насмешливыми взглядами торговцев, сообразивших, что случилось.

– Так что, платить будешь, парень? – ухмыляясь, бросил тот, у которого Аластор набрал целую кучу продуктов.

По немалой, между прочим, цене.

– Буду! – процедил Аластор. – Отложи, сейчас вернусь!

И торопливо вышел из ряда, до боли сжимая кулаки от бессильной злости.

«Что же теперь делать? – метались мысли. – Лекарства есть, но как же все остальное? Да будь ты проклят, вор-рюга... Но что толку ругаться, надо что-то придумать, причем прямо сейчас! Ну не Искру же продавать в самом деле!»

Он лихорадочно постарался сообразить, что действительно можно продать? Секиры? И поехать дальше с одной рапирой? Вот уж глупость! Искра... Но она не просто лошадь, она друг! Старый и верный... Он сам себе в глаза не сможет посмотреть, если продаст ее чужим людям, которые неизвестно как будут с ней обращаться! Вернуться в сторожку за одной из кобыл итлийца? Ну да, и продать чужую лошадь без разрешения хозяина?! Нет-нет-нет, но что же делать-то? У него нет ничего достаточно дорогого! Хотя...

Взгляд упал на перстень, больно врезавшийся в палец, и Аластор медленно разжал кулак. Подарок

Айлин, полученный от магистра Мэрли, сидел на мизинце как влитой, Аластор его и не замечал, а вот массивный ободок перстня наследника очень вовремя напомнил о себе!

Продать перстень наследника рода?! Это... почти кощунство! Но... Аластор отвечает за своих спутников. Они не виноваты в его глупости и неосторожности! А перстень можно не продавать, просто заложить! Это даже разумнее, ведь кому нужен перстень с чужим гербом? Вещь дорогая, но личная, другому дворянину не продашь, разве что переделывать... Решено, он заложит перстень. Отец не осудил бы, он всегда говорил, что долг лорда – позаботиться о своих людях, в этом и состоит истинная честь дворянина.

«Месьор д'Альбрэ пошел на убийство, чтобы спасти своего лейтенанта, – окончательно убедил себя Аластор. – А я еще и раздумываю?!»

Лавка менялы от рынка была в двух кварталах. Приземистый дом выглядел побогаче остальных, а может, просто казался таким на фоне общей жуткой бедности. Прочная черепичная крыша, дубовые двери и даже охранник, здоровенный краснорожий детина. Он оглядел Аластора, потом посмотрел на Искру и Пушка, оценил секиры, хмыкнул и лениво предупредил:

– С оружием нельзя, сударь.

– Милорд, а не сударь, – холодно поправил Аластор, снимая с седла рапиру и пристегивая ее к поясу.

Детина снова хмыкнул, но спорить не стал, разумно опасаясь, что непонятный чужак и вправду может оказаться лордом, тогда за дерзость неминуемо последует наказание. И уж конечно, дворянская шпага – это не оружие, а часть дворянина, охране в руки ее отдадут разве что в королевском дворце перед аудиенцией, но не простолюдину у двери меняльной лавки.

Аластор бросил поводья Искры на коновязь у двери и предупредил:

– За лошадь головой ответишь. – А потом добавил: – Пушок, присмотри.

Волкодав сел рядом с Искрой и всем своим видом изобразил, что он очень послушная и хорошо обученная собака, но руки к хозяйскому имуществу лучше не тянуть. У него это получилось так убедительно, что Аластор оставил Искру и драгоценные секиры почти со спокойным сердцем. Эх, как все-таки жаль кошельки!

Он прошел внутрь дома, поднялся по отчаянно скрипучей, но чистой лестнице и вошел в небольшую комнату, где за столом сидел невысокий полноватый человек, одетый как средней руки купец. Подняв голову от записей, в которых усердно черкал карандашом, он пронижительно остро глянул на Аластора и, едва разжимая губы, осведомился:

– Чем могу служить, сударь?

– Милорд, а не сударь, – снова поправил Аластор.

Да что они, сговорились тут?! Конечно, вид у него тот еще: волосы снова заплетены по-северному, так оказалось намного удобнее, дворянской цепи нет, а плащ уже истрепался, но шпага же! Да и перстень на руке, который меняла не мог не заметить, люди его ремесла видят любого насквозь.

– Как прикажете, – бесстрастно согласился меняла. – Так чем могу служить?

– Я лорд Вальдерон-младший, – сказал Аластор. – Старший сын и наследник лорда Себастьяна Вальдерона. В вашем городе проездом и слегка поиздержался. Хочу заложить у вас вот это.

Он шагнул к столу, снял перстень и положил его перед менялой. Тот осторожно взял, покрутил в руках, слегка повернувшись, посмотрел зачем-то на просвет и так же бесстрастно уронил:

– Золотое кольцо с голубым топазом, камень без резьбы, два эмалевых щитка с гербом. Хм... Занятная вещица. В заклад, говорите?

– Именно, – подтвердил Аластор. – На один месяц. Но я вернусь раньше. Впрочем, если желаете, можете отправить этот перстень в столицу, в особняк моего отца. Он заплатит.

– Разумеется... – протянул меняла и снова окинул Аластора очень внимательным взглядом. Потом поднялся и сухо, но достаточно учтиво попросил: – Позвольте отлучиться.

Аластор кивнул, и меняла вышел. Почти сразу что-то щелкнуло в стене за его креслом, но Аластор, привыкший иметь дело с купцами и их мерами предосторожности, даже ухом не повел. Конечно, его не могли оставить в кабинете без присмотра. Пусть, ему скрывать нечего. Аластор глянул на невысокую деревянную скамеечку, стоящую перед столом, однако присаживаться не стал. Не по нему такая мебель. Еще ножки подломятся!

Меняла вернулся через несколько минут. Снова сел за стол, взял перстень и спросил:

– И сколько вы желаете за него получить?

Аластор понятия не имел, сколько сейчас может стоить у ювелира фамильный малый перстень Вальдеронов, но прикинул, сколько нужно, чтобы спокойно пройтись по рынку еще раз. Одежда, еда и овес. И еще нужно что-то оставить на расходы в следующем городе! А цены здесь, будто самого Баргота в гости ждут.

– Десять золотых флоринов, – сказал он наконец под испытующим взглядом менялы. – Половину – серебром, половину – медью.

А то что он будет делать на рынке с монетой, которой хватит, чтобы купить пять возов овса даже по местным ценам?

– Немало, – уронил человек за столом. – Если вы не вернетесь, эту вещь только разобрать, а камень и золото по отдельности...

– Да в нем топаз не меньше двадцати стоит! – возмутился Аластор. – Это старая работа, он хранится в нашем роду не одну сотню лет.

– Это если род – ваш, – тихо сказал меняла, и его серые глаза вдруг выцвели и стали пронзительно холодными. – А если вы и вовсе не лорд Вальдерон? Является, понимаешь ли, неизвестно кто, без дворянских грамот, без рекомендаций достойных людей, даже без сопровождения. Может, вы этот перстень сняли с настоящего лорда Вальдерона? Вместе со шпагой. А сам лорд Вальдерон лежит где-нибудь в канаве с раной от северной секиры, а? Или с разорванным горлом...

Аластор словно снова окунулся в ледяную темную воду лесного ручья. И так же, как утром, когда он вытаскивал Фарелли, мысли помчались с бешеной скоростью. Вот куда выходил меняла! Он спустился и посмотрел, на какой лошади приехал гость. Увидел секиры, Пушка... И решил, что Аластор – северянин-разбойник?! Да нет, быть не может! У него чистый дорвенантский выговор образованного человека! Разбойники себя так не ведут! И разбойник не предлагал бы взять чужой перстень в залог, а попросту продал его!

Если Аластор это все понимает, то почему не понимает меняла?! Или... понимает?

– Три серебряных флорина, – уронил тот, не сводя с Аластора цепкого ледяного взгляда. – И то по доброте, потому что Благие заповедовали помогать ближнему. Если вы и правда сын столь достойного человека, на бумагу, чернила и почтовый сбор вам хватит. А там придет ответ от вашего

батюшки, выкупите перстень обратно. Если же вы – самозванец... Ну что ж, тогда я буду иметь дело с настоящим лордом Вальдероном и верну перстень ему.

Он открыл ящик стола, небрежно смахнул туда перстень, достал три серебряных монеты и выложил на стол. А потом улыбнулся, чуть-чуть растянув узкие, почти бескровные губы, и это стало его ошибкой. Если бы не улыбка, самодовольная, выдающая чувство превосходства над попавшим в капкан чужаком, Аластор, может, и не сорвался бы.

И если бы не кошелек, который у него украли не здесь, но примерно с той же беспощадной мерзкой наглостью. Если бы не шепот и взгляды, что преследовали его на каждом шагу в этом проклятом городишке. А самое главное, если бы не Айлин, что ждала его возвращения в темной лесной сторожке, и не мечущийся в бреду итлие. Им не на кого рассчитывать, кроме Аластора! А этот... этот...

Слова куда-то подевались, и Аластор понял, что тихо рычит, как дикий зверь перед прыжком. А его рапира упирается в горло мучнисто побледневшего менялы, непонятно когда покинув ножны. С грохотом вылетела дверь, ворвался детина, что стоял внизу, за ним еще один, такой же здоровенный и даже не очень неуклюжий. Для простолюдина. Но не для человека, прошедшего школу месьора д'Альбрэ.

Носком сапога Аластор подцепил так удачно подвернувшуюся скамеечку за перекладину и швырнул вверх и вперед. Прямо в первого охранника. Такого удара тот не ждал, даже руки вскинуть не успел, и тяжелая деревяшка врезалась ему в лицо. Что-то хрустнуло, и охранник, обливаясь кровью, отшатнулся назад, нелепо взмахнув руками. Наткнулся на второго, осел ему под ноги, и второй споткнулся об него, влетев в комнату. Пока падал, Аластор тоже ногой добавил ему по челюсти, и все это – не отрывая кончика рапиры от горла смертельно бледного менялы.

И вот тут ему полегчало настолько, что слова вернулись.

– Не уб-бивайте... милорд... – просипел меняла, глядя на него с ужасом.

– О, наконец вы запомнили правильное обращение, – усмехнулся Аластор сведенными от злости губами. – Деньги на стол.

– Да-да, конечно, – пролепетал тот. – Возьмите... Все возьмите, только не убивайте...

Он торопливо принялся открывать ящики и сыпать на стол золото, серебро и медь вперемешку, бормоча:

– Все, все берите... Только не убивайте... Я не знал...

– Десять золотых флоринов, – напомнил ему Аластор. – Серебром и медью. Извольте отсчитать.

Меняла поднял на него искаженное страхом и удивлением лицо. Попытался подвинуть всю кучу монет, но Аластор все так же спокойно напомнил:

– Десять. Флоринов. Серебром и медью. Считать разучились? И дайте бумагу с карандашом.

Пока меняла трясущимися руками отсчитывал деньги, Аластор вложил шпагу в ножны, наклонился над свободным краем стола и быстро написал на чистом листке бумаги:

«Дорогой батюшка, выдайте подателю сего десять флоринов золотом и проценты по своему усмотрению за перстень, который я вынужден был заложить. У меня и известной вам особы все хорошо. Поклон матушке. Остаюсь вашим преданным сыном, Аластор Вальдерон-младший».

Охранники, тихо постанывая, шевелились на полу. Аластор сгреб монеты, ссыпал в карман, твердо решив, что кошелек купит, однако часть денег всегда будет держать в каком-то другом месте. Сложил письмо и подал его меняле вместе с перстнем. Велел, испытывая смесь усталости, брезгливости и отвращения:

– Отправьте в Дорвенну. Улица Фиалок, особняк Вальдеронов. И вам вернут деньги.

– Д-да, милорд. Простите, милорд.

Меняла попытался поклониться, но сделать это, не выбираясь из-за стола, не смог, так что просто уткнулся в бумаги и рассыпанные монеты, боясь взглянуть на Аластора.

- А я ведь просто хотел взять в долг, - уронил Аластор, не надеясь, что этот мерзавец поймет. Но, может быть, в следующий раз побоится обманывать беззащитных чужаков. - И кстати, сударь, я сейчас уйду, но звать стражу не советую. Может быть, меня и поймают. Но вашей городской страже очень быстро придется передать меня людям канцлера. Есть на это основания... А там уж я и про ваши забавы молчать не буду. Вам все ясно?

- Так точно, милорд! - истово выдохнул меняла. - Как можно, милорд? Прошу прощения, милорд...

Слушать его дальше Аластор не стал. Прошел мимо охранников, сбежал по лестнице и с облегчением увидел, что Искра на месте, драгоценные секиры и сумки - тоже, а Пушок смотрит укоризненно. Мол, тебе было весело, а мне досталась скучная работа!

- Извини, мой хороший, - потрепал его Аластор по ушам. - Ничего веселого, такая гадость.

И подумал, что предупреждение предупреждением, но на город уже спускаются сумерки, ночевать он здесь точно не станет, значит, нужно стрелой лететь на рынок, скупать все, что можно, и возвращаться в сторожку. А Шермез они потом объедут стороной. Отвратительный городишко!

Глава 20. Долги старые и новые

Метель, так бушевавшая с утра, наконец улеглась, в мутное окно сторожки заглянуло солнце, но мучительная тревога, изводившая Айлин с самого отъезда Аластора, не только не отступила, но и словно бы стала вдвое сильнее. Втрое! Что, если Ала схватили люди канцлера? Правда, с ним Пушок... Но ведь Пушок – всего лишь собака, хоть и самая лучшая на свете, что он может против стражников? Он ведь никогда в жизни не нападал на людей! Нужно было ехать с ними!

«Чушь! – сердито возразила Айлин самой себе. – Аластор прекрасно о себе позаботится! А Пушок позаботится о нем. Лучано же оставлять совсем одного никак нельзя. Так что изволь прекратить думать глупости! Или, если никак не можешь перестать беспокоиться, займись... хоть чем-нибудь!»

Она осмотрелась, пытаясь понять, чем же можно заняться, и почти сразу вспомнила, как Фарелли беспокоился о своей лютне. Выругав себя, что не проверила драгоценный инструмент раньше, Айлин метнулась к футляру, оставленному Аластором у стены, откинула крышку и замерла от удивления – лютня была совершенно сухой, словно на нее не попало даже самой крохотной капли воды. Да и сам футляр будто и не падал в ледяной ручей... как это возможно? Впрочем... Айлин прикрыла глаза, пробежала кончиками пальцев по крышке и тихо, изумленно вздохнула. Артефактный футляр! Непромокаемый... Так вот что сберегло лютню! Дон Разн и правда сделал Лучано драгоценный подарок, да благословит его Странник.

Но чем же ей заняться, в таком случае? Ох, да о чем тут думать? Рубашка и... прочее белье... которое Аластор надел на Лучано перед самым отъездом – последние, оставшиеся сухими и чистыми. Вот и прекрасно, стирка – лучший способ отогнать любые мысли! Лучше – только чистка котлов, это она еще по Академии может подтвердить. Так, сначала надо набрать и натопить снега!

Следующие часа два-три ей не то что думать о пустяках, вздохнуть было некогда! Хотя одежды у них троих оказалось не так уж много – три смены белья у итлийца, одна – у Аластора и две у нее самой – но Айлин впервые оценила труд прачек. Ей пришлось раз за разом набивать снегом небольшую деревянную кадушку и топить его магией. Воды почему-то получалось до обидного мало, гораздо меньше, чем было снега, а заканчивалась она мгновенно! Айлин старательно терла тонкое полотно куском душистого мыла, взятым в дорогу для личных нужд, полоскала его, потом вычерпывала грязную воду, выливала во двор и заменяла ее свежей...

Закончив стирать, Айлин представила, что профанки всю жизнь стирают вообще без магии и ужаснулась. Как у них это получается?!

А потом еще пришлось думать, как развесить постиранное белье над крохотной печью! Не иначе, как по очереди! И никакой магии для сушки, потому что остаться посреди леса с беззащитным больным на руках и потраченным на стирку резервом – полная глупость.

От влажной ткани, стоило разместить ее на предусмотрительно натянутой веревке, повалил пар, совсем как в купальне. Айлин истово понадеялась, что Лучано не станет хуже от такого влажного жара. И тут же насторожилась: во дворе оглушительно громко закрипел снег, потом заржала лошадь... Приехал кто-то чужой или вернулся Ал?

Прошло несколько томительно долгих минут, прежде чем закрипело уже крыльцо, открылась дверь, и Айлин с облегчением развеяла заготовленный на всякий случай щит. Первым в дверь проскользнул Пушок, отряхнулся и кинулся к ней. Уткнулся холодным носом в ладонь, завертел хвостом, выплясывая задними лапами приветственный танец. Айлин тихонько счастливо вздохнула – наконец-то они вернулись! – и почесала Пушка за ухом.

Следом, задержавшись на крыльце, вошел Аластор, взъерошенный, заснеженный и отчего-то жутко

недовольный. Бросив на нее взгляд, он все же неуловимо посветлел лицом и тяжело опустил на пол большой сверток, туго увязанный то ли в шерстяной плащ, то ли в одеяло.

Отстранив Пушка, Айлин поспешно подошла к Аластору и помогла снять плащ, расправив его и повесив на колышек сохнуть. Ал, поблагодарив ее улыбкой, подошел к печке, стянул влажные перчатки для верховой езды, вытянул ладони к огню и тихонько зашипел. Пушок насторожил уши.

– Как ты съездил? – осторожно спросила Айлин, глядя на Ала, лицо которого медленно меняло выражение от боли до тихого блаженства, когда руки перестали болеть и принялись отогреваться.

Аластор снова нахмурился, тут же посмотрел виновато и пожал плечами.

– Я тебе потом расскажу, ладно? Там вот теплая одежда, кое-какая еда, еще посуды немного... Фарелли так и не очнулся?

– Нет, – вздохнула Айлин, и Ал, слегка помрачнев, кивнул.

– Холодно, – вздохнул он, помолчав. – Даже у огня холодно.

И, прежде чем Айлин успела испугаться, что и он тоже заболит – и что тогда делать?! – тоскливо добавил:

– Сейчас бы вина согреть. Только вина я не купил. Не успел...

– Есть карвейн, – поспешно напомнила Айлин, радуясь, что дело только в этом. – Помнишь, ты растирал синьора Фарелли? Там еще осталась половина фляжки. Я ее обратно к нему в сумку положила. Не думаю, что он рассердится, если ты отопьешь немного.

– Терпеть эту дрянь не могу! – с искренним отвращением выдохнул Аластор, но кивнул и направился в дальний угол у самой лавки, куда они поставили сумки.

Айлин тем временем развернула сверток, оказавшийся, как она и думала, одеялом, и принялась осматривать покупки. Так, еще две кружки, пара деревянных мисок, толстый теплый плащ, вязанные чулки... Еду она отложила в сторону, решив разобрать ее в последнюю очередь. А вот эти шерстяные рубашки очень пригодятся именно сейчас! Нужно сказать Аластору, чтобы немедленно переоделся в сухое и теплое!

Из угла донесся тихий звяк упавшей фляжки, потом шуршание, какой-то шелест, а потом Ал тихо и очень зло выдохнул, и Айлин поспешно обернулась.

– Что такое? – спросила она обеспокоенно.

– Нет... ничего, – отозвался Аластор, поспешно убирая флягу и тлийца на место. – Знаешь, я уже согрелся. И карвейна не хочется... Поеду-ка я... прогуляться! Да, точно, прогуляюсь немного, тут заячьи следы были неподалеку!

Айлин с сомнением покосилась в окно. Это какого же размера должен быть заяц, чтобы его следы не замело недавней вьюгой? С медведя? Или он там бегал совсем недавно? Ладно, Ал – опытный охотник, ему виднее. Но какая необходимость ехать сейчас?! Ведь уже давно стемнело, еды у них достаточно, а на улице холодно, и Аластор еще совсем не отогрелся.

– Ты уверен? – осторожно спросила она. – Может, лучше отдохнешь, а на охоту съездишь с утра?

Аластор упрямо мотнул головой, и Айлин поняла, что если будет настаивать, получится только хуже. Это как с Саймоном и остальными Воронами! Да что там, из всех ее знакомых юношей доводами разума и осторожности можно убедить только Дарру, которого и не убеждать не надо – он сам первый эти доводы и высказывает. А всех остальных, если что-то вбили себе в голову, не переубедить.

– Ладно, езжай, – сказала она, глядя, как Аластор надевает еще не высохший плащ и идет к двери, а лицо у него при этом такое, что Айлин от души пожалела зайца, если тому не хватило ума убратся подальше. – Там, правда, холодно. Ну, ничего, не догонишь, так согреешься.

Аластор споткнулся на пороге, ругнулся и, обернувшись, воззрился на нее с непонятным выражением лица. А потом фыркнул и все-таки выскочил за дверь. Странно, что она такого сказала?!

– Пушок, а ты пойдешь на охоту? – поинтересовалась она у пса, развалившегося возле печки.

Пушок посмотрел на нее с неподдельным удивлением, очень выразительно покосился на окно, повернул к себе переднюю лапу и принялся выкусывать снег, намерзший между пальцев.

– Вот и я говорю, что там делать? – вздохнула Айлин.

Она бросила взгляд на итлийца – в себя тот не пришел, но жар явно начал спадать – сменила влажную тряпицу на его лбу и тоже посмотрела в окно. В мутной пленке ничего не было видно, и Айлин, поколебавшись, подошла к двери и выглянула наружу.

Между деревьев, таких нарядных сейчас, усыпанных снежным серебром, жутко и чуждо маячила фигура мастера Крема. Близко к сторожке он, к счастью, не подходил, но и не уходил далеко. Наверное, выжидал, когда она заснет или просто утратит бдительность... Ну уж нет, не дождется!

Айлин передернуло, стоило только вспомнить, как алчно мастер разглядывал Лучано, беспомощно обвисшего на руках Аластора, и как словно бы невзначай оказался совсем рядом, когда уже в этой сторожке Ал бережно устраивал итлийца на лавке. Как он потянулся рукой почти тем же жестом, что и мэтр Бреннан, проверяющий, нет ли жара у пациента, только полным такого затаенного нетерпения, что чутье Айлин просто взвыло! Заклятие сорвалось едва ли не само и такое сильное, что мастера Крема не просто отбросило в сторону, а вышвырнуло прочь из сторожки, в снег и ветер. И пускать его обратно Айлин не собиралась...

Конечно, неизвестно, собирался ли мастер Крема захватить беспомощное, горящее в лихорадке тело, а если и да, кто знает, удалось бы ему вытеснить настоящего хозяина? Он ведь профан, а в гримуаре мэтра Кирана говорилось, что полный захват тела – это высшая некромантия. Такому даже в Академии не учат! С другой стороны, кто знает, на что способен мстительный призрак?

Айлин невольно вспомнила памятный урок с лордом Бастельеро и поежилась. Тогда она ненавидела наставника, но потом, разбирая записи самого Кирана, с изумлением поняла, что в этом оба ее учителя сходились. И мэтр Лоу, и мэтр Бастельеро считали призраков очень опасными. Только Лоу звал их не тварями, а существами и призывал не безоговорочно уничтожать, а относиться с осторожностью.

– Простите, мастер Алессандро Крема, – проговорила Айлин вслух. – Но лучше уж вам держаться подальше. Так мне гораздо спокойнее!

– Мастер... – раздался шепот совсем рядом и так неожиданно, что она невольно вздрогнула и на мгновение обрадовалась, что Лучано очнулся...

Радость оказалась преждевременной. Итлиец не очнулся, а напротив, словно бы провалился в кошмар еще глубже. Дыхание Фарелли стало надрывным и хриплым, руки беспокойно заматались под одеялом, на лбу выступили крупные капли пота, и Айлин, торопливо их смахнув, с ужасом поняла, что пот этот совершенно ледяной!

– Ма-а-а-астер! – срываясь почти на фальцет, простонал Лучано. – Не надо, мастер! Пожалуйста, пожалуйста, пожа... а-а-а...

Стон оборвался всхлипом, а потом Фарелли вдруг тихо и тонко заскулил, совсем как побитый щенок, вздрагивая всем телом и пытаясь вжаться как можно глубже в лавку.

– Лучано... – растерянно пробормотала Айлин, мучительно пытаясь понять, какой именно мастер является ему в бреду жутким чудовищем, тот ли, что сейчас кружит у сторожки, как кладбищенский падающий, или какой-то другой? Ведь наверняка в этой их гильдии были и другие мастера!..

Она снова провела по лбу Фарелли, стараясь, чтобы прикосновение было осторожным и ласковым, но итлиец заматался, пытаясь уйти от касаний, захлебнулся протяжным воплем, и Айлин торопливо убрала руку. Нет-нет, лучше не трогать, так он сам себе навредит без всякого призрака!

«И что за глупые вопросы? – сердито подумала она. – Конечно же, его пугает именно этот мастер! Ведь бредить Лучано начал после того, как я назвала имя Алессандро вслух! Значит, милейшего мастера Крема убили потому, что боялись, боялись настолько, что этот страх не удалось изжить, только спрятать в самый темный угол, запереть и забыть, но болезнь сбрасывает оковы...»

Айлин вскочила, метнулась к двери, чувствуя, как злое бессилие перед болезнью, крепко замешанное на страхе, что заботливо растил в ее душе мастер Алессандро, вскипает в жилах и разливается по телу клокочущей лавой ярости. Хватит! Она больше не намерена терпеть недомолвки призрака!

Только у самой двери Айлин спохватилась, что нельзя распахивать ее настежь, не хватало выморозить сторожку и простудить Лучано еще больше! Осторожно приоткрыв дверь, она поспешно выскользнула на улицу, тут же плотно прикрыла ее за собой и невольно удивилась, что почти не зябнет, хотя изо рта вырываются облачка пара. Впрочем, это и к лучшему! Некроманту не подобает ежиться и приплясывать от холода, особенно перед призраками!

– Мастер Крема? – негромко позвала она вслух.

Конечно, тот услышал бы и мысленно, однако звук собственного голоса успокаивал и придавал уверенности.

– К вашим услугам, прекрасная синьорина! – откликнулся призрак столь искренне обиженным тоном, что Айлин непременно стало бы стыдно, если бы этот же самый тон не получался namного естественнее у Саймона и у нее самой!

Обычно это случалось, когда их троих ловили прямо во время очередного эксперимента, который милорды мэтры почему-то считали безобразием. Дарра, само собой, оправдываться считал унизительным и бессмысленным занятием, хотя иногда снисходил до объяснений, почему это не безобразия, а именно эксперименты. Ох, нет, не думать сейчас о друзьях, не поддаваться слабости!

– Что вы делали с мальчиком, мастер? – тихо спросила она, глядя прямо в серебряные глаза Алессандро.

– Прекрасная синьорина, право, я не понимаю... – с изумлением протянул итлиеc, но Айлин увидела, как в глубине его зрачков, прямо в их изысканном прозрачном серебре, скользко блеснул страх.

– Что вы делали с Лучано Фарелли в тот момент, когда он вас убил?

Вот так. Прямой вопрос, до которого она так долго не могла додуматься, но на который призрак просто не мог дать лживого ответа. Некоторые законы не обойти никакими уловками!

Взгляд итлийца вильнул, он открыл было рот, шевельнул губами, но не смог выдать ни звука. Страх сменился злостью, красивое лицо исказилось, и Айлин вдруг поняла, что услышит, на несколько мгновений раньше, чем Крема заговорил.

Он шептал, не сводя с Айлин взгляда, и омерзение заполнило все ее существо, становясь все сильнее с каждым словом, слетавшим с губ Алессандро. Она словно воочию увидела и маленького мальчика, умоляющего о милосердии, и отвратительно-счастливую усмешку мерзавца, наслаждающегося своей властью и страданиями жертвы...

«Все-таки я была права, – мелькнула почти бессвязная мысль. – Наставников не убивают просто так». В груди стало нестерпимо жарко, глаза заволокло алой пеленой, кровь застучала в висках, как крошечные Молоты Пресветлого, требуя уничтожить тварь, издевавшуюся над ребенком, а лучше хоть ненадолго дать попробовать, что чувствовал Лучано!

Тренированная память старательной ученицы нарисовала нужное заклятие быстро и с безупречной точностью, хотя Айлин видела его всего однажды. Да она и запомнить его тогда не старалась, совсем наоборот! Но сейчас аркан словно сам вспыхнул перед ее внутренним взором.

«Это будет только справедливо», – подумала Айлин, скрещая пальцы для формулы Теодорика, и на долю мгновения позволила себе представить, как фигуру Алессандро охватывает фиолетовое пламя, как негодяй корчится от непереносимой муки, как... как мэтр Киран пять лет назад!

В горле, мешая дышать, встал тяжелый плотный ком, и Айлин уронила руку, ненавидя себя за слабость, но понимая, что не сможет ударить того, кто не способен причинить ей никакого вреда. Ах, если бы синьор Крема прямо сейчас попытался пройти мимо нее к избушке, где метался в бреду Лучано! Тогда она не колебалась бы ни мгновения! Но он стоял неподвижно, и только по лицу его все шире расплывалась гадкая глумливая улыбка.

«Ну и пусть, – подумала Айлин отчаянно. – Пусть я не могу отомстить... В конце концов, я же не этот... мастер, чтобы издеваться над теми, кто слабее! Но защитить Лучано я могу и даже должна!»

Она опустила взгляд на перстень, прямо на огонек, заполошно мечущийся в фиолетовой части камня, и заговорила с той распевностью и мягкостью, которой от нее так и не удалось добиться мэтру Денверу ни на одном уроке изгнания:

– Силой, данной мне Госпожой моей и матушкой, отпускаю тебя, Алессандро Крема...

Призрак взвыл, попытался метнуться в сторону, но только бестолково дернулся туда-сюда, а Айлин всей кожей почувствовала нарастающее магическое напряжение, в точности такое, как будто совсем рядом работал портал.

– Да будет путь твой коротким и прямым, а место в Садах – по справедливости Госпожи нашей...

«Самое темное и холодное!»

– О, не сомневайтесь, юная леди! – услышала Айлин незнакомый голос совсем рядом, вскинула голову и замерла, не в силах поверить своим глазам.

Воздух в шаге от синьора Крема, бьющегося, словно в капкане, радужно мерцал, и из этого мерцания выходили Провожатые. Целых пятеро! И все они были разными! Первый – невысокий и полноватый, одетый как процветающий торговец, второй – высокий дворянин в старомодном камзоле, двое военных в мундирах неизвестной Айлин армии, еще один – в мантии... Рассмотреть их лица никак не удавалось, но Айлин хватило бы и голоса! Общеизвестно, что некоторым магам дано видеть Провожатых, но никто и никогда не слышал их! И почему Провожатых целых пятеро?..

– Примите нашу благодарность, миледи, – продолжил дворянин, сопроводив свои слова изысканнейшим большим поклоном, который учебник этикета предписывал для приветствия особы, значительно превосходящей по рангу. – Этот поганец скрывался от нас больше шестнадцати лет! Если бы вы его не упокоили...

– У нас снова не сошелся бы баланс, – скрипуче вздохнул Провожатый, похожий на торговца, и махнул рукой военным. – Берите его наконец и пойдете!

– Подождите! – крикнула Айлин, чувствуя, что если сейчас не узнает ответ на свой вопрос, эта загадка не перестанет ее мучить. – Пожалуйста!

Провожатые замерли. Просто разом застыли, и эта пугающая мгновенная неподвижность никак не могла принадлежать живым людям. По спине Айлин пробежал мороз, когда пять призрачных взглядов скрестились на ней. Однако угрозы она не чувствовала, напротив, Провожатые смотрели благосклонно.

– Почему он смог остаться в нашем мире? – спросила она, кивнув на корчившегося в безмолвной муке Алессандро. – Почему такая дрянь... такая мерзость... Неужели у него тоже незаконченное дело? Разве это справедливо?

– Смотри кого спросить, – улыбнулся бесцветными тонкими губами один из призраков в мундире. – Незаконченные дела бывают разными, юная леди, вы и сами это знаете. Кто-то остается, чтобы беречь своего ребенка или возлюбленного, кому-то не дает покоя спрятанный клад или измена супруги. Алессандро Крема ненавидел своего убийцу, но еще сильнее он считал собственную смерть несправедливой. Он ведь был красив, молод, на пути к вершинам карьеры... И все это оборвал нож в руке мальчишки! Единственным, что хотел Алессандро, был этот мальчик. Точнее, тело, которое Алессандро мечтал у него забрать и прожить его жизнь. Но вы ведь это поняли, да? Годы шли, удобный случай никак не подворачивался. Мальчишка не напивался допьяна, не употреблял дурман, не оказывался на краю смерти, потеряв сознание. И Алессандро мог только ждать, ненавидеть и питаться этой ненавистью. А вы, миледи, лишили его и последнего шанса, за что мы вам крайне обязаны!

– Не стоит благодарности, – пролепетала Айлин, ошеломленно глядя, как Провожатые снова низко кланяются, подхватывают мастера Алессандро под руки и шагают в радужное сияние.

– Какая же... какая мерзость, – прошептала она им вслед. – Вот кому самое место у Баргота! Бедный Лучано!

Ей все еще было нестерпимо стыдно и гадко вспоминать то, что успел рассказать Алессандро. Как земля носит подобных тварей?! Они хуже упырей! Те хоть не осознают, что делают, у них рассудка толком нет, а такие мерзавцы все знают, понимают и еще наслаждаются. Отвратительно!

Ох, но она же совсем забыла про больного! Как он там?

Оставляя следы на пушистом искрящемся снегу, Айлин кинулась к домику, с облегчением почувствовав, насколько тяжелый груз упал у нее с души. И даже дышать стало легче, когда Крема исчез! Будто пропал постоянный источник тяжелого омерзительного запаха... Да, то, что Алессандро рассказал про Фарелли и его миссию, требует... осмотрительности. Но уж лучше Фарелли, чем этот... упырь!

* * *

Лучано плавал в темном забытье, прохладном, как ночная река, и таком же приятном. Впервые за долгое время ему не было больно, стыдно и страшно, и потому выныривать он не торопился. А еще здесь были голоса. Они плавали где-то рядом, но не касались Лучано, и потому он их не боялся. Но слушал внимательно, как делал это всегда, и в приюте, и в казармах Шипов. Если хочешь выжить, ни одна крупинка знаний не бывает лишней.

Именно так в приюте он давным – давно подслушал, почему его и еще нескольких ребят забрали из общей комнаты и отселили в другую, посуше и потеплее. Почему им дают молоко и даже мясо, а не как другим одну только кашу на рыбном бульоне да полугнилые овощи, бесплатно принесенные сиротам рыночными торговцами. Почему их чаще моют, причем хорошим мылом, а не щелочной водой, и не дают остальным подкидышам, что люто завидуют счастливым, их бить. И даже почему любого ребенка в приюте кое-кто из наставников может на ночь забрать к себе в комнату, но не их, чистеньких, сытых и почти не запуганных. Дорогой товар – что же тут непонятного?

Время от времени кто-то из счастливых навсегда пропадал, и, когда Лучано исполнилось десять, из их компании остались только он да еще две девочки, настоящие красотки. За них ждали достойную цену. А дождался мастера Алессандро, который по девочкам скользнул равнодушным взглядом, за Лучано же заплатил самыми настоящими золотыми монетами! Синьора попечительница поджала губы, словно увидела вместо золота жалкие медяки, но покупатель словно невзначай положил на стол красивую холеную руку, попечительница бросила быстрый взгляд на железное кольцо с бутоном розы и велела Лучано идти с почтенным синьором, который о нем позаботится.

– Мерзость какая, – с отвращением сказал сухой и жесткий, словно выгоревшая на солнце трава, голос. – Алессандро совсем ум потерял? Ему что, на бордель не хватало? Ловил бы тогда по улицам оборвышей, наших-то зачем трогать?

– Красивый мальчик, – равнодушно заметил другой голос, холодный и скользкий. – Дворянский бастард, наверное, породу видно. В борделе за такого дорого попросят, особенно за жесткие забавы. А уличными он брезговал. Тот еще был чистюля... Между прочим, я говорил, что рано поднимать Алессандро по рангу. Тем более доверять ему такое важное дело. Младший мастер, которого убил десятилетка, пф!

Он презрительно фыркнул. Лучано попытался испытать хоть какое-то подобие чувств, слушая, как о нем говорят и намеренно решают его судьбу. Но внутри все застыло, причем не сейчас, а гораздо раньше. Ровно в тот день, когда мастер Алессандро, подождав пару недель, забрал его из казармы после ужина и отвел к себе в комнату. Лучано тогда честно пытался терпеть. Он все-таки вырос в приюте и отлично знал, что всего один человек, какой бы сволочью он ни был, гораздо лучше, чем бордельные клиенты изо дня в день. Старшие ребята много рассказывали...

Но после второго раза понял, что терпеть не получится. И даже очень хорошо все продумал! И как спрячет нож, и куда воткнет, а главное – как потом этим же ножом чиркнет себе по горлу, чтобы быстренько сбежать в Претемные Сады к доброй Госпоже – подальше от мастеров и их наказания. Не повезло. Умирая, Алессандро всего раз успел его ударить, но хорошо знал, куда бить. Лучано отлетел, потеряв сознание, и его успели найти.

– Сдох – туда ему и дорога, – заключил сухой голос. – Что будем делать с мальчишкой? Лично я бы сказал ему спасибо за услугу гильдии. – Послышался такой же бесцветный сухой смешок, а потом голос закончил: – Но порядок есть порядок. Нападение на мастера – смертный приговор. Учитывая

обстоятельства, предлагаю просто не будить. Уж легкую смерть он заслужил.

– Согласен, – отозвался скользкий голос издалека. – Тело потом выставим в казармах – уроком, что бывает за нападение на мастера. Только нужно хорошенько изуродовать. Иначе сосунки решат, что можно легко отделаться, всего лишь умерев. А вторым уроком станет Алессандро. Наставникам тоже полезно задуматься, что ученики – ценное имущество. В борделях нужно развлекаться, а не будущее гильдии портить. Жалко, что Алессандро сдох, из живого учебный материал получился бы гораздо убедительнее. Кстати, Лоренцо, мальчик просыпается. Добей его, что ли, тебе там ближе.

– Ларци, а ты что скажешь? – спросил сухой голос совсем рядом.

Лучано просто по привычке запомнил и сам голос, и то, что его обладателя зовут Лоренцо, хотя уже понимал, что ему это никогда не пригодится. Если бы он мог что-то чувствовать, то порадовался бы, что убить его решили быстро и безболезненно. Иные ученики, тоже ставшие «уроком» для остальных, умирали неделями... И тут послышался третий голос, мягкий и спокойный, но с изрядной долей иронии:

– Как мило, что вы решили все-таки поинтересоваться и моим мнением тоже. Поверьте, друзья мои, я глубоко это ценю.

– Ларци... – отозвался скользкий голос, и Лучано показалось, что человек поморщился. – Ну что за обиды? Если уж на то пошло, первым спрашивать надо было Джакомо, эта гнилая крыса Алессандро – его ученик и ставленник.

– Отличная мысль, Тино, – согласился третий. – Джакомо, когда он вернется в город, непременно следует спросить, как он собирается возмещать гильдии вред, причиненный его учеником.

Послышалось сразу три смешка, и Лучано понял, что благородным синьорам мастерам идея припереть к стенке мастера Джакомо весьма приглянулась. А третий голос продолжил:

– Что касается мальчика, то я решительно не вижу оснований от него избавляться. Алессандро следовало помнить, что мы готовим Шипов, а не бордельные цветочки.

– Ты что, предлагаешь его не убивать? – недоверчиво уточнил Тино. – Может, нам еще и в казармы его вернуть после такого? Чтобы сосунки из него сделали героя и образец для подражания?

– В казармах его на клочки разорвут, – возразил тот, кого называли Ларци. – Или от зависти к его славе, или чтобы выслужиться перед наставниками. А я хочу посмотреть, что из него вырастет. Только полный идиот утопит щенка, который начал скалить зубы раньше остальных.

– Этот щеночек уже порвал кое-кому горло, – заметил сухой голос.

«Лоренцо, – вспомнил Лучано. – Лоренцо, Тино и... Ларци?»

Он точно знал, что должен был смертельно испугаться этих трех имен даже по отдельности, но почему? Где он их слышал? Ах да, в тихих благоговейных рассказах после отбоя...

– А я люблю кусачих, – улыбнулся, судя по голосу, Ларци. – Они самые толковые. Возьму его себе, пожалуй. Стар я уже сам пробирки мыть, да и двор подметать кому-то надо... Мальчишка в услужении мне как раз пригодится. Надеюсь, меня в особых вкусах никто не подозревает?

Он хмыкнул, и Лучано обострившимся слухом уловил всего один ответный сухой смешок. Тино заговорил так же холодно, как раньше, но теперь еще и недовольно:

– Это не по традициям, Ларци. Личный ученик – дело святое, но не в десять лет! Пусть пройдет испытания, освоит все положенное, а потом уже заберешь. Лет в пятнадцать хотя бы!

– Если выживет... – тихо уронил Лоренцо.

– А если и нет! – в голосе Тино нарастало раздражение. – Подумаешь, велика потеря. Лучше сдохнет один сосунок, пусть и способный, чем они все начнут охотиться на наставников. Хочешь личного ученика, кто же тебе слово скажет? Бери хоть пару дюжин, авось, кто-то и окажется тем самым. Но

зачем тебе именно этот щенок?

– Две дюжины даг не всегда заменят один стилет, – мягко уронил Ларци, и Тино разом смолк, зато засопел так, что Лучано это услышал. – Мальчики из казармы в пятнадцать лет уже вылиты по форме, прокованы и закалены. Тонкой гравировкой ничего не исправишь. Для моего дела и в десять-то начинать уже поздно, слишком много надо выучить. Но я попробую. Если парнишка не сломался, из него может выйти толк. И кого именно брать в ученики – это дело мастера. Вы согласны с этим, друзья мои?

Голос у него был такой теплый и спокойный, что никто не усомнился бы: человек и вправду разговаривает с лучшими друзьями. Но Лучано почему-то мороз продрал по спине, и он попытался открыть глаза, чтобы увидеть... Увидеть того, кто забирает его себе. И кого Лучано теперь вспомнил совершенно точно, пусть и по рассказам. Конечно, он никогда не видел легендарного грандмастера Ларци! Что бы тому делать в казармах? Но кто из Шипов не слышал про Ларци Тысяча Ядов, Ларци Смерть-с-улыбкой?

– Ну вот, разбудили мальчика, – вздохнул самый страшный человек гильдии чуть ли не виновато. – Спи, Фортунато, не время еще проспать.

Лучано почувствовал теплую сухую руку у себя на шее, пальцы несильно надавили куда-то, и он окончательно ухнул в глухое забытие.

Сон! Это всего лишь сон!

Он глотнул воздуха, выдираясь из темной холодной пустоты. Не открывая глаз, прислушался и принялся, не понимая, где находится. Память возвращалась медленно, голова казалась пустой, но тяжелой, и Лучано поднял веки, как только вспомнил ледяной ручей, злую и растерянную ругань бастардо и крепкие руки, тянущие его наверх. Он замерз... так замерз! А потом стало тепло, даже жарко. Он плавился и таял в этом жаре, пытаясь объяснить, что хочет немного прохлады, совсем чуть-чуть. Еще смутно помнилось травяное питье, которое кто-то подносил к его рту, и блаженное ощущение, когда его протирали влажной холодной тканью. И голоса... Не те, что много лет возвращались в кошмарах, решая его судьбу, а другие, обеспокоенные, заботливые, ласковые... Ласковые?

Лучано присмотрелся – над ним был бревенчатый потолок и кусок такой же деревянной стены. Он с трудом повернул голову, ужасаясь собственной слабости. Другая стена... Низкая дверь из грубо вытесанных досок. Маленькое окошко, затянутое тусклой пленкой... А рядом с его лежанкой – уложенные прямо на пол попоны, на которых дремлет, подложив под голову плащ, рыжая магесса.

Он попытался что-то сказать, но из горла вылетело только хриплое сипение. Однако этого оказалось достаточно: девчонка подскочила и просияла улыбкой, словно озарившей ее изнутри всю: бледное личико с яркими веснушками и огромные зеленые глаза, под которыми залегли темные тени. «Выглядит синьорина Айлин так себе, – отметил Лучано. – Устало...»

– Ты очнулся! – ахнула она. – Наконец-то! Хочешь пить? Я бульон сварила! Аластор с Пушком добыли зайца и пару куропаток. Но зайчатину тебе нельзя, ты долго не ел, а бульон можно, наверное?

«Лишь бы не с грибами, – очень хотелось съязвить Лучано, однако он промолчал и только со всем старанием принялся к собственной кружке, которую магесса ему торопливо поднесла к губам. – Да нет, вроде бы чистое мясо...»

Бульон был теплым и невероятно, непредставимо вкусным! Лучано жадно проглотил его и, наконец, вспомнил все. Вот же идиот! Так постыдно заболеть! Но... это получается, что они его выхаживали?

– Ты прости, я в твоей сумке покопалась, – виновато сказала девица, напоив его и оставив пустую кружку. – Нашла там какие-то лекарства, но магистр Бреннан всегда говорит, что лучше не лечить ничем, чем не тем или не от того.

Лучано прикинул, что именно эта святая простота могла отыскать в его зельях, и от всей души поблагодарил неведомого магистра. Мало того, что мудрейший человек, так еще и ученикам смог это внушить! Дай ему, Милосердная Сестра, послушных и благодарных пациентов!

– Так что я только травы заварила, – продолжила рыжая. – Те, которые точно знаю. Ты чуть не

сгорел от лихорадки, мы с Аластором так боялись...

Она вдруг всхлипнула и жалко, совсем некрасиво разревелась. Лучано сглотнул горький привкус, появившийся во рту. Вот это притворством точно не было, просто не могло быть. Ни одна девушка не станет напоказ плакать вот так – с мгновенно покрасневшим носом, распухшими губами, вытирая глаза ладонями, словно не плакала очень-очень давно и понятия не имеет, как это получается.

– Не надо... прекрасная синьорина... – выдавил он, и рыжая магесса, глянув на него, последний раз всхлипнула, а потом старательно сморгнула слезы. – Я... не стою ваших... забот.

Он хотел сказать «слез» или «переживаний», что-то вежливое, положенное по этикету, а вырвалась нечаянно правда. Ведь и в самом деле не стоит! Сколько он уже здесь валяется? Желудок, в котором были от голода уличные коты, подсказывал, что давно. Лучано покосился – но рубашка на нем была свежая, не промокшая от пота. Правда, манжеты и ворот не застегнуты...

– Мы с Аластором тебя переодели, – спокойно, как о самом обычном деле, сказала рыжая, вставая и относя кружку на маленький стол у стены. – Ты очень сильно потел. Но это ведь хорошо, да? Я не очень умею ухаживать за больными, нам только основы медицины преподают. Аластор тебя переворачивал и обтирал. – Она чуть порозовела и застенчиво пояснила: – Я бы сама могла, но мне неприлично. Ничего, Ал отлично справился. А я травы вот... и бульон... Хочешь еще? А может, уже мяса поешь? Немножко хотя бы!

Лучано кивнул, и магесса кинулась к столику, принесла оттуда миску с бульоном и разварившимися кусочками мяса. Подождала, пока Лучано с трудом сядет, поставила ему на колени и подала ложку.

– Ты ешь, – сказала все так же просто, словно заботливая сестра или подруга. – Если не можешь, давай я тебя покормлю. А со всем остальным придется Ала подождать. Ну, сам понимаешь...

Она опять смущенно отвела глаза, и Лучано едва не подавился глотком бульона. Еще бы он не понимал! Что, и до этого бастардо помогал ему, больному, справлять нужду?!

– Сколько я... – проговорил он, прожевав кусочек мяса и запив его бульоном.

– Сколько болееешь? – подсказала магесса. – Три дня. Сейчас утро четвертого. Хорошо, что мы нашли эту сторожку. Ал говорит, ее охотники поставили. Здесь дрова были и кое-какие припасы. Но тебе солонину с сухарями точно нельзя! Метель два дня не прекращалась, только вчера перестала. Вот Ал с Пушком и ушли за свежим мясом и дровами. А я кашу сварила, только она сгорела. – Она вздохнула и уныло закончила: – Котелок я почистила, но кашу выкинуть пришлось. Хорошо, что бульон еще был.

Лучано доел все, что было в миске, и почувствовал себя чудовищно, безобразно сытым! Откинулся на стену за спиной, а магесса поправила ему одеяло привычным жестом и забрала пустую миску, пообещав:

– Я сейчас трав заварю. Или ты шамьету хочешь?

– Ничего не надо, благодарю вас, – улыбнулся Лучано.

Девушка подбросила дров в маленькую печку, сложенную в углу избушки, что-то сняла с натянутой над ней веревки, и Лучано увидел одну из своих рубашек.

– О, высохла, – удовлетворенно сказала магесса, складывая ее. – Потом другую постираю. Только нужно снега натопить...

Лучано прикрыл глаза, чтобы не видеть милого личика сердечком, наивных зеленых глаз. Он бы и уши зажал, чтобы не слышать звонкого голоса синьорины Айлин, да сил не было руки поднять. Как она может? Как они оба могут, проклятая магесса и проклятый бастардо?! Почему они такие неправильные?!

Разом вспомнилось все, что случилось за несколько дней их пути перед этим. Как его приняли в отряд вроде бы слугой, но со слугами так не обращаются! Не бывает магов и принцев, которые думают, что едят их слуги, где и как спят, чем болеют! Ну да, раз уж его дотащили до этой сторожки, то понятно, что дали отлежаться. Но так с ним носиться, будто кошка – с котенком? Уйти в лютый холод за свежим мясом, потому что ему, больному, нельзя солонину?! Стирать ему рубашку? Да и все остальное тоже, вон оно висит... Три дня беспамьтства! Его мыли, меняли ему белье, кормили и поили с ложечки... И кто? Эти двое!

В горле стоял ком, в груди теснилось что-то непонятное, чему он не мог подобрать названия. Если

бы Лучано мог, он бы сейчас отдал что угодно, лишь бы вернуться в тот день, когда мастер Ларци взял заказ на Дорвенну. Он бы валялся у мастера в ногах, умоляя не посылать его сюда. Куда угодно, на любое самоубийственное дело – только не сюда! Не за жизнью рыжей зеленоглазой девчонки, которая может выхаживать первого встречного как родного любимого брата! Дура! Невозможная наивная дура! Как она до сих пор не понимает, что с людьми нельзя так?! Что мир полон врагов, которые только и ждут возможности предать или ударить!

– Синьорина Айлин, вы... Скажите, вы всегда так доверчивы? – не выдержал он.

Все, что накопилось в душе, рвалось из Лучано беспомощной иступленной искренностью. Он знал и понимал, что нужно молчать и принимать то, что происходит, как величайшую удачу, но не выходило! Пусть она заподозрит что-нибудь! Пусть поделится подозрениями с бастардо! Пусть они его прогонят! Лучано хотел этого, прекрасно понимая, что заплатит за дурацкий порыв жизнью. Ну и Баргот с ним, с дурнем! Шип называется!

– В каком смысле доверчива? – удивилась девчонка, поворачиваясь к нему.

– Вы ведь ничего обо мне не знаете, – выдавил Лучано. – Только то, что я сказал! И вы так заботливы... Остаетесь наедине со мной, совсем не боитесь... Ладно – сейчас, но ведь и раньше! Магия не всегда спасает, синьорина! А вдруг я не шпион, а убийца? Вдруг мне нужна ваша жизнь?!

– Что значит «вдруг»? – улыбнулась магесса, глядя на него все такими же прекрасными, но вдруг лишившимися наивности глазами. – Конечно, вы убийца, синьор Фарелли. И я отлично знаю, что вам нужна именно моя жизнь.

Она положила рубашку, которую держала, на стол, подошла к краю лежанки и села у ног Лучано, который замер и едва не задохнулся. Не-воз-мож-но! Она не могла! Как она узнала?! Откуда?! И почему... почему тогда... почему?!

Лучано помотал головой, пытаясь прийти в себя и осознать это вот чудовищное и непредставимое.

– Давно? – тихо сказал он, глядя на синьорину Айлин в упор. – Давно вы знаете?

– С первого дня, – преспокойно отозвалась та. – Помните, вы сказали, что у каждого есть свои секреты? Ваш мне выдали... Кое-кто рассказал, кто вы и зачем нас нашли.

Лучано отогнал жгучее желание узнать, кто это такой разговорчивый. И вместо этого спросил то, что мучило его даже сильнее:

– И почему вы попросили синьора Вальдерона взять меня с собой? Если знали? Почему вы...

«Почему вы заботились обо мне, держались так любезно, спасли мне жизнь, не бросив больного, и выхаживаете сейчас?» – хотел спросить он на самом деле, но язык не повернулся.

– Вы мне нужны, синьор Фарелли, – сказала невозможная девица, подтягивая колени к груди и обнимая их. – Это очень удачно, что вы появились. Насколько я поняла, у вас два задания, так? Охранять Аластора и убить меня?

Лучано едва заметно кивнул. Ну откуда она знает все – таки, а?!

– Вот и прекрасно, – улыбнулась магесса. – Вы ведь понимаете, что сейчас меня убивать нельзя, правда? Я должна закрыть разрыв, случившийся в ткани мира. То есть мы вдвоем с Аластором. Потом он вернется в столицу. А я – нет. И оба ваши задания будут выполнены.

Она помолчала, и Лучано едва не прикусил себе язык, так ему хотелось сказать, что неужели его считают дураком? Не вернется в столицу, означает, что она сбежит? Подальше от Беатрис? Но это глупо. Королева рано или поздно узнает обо всем...

Мысли путались и метались, Лучано никак не мог сообразить, что ему кажется таким неправильным и неестественным в ее словах. Может быть, выражение лица? Да что вообще может быть естественного в таком разговоре?! Обсуждение смерти этой безумной девчонки?

– Синьор Фарелли, – так же негромко сказала Айлин, глядя ему в глаза. – Вы ведь понимаете, что если Аластор узнает о вашем задании, он вас просто убьет? Я ему ничего не скажу об этом, а вы – о том, что сейчас узнаете. Договорились? Не знаю, чем клянутся Шипы, но лучше вам не рисковать, обманывая меня.

– Клянусь Претемнейшей, – почему-то с темной пронзительной тоской выдохнул Лучано и увидел

кивок в ответ.

– Разлом нельзя закрыть без человеческой жертвы, – сказала Айлин. – Один из нас двоих должен умереть, чтобы все получилось правильно и надежно. Сами понимаете, это не должен быть Аластор. Вот именно для этого вы мне и нужны. Я очень хорошо все рассчитала, правда! Но если вдруг что-то пойдет не так...

Она на миг отвела взгляд и чуть передернулась, будто вспомнила какую-то неведомую жуть, а потом продолжила:

– Нам с Аластором нужно добраться до портала живыми и невредимыми. Потом я закрою портал, а вы... уведете его оттуда. Ал, он такой, что может кинуться вслед за мной, понимаете?

Лучано про себя согласился, что да, этот может. Раньше он бы не поверил, что найдется принц, способный пойти на смерть ради... да ради кого угодно! А теперь вполне был готов поверить, что в мире нет благородной дурости, на которую не способны эти двое! Рассчитала она! Он вот тоже рассчитал когда-то, что вовремя умрет, но не получилось. В таких делах расчета мало, Претемнейшей виднее, кого и когда забирать.

– Вот вы и проследите, чтобы этого не случилось, – неожиданно властно закончила магесса.

– И вы думаете... – начал Лучано. – То есть вы хотите сказать, что все будет по-прежнему? Как до этого разговора? Мы вместе поедем по дороге в Керуа, а там... у этого вашего разлома... вы...

– А там я сделаю то, что нужно вам и ее величеству Беатрис, – устало подтвердила магесса и посмотрела в окно, за которым мелькнула какая-то тень. – О, а вот и Аластор вернулся.

– Погодите! – спохватился Лучано. – А как вы узнали? Что я...

– Потом расскажу, – скривилась девица и тут же посмотрела на Лучано с выражением, странно напоминающим сочувствие. – Когда Ала рядом не будет.

И тут же встrepенулась навстречу открывшейся двери. Волна холодного воздуха ударила в теплое нутро комнаты, бастардо едва протиснулся в узкую дверь широченными плечами, а следом ввалился Пушок, цокая когтями и стряхивая с себя снег прямо на пол.

– Очнулся? – спросил Вальдерон у магессы, снимая тяжелую от влаги кожаную куртку. – Вот и прекрасно. – А потом повернулся к Лучано и, недобро поблескивая глазами, очень ровным голосом сообщил:

– Чрезвычайно рад, что вам лучше, синьор Фарелли. Или мне следует звать вас лорд Люциан Фарелл?
